
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

ФОНД ИМ. ФРИДРИХА ЭБЕРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
FRIEDRICH EBERT STIFTUNG

**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ВЫЗОВЫ
НАЦИОНАЛЬНОМУ
ГОСУДАРСТВУ**

**CROSS-BORDER
CHALLENGES
TO THE NATION-STATE**

Санкт-Петербург
2015

Рецензенты:

доктор философских наук Э. С. Кульпин-Губайдуллин
доктор политических наук Д. И. Польшанский
доктор исторических наук А. В. Кива

**Т 00 Трансграничные вызовы национальному государству / Автор проекта, науч. и литератур. ред. Сергей Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2015. — 390 с.
ISBN 978-5-94348-075-1**

Сборник статей, максимально приближенный к коллективной монографии, подготовлен в рамках одноименного исследовательского проекта Института востоковедения РАН. В проекте, наряду с сотрудниками ИВ РАН, участвовали российские (из Санкт-Петербурга, Барнаула, Иркутска, Улан-Удэ) и зарубежные (из Украины, Монголии, Ирана, Италии) учёные.

Книга состоит из предисловия и трёх частей. В предисловии обосновывается понимание трансграничности и как следствия процесса или действия, локализуемого за рубежом, и как общего качества или состояния, проявляющегося независимо от границ. Характеризуются некоторые вызовы национальному государству, не ставшие предметом исследования в книге.

Первая часть посвящена семантическому, этимологическому и историографическому анализу понятий «граница», «вызов», «угроза», «национальное государство»; используются материалы русского, английского, итальянского и китайского языков, исследуется богатейший арсенал текстов о нации, национализме и национальном государстве. Авторы второй части анализируют восприятие указанных понятий политическим и обыденным сознанием, фокусируясь при этом на разных уровнях и социальных субъектах такого восприятия. В третьей части собраны исследовательские кейсы вызовов. Одни авторы сосредоточились на вызовах, предполагающих осознанное целеполагание и «акторское» действие — на борьбе вокруг путей транспортировки углеводородов, амбивалентном эффекте деятельности ТНК, исламской альтернативе национальному государству. Другие — на вызовах, либо потенциально содержащихся в трансграничных конфессиональных и этнокультурных ареалах, либо уже проявившихся с распространением новых информационно-коммуникационных технологий. Третьи же рассмотрели неявные, но значимые вызовы со стороны «общего качества»; сделано это на примере кризиса политических партий в Европе и посредством интерпретации принципа национального государства как вызова легитимности этого государства.

Книга адресована всем интересующимся проблемами трансграничности и современного национального государства.

В оформлении обложки использованы находящиеся в открытом доступе на сайте Государственного музея Нидерландов (Амстердам) репродукции картины Герарта Терборха-младшего «Ратификация Мюнстерского договора» и картины Бартоломеуса ван дер Хельста «Празднование Вестфальского мирного договора в штаб-квартире гражданской гвардии св. Георга».

© Институт востоковедения РАН, 2015
© Фонд им. Фридриха Эберта в Российской Федерации, 2015
© Интерсоцис, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Национальное государство перед вызовом трансграничных воздействий: предисловие <i>Сергей Панарин</i>	7
--	---

Часть I

ПОНЯТИЯ: МНОГООБРАЗИЕ СМЫСЛОВ

<i>Граница</i> : от понятия к слову — или наоборот? <i>Марина Ташлыкова</i>	38
<i>Граница</i> в итальянском языке и культуре <i>Уго Перси</i>	57
Китай: Великая стена и другие способы обозначения <i>границы</i> (краткий обзор) <i>Сергей Дмитриев</i>	71
<i>Вызов</i> и угроза: из естественного языка в общественно-политический дискурс — и обратно <i>Марина Ташлыкова</i>	81
Становление и развитие представлений о <i>национальном государстве</i> : очерк историографии понятия <i>Фёдор Попов</i>	102

Часть II

ПОНИМАНИЕ: ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ И СТЕРЕОТИПОВ

Турция: эволюция представлений о национальном государстве (1920-е гг. — начало XXI в.) <i>Евгения Габер</i>	128
Национальное государство и вызовы ему в представлениях российских студентов <i>Ирина Бочкарёва</i>	153
Вызовы нелегальной трудовой миграции: реальность и мифы. На примере концепций национальной безопасности России и Казахстана <i>Игорь Савин</i>	166
Китайские мигранты на Востоке России: фактор и инструмент нациестроительства? <i>Виктор Дятлов</i>	191

Трансграничная миграция китайцев в Монголию в представлениях и оценках монгольской молодежи <i>Нямаа Галиймаа</i>	210
---	-----

Часть III

СИТУАЦИИ: МНОГООБРАЗИЕ ВЫЗОВОВ

Принцип национального государства как угроза существованию национального государства <i>Фёдор Попов</i>	224
Кризис института политических партий как трансграничный феномен <i>Марилиза Лоруссо</i>	244
Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979–2003) <i>Владимир Кириченко</i>	263
Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы — риски и возможности <i>Марина Балдано</i>	282
Транспортировка углеводородных ресурсов Каспийского региона: трансграничные геоэкономические вызовы <i>Юрий Александров</i>	305
Транснациональные корпорации и национальное государство <i>Нина Цветкова</i>	328
Воздействие новых информационных технологий на общественно-политическую жизнь арабских государств <i>Эбрахим Анушех</i>	357
Исламский вызов идее нации? Некоторые соображения на примере Центральной Азии <i>Сергей Абашии</i>	375
Сведения об авторах	388

CONTENTS

Introduction: A nation-state versus cross-border challenges <i>Sergei Panarin</i>	7
--	---

Part One

NOTIONS: THE VARIETY OF MEANINGS

<i>Granitsa</i> : From the concept to the word — or vice versa? <i>Marina Tashlykova</i>	38
<i>Border</i> : The concept in the Italian language and culture <i>Ugo Persi</i>	57
The Great Wall and other ways of <i>bordering</i> in China: A synopsis <i>Sergei Dmitriyev</i>	71
<i>Challenge</i> and threat: from a natural language towards the social-cum-political discourse and backward <i>Marina Tashlykova</i>	81
The formation and evolution of ideas about <i>the nation-state</i> : An essay in the historiography <i>Fyodor Popov</i>	102

Part Two

UNDERSTANDING: THE INTERFERENCE OF CONCEPTS AND STEREOTYPES

Evolution of the nation-state views in Turkey (1920s – the 21 st century) <i>Yevgeniya Gaber</i>	128
The nation-state and challenges to it as imagined by the Russian students <i>Irina Bochkaryova</i>	153
Russia and Kazakhstan: Challenges of an illegal labour migration in the national security concepts <i>Igor Savin</i>	166
Migrants from China in the Orient of Russia: Are they factor of and tool for, nation-building? <i>Viktor Dyatlov</i>	191
Chinese migration into Mongolia: Perceiving and assessment by the Mongolian youth <i>Nyamaa Galiimaa</i>	210

Part Three

CASES: THE VARIETY OF CHALLENGES

How and why the principle of the nation-state come to be a threat for the existence of nation-state <i>Fyodor Popov</i>	224
Crisis of the institution of political parties: A cross-border phenomenon <i>Marilisa Lorusso</i>	244
Cross-border religious community and the nation-state: Shiites and power in Iraq during Saddam's reign (1979–2003) <i>Vladimir Kirichenko</i>	263
Nation-building in contemporary Buryatiya: Cross-border challenges — risks and opportunities <i>Marina Baldano</i>	282
Transportation of the hydrocarbon resources from the Caspian region: The cross-border challenges in geo-economics <i>Yurii Aleksandrov</i>	305
Transnational corporations and the nation-state <i>Nina Tsvetkova</i>	328
Recent social and political developments in the Arab countries: The effects of new communication technologies <i>Ebrahim Anoosheh</i>	357
Challenge from Islam to the idea of nation? The case of Central Asia: Some considerations <i>Sergei Abashin</i>	375
About the authors	388

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ: ПРЕДИСЛОВИЕ

Сергей Панарин

В 1648 г. двумя художниками одной и той же страны были созданы две картины, появление которых было вызвано одним и тем же событием. Первый художник — один из известнейших «малых голландцев» и зачинателей жанровой живописи в искусстве барокко Герард Терборх младший (1617–1681). На его картине, населённой восемьюдесятью строго одетыми неулыбчивыми персонажами, запечатлена ратификация 15 мая 1648 г. в ратуше г. Мюнстера мирного договора между Испанией и Республикой Соединённых провинций Нидерландов. Точнее, торжественный момент произнесения полномочными представителями сторон клятвы в нерушимости этого договора. Второй художник, Бартоломеус ван дер Хельст (1613–1670), был мастером группового портрета. Его картина переносит нас в Амстердам; мы видим на ней довольно скромное по убранству стола, но подлинно радостное застолье двадцати четырёх jovialных бюргеров — офицеров и рядовых гражданской гвардии — застолье, поводом для которого послужил опять Мюнстерский договор.

Две картины, хотя и по-разному, отразили высокую значимость для изображённых на них людей договора, являвшегося составной частью международных соглашений, называемых Вестфальским миром. Ибо этим миром не только была поставлена точка сразу в двух войнах — общеевропейской Тридцатилетней и «частной» Восемидесятилетней войне между Испанией и восставшими против неё Соединёнными провинциями. И не только положено начало формированию так называемого

мой Вестфальской модели абсолютного суверенитета¹. 15 мая 1648 г. на международном уровне было признано право на существование в среде государств, тогда сплошь монархических, двух государственных образований с республиканским устройством — Голландии и Швейцарии. Ещё примечательнее, что два этих «новичка» уже тогда воплотили в себе прообразы будущих национальных государств, притом в двух их вариантах. Один вариант — прообраз национального государства на единой этноязыковой основе — представляли Нидерланды, где подавляющее большинство населения было однородным по религии и культуре и говорило на трёх близкородственных языках, практически слившихся к настоящему времени. Другой вариант — швейцарский. При нём формирование единой гражданской нации происходит на основе общности, изначально полиэтничной и таковой и остающейся, но длительной общей историей настолько сплочённой, что разноразличные культуры образующих её групп «различаются скорее по своей фонетике, нежели по семантике, т. е. используют разные слова для обозначения близких понятий»².

Можно даже утверждать, что тогда началась история государства нового, прежде не существовавшего, типа — национального.

I

Все исторически известные государства разделяются по признаку их протяжённости в пространстве на *локальные* и *территориальные*, а по признаку организации власти — на государства *непрямого* и *прямого управления*³. На мой взгляд, в длительной исторической ретро-

¹ Вестфальская модель — это «устройство политической жизни, базирующееся на двух принципах: территориальности власти и исключения из её структур любых внешних акторов». См.: Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton and Chichester: Princeton Univ. Press, 1999. P. 20.

² Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политологич. исследований, 1995. С. 131.

³ Первый признак отмечался неоднократно. Так, его акцентировал государствовед-евразиец Николай Алексеев в гл. 2 первого отдела его работы «О гарантийном государстве» (Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 408–424). Обоснование второго признака см.: Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States AD 990–1990. Cambridge (Mass.) and Oxford, 1990. URL: <http://m.friendfeedmedia.com/44f2f3fb4cec08882fa157fbfd6dac32494d42ef> (access date: 29.12.2014). Есть русский перевод, к сожалению, не вычитанный:

спективе обозначились пять идеальных типов политики, по-разному сочетающих в себе деление по пространственным и организационным характеристикам. В порядке первого появления исторических образов, на основе которых они выделены, это город-государство, империя¹, вотчина, абсолютистское монархия и национальное государство. Специально следует подчеркнуть: каждое из реально существовавших / существующих государств, тяготея в целом к определённом типу, хотя бы в малой степени нередко оказывается наделено признаками другого типа, не до конца изжитыми в ходе внутренней эволюции либо заимствованными / навязанными извне.

Город-государство — локальное государство прямого управления, занимающее пространство малой протяжённости². Это пространство можно охватить взглядом, вообразить в конкретных чертах, обойти в течение нескольких часов или дней. Складывается оно из ядровой территории собственно города, которую можно обособить физически валами, рвами, стенами, и примыкающей сельской округи. Освоено — проживающим на этом пространстве населением, в основном сложившимся естественным путём, «из рода в род», с исходно общинной организацией. Соответствующие примеры мы находим в номовых государствах Древнего Египта додинастического периода и Двуречья до Саргона Древнего, в полисах античной Греции, в городских коммунах Италии XII–XV вв. и имперских городах Германии примерно того же времени.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Т. Б. Менской. М.: Территория будущего, 2009.

¹ Империи, в свою очередь, могут быть разделены на два вида. Один вид — империи *универсалистские*, претендующие на центровое положение и единое доминирование во всём известном пространстве. Ярчайший пример — Китайская империя до II в. н. э. (см. ссылку 2 в статье Сергея Дмитриева в настоящем сборнике). Второй, более распространённый, вид — *регионалистские* империи; в своей политической практике они могут претендовать на подчинение максимально обширного пространства, однако признают наличие других конкурирующих за первенство держав. Впрочем, для предлагаемой типологии государств различие между этими двумя видами империй не представляется принципиально важным.

² Практически все основные относящиеся к пространству значения латинского *locus* указывают на малую размерность этого пространства, соразмерность его человеку: имение, усадьба, жилище, дом, город (Петрученко О. Латинско-русский словарь. 11-е изд., стер. СПб: Лань, 2003. С. 322–323).

Иной вариант локальной государственности прямого управления представляет совокупность форм, условно объединяемая мною термином *вотчина*. Это находящееся в пожизненном или наследственном владении пространство неразделяемой власти, суда и расправы, с административным центром в виде замка, монастыря, кремля, ханской ставки, дома общинного совета и т. п. По размеру оно может колебаться от рядового епископства в Священной Римской империи, практически сопоставимого по площади с городом-государством, до небольшого княжества-удела, простирающегося на десятки или даже сотню-другую километров — как, например, Серпуховское княжество в Северо-Восточной Руси или Ардебильское шейхство «Сефевие» в Прикаспии.

Империя, абсолютистское и национальное государство сходны в том, что являются государствами территориальными, т. е. занимают обширное пространство, обособляемое государственной границей. Она может быть более или менее обустроенной, открытой или непроницаемой; но для подавляющего большинства людей, ею объединяемых в население данного государства, она существует скорее символически, чем физически — в виде линии на карте. Далее начинаются различия. Население империи и абсолютистского государства собирается в их пределах в большей степени искусственным путём, чем естественным, средствами политики по преимуществу: завоеваниями и династическими браками. Оно распределяется по сословным, этническим и другим иерархиям, а те нормативно различаются составом и объёмом признаваемых / устанавливаемых государством прав и обязанностей его подданных. Хотя абсолютистское государство и стремится в своём развитии к прямому управлению, в этом отношении непосредственно предшествуя государству национальному, в полном объёме такого управления оно не достигает и тогда, когда верховный правитель гордо заявляет: «Государство — это я!». Что касается империй, то их непременный атрибут — полунезависимые от верховной власти сатрапы, наместники, губернаторы, разного уровня туземные князьки, вожди, старейшины.

Для абсолютной монархии характерен генезис из наследственной вотчины типа домена Капетингов; её становление на основе города-государства, как в Италии в XV–XVI вв., — исключение, а не правило¹.

¹ Яркий пример — превращение города-государства Флорентийской республики в крупное по итальянским меркам территориальное государство —

Истоки империй более разнообразны. Империя может вырастать из города-государства, постепенно обретая адекватную её сути политическую форму; ярчайший пример — Древний Рим. Или из небольшого княжества: так из Ардебильского шейхства родилась империя Сефевидов. Либо из конгломерата полунезависимых вотчин, сколоченного покорением одной из них ближайших по региону и культуре соседей (раннединастические государства на Древнем Востоке)¹. Иногда империя — результат трансконтинентальных завоевательных походов, сопровождающихся переселениями части завоевателей на покорённую территорию (империи Александра Македонского и Чингисхана). Она может быть государством континентальным и пространственно неразрывным, консолидированным (Австро-Венгерская и Российская империи) и государством, раскинувшимся по обе стороны океана, пространственно разделённым даже в пределах одного континента (империя Карла V). Может существовать в виде рыхлого царства, пронизанного родовыми структурами (империя Карла Великого), и в виде централизованной деспотии с эффективной бюрократией (Танский Китай).

Наконец, империя может быть колониальной. В этом случае она представляет собой и стадию развития, и своеобразную вторую ипостась государства следующего, пятого, типа, по уровню социальной эмансипации и технологического развития далеко отстоящего от своих протоимперских и имперских предшественников, упомянутых выше. Яркий пример дают опять Нидерланды, теперь уже конца XIX — начала XX в.: небольшое национальное государство-«ветеран» с огромным колониальным «довеском» в виде Голландской Индии.

в абсолютную монархию Великое герцогство Тосканское. См.: *Прокаччи Дж.* История итальянцев. М.: Весь Мир, 2012. С. 94–100, 183–188.

¹ Как отмечал И. М. Дьяконов, водораздел между государствами-конгломератами и империями проходил по системе управления. Первые «не нарушали традиционной структуры управления подчинённых стран... империи, напротив, подразделялись на единообразные административные единицы (области, сатрапии, провинции)» (*Дьяконов И. М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Наука. Восточная лит-ра, 1994. С. 51). Добавлю, что в большинстве империй такая унификация, существуя в теории, редко достигалась на практике, и многие правители областей со временем превращались в полунезависимых царьков. Последний пример — первые секретари республиканских компартий в позднем СССР.

Этот пятый тип и есть собственно *национальное государство* в том его понимании, которое до сих пор с трудом усваивается российским сознанием, упорно смешивающим национальное с этническим¹. Национальное государство существует в пространстве и реальном, и виртуальном, и на Земле, и в воображении. Причём, если первый способ его существования невозможен без второго, то второй может успешно обходиться без первого. Ибо, раз появившись в виде политического проекта, идеальный тип национального государства *в представлениях* постепенно распространяется по всему свету. Так он обретает легитимность, проистекающую не столько из его всеобщей признанности, сколько из известности всем — подобно тому, как аналогичную легитимность обретали повсюду писанные конституции, представительные учреждения, права человека и меньшинств и прочие «придумки» западной философской и политической мысли. И в данном случае неважно, что социальное и политическое *сущее* того или иного государства капитально не совпадает с им же признаваемым *должным*. Несовпадение отнюдь не мешает его властному рупору полагать, что государство, аттестующее себя национальным только потому, что и на бумаге, и в штатном расписании оно наделено общеизвестными атрибутами nation-state, таковым и является. И уверять в этом своих граждан и соседей.

Степень расхождения между идеалом и реалом может сильно различаться. Одни государства настолько близки идеалу, что могут восприниматься как его совершенные земные воплощения. В особенности этому восприятию отвечают государства небольшие и моноэтнические — как те же Нидерланды, Дания, Армения, обе Кореи, Коста-Рика. Другие, как уже упоминавшаяся многоязычная Швейцария или Финляндия с её двумя государственными языками, финским и шведским, выглядят более или менее удачными примерами строительства национального государства на усложнённой этноязыковой основе. Тогда как третьи, в первую очередь многие государства Африки, очень далеки от того писаного образа национального государства, с каким они были приняты в ООН. В любом случае исследование ситуаций вызова, в которые попадают конкретные национальные государства, требует размещения их на некоей шкале соответствия идеальному типу. А до того — определения самого этого типа.

¹ О чём говорят и материалы данного сборника, например, статьи Ирины Бочкарёвой и Игоря Савина.

На мой взгляд, как идеальный тип национальное государство предполагает совпадение пространства суверенитета Вестфальской модели и ареала языка образования, с одной стороны, равенство прав и обязанностей его граждан, с другой. Соответственно, пространство такого государства перестаёт быть уделом, которым владеют по божественному праву, праву завоевания или наследования. Оно становится достоянием нации и, одновременно, «высшим знаком легитимности» самого государства¹. И, в отличие от всех его предшественников, в национальном государстве, независимо от того, унитарное оно или федеративное, элиминируются любые автономные права управления. Кроме тех, доступ к которым законодательно обеспечен выборами и/или административным назначением сверху вниз по властной вертикали. Тем самым в нём окончательно устанавливается принцип прямого управления.

Исторически национальное государство — наследник всех предыдущих модификаций территориального государства. Причём, чем меньше оно в период своего становления обременено достоянием и наследием империи континентальной и пространственно связанной, тем глубже, ярче, показательнее процесс его преобразования в государство-нацию. Классический пример здесь — трансформация Франции от времён Генриха IV, стремившегося объединить под своей властью все земли, где говорят по-французски, до Французской революции, поднявшей на щит идею единой гражданской нации. Впрочем, реальное воплощение в жизнь идея эта получила значительно позднее, в годы существования Третьей республики, благодаря системе всеобщего школьного образования. И её воплощение совершалось на фоне превращения республиканской Франции в колониальную державу — фактически, в империю. Правда, в такую империю, которая, в отличие от вечного соперника за Ла-Маншем, стремилась и в колониях провести принцип прямого управления — вплоть до объявления их заморскими департаментами. Может быть, поэтому освобождение от империи проходило для Франции дольше и мучительнее, чем для Великобритании.

¹ *Андерсен П.* Родословная абсолютистского государства / Пер. с англ. И. Куриллы. М.: Территория будущего. 2010. С. 37.

II

Как с течением времени менялось соотношение трёх типов государств в мировом пространстве, видно при сравнении политических карт мира начала XX и начала XXI вв. На этих картах в качестве полностью независимых обозначены государства, по отношению к которым применимо определение суверенного государства ст. 1 Конвенции Монтевидео¹:

«Государство — субъект международного права, который должен обладать следующими квалифицирующими его характеристиками: постоянным населением, очерченной территорией, правительством и способностью (*capacity*) вступать в отношения с другими государствами».

К 1914 г., году окончания *belle époque* и начала «эпохи катастроф» — мировых войн и революций², — на карте мира насчитывалось всего 55 соответствовавших этому определению государств³. Из них выделим семь государств, применительно к которым использование слова «им-

¹ Wikisource.org. URL: http://en.wikisource.org/wiki/Montevideo_Convention (access date: 02.01.2015).

² Именно так названа первая часть известной книги Эрика Хобсбаума, посвящённая периоду мировой истории от начала Первой до окончания Второй мировой войны. См.: *Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век* (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004. С. 31–241.

³ Подсчитано по: Карта мира накануне мировой империалистической войны // *Всемирная история*. Т. VII. М.: Соцэкгиз, 1960 (вклейка между с. 504 и 505); List of Sovereign states in 1914 // Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_sovereign_states_in_1914#I (access date: 02.01.2015). Во всех случаях несовпадений между этими источниками, кроме одного, я отдавал предпочтение второму источнику, четко следующему ст. 1 Конвенции Монтевидео. В соответствии с ней, Афганистан, чьи внешние сношения в 1914 г. были подконтрольны правительству Британской Индии, не признаётся суверенным государством. А эмират Джабаль Шаммар (Аль-Рашид, Ха'иль), в 1921 г. вошедший в состав Саудовской Аравии, — признаётся (о нём см.: [Protero C. W.]. *Arabia*. London: H. M. Stationary Office, 1920. P. 20–22. URL: <http://www.wdl.org/en/item/11767/view/1/9/> (access date: 02.01.2015)). Исключение — султанат Сулу, причисление которого в 1914 г. к суверенным государствам было бы явным анахронизмом. См. в этой связи: Sultanat of Sulu // Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Sultanate_of_Sulu (access date: 02.01.2015).

перия» как части наименования было либо официальным и обязательным, либо общеупотребительным. Это империи Австро-Венгерская, Британская (с доминионами, колониями и территориями «непрямого управления»), Германская (с колониями), Российская (с автономной Финляндией, протекторатами Хивинским ханством, Бухарским эмиратом и Урянхайским краем), Османская, Персидская, Эфиопская и Японская (с колониями). Колониями обладали и две республики, Франция и США, а также шесть конституционных монархий: Бельгия, Дания, Нидерланды, Испания, Италия, Португалия. Пять европейских мини-государств были государствами локальными: Андорра, Ватикан, Лихтенштейн, Монако и Сан-Марино. Из остальных 35 государств, крайне неравномерно распределявшихся по частям света (ни одного в Океании, одно в Африке, пять — в Азии, девять — в Южной Америке, десять — в Северной и столько же в Европе), 22 государства были республиками (19 в Америках и по одному в Европе, Азии и Африке), а 13 — либо конституционными, либо абсолютными монархиями. Спустя 90 лет, в 2004 г. в мире имелось 191 признанное государство¹, к 2014 г. к ним добавились получившие международное признание республики Восточный Тимор (Тимор-Леште) и Южный Судан. Итого 193 государства² — прирост за столетие почти в четыре раза. При этом среди них не осталось ни одного государства, хотя бы неофициально признающего себя империей. Господствующей стала республиканская форма политического устройства, а среди уцелевших монархий преобладают конституционные. Но, независимо от формы правления, практически все 193 государства в их качестве **субъектов международных отношений и мировой политики** претендуют на то, чтобы считаться государствами национальными. Прав Анатолий Хазанов, когда пишет о том, что помимо «наций без государства» немало есть «государств без наций»; но и он признаёт всеобщность ориентации на идеал nation-state, хотя полагает, что воплотить его в жизнь становится всё труднее и труднее³.

¹ Атлас мира. М.: Ультра Экстент; Арбалет, 2006. С. 9–15.

² С непризнанными государствами, обладавшими реальным контролем над своей территорией (Северный Кипр, Косово, Приднестровская республика, Абхазия, Южная Осетия, Сомалиленд), — 199.

³ Khazanov A. M. A State without a Nation? Russia after Empire // T. V. Paul, G. J. Ikenberry, and J. A. Hall (eds.). *The Nation-State in Question*. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2003. P. 80–81.

Напомню: в своем классическом виде национальное государство складывалось в Европе на протяжении XVII–XIX веков. В конце XX века данный тип государства стал восприниматься как само собой разумеющийся — по крайней мере, в качестве заявленной цели политического конструирования. Казалось, что в мировом доминировании национальной государственности воплотился триумф государства как такового; но тут же зазвучали голоса, притом не каких-нибудь идейных анархистов, а трезвых учёных, поставившие под сомнение торжество национального государства, а с ним и государства вообще¹:

«Государства могут следовать давно утвердившейся практике, согласно которой институт рушится как раз тогда, когда обретает законченный вид».

И хотя далее автор этих слов называет «безоглядным фантазёром» всякого, кто грезит о «мире без государств», вряд ли кто решится утверждать, что процесс эволюции государств в целом, национальной государственности как их доминирующего типа в частности, не подвергается сильному воздействию целого ряда ощутимых и значимых вызовов. И что многие из этих вызовов не являются трансграничными, т. е. поддающимися лишь частично либо вовсе не поддающимися тем способам контроля и регулирования, которыми национальное государство законно располагает — или считает, что располагает, — в силу своей юрисдикции над очерченным его границами пространством.

III

Одни из трансграничных вызовов не представляют угроз для национального государства; более того, могут рассматриваться в качестве положительных факторов эволюции, способствующих, например, возрастанию значимости гражданского общества или изменениям в институтах управления, усиливающим их эффективность. Однако внимание национальных властей, экспертных сообществ и широкой публики в первую очередь привлекают вызовы иного рода, трактуемые как амбивалентные по своим последствиям либо однозначно воспринимаемые как **угрозы безопасности** национальных государств.

Безопасность как ценность и норма исстари присутствовала в культурном багаже человечества, но как предмет специального вни-

¹ Tilly Ch. Op. cit. P. 4.

мания политического сознания понятие «безопасность», безусловно, является западным детищем¹. Опыт «эпохи катастроф» резко повысил её ценность и в глазах людей, искушённых в политике, и в обыденном восприятии. Уже в начале XX в., в 1917 г. в России, далеко не лидировавшей в области политической науки, Сергей Александрович Корф констатировал²:

«Основным, не подлежащим ни малейшему сомнению, политическим началом государственности представляется гарантирование народу, составляющему данное государство, *полной безопасности* (курсив мой. — С. П.) извне и мирного развития внутри».

К концу же века с ускорением в мировом масштабе процесса урбанизации, с приходом новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), всплеском экстремизма и терроризма безопасность становится едва ли не манией. И люди, и институты массово озабочены статусом своей безопасности.

Многократно повысившийся — и, увы, так и остающийся неудовлетворённым — спрос на безопасность создал, если так можно выразиться, питательную среду, взрастившую политику *секьюритизации*. Секьюритизация — это, по сути, не что иное, как восприятие и истолкование любого события, процесса или феномена в категориях **безопасности как выживания**. Если какой-то авторитетный актор, будь то официальное лицо, влиятельный политик или журналист, объявляет внешнюю миграцию или внутреннюю оппозицию феноменом, таящим угрозу самим основам безопасного существования людей в данном обществе, данном государстве, он совершает акт секьюритизации. И совершить его тем легче, чем сильнее в общественном восприятии отождествление безопасности со стабильностью, когда само отсутствие перемен воспринимается как гарантия базовых основ безопасности человека. Ибо при отождествлении безопасности со стабильностью любой вызов, с каким бы знаком, плюсом или минусом, он ни воспринимался, чреват изменением и потому представ-

¹ См.: Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / Отв. ред. Сергей Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2012.

² Корф С. А. Национальности и государство // Российская политическая наука в 5 т. Т. I: XIX — начало XX в. / отв. ред и авт. вступ. ст. Ю. С. Пивоваров. М.: РОССПЭН, 2008. С. 451.

ляет словно бы естественный и необходимый повод для секьюритизации.

Это не означает, что трансграничные вызовы — всего лишь фантомы, навязываемые неискущённому обыденному сознанию разного рода манипуляторами. Трансграничные вызовы действительно могут угрожать не только правящему режиму, но и конституционному строю национального государства, самому его существованию, национальной экономике, этнической и религиозной терпимости, идентичности граждан, состоянию окружающей среды и т. д. Поэтому для национального государства принципиально важно находить своевременные адекватные ответы на трансграничные вызовы. Ответы как *реактивные* а *posteriori*, так и *проактивные* а *priori*, т. е. упреждающие. Но возможна и опасность преувеличения опасности того или иного вызова, его поспешная секьюритизация из-за фальсификации (не обязательно преднамеренной) его содержания и последствий. Поэтому, наряду и одновременно с политикой государства, адресуемой вызовам, необходим их систематический и по возможности беспристрастный мониторинг.

Разумеется, фокус и метод такого мониторинга сильно варьируют в зависимости от того, кто его инициатор и исполнитель, какие цели преследует первый, какими финансовыми и организационными возможностями обладает второй. По-своему информативны и систематические «прошупывания» рождающих опасения вызовов спецслужбами, и широкие опросы населения, и анализ дискурса СМИ. Отнюдь не последнее место в перечне возможных способов занимает и коллективный исследовательский проект, методически сфокусированный на некотором количестве конкретных показательных ситуаций (метод *case studies*). К такого рода проекту и приступил в 2013 г. Центр исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН. Проект осуществлялся в течение двух лет, результатом его и явилась эта книга.

IV

Теперь самое время очертить предмет исследования в книге, сказать — да будет мне позволен оксюморон — о границах трансграничного.

Трансграничный вызов понимается нами двояко в соответствии с двойной казуальной природой данного феномена. Он может означать — и чаще всего так и означается — стихийные процессы, «прите-

кающие» из-за рубежа, либо действие, имеющее в качестве отправной точки целеполагание, осуществляющееся по ту сторону «нашей» границы. При таком восприятии трансграничного вызова мы ищем — можно сказать, инстинктивно — некий процесс или некоего актора, *внешнего* по отношению к тому или иному национальному государству.

Между тем, трансграничный вызов может быть и *внутренним*, при этом вообще не определяемым в категориях субъектности, процессуальности и деятельности. Имеется в виду, что трансграничные вызовы второго вида суть *общее качество* — одно и то же качество или свойство, обнаруживающееся в сущностях и/или формах, разделённых границами и лишь по этому признаку определяемых как сущности и/или формы различные. Что такого рода качества или свойства могут обнаруживаться в разных областях, показано в нашей книге, поэтому здесь я ограничусь одним конкретным примером.

За немногими исключениями, национальные государства объединяет одно общее свойство: фактическая невозможность обеспечить полное тождество двух идентичностей — национальной, локализуемой в официальной границе государства, и этнической, слишком часто своим ареалом с этой границей не совпадающей. Эта невозможность составляет вызов для подавляющего большинства nation-state, поэтому его можно считать всеобщим¹. Вызов, если можно так выразиться, провоцируемый самой его основополагающей претензией на легитимность. В то же время наличие в теле подавляющего большинства современных государств, построенных или строящихся по модели nation-state, вообще любых меньшинств — не только этнических, но субэтнических, конфессиональных, выделяемых по фенотипу и т. п. — наделяет почти всякое национальное государство еще одним трансграничным по своей повторяемости качеством. Это качество компонентности, составности. Образно, говоря, хотя форма едина, влитый в неё расплав, содержит, наряду с основным металлом, добавки, далеко не всегда легирующие.

Представляется, что чаще всего «пробуждение» этих потенциально конфликтных качеств национального государства происходит тогда, когда налицо очевидный трансграничный вызов первого вида. То есть вызов со стороны процесса или действия, трансграничного по направленности и внешнего по его локализации относительно атакуемого им

¹ Всепроницающая сила трансграничных миграций сделает его в XXI в. и абсолютно всеобщим.

государства. Это может быть миграция (процесс), или намеренное провоцирование сепаратистских / ирредентистских настроений и движений из-за рубежа (действие). Все они могут выступать в роли триггера, развязывающего потенциальную опасность для национального государства тех или иных его внутренних качеств. Более того, парадоксальным образом эта роль может принадлежать не какому-то политическому или претендующему стать политическим актору, а универсально распространённому — и потому тоже трансграничному — представлению о том, что оптимальной формой государственности является форма национального государства.

V

Как бы национальные государства ни мимикрировали под некий общепризнанный образец, на деле они сильно отличаются и от него, и друг от друга. Разработанная учёными Копенгагенской школы типология государств ставит во главу угла видение безопасности тем или иным государством и возможности её обеспечения им¹. Соответственно, принципиальное значение получают сила государств, в свою очередь производная от степени внутренней сплочённости общества и институтов управления, и их стадийная квалификация. По критерию сплочённости государства делятся на консолидированные и рыхлые, в качестве субъектов безопасности первые куда эффективнее вторых. В стадийном отношении при формальном единообразии всех государств мира сосуществуют три их разновидности: *современные*, *до-современные* и *постсовременные*. В современных государствах наиболее ярко выражены характеристические черты государства вестфальского типа: озабоченность неприкосновенностью суверенитета, определённая закрытость от внешнего мира, сильный контроль над территорией и обществом либо сильное стремление к таковому и, не менее сильное, — к присвоению государством исключительного права на обеспечение безопасности и на секьюритизацию. При этом современные государства образуют достаточно широкий спектр различий по своей силе — от очень сильных до относительно слабых. Все или почти все эти качества отсутствуют у до-современных государств. Это государства рыхлые, слабые или вовсе не состоявшиеся; они не способны или лишь частично способны

¹ Здесь и далее по: Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. P. 20–26.

к обеспечению безопасности. В государствах же постсовременных такие значимые составляющие вестфальского образца, как тяготение к закрытости или обожествление суверенности, в известной мере преодолены. Что имеет своим следствием, во-первых, разделение права на обеспечение безопасности и секьюритизацию между государством и гражданским обществом, во-вторых, существенную редакцию самой повестки безопасности — выход на первый план её уровней, аспектов или видов, не являвшихся приоритетными для государства современного¹.

Очевидно, что у сильного внутренней сплочённостью современного государства больше оснований называться национальным даже при полиэтничном населении, чем у государства рыхлого и до-современного. Сложнее обстоит дело с государством постсовременным. С одной стороны, оно наиболее эффективно и, как представляется, именно в высокой эффективности обретает дополнительную легитимность в глазах своих граждан в качестве именно национального государства. С другой стороны, сам принцип национально-государственного суверенитета, на котором держится национальное государство, в пост-современном государстве отчасти преодолен.

Как с этими соображениями соотносятся государства, на примере которых в сборнике рассматриваются различные варианты столкновения nation-state с трансграничными вызовами? Для начала их надо просто перечислить. Это США, ЕС в целом, Российская Федерация в целом и один из её субъектов, Республика Бурятия, в отдельности, арабские страны в целом и Ирак в отдельности, страны Центральной Азии и Казахстан в отдельности, Турция, Азербайджан, Иран, Индия, Монголия и Республика Конго (Браззавиль).

¹ Роберт Купер, в целом воспроизводя типологию Бузана и Вёвера, фактически предлагает ещё один критерий типологизации — родовой. У него получается, что все государства произошли от разных частей империй: одни — от метрополий, другие — от колоний. Первые либо уже являются постсовременными (государства ЕС), либо близки к состоянию пост-современности (Япония, США). Вторые подразделяются на государства до-современные = не состоявшиеся, и государства современные, следующие «принципам макиавелизма» и руководствующиеся традиционным «raison d'état» (например, Индия, Пакистан, Китай). См.: *Cooper R. The Post Modern State // Re-Ordering the world: The long-term implications of September 11th / The Foreign Policy Centre Publication Articles and Briefings. URL: <http://fpc.org.uk/publications/> (access date: 13.12.2014).*

Из данного перечня только объединившиеся в ЕС европейские государства могут быть, как полагают Барри Бузан и Оле Вёвер, с которыми трудно не согласиться, признаны в своём большинстве одновременно сплочёнными и сильными, национальными и постсовременными. Справедливой представляется и стадияльная оценка Бузаном и Вёвером сильнейшего государства мира: США — национальное государство, в своей эволюции вплотную приблизившееся к границе между современностью и постсовременностью, а отчасти и заступившее разделяющую их грань. Различаясь между собой по степени внутренней сплочённости и модернизации, Россия и Индия существенно отстают по этому критерию от ЕС и США. Из-за их размеров, многонациональности, внутренней региональной неоднородности они в лучшем случае могут быть названы государствами, стремящимися к идеалу национального государства вестфальского типа, но пока его не достигшими. В российском случае сказывается ещё и инерционное воздействие на общественное и политическое сознание и на политическую практику имперского прошлого, ставшего *sine qua non* национальной идентичности. В арабских странах национально-государственный проект оказался в кризисе. Некоторые из них сместились от относительно консолидированного состояния к состоянию рыхлому, от незавершённой модернизации к архаике. В сравнении с государствами «арабской весны» страны Центральной Азии и Азербайджан выглядят более сплочёнными, более модернизированными и более преуспевающими на пути построения национального государства¹. Однако есть немало оснований объяснять это наследием советской модернизации; по мере исчерпания данного исторического ресурса их преимущество может растаять. Пожалуй, из представленных в нашей книге стран Востока наиболее близки идеалу сплочённого современного государства Турция, Монголия и, с оговорками, Иран. Наконец, Конго со столицей в Браззавиле может быть обоснованно охарактеризовано как государство рыхлое и по ряду параметров до-современное, претензии на статус национального государства пока получают здесь слабое подкрепление в реальной социально-политической эволюции.

¹ В данном случае я никак не могу согласиться с Бузаном и Вёвером (Р. 24), включающими все государства Центральной Азии в одну группу с африканскими — рыхлыми, слабыми и до-современными.

VI

Далее я постараюсь обосновать структуру сборника, затем остановлюсь — когда совсем бегло, когда более обстоятельно — на составляющих его статьях.

Книга разделена на три части. Первая часть посвящена разбору понятий «граница», «вызов» и «национальное государство». Включая его в качестве обязательного блока в проект и в сборник, я руководствовался тремя соображениями. Я рассчитывал, во-первых, показать многозначность трёх главных эпистемологических инструментов нашего исследования. Во-вторых, отразить круг значений, наиболее релевантных предмету исследования, но сделать это скорее имплицитно, чем эксплицитно, предоставив возможность выбора и акцентировки значений непосредственно читателю. И, в-третьих, исследовать используемый инструментарий семантически, с помощью этимологического анализа самих лексем. К этому, третьему, соображению меня подталкивал собственный авторский и редакторский опыт, а также хотя и ограниченная из-за незнания немецкого языка, однако всё равно стимулирующая информация о школе Begriffsgeschichte, в течение нескольких десятилетий занимавшейся изучением содержания и смысловой эволюции ключевых исторических понятий¹.

Сразу должен сделать две оговорки. Оговорка первая: вместо прилагательного «трансграничный», производного, даже искусственного и потому не особо интересного в плане этимологии, было взято корневое имя существительное «граница». Оно богато и смыслами, и их оттенками. И как лексический водораздел, используемый в древнейшем для человечества противопоставлении между «мы» и «они», «свои» и «чужие», оно богато ещё длительной историей. По всем этим характеристикам оно являлось идеальным кандидатом на анализ смысловой эволюции одного и того же понятия в разных языках. В сборнике такая эволюция прослежена на примере русского языка (статья Марины Ташлыковой «*Граница*: от понятия к слову — или наоборот?»), западного итальянского (статья Уго Перси «*Граница* в итальянском

¹ См. о ней работы Мелвина Рихтера, например: *Richter M. Begriffsgeschichte and the History of Ideas (Lovejoy, the Great Chain, and the History of Ideas) // Journal of History of Ideas, 1987, Vol. 48, No. 2. P. 247–264; idem. Begriffsgeschichte Today — An Overview // Finnish Yearbook of Political Thought, 1999, Vol. 3. P. 13–27.*

языке и культуре») и восточного китайского (статья Сергея Дмитриева «Китай: Великая стена и другие способы обозначения *границы* в Китае (краткий обзор)»).

Читатель сразу заметит, что подобной чести удостоилась одна *граница*, содержание и эволюция *вызова* разбираются на материалах одного русского языка, тогда как словосочетание «национальное государство» вообще не стало предметом лингвистического анализа. И здесь самое время сделать вторую оговорку. Теоретически задача-максимум первой части заключалась в том, чтобы с равной тщательностью и в равном объёме исследовать все три понятия. Практически она не могла быть решена при тех ограничениях, что ставятся нехваткой готовых к сотрудничеству авторов и заранее известной планкой публикационных расходов. А также — из-за неравновесности этимологии трёх понятий.

Чтобы как-то компенсировать возникшие структурные пробелы, и решено было поместить понятие «национальное государство» в поле историографического анализа. Была на то и другая причина. Уже в названии нашей книги смысловой центр тяжести сдвинут в сторону вызова, национальное государство словно пребывает в тени. Да и в большинстве текстов, вошедших в книгу, nation-state остаётся как бы на периферии рассуждений авторов, сознательно сосредоточившихся на вызовах ему. Такой акцент, предопределённый концепцией книги, послужил еще одним доводом в пользу включения в неё работы, специально посвящённой тому, как в политическом сознании складывались и менялись представления о национальном государстве. Статья «Становление и развитие представлений о *национальном государстве*: очерк историографии понятия» была написана Фёдором Поповым, и мой вводный комментарий к ней будет куда более пространным, чем к другим статьям.

Кому довелось заниматься триадой «национализм — нация — национальное государство», не надо объяснять, насколько трудноисполнимым был этот замысел. О каждом из членов триады написаны тома, тома и тома, и вместить разбор даже выборки из самых известных работ в двадцать выделенных на это страниц было совершенно невозможно. Энтони Смит у него обзор современных теорий наций и национализма понадобилась целая книга¹. Ясно было, что работа Фёдора Попова про-

¹ В русском переводе — 460 страниц. См.: Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004,

сто не может претендовать на статус полноценного историографического очерка. Тем не менее, то, что получилось, следует, как представляется, признать удачей. Не потому, что Попов написал-таки образцовый историографический текст. Читатель заметит в его статье структурные диспропорции. Например, явно более интересным для автора «народу и воле» в их качестве основы национального государства уделяется заметно больше внимания, чем «языку и национальному духу». Очевидна и неполнота охвата историографического поля. В частности, от внимания Попова ускользнули, за редкими исключениями, касающиеся триады сочинения отечественных авторов — от Соловьёва (Владимира) до Соловьёв (Татьяны и Валерия)¹.

И всё же текст Попова оказался выражено функциональным как минимум по трём причинам. Во-первых, потому, что он действительно помогает читателю осознать сложность и противоречивость исторически бытовавших и до сих пор бытующих представлений о национальном государстве, и ознакомиться с проблематикой, ассоциируемой с самим этим понятием. Во-вторых, потому, что читателю становится ясно: и первоначальные представления о нации и национальном государстве и все последующие из их разбираемых Поповым концептуальных осмыслений восходят к западному политическому сознанию независимо от национальной принадлежности авторов. Хорошо видно: Ленин, Сталин и Мустафа Кемаль стоят в одном ряду с Ренаном, Бауэром и Геллнером. В-третьих, потому — и в этом особое достоинство текста Попова, — что статья предлагает нам индивидуальное, ярко выраженное и эмоционально окрашенное, представление о представлениях. В этом смысле она обоснованно может рассматриваться как специфич-

¹ См.: Соловьёв В. С. Национальный вопрос в России // В. С. Соловьёв. Сочинения в 2 т. Т. I: Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 259–637; Данилевский. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. 6-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та; Глагол, 1995; Леонтьев К. Национальная политика как орудие всемирной революции // К. Леонтьев. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 512–534; Градовский А. Национальный вопрос в истории и в литературе / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2009; Струве П. Текущие вопросы внутренней жизни // Русская мысль, 1910. Кн. VI. С. 168–196; Трубецкой Е. Старый и новый национальный мессианизм // Русская мысль, 1912. Кн. III. С. 82–102; Соловей Т. Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма / Татьяна Соловей, Валерий Соловей. М.: АСТ: Астрель, 2011; и др.

ческий источник, раскрывающий перед нами **восприятие** вышедшей с Запада, из XVIII–XX веков отрасли политического сознания молодым человеком, принадлежащим иному хронотопу, — времени и месту самореализации первого постсоветского поколения.

В этом своём качестве статья Попова образует мягкий переход от первой части сборника ко второй, где собраны тексты, все как раз и фокусирующиеся на восприятии. Точнее, на том, как в представлениях массового и политического сознания постоянно смешиваются, друг в друга проникая и друг друга «отклоняя» от исходных форм, продукты того и другого сознания. Со стороны массового сознания это популярные мифы и бытовые стереотипы, со стороны сознания политического — претендующие на научность и объективность концепты, на деле часто тоже превращающиеся в клише.

Эта часть сборника довольно отчётливо складывается из двух половин. Одну составляют статьи Евгении Габер и Ирины Бочкарёвой, вторую — статьи Игоря Савина, Виктора Дятлова и Н. Галиймы. Различие между ними заключается в избираемом авторами исследовательском ракурсе.

Статья Габер «Эволюция представлений о национальном государстве в Турции (1920-е гг. XX века — начало XXI в.)» содержит обстоятельный историко-политологический анализ концепции национальной безопасности Турции: её содержания; предшествовавших ей представлений; исторических обстоятельств, обусловивших её становление именно в таком виде, в каком она сложилась; причин её длительной устойчивости; попыток изменить её на рубеже веков и перспектив изменения. А в статье Бочкарёвой «Национальное государство и вызовы ему в представлениях российских студентов», основывающейся на результатах экспресс-опросов студентов из трёх сибирских университетов, выявлена характерная для постсоветской России этнизация представлений о нации и национальном государстве и достаточно стандартный набор угроз национальной безопасности, ассоциируемых с вызовами. (Правда, видно, что студенты способны и на критическое и аналитическое восприятие мнений по обсуждавшейся ими проблематике; об этом свидетельствует различение ими вызовов и угроз и понимание первых не только как синонима вторых, но и как потенциальных стимулов к позитивным переменам.)

Три остальные статьи второй части роднит общее для них сужение предмета: в них рассматриваются представления только об одном

вызове национальным государствам и «наполняющим» их обществам — вызове или вызовах со стороны трансграничной трудовой миграции. Причем в каждой из этих статей авторам свойственен свой уровень восприятия проблемы. В статье Савина «Вызовы нелегальной трудовой миграции: реальность и мифы. На примере концепций национальной безопасности России и Казахстана» это уровень официальных концепций национальной безопасности в той их части, которая касается внешней миграции; на этом уровне достаточно отчётливо видны представления властных структур и обслуживающих их экспертов. В статье Дятлова «Китайские мигранты: риски и возможности для Востока России» основное внимание уделяется интерпретациям феномена китайской миграции российским научным и квази-научным сознанием. Статья же Галиймы «Трансграничная миграция китайцев в Монголию в представлениях и оценках монгольской молодежи» возвращает нас к уровню молодёжного восприятия безопасности и вызовов ей. Но при этом Галиймаа, как и авторы двух предыдущих текстов, концентрирует внимание на связке «миграция — безопасность» и опирается в выводах на опросы не только студентов, но и школьников.

В третьей, самой обширной, части нашей книги собраны кейсы, охватывающие довольно широкий диапазон вызовов, локализуемых и в социально-политическом поле, и в сфере собственно политики, и на стыке её взаимодействия с ИКТ, и в области экономики. И даже в такой специфической сфере, соединяющей культуру и политику, как национально-культурное возрождение.

При этом третья часть обладает, на мой взгляд, двумя структурными достоинствами. Во-первых, в ней исследуются вызовы, и давно привлекающие внимание учёных и политиков, и появившиеся недавно. Яркий пример первых — вызов национальным экономикам, ставший предметом статьи Нины Цветковой «Транснациональные корпорации и национальное государство», вторых — вызов, рассмотренный в статье Юрия Александрова «Транспортировка углеводородных ресурсов Каспийского региона: трансграничные геоэкономические вызовы», название которой говорит само за себя. Также относительно новыми можно признать вызовы, рассмотренные Эбрахимом Анушехом в статье «Воздействие новых информационных технологий на общественно-политическую жизнь арабских государств», как и вызовы со стороны политического ислама, кратко, но ёмко описанные Сергеем Абашиним в его статье

«Исламский вызов идее нации? Некоторые соображения на примере Центральной Азии».

Во-вторых, авторы статей третьей части сосредотачиваются на вызовах, различающихся не только по степени их изученности или по областям их проявления, но и **типологически**. В самом деле, вызовы, исследуемые Цветковой, Александровым, Анушехом и Абашиным могут быть обоснованно определены как вызовы первого вида, внешние относительно национального государства по источнику их возникновения. Правда, такие источники, как ИКТ и особенно религиозно-экстремистская пропаганда всё более «натурализуются», так что их трансграничность становится, если можно так выразиться, исторической.

В остальных статьях третьей части локализация рассматриваемых вызовов иная. В своей второй статье «Принцип национального государства как угроза существованию национального государства» Фёдор Попов доказывает, что такое общее качество национальных государств, как изначально заданная ориентация на идеальный тип nation-state, в потенциале включает в себе сильнейший вызов самому этому типу государственности. И написанная на европейском материале статья Марилизы Лоруссо «Кризис института политических партий как трансграничный феномен» тоже чётко сфокусирована на вызовах второго вида, внутренних — таких, чья трансграничность в данном случае заключается в относительно синхронно утверждающемся новом общем качестве.

Наконец, авторы ещё двух статей вторгаются в «пограничные» области вызовов, вообще плохо подающихся типологии. Владимир Кириченко в статье «Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979–2003)» обнаруживает политически значимый эффект алармистского восприятия авторитарной властью конфессиональной общности, чьё возникновение и существование не может быть объяснено волей и действием из-за рубежа. Тогда как Марина Балдано в статье «Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы — риски и возможности» анализирует те потенциальные и реальные политические и социокультурные вызовы для субъекта РФ, Республики Бурятии, что содержатся в другой объективной исторической данности — этнокультурной общности монгольских народов.

VII

В заключение остановлюсь на трансграничных вызовах, к сожалению, оставшихся за бортом нашего сборника. Один из них — это вызов, исходящий от международных, тянущихся через множество границ сетей террористических организаций, исповедующих идеологию радикального исламизма. Дмитрий Нечитайло предложил ему специальное название¹:

«Активное использование радикальными исламистами в своей борьбе всемирного информационного пространства можно назвать медиаджихадом».

Сети медиаджихада — разновидность трансграничности, промежуточной между теми её проявлениями, что вездесущи независимо от границ, и теми, что могут быть локализованы за границами того или иного национального государства. Сети, о которых идёт речь, с одной стороны, имеют сейчас свои ячейки почти по всему свету — разве что в Гренландии их нет, но и за это нельзя поручиться — и потому они могут быть отнесены к внутренним по локализации вызовам. С другой стороны, повсеместные их ячейки появились всё-таки благодаря некоторым первоначальным импульсам, в своем движении пересекавшим рубежи тех многочисленных государств, где эти ячейки предстают уже чем-то самородным, поэтому они удерживают качество трансграничности.

Медиаджихад — самый яркий, но не единственный пример того, как в условиях глобализации научно-технические достижения современных государств оборачиваются против собственной безопасности этих государств и их граждан. Соединение передовых технологий с идеологией, полагающей насилие законным средством достижения политических целей, обосновываемых ссылками на священные тексты более чем тысячелетней давности, оборачивается новым и едва ли не самым угрожающим вызовом.

Оборотной стороной этого постоянно расширяющегося — и так же постоянно ускользающего из-под государственного контроля — одновременно и внутреннего, и внешнего по своему генезису вызова ока-

¹ Нечитайло Д. А. Некоторые аспекты медиаджихада // Институт Ближнего Востока, 09.12.2008. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7852> (дата обращения: 09.01.2015).

зываются два вызова сугубо внутренних. Их хорошо сформулировал Роберт Купер. Вызов первый¹:

«...Мы (пост-современные государства. — С. П.) можем привыкнуть к идее двойных стандартов. Промеж себя мы действуем на основе законов и практикуем сотрудничество в области безопасности. Но, когда за пределами европейского континента мы сталкиваемся с государствами старого типа, живущими ещё в XIX веке, когда каждое государство было только для себя, нам приходится прибегать к более грубым методам прошлого — к силе, упреждающей атаке, обману. Промеж себя мы следуем закону, в джунглях мы должны применять закон джунглей».

Вызов второй²:

«...Из-за длительности периода мира в Европе возникло искушение пренебречь защитой как физической, так и психологической. И в этом — большая опасность для пост-современных государств».

Справиться с обоими вызовами крайне сложно по нескольким причинам. Прежде всего, действительно не видно способа, каким можно было бы устранить угрозы «из мира джунглей», не поступившись ценностями и нормами, которые должны отличать от него мир пост-современности. Нападение на редакцию «Charlie Hebdo» ещё раз показало, что при конфликте двух миров, один из которых признаёт в качестве главной **автономную** ценность человека, тогда во втором ценность человека определяется только его **принадлежностью**, первый мир оказывается уязвимее второго. И вряд ли стоит надеяться на то, что первый мир одолеет-таки второй «мягкой силой» своей толерантности, комфортности, консьюмеризма и т. п. Хотя бы потому, что «средства убеждения», практикуемые террористами, вынуждая атакуемые с их помощью государства постоянно расширять практики обеспечения безопасности, подтачивают один из главных компонентов «мягкой силы» — комфортность существования.

Отдельную сложную проблему составляет взаимосвязь двух выделенных Купером вызовов. Они словно сообщающиеся сосуды: если в одном прибудет, в другом непременно убудет. Отказ от использования, в качестве защитных, средств из XIX века чреват для пост-современных

¹ Cooper R. Op. cit.

² Ibid.

государств утратой безопасности. Ведь альтернативы этим средствам, одновременно гуманистической, действенной и **быстродействующей**, не найдено. А их использование может обернуться эрозией с таким трудом, с такими жертвами обретённого морально-ценностного стержня пост-современных государств. Драматизирует ситуацию и то, что вызовы, рождающиеся за пределами этих государств, распространяются по сетевым каналам и, благодаря им, а также миграции из до-современных государств, трансформируются из внешних вызовов во внутренние. И тогда возникает соблазн избирательного переноса «закона джунглей» на часть собственного населения. Что может обернуться необратимой сегрегацией, а значит, и увековечиванием исходящих от «отделённой» части угроз.

Неадекватность реакции пост-современных государств на вызовы и угрозы, исходящие из «джунглей», обусловлена ещё и тем, что ответы, предположительно адресуемые актору с ожидаемой институциональной структурой, уходят в пустоту из-за того, что такой структуры нет или она очень далека от ожиданий. Сама квалификация части до-современных государств как несостоявшихся подсказывает, что в этом аморфном и одновременно вязком пространстве нет такого контрагента, ответ которому дал бы желаемый результат. Миротворческая операция ООН в Сомали хорошо это продемонстрировала¹. Ещё хуже, когда источником угрожающего вызова оказывается пространство не отсутствия государственности, а формирования государственности, принципиально враждебной идеалу национального государства. О ней мечтают приверженцы «Хизб ут-тахрир», её пытались создать талибы, она же составляет конечную цель Исламского государства. В этом случае адресат как будто и есть — но ответы nation-state для него заранее абсолютно неприемлемы.

Есть ещё один внутренний вызов, о котором не сказано в статьях сборника, но о котором, по моему глубокому убеждению, можно и нужно говорить. Он может быть определён как вызов со стороны нового, либерального, тоталитаризма. Особенно он актуален для пост-современных государств. Но, как было и с другими изобретениями Запада, раз появившись, он быстро актуализируется в качестве авторитетного

¹ О ней см.: *Шагалов В. А.* Миротворческая операция ООН в Сомали в 1992–1995 годах // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2005. Т. 147, № 1. С. 157–177.

образца для всего человечества. Сейчас — для той его части, вселенски распространённой и увеличивающейся не только в современных, но и в до-современных государствах, что приобщилась к новым ИКТ.

Новый тоталитаризм — феномен, с одной стороны, *реактивный*, то есть являющийся следствием стихийного в своих истоках ответа общественного сознания в пост-современных государствах на вызов старого тоталитаризма в его нацистском и коммунистическом исполнении. С другой — феномен *проактивный*, т. е. сознательно инициированный и конструируемый с целью исключить саму возможность возрождения старого тоталитаризма. Своё теоретическое обоснование новый тоталитаризм получает в совокупности подходов к повседневным культурным практикам и к историко-культурному наследию человечества. Подходов, вытекающих из некритического восприятия концепций конструктивизма и, шире, философии постмодернизма. В свою очередь, учение о всепобеждающей воле конструктора, естественным образом обретающей свою победительную силу в «способности» современного языка, на манер языка библейского, преобразовывать сказанное в сделанное («Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города»¹), служит основанием всё более превращающейся в идеологию этики политкорректности. И строго ей соответствующей политики толерантности.

В своем реактивном генезисе новый тоталитаризм, особенно в его редукционистском изводе, истово исповедуемом и проповедуемом неопитами, оказывается зеркальным отражением им же безоговорочно осуждаемых предшественников — нацизма и коммунизма. По отношению к первому он может быть определён как его зеркальная противоположность потому, что замещает признававшееся нацизмом объективным и возводившееся им в культ **различие** признаваемым субъективным, но все равно возводимым в культ **тождеством**. По отношению ко второму — потому, что опять ставит, если воспользоваться известной перифразой Энгельса из Гегеля², предшествовавшее ему мировосприятие с ног на голову. Ибо утверждает, что всякое объяснение действительности, называемое теперь *дискурсом* (т. е. всё, что вы-

¹ Из стихотворения Николая Гумилёва «Слово». См.: Гумилёв Н. С. Шестое чувство: Стихотворения, статьи. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 260.

² Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в 3 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1970. С. 127.

ражается и передаётся с помощью языка, зрительного ряда и даже жеста¹), то бишь «надстройка», обладает способностью воплощать себя в реальность и благодаря этому становится первичным по отношению к мироустройству, то бишь «базисом».

В своем проактивном целеполагании — ориентировании человека в постиндустриальном мире, в котором роль и место слова и образа действительно изменились по сравнению со временем индустриализма, — новый тоталитаризм, безусловно, преследует благородные этические цели. Он стремится таким образом перестроить сознание человека согласно новому идеалу или, на худой конец, так дисциплинировать его поведение согласно новой норме, чтобы исключить малейшую возможность абсолютизации различий. Но при этом он, подобно своим поверженным предшественникам, прибегает к старому оружию насилия рационального над стихийным. **В пределе** новым идеалом становится отрицание мироориентирующей значимости различий как таковых. Значимы не они, а их субъективные образы, навязываемыми властью имущими или власти причастными конструкторами, будь то политики, идеологи, этнологи, — вообще любыми «знающими». В качестве же новой нормы предлагается языковое поведение, избегающее фиксации видимых различий, тем более их категоризации. Мол, то и другое суть искусственное формирование разделяющих идентификаций, влекущее за собой очень нехорошие последствия. Например, если вам нравятся книги Джозефа Конрада, с империалистской наивностью свободно бросавшегося ужасным словом «раса», то вы, чтобы не стать тоже расистом, должны всегда помнить, что «*всякий* разговор о Конраде должен начинаться с его расизма». И, как «убийственно постколониальным шёпотом» посоветовала герою «суровая индианка» из иронического романа Джеймса Хайнса, непременно почитать Эдварда Саида² (добавлю от себя — великого гуру для начинающих софистов постмодернистской формации). А если в ходе социологического обследования вы попросите респондентов высказать представления об особенностях поведения людей такой-то национальности, то вы тем самым сразу разбудите

¹ Как ядовито было замечено на одном из сайтов, «через дискурс можно описать всё, что угодно». См. статью «Дискурс» на сайте «Луркоморье». URL: <http://lurkmore.to/%d0%94%d0%b8%d1%81% d0%ba%d1%83%d1%80%d1%81> (дата обращения 26.11.2012).

² *Хайнс Дж.* Рассказ лектора. М.: АСТ: ЛЮКС, 2004. С. 31.

их предубеждения — видимо, потому, что все «незнающие» смотрят на мир непременно злобно и в принципе не способны к его спокойному осмысленному восприятию. И не просто получите набор суждений, основывающихся на смеси личных, нередко глубоких, наблюдений с массовыми стереотипами. В соответствии с символом веры всякого идейного борца с ползучим позитивизмом вы ещё прямо поспособствуете воспроизводству или даже формированию этнофобий¹. Поэтому наблюдаемые обывателем сущности с конфликтным потенциалом истинными учёными должны почитаться видимостями, а укоренённые «некорректные» слова — замениться «корректными». Например, в английском языке вместо слова “thick” должен употребляться эвфемизм “horizontally oriented”².

Новая норма отрывает словоупотребление от непосредственного восприятия, подталкивает к введению цензуры на смысловое и эстетическое богатство, накопленное языками за тысячелетия их развития, стремится разорвать связь языкового наследия с современным бытием языка. Нормативное насилие распространяется и на настоящее, и на прошлое, признаётся законным в отношении и мира рутинных практик современников, и мира исторического, воплощенного в культуре, оставленной предками.

Нечто похожее уже было, и не раз. Пуритане Кромвеля уже «корректировали» прошлое, калеча «языческие» статуи святых в английских соборах³. Якобинцы уже пытались устранить из сознания и языка граждан нового Рима — Первой Французской республики, любые напоминания о тысячелетнем «провале» феодализма и в одночасье заменить варварские обычаи предков новой редакцией античных добродетелей, обозначением которой стали служить слова «нация» и «национальное»⁴. И на развалинах, оставленных Гражданской вой-

¹ См., например: *Карпенко О.* Как эксперты производят этнофобию. URL: [indepsores.spb.ru.> library/Karpenko.doc](http://indepsores.spb.ru.>library/Karpenko.doc) (дата обращения: 07.01.2015).

² Подробнее см.: *Иванова О.* Политкорректность в России // Вестник Евразии, 2002, № 3 (18). С. 62–71.

³ Такие обезглавленные статуи, как напоминание о религиозном вандализме, до сих пор стоят в капелле Генриха VII, расположенной на территории Кингз-Колледжа в Кэмбридже.

⁴ *Cox K. L.* Ideology, Practicality, and Fiscal Necessity: The Creation of the Archives Nationales and the Triage of Feudal Titles by the Agence Temporaire

ной, в пику уплывающему в историческое небытие «пароходу философов», за счёт разрыва с «культурой эксплуататорских классов», а отчасти и за её счет — когда такие шедевры Эрмитажа, как «Благовещение» Яна ван Эйка, «Мадонна Альба» Рафаэля и «Венера перед зеркалом» Тициана, шли в уплату за станки и проекты заводов¹, уже была предпринята грандиозная попытка воздвигнуть очищенное от прошлого светлое здание пролетарской культуры. Заплатив при этом красотой прошлого за «красоту будущего»², увы, так и не состоявшуюся.

Стихия жизни каждый раз всё равно оказывалась сильнее, но цена экспериментов над нею раз от разу была дороже. Так и слова, произносимые или спрятанные за эвфемизмом, отнюдь не бессильны. То, что ими «некорректно» номинировалось, всё равно существуют — только за скобками, в подполье. И когда очередные «Записки из подполья» будут написаны, их всё равно придётся читать; но как бы ни получилось так, что чтение заменится представлением, в котором все мы окажемся актерами трагедийного амплуа...

Конечно, новый тоталитаризм неравнозначен старому в принципиальном пункте — признаёт автономную ценность жизни и достоинства человека. Именно во имя этого принципа он и настаивает на универсальном применении корректных норм. Но и самая возвышенная всеобщность, навязываемая из благородных побуждений, довлеет долгу низменного насилия над человеком и, начав со слова, стремится закончить делом. Это ли не вызов безопасности — безопасности и национального государства, и населяющих его людей?

* * *

На этом вопросе, одновременно патетическом и риторическом, я завершаю предисловие. Остаётся добавить слова благодарности авторам статей, в срок представившим первые варианты своих текстов и лояльно отнёсшихся к редакторской критике и правке, подчас довольно

des Titres, 1789–1801 / The Florida State University DigiNole Commons Electronic Theses, Treatises and Dissertations. URL: <http://diginole.lib.fsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2742&context=etd> (access date: 05.04.2014).

¹ Кантор Ю. Реальность и соцреализм: Эрмитаж в 1917–1941 гг. // Звезда, 2003, № 5 / Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/5/kantor.html> (дата обращения: 08.01.2015)

² В этом пафос одного из стихотворений Ярослава Смелякова.

суровой. А также рецензентам нашего сборника, Фонду Эберта, спонсировавшему публикацию итоговой книги, а до того — проведение Международного семинара по проекту в жемчужине «Золотого кольца» Суздале, и хозяевам и персоналу гостиницы «Суздаль-Инн», где семинар проходил. И, конечно же, родному для многих из нас Институту востоковедения РАН, сохранившему, несмотря на все реформы, атмосферу творческого сотрудничества.

ЧАСТЬ I

ПОНЯТИЯ: МНОГООБРАЗИЕ СМЫСЛОВ

ГРАНИЦА: ОТ ПОНЯТИЯ К СЛОВУ — ИЛИ НАОБОРОТ?

Марина Ташлыкова

Феномен границы не одно столетие является объектом гуманитарных исследований, сосредоточенных на решении самых разных проблем, и это понятно, поскольку именно категория границы формирует, говоря словами А.Ш. Тхостова, «субъект-объектное членение реальности — одну из самых фундаментальных оппозиций, укоренившихся в мышлении человека нового времени»¹. Тот же автор пишет:²:

«Каждое совершающееся со мной событие я могу непроблематично квалифицировать как *случившееся со мной* или *сделанное мной*. В первом случае я сталкиваюсь с независимыми от меня силами объективного мира, во втором — выступаю автором своего поступка. Граница, проходящая между этими событиями, и есть граница, отделяющая *объект* от *субъекта*».

Отделение своего «физического» и «культурного тела» от чужого влечёт за собой постановку проблем идентичности, тождества и различия, качественной и количественной определённости, «правильного» и «неправильного». Понятие «граница» затрагивает самые разные аспекты человеческого бытия — физического, психического, социального, культурного, поэтому рассматривается в контексте различных наук³.

¹ Тхостов А. Ш. Топология субъекта. Опыт феноменологического исследования // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология, 1994. № 2. С. 3–13, № 3. С. 3–12. URL: <http://www.psychology.ru/library/00058.shtml> (дата обращения: 08.08.2014).

² Там же.

³ См. например, анализ разработки данного проблемного поля в античной и средневековой философии, философии Нового и Новейшего времени, немец-

Важно подчеркнуть, что результаты, полученные в перечисленных в сноске работах, — это плод исследовательской рефлексии, причём во многих случаях рефлексии «второго порядка», поскольку она учитывает достижения предшественников. Предмет осмысления при этом — само **явление** (реальной и/или воображаемой действительности), но не **слово**, его обозначающее.

Особый интерес вызывают представления, отрефлексированные в меньшей степени (или совсем неотрефлексированные), но разделяемые «по умолчанию» носителями одного национального языка. Такие представления формируют картину мира, но «входят в значения слов в неявном виде (разрядка авторов. — *М.Т.*), так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключённый в них взгляд на мир»¹.

кой классической философии и философии экзистенциализма (*Колесникова И. В.* Проблема границы и пограничные особенности человеческого бытия: дисс. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2009; *Пивоваров Д. В.* Граница // Современный философский словарь. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С. 213–217; *Стейнбок Э.* Пограничные феномены и пограничность опыта // *Топос*, 2009, № 2 (22). С. 192–213), в лингвистике и литературоведении (*Бахтин М. М.* К вопросам методологии эстетики словесного творчества // *М. М. Бахтин. Собр. соч. в 7 т. Т. 1.* М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 265–325; *Зубова Н. Ю.* Граница как элемент языковой картины мира и её представление в современном литературном английском и русском языках: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012; *Кихней Л. Г., Меркель Е. В.* Семантика «границы» в картине мира Анны Ахматовой // *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*, 2012. Вып. 3. С. 55–62; *Лебедева Л. Б.* Семантика «ограничивающих» слов // *Логический анализ языка. Языки пространств: сб. ст. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина.* М.: Языки русской культуры, 2000. С. 93–97; *Потёмкина М. С.* Концепт «граница» в романе В. Хильбига «Временное пристанище» // *Вестник Росс. гос. ун-та им. И. Канта*, 2009, № 2. С. 40–44), в фольклоре, культурологии, семиотике (*Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000; *Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000; *Толстой Н. И.* Граница // *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1.* / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 537–540; *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976).

¹ *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 9.

Объект настоящей работы — семантическая область «границы» и соответствующий ей круг лексических обозначений. Это, во-первых, само существительное *граница*, во-вторых, 48 его производных, образующих словообразовательное гнездо. Материал анализа (с учетом многозначности) составляют 69 лексем¹ и более 100 тыс. примеров их контекстного употребления, извлечённых из Национального корпуса русского языка² (далее НК). И в этой моей статье, и в последующей анализируемые единицы — слова, словосочетания, предложения — записываются курсивом, толкование или другое смысловое объяснение любой языковой или текстовой единицы заключается в так называемые марровские кавычки (одинарные «лапки»); если же имеется в виду не слово как таковое, а понятие, концепт, используются двойные кавычки-ёлочки. Основная задача — обнаружить те представления о «границе», которые воплощены в лексических значениях слов с корнем *границ-*, являющихся главными средствами номинации данного понятия и/или профилирующих его отдельные грани.

Предварительный анализ материала обнаруживает две особенности лексики *границы*. Во-первых, она — позволим себе каламбур — легко пересекает дискурсивные границы, используется при описании как физического, так и умозрительного (виртуального, ментального)³ пространства. Во-вторых, и само существительное, и почти все его производные способны актуализировать разные аспекты семантики *границы*: ‘отграничение’, ‘ограничение’, ‘смежность’.

Рассмотрим эти особенности подробно.

¹ Лексема — «слово в одном из его значений, но во всей совокупности присущих ему в этом значении свойств... Именно лексема, а не слово является реальной лексической единицей языка, потому что в норме каждое многозначное слово используется в каком-то одном из своих значений» (Андресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии: в 2 т. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 509).

² URL: www.corpora.yandex.ru.

³ «Умозрение в работе понимается в соответствии с внутренней формой этого слова — не просто как умственная деятельность (= дедукция, обобщение), но именно как “мысленное, умственное зрение, видение”, необходимой предпосылкой которого является противопоставление объектов, ситуаций по линии материальное / идеальное, физическое / духовное, внешнее / внутреннее» (Яковлева Е. С. Пространство умозрения и его отражение в русском языке // Логический анализ языка... С. 268).

Поверх границ: сферы функционирования лексики *границы*

Первая особенность порождена многозначностью базового существительного и большинства его производных. Лексема *граница* 1 имеет два оттенка значения. Во-первых, это ‘условная линия, разделяющая смежные области, владения, участки, являющаяся пределом какой-л. территории; черта раздела’¹: *Он родился недалеко от границы с Владимирской областью* (Евдокимов). Во-вторых, это ‘условная линия, разделяющая территории или воды смежных государств, рубеж’: *Всё, что предлагает век, всё к чему мы стремимся, всё, что нам теперь требуется, — отсутствие границ* (Роганов). *Граница 2* — ‘то, что отделяет одно от другого, служит разграничению, обособлению чего-л.; грань’: *Границы моего языка означают границы моего мира* (Витгенштейн); *Граница реализма проходит ныне в другом месте, чем сто и тысячу лет назад* (Шаламов). Наконец, *граница 3* — это ‘допустимая норма, предел’: *Установлены границы компетенции местной власти в сферах образования и здравоохранения* (Бабаева); *Беседа их не выходила из границ благопристойности* (Пушкин).

Полисемия такого рода формируется в соответствии с общими закономерностями семантического развития пространственных слов²:

«Слова с пространственной семантикой, выражающие идеи перемещения, местоположения... как правило, обладают относительной свободой осмысления в терминах физического / духовного, материального / идеального».

Интересно, что локативные компоненты значения отличаются меньшей устойчивостью, чем умозрительные. Первые отсутствуют в семантической структуре слов *ограничиваться, ограничиться, ограничитель, ограничительный, ограничительно, ограниченный*; вторые наследуются большинством производных (понятное исключение составляют слова *заграница и заграничный*).

Соотносительные лексемы представлены в Таблице 1.

¹ Словарь русского языка в 4 т. Изд. 3-е, стер. Т. 1. А–Й / Гл. ред. А. П. Евгеньев / Ин-т русского языка АН СССР. М.: Русский язык, 1985. С. 343. Далее значения слов приводятся по этому изданию без указаний на конкретный том и без постраничных ссылок.

² Яковлева Е. С. Указ. соч. С. 268.

Таблица 1.

Лексика *границы* и типы обозначаемых пространств

Физическое пространство	Умозрительное пространство
<i>Граница 1: ‘черта раздела’ (граница области)</i>	<i>Граница 2: ‘грань’ (граница между бедностью и нищетой) Граница 3: ‘предел’ (границы терпения)</i>
<i>Безграничный 1: ‘не имеющий видимых границ’ (безграничная степь)</i>	<i>Безграничный 2: ‘без каких-л. ограничений; чрезмерный (безграничные возможности)</i>
<i>Пограничный 2: ‘граничащий, смежный’ (области, пограничные с Московской)</i>	<i>Пограничный 2: ‘граничащий, смежный’* (физика и пограничные с нею науки)</i>
<i>Граничить 1: ‘быть смежным территориально, иметь общую границу’ (Техас на севере граничит с Оклахомой)</i>	<i>Граничить 2: ‘быть близким к чему-л., доходить до чего-л.’ (наивность граничит с глупостью)</i>
<i>Ограничивать 2: ‘отделяя, отгораживая, являться границей’ (С одной стороны [площадь] ограничивала церковная ограда, с другой — деревянные домики)</i>	<i>Ограничивать 1: несов. к ограничить 1 (ограничивать свободу)</i>
<i>Ограничить 2: сов. к ограничивать 2 (площадь фигуры, ограниченной линией)</i>	<i>Ограничить 1: ‘поставить в какие-л. границы, рамки (ограничить произвол)</i>
<i>Отграничить: ‘проведя границу, отделить одно от другого’ (очаги поражения отграничены от здоровой ткани)</i>	<i>Отграничить: ‘установив различия между чем-л., отделить, обособить (отграничить одно понятие от другого)</i>
<i>Разграничить 1: ‘разделить, установив границы’ (разграничить районы)</i>	<i>Разграничить 2: ‘обособить, отделить друг от друга’ (разграничить обязанности)</i>
<i>Разграничительный: ‘относящийся к разграничению’ (советско-герман- ская разграничительная линия)</i>	<i>Разграничительный**: (разграничительная линия между фантастикой и реальностью)</i>

* В словаре подобные употребления прилагательного не разграничиваются.

** Словарь не фиксирует второго значения у прилагательного *разграничительный*; можно, однако, констатировать, что оно вначале претерпело фразеологизацию: в 95% случаев оно используется с существительным *линия*, в остальных — с синонимичными ему субстантивами *полоса* и *черта*. Затем словосочетание в целом стало использоваться для описания и физического, и умозрительного пространства.

Рассмотрим особенности функционирования отдельных лексем более подробно. Существительное *граница* зафиксировано в Национальном корпусе в составе 37 730 вхождений. Для оценки примерной доли локативных употреблений в поисковый запрос были включены пространственные предлоги (иначе говоря, запрос оформлялся в виде *на + граница, до + граница* и т. п.).

Систематизируя полученные результаты, условно разграничим три типа употреблений. Первый — собственно территориальные употребления, такие как *граница между участками, у границы леса / заповедника* (далее они обозначаются с помощью ярлыка ‘территор.’). Второй — политические или «государственные» (‘государств.’) употребления (*граница между Россией и Китаем*). Третий — умозрительные: *от границ нормальной жизни, от границ правового поля, из границ благопристойности, из границ терпения, в границах благоразумия, в границах правдоподобия*. Употребления первого и второго типа противопоставляются употреблениям третьего типа как локативные — нелокативным.

Полученные данные систематизированы в таблице 2. В первом её столбце приведено количество употреблений существительного *граница* с пространственными предлогами, в остальных столбцах указана доля каждого типа от общего числа употреблений, зафиксированных в основном и газетном корпусе НК (отражено в числителе и знаменателе соответственно).

Таблица 2.

**Граница в контексте пространственных предлогов:
типология и статистика употреблений**

Сочетания (кол-во)	Локативные употребления (%):		Умозрительные употребления (%)
	‘государств.’	‘территор.’	
Из-за границ (-ы) 1746 / 964	98 / 99	2 / 1	0
За границей 6440 / 4866	98 / 99	1,7 / 1	0,3 / 0
За границу 6285 / 4018	98 / 99	2 / 1	0
За границами 70 / 78	55 / 54	17 / 42	28 / 4
За границы 229 / 123	26 / 28	22 / 38	52 / 34
Вдоль границ (-ы) 85 / 108	76 / 95	24 / 5	0
К границе (-ам) 486 / 382	84 / 88	12 / 10	4 / 2
От границ 301 / 359	77 / 92	22 / 8	1 / 0
У границ (-ы) 108 / 181	70 / 92	23 / 7	3 / 1
До границ (ы) 322 / 237	65 / 87	29 / 12	6 / 1
В границах (-ы) 561 / 552	26 / 51	34 / 45	40 / 4
Из границ 76 / 16	3 / 6	4 / 25	93 / 59

Количественный анализ обнаруживает некоторые тенденции:

(а) локативные компоненты семантики существительного *граница* актуализируются в контексте пространственных предлогов;

(б) максимально сильный контекст для реализации пространственной семантики образуют, в порядке убывания, предлоги *из-за*, *за* (в конструкциях *за границей*, *за границу*), *вдоль*, *от*, *у*, *к*, *до*;

(в) по характеру языкового поведения лексемы *граница* ‘государств.’ и *граница* ‘территор.’ практически не различаются (не случайно словари выделяют здесь не самостоятельные значения, а оттенки);

(г) частотность лексемы *граница* = ‘условная линия, разделяющая территории или воды смежных государств’ в составе газетного корпуса значительно выше, чем в составе основного;

(д) при наличии умозрительных употреблений их частотность выше в составе основного корпуса, чем в составе газетного;

(е) переход от локативных употреблений к умозрительным возможен даже в «пространственном» контексте (ср. статистику для предложных сочетаний *за границами* / *за границы*, *в границах* / *в границы* и особенно — *из границ*).

Значение ‘условная линия, разделяющая территории или воды смежных государств’ являет собой конкретизацию исходной локативной семантики существительного *граница* и, как показывает анализ, требует особой языковой упаковки. Её создают, во-первых, предложные конструкции (см. табл. 2), абсолютным лидерами среди которых являются сочетания с предлогами *из-за* и *за*. Последние лидируют также в количественном отношении: они составляют 36% вхождений существительного *граница* в основном корпусе и 29% — в газетном (13 383 из 37 730 и 9 085 из 31 421 соответственно). Во-вторых, «государственная» семантика наследуется несколькими производными словами: *пограничный* 1 = ‘находящийся или происходящий на границе (*пограничный пост*, *инцидент*); *пограничный* 3 — прил. к *пограничник* (*пограничная форма*); *приграничный* = ‘находящийся около границы, на границе’ (*приграничная зона*).

Особое место в кругу этих единиц занимают существительное *за-граница* = ‘зарубежные страны, иностранные государства’ и прилагательное *заграничный* = ‘привозимый из-за границы; иностранный, иноземный’. Оба слова отличаются высокой частотностью: в основном корпусе 1917 вхождений существительного и 5 177 вхождений прилагательного, в газетном — 736 и 2 052 соответственно. Семантическое

своеобразие этих слов заключается в том, что они функционируют не только как обозначения соответствующих понятий, но и как средство выражения дополнительных коннотаций, весьма разнообразных и неоднородных в аксиологическом отношении.

В первом режиме употребления и существительное, и прилагательное просто отсылают к понятийной области 'иностранного, зарубежного': *В 1990-е гг. Средняя Азия шаг за шагом снова становилась для России заграницей* (Лолаева); *Национальный театральный фестиваль в апреле предложит каскад спектаклей из России, стран СНГ и заграницы* (Крылова); *заграничная поездка, производство; заграничные банки, заграничные счета*.

Во втором режиме употребления эти слова накапливают новое концептуальное содержание. *Заграница*, с одной стороны, мыслится как престижная инстанция, ориентир, образец для подражания, источник соблазна и даже гипотетический помощник, ср.: *Советские творцы были вынуждены равняться на заграницу, об этом хоть и не говорили вслух, но все знали, что есть где-то Бунин, Набоков, Рахманинов, Шаляпин, Михаил Чехов, Шагал, Бродский, Барышников (Журбин); Что же касается «корабельных» женицин, — каютных номерных, поваров, буфетчиц, то их контингент, как правило, формировался из сельских или провинциальных девчонок, соблазнившихся на «заграницу» и морскую экзотику (Городницкий); Простых теперь мало. Теперь мода на заграницу. Там старухи старые красное носят и вино сосут через соломинку (Щербакова); Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство, на заграницу, на какое-нибудь «всесильное учение», на что угодно, на кого угодно, только не на себя? (Медведев). См. также: ориентироваться, ссылаться, коситься, засматриваться, полагаться на заграницу, надежды на заграницу, заграница нам (не) поможет*

Прилагательное *заграничный* также начинает аккумулировать качественные смыслы, не просто указывая на происхождение чего-либо, но характеризуя это нечто как предмет, отмеченный особой ценностью, престижностью, принадлежностью сфере «красивой жизни». Показательно, что определение *заграничный* легко используется самостоятельно; говорящий не считает нужным пояснять, какое именно свойство вещи он имеет в виду, полагая, что адресат извлечёт необходимую информацию без уточнений: *Как же мы все любим заграничные штуч-*

ки! (Доценко); Она любила заграничные тряпки и прочую красивую жизнь из иностранных (Соломатина); — Видела я её, — сказала она, — воображая первый сорт... Пальто заграничное, берет мохнатый... Разодета, как на выставку (Драбкина); В числе прочего был и фонарик, длинный, увесистый, заграничный (Биленкин); заграничные наряды, платья, пиджаки и т. п.

С другой стороны, *заграница*, — это чужое и чуждое пространство. Пребывание в нём вызывает сложные чувства, замешанные отчасти на зависти, отчасти на боязни, но главным образом — на стереотипах мифологического и мифологизирующего сознания, рефлексy которого опознаются в том числе по формам множественного числа существительных, по природе вещей его не имеющих: *разъезжать по Европам, Америкам, заграницам*. Языковой образ такой *заграницы* и отношение субъекта речи к тому, кто в ней находится, выпукло высвечивается с помощью эмоционально-оценочной глагольной лексики, см. некоторые типичные контексты: *Х таскается, шляется, разъезжает, скитается, шастает, болтается, торчит по заграницам*. Представление единичного как множества становится «основой для пейоративного отчуждения (разрядка автора. — М.Т.). Сущность последнего состоит в том, что говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и/или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно — в силу собственной враждебности) культуры, другого — чуждого мира»¹.

Таким образом, в составе рассматриваемого словообразовательного гнезда обнаруживается зона, специализирующаяся на выражении значения ‘государственная граница’ и связанных с этим значением коннотаций.

Достаточно объёмный по составу фрагмент гнезда составляют такие единицы, в семантической структуре которых непространственные значения полностью или почти полностью вытеснили пространственные. Это *ограничиться 1* = ‘удовлетвориться, удовольствоваться чем-л.’ (*ограничился официальным приветствием*); *ограничиться 2* = ‘не вый-

¹ Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 17. Объяснение внутреннего механизма этой операции, особенностей её языкового выражения см. в цитируемой работе.

ти за пределы чего-л., свестись к чему-л.’ (*отдых не может ограничиться тяжёлым сном*); *ограниченный 2* = ‘небольшой, незначительный’ (*ограниченные возможности*); *ограниченный 3* = ‘с узким кругозором, недалёкий’ (*ограниченный ум*); *разграничиться* = ‘обособиться, отделиться’ (*обязанности разграничились*); *ограничитель* = ‘прибор, делающий путём автоматического выключения невозможной работу какой-л. машины, устройства’ (*ограничитель скорости*); *ограничительный 1* = ‘служащий для ограничения чего-л.’ (*ограничительные меры*); *ограничительный 2* = ‘ограниченный в каком-л. отношении, не охватывающий чего-л. полностью’ (*ограничительное толкование закона*).

Понятно, что все перечисленные лексемы сохраняют «генетическую память» о базовом значении вершинного существительного, но профилируют это значение по-разному, что связано, как представляется, со второй особенностью концептуализации *границы* в русском языковом сознании.

Аспекты семантики *границы* и языковые средства их репрезентации

И само существительное, и почти все его производные способны актуализировать разные аспекты семантики *границы*: ‘разграничение’, ‘ограничение’, ‘смежность’. Элементы контекста могут перемещать в коммуникативный фокус любой из названных семантических компонентов, ср. ‘отграничение, разделение’: *Границы, / вы — пустые пропасти, слепые бездны, рвы отвесных замков* (Кирсанов); ‘ограничение’: *Территория Москвы в границах Садового кольца*; ‘смежность’: *Я заметил на границе поля и леса крытый навес* (Пелевин). Однако, поскольку русский язык относится к языкам с развитым морфологическим строем¹, он обладает специализированными средствами, позволяющими эксплицировать ту или иную семантическую составляющую.

¹ Под морфологическим строем языка понимается «характер отношений между семемами (т. е. элементарными смысловыми единицами — “семантическими множителями” данного языка в плане содержания) и морфемами (т. е. минимальными единицами носителей, выразителей семем в плане выражения) в пределах слова» (Мельников Г. П. Морфологический строй языка и средства словоразграничения // Исследования по фонологии. М.: Наука, 1966. С. 263).

Идея **разграничения**, разделения в наиболее явном виде выражается глаголами *отграничить / отграничивать, разграничить / разграничивать, разграничиться*, в которых приставки *от-* и *раз-* реализуют значения ‘удалить(ся) на некоторое расстояние, отделить(ся)’ и ‘направить в разные стороны, разъединить’ соответственно. Как уже отмечалось, названные глаголы обозначают разделение сущностей как в (а) физическом, так и в (б) умозрительном мире. При этом в первом случае разъединяемые сущности чаще принадлежат миру анатомическому, физиологическому, а не собственно пространственному, ср.:

(а) *Соцветие обычно отграничено от вегетативной части растения (Чуб); отграничить группы мышц друг от друга; Бухты разграничивались каменными мысами (Парнов); разграничивать территории, тротуар и мостовую, рабочую и спальную зоны;*

(б) *Необходимо точнее определить понятие «модель» и отграничить его от понятий образа и понятия (Эльконин); разграничивать полномочия, понятия, стихи и прозу, функции, сферы влияния, компетенции; отграничивать молодость от старости, сон от яви, воспитание от обучения.*

Идея **смежности** выражается прилагательными *пограничный* 2 = ‘граничащий, смежный’ и *приграничный* = ‘находящийся, расположенный около границы’, а также глаголом *граничить*. В первых двух случаях существенный семантический вклад в формирование соответствующего значения вносят приставки: *по-* = ‘расположенный близ или вдоль того, что названо’; *при-* = ‘находящийся в непосредственной близости к тому, что названо: а) словом (или словосочетанием), которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное; б) словосочетанием с мотивирующим прилагательным в качестве определения’. Оба прилагательных используются в первую очередь для выражения значения ‘находящийся, расположенный около государственной границы’; ‘происходящий в районе государственной границы’: *приграничный округ, район; приграничная зона, область; приграничные бои, сражения, конфликты; приграничное взаимодействие, сотрудничество; пограничные войска, пограничная застава, полоса; пограничный конфликт, контроль, пункт* и т. п.

Семантические различия между названными прилагательными сводятся к следующему. Во-первых, хотя *приграничный* и *пограничный* широко используются в тождественном окружении (ср. *приграничные / пограничные области, зоны, районы, города*), только вторая лексема по-

лучила функциональную специализацию: именно она должна быть использована для описания ситуаций «государственного» характера (*пограничная застава, служба, пограничный пост, инцидент*). Во-вторых, прилагательное *пограничный* имеет не только локативные, но и умозрительные употребления: *пограничный между наукой и искусством, психологией и медициной; отрасли химии, пограничные с биологией; отчаянье, пограничное с яростью; пограничная с глухотой тугоухость* и т. п.

Иной семантический вес имеют выражающие смежность лексемы глагола *границить* 1 = ‘быть смежным территориально, иметь общую границу’ (*страны граничат*) и *границить* 2 = ‘быть близким к чему-л., доходить до чего-л.’ (*любопытство граничит с бестактностью*). Частотность второй лексемы в два с лишним раза превосходит частотность первой; интересно при этом, что второй компонент в составе конструкции *Х граничит с Y* (в составе умозрительных употреблений) обозначает в подавляющем большинстве случаев состояния и свойства экстремального характера, ср.: *охлаждение / раздражение / недоверие, граничащее с ненавистью; отчуждение, граничащее с бешенством; самоуверенность, граничащая с наглостью; дружба, граничащая с обожанием*.

Граница не только разделяет (*раз-граничивает, от-граничивает*) смежные (*граничащие*) территории — она очерчивает (*о-граничивает*) контур предмета, отмечает его края, пределы. Этот смысловой нюанс само существительное актуализирует главным образом в составе конструкций *в границах* (*Садового кольца, Российской Федерации, ботанико-географических зон*), *из границ* (*губернии, участка, РФ*), *достичь границ, раздвинуть границы*. При этом пространственные координаты, как и в рассмотренных выше случаях, легко переосмысляются и начинают размечать не физическую, а психическую / ментальную сферу человеческого бытия: *в границах традиции, метода, благопристойности, благоразумия; выходить из границ терпения, приличного поведения, умеренности, повиновения* и т. п. Конструкция *в границах* чаще используется для описания физического пространства, *из границ* — умозрительного (табл. 2).

Особым образом идея ‘ограничения’ выражается словами *ограничить, ограничивать, ограничиться, ограничиваться*¹. Словари выделя-

¹ Важный вклад в их семантику вносит приставка *о-*, выражающая значение ‘вокруг, на все стороны чего-н.’

ют у них и пространственное, и непространственное значение. Однако анализ представительного массива корпусного материала (20 403 вхождения глагола ограничить, 6 106 — ограничивать, 7 311 — ограничиться, 7 671 — ограничиваться) показывает, что первое значение реализуется только в единичных случаях: *охранная зона ограничена с севера территорией обсерватории, с востока и запада — склонами горы Кошка, а с юга — шоссе Ялта — Севастополь; территория, ограниченная рекой Миасс и улицами Братьев Кашириных* и т.п. Такие употребления составляют менее 0,3%. Употребления второго типа, напротив, весьма разнообразны, что демонстрирует, например, глагол *ограничить*: *число туристов, суверенитет республик, свободу слова, финансовую самостоятельность, продажу алкоголя, инициативы президента, передвижение по палубе*¹.

Представление о границе как о предельной линии, очерчивающей некоторый фрагмент пространства, легко экстраполируется в любые сферы человеческой деятельности. Это же представление образует семантическое ядро прилагательного *безграничный* 1 = ‘не имеющий видимых границ, беспредельный’ (*безграничная степь*) и *безграничный* 2 = ‘без каких-л. ограничений, чрезмерный, чрезвычайный’ (*безграничные возможности, безграничная власть, любовь, самоуверенность, безграничное терпение*). Прилагательное, так же как глаголы, актуализирующие смысловой компонент ‘предел, край’, крайне редко используется в первом значении (менее процента употреблений).

Любопытные тенденции функционирования единиц, входящих в словообразовательное гнездо слова *граница*, обнаруживаются в ходе статистического анализа этих единиц, сгруппированных с учетом тождества семантического компонента, находящегося в фокусе лексического значения (табл. 3). В первом её столбце указано количество употреблений соответствующей лексики в абсолютном выражении (числитель — в основном корпусе, знаменатель — в газетном). В остальных столбцах приводится доля локативных употреблений.

Как видно, производная лексика характеризуется достаточно жёстким распределением по типам пространств, которые она размечает.

¹ При этом почти в десяти процентах случаев используется не личная форма глагола, а страдательное причастие: *ограниченные возможности, права ограничены* и т. п.

Таблица 3.

Лексика разграничения, ограничения, смежности как средство пространственной характеристики: типы и доли употреблений

<i>Лексема (X / У)</i>	<i>Доля локативных употреблений в корпусе (%):</i>		
	<i>в основ- ном</i>	<i>в газет- ном</i>	<i>средневзвешенное значение</i>
В фокусе — идея разграничения			
<i>Разграничивать</i> (127 / 59 = 186)	9,5	3,4	7,5
<i>Разграничить</i> (269 / 234 = 503)	5,6	1,3	3,6
<i>Разграничиваться</i> (26 / 8 = 34)	11,5	50	20,5
<i>Разграничиться</i> (7 / 2 = 9)	14	0	12
<i>Отграничивать</i> (47 / 1 = 48)	10,6	0	10
<i>Отграничить</i> (147 / 1 = 148)	23	100	24
<i>Отграничиваться</i> (17 / 0 = 17)	11,8	0	11,8
<i>Отграничиться</i> (4 / 1 = 5)	0	0	0
Всего: 644 / 306 = 950	11,2	3,3	8,6
В фокусе — идея смежности			
<i>Граничить</i> (1 006 / 755 = 1 761)	40	72,3	54
<i>Приграничный</i> (587 / 1 669 = 2 256)	100	100	100*
<i>Пограничный</i> (3 494 / 3 855 = 7 349)	94,2	99,5	97**
Всего: 5 087 / 6279 = 11 366	84,3	94,2	91
В фокусе — идея ограничения			
<i>Ограничивать</i> (2 806 / 3 320 = 6 126)	менее 1%		
<i>Ограничить</i> (9 805 / 700 = 10 505)	менее 1%		
<i>Ограничиться</i> (3 991 / 3 320 = 7 311)	0%		
<i>Ограничиваться</i> (4 600 / 3 071 = 7 671)	0%		
<i>Безграничный</i> (2 706 / 690 = 3 396)	менее 1%		
Всего: 23 908 / 11 101 = 35 009	менее 1%		

* Во всех локативных употреблении прилагательного имеется в виду *граница* ‘государств’.

** В кругу локативных употреблений прилагательного почти в 99% случаев имеется в виду *граница* ‘государств’.

Чрезвычайно любопытным кажется тот факт, что описание физического / географического пространства осуществляется главным образом с помощью лексем, выражающих идею смежности. Оказывается, что за собственно пространственное конструирование мира «отвечают»

не те лексические единицы, которые актуализируют представления о раз- или отграничении, а те, которые акцентируют другой аспект *границы* — ‘контакт’, ‘близость’, ‘соприкосновение’. Названная семантическая составляющая диалектически взаимодействует со всеми остальными: так, *пограничный* (или *приграничный*) район, находясь **возле** границы, **соседствует** с чужой территорией (‘смежность’), является «краем» своей земли (‘предел’, ‘ограничение’) и **отделяет** «своё» от «чужого» (‘разделение’). Профилируя идею смежности, слова *пограничный*, *приграничный*, *границить* сохраняют в качестве фоновых те смысловые компоненты, которые перечислены в следующей ниже дефиниции *границы* (выделено мною. — М.Т.)¹:

«...Начало или конец всякого определённого бытия; межа, **отделяющая** нечто от иного; место прямого **соприкосновения**, единения и взаимопроникновения смежно сосуществующих предметов».

Пространство встречи с Другим неизбежно оказывается провокативным: оно вынуждает субъекта определить черты, отличающие «своё» от «чужого», оценить «чужое» как безопасное или враждебное, понятное или незнакомое и т. п. Именно поэтому границы являются «наиболее “горячими” точками семиобразовательных процессов... Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой — соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обоим пограничным культурам, обоим взаимно прилегающим семиосферам»².

Потому лексемы, в фокусе значения которых находится идея смежности и которые тяготеют к описанию физического пространства, всё же способны развивать умозрительную семантику и характеризовать особые ментальные и эмоциональные состояния, ср.: *объяснение, пограничное с оправданием; сдержанность, граничащая с безразличием; недоверие, граничащее с предвзятостью*.

¹ Пивоваров Д. В. Граница... С. 213.

² Лотман Ю. М. Семиосфера... С. 262. Ср.: «Границы, края или пределы, относятся они к миру жизни или же к миру мысли, часто рассматриваются как наиболее насыщенные пространства, поскольку именно там обнаруживаются сложность, богатство и разнообразие, нигде более не осуществлённые; к тому же именно там обнаруживается наибольшее количество вызовов, обращённых к миру жизни и миру мысли» (Стейнбок Э. Пограничные феномены... С. 192).

Ещё более понятным является факт использования для описания умозрительных пространств лексем, выражающих идеи от- и разграничения, хотя абсолютное преобладание таких употреблений всё же представляется неожиданным. Выделение некоторого объекта действительности, осмысление его целостности, его количественной и качественной определённости, установление особенностей, отличающих его от других подобных, иными словами, — разграничение, анализ есть столь же необходимый элемент познания, что и синтез.

Как неоднократно отмечалось, тесная связь географического пространства с общей картиной мира «приводит к тому, что оно в современном сознании остается областью семиотического миромоделирования... География исключительно легко превращается в символику»¹. Тот же автор подчёркивает²:

«Семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры... Неизбежным фундаментом освоения жизни культурой является создание образа мира, пространственной модели универсума. В этом случае пространственное моделирование реконструирует пространственный же облик реального мира».

Таким образом, «лексика границы» широко используется в русском языке для описания предметного и не предметного мира. Количественный анализ эмпирических данных, извлеченных из НК, даёт возможность сформулировать некоторые качественные закономерности, характеризующие функционирование отдельных лексем.

1. Семантический потенциал существительного *граница* определяется характером обозначаемого им объекта. Как отмечает Д. В. Пивоваров, «по своей природе граница парадоксальна: разъединяя вещи, она в то же время объединяет их, становится основой их связи; пограничные контакты разных А и Б чреваты эмерджентами, неожиданными новообразованиями»³. Разные аспекты этого амбивалентного феномена получают в русском языке специализированные средства языкового выражения.

2. Семантика края, конца, предела (и его отсутствия) воплощается словами с приставками *о-* и *без-*, используемыми в подавляющем большинстве случаев для характеристики умозрительного пространства.

¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 303.

² Там же. С. 275.

³ Пивоваров Д. В. Указ. соч. С. 213.

3. Семантика деления выражается лексемами с приставками *раз-* и *от-*, которые также употребляются главным образом при описании умозрительного пространства.

4. Семантика смежности эксплицируется, во-первых, прилагательными *приграничный* и *пограничный*, актуализирующими локативные компоненты смысла (по преимуществу — ‘граница государств.’), и глаголом *границить*, который примерно в равной пропорции встречается при описании собственно пространственных и семиотических ситуаций.

5. Само существительное *граница* играет всеми гранями смысла в зависимости от контекста, в который оно погружено.

Last but not least

Все вышеизложенное — результат анализа **языкового поведения** лексических единиц, группирующихся вокруг **слова** *граница*. Анализ, однако, нельзя признать завершённым без осмысления одного очень важного обстоятельства.

Феномену границы посвящена обширная научная литература. Об этом уже говорилось во введении. Приведем здесь ещё одну показательную цитату¹:

«Метафизические размышления на тему границы имеют давнюю историю. Уже в самом начале формирования философского мировоззрения граница в значении предела, меры стала предметом рефлексии. Со временем граница обрела статус не просто предельного понятия, объясняющего мироустройство, а некой концептуальной идеи, вокруг которой формировались основные положения целого ряда философских школ и направлений, таких, например, как философия жизни, феноменология, экзистенциальная философия, философская герменевтика, философская антропология».

Знакомство с научной литературой подтверждает справедливость мысли автора о том, что в многочисленных гуманитарных штудиях **слово** *граница* обретает статус концептуальной **идеи**. В них оно вырывает-

¹ Куликова Т. В. Философия границы: феноменологический и эпистемологический подходы: автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Н. Новгород, 2011. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a66.php> (дата обращения: 12.01.2014). См. здесь же перечень проблем, связанных с исследованием феномена границы, и подробные библиографические сведения.

ся за пределы (за границы!) естественного языка, становится терминологическим ярлыком, дающим возможность обсуждать чрезвычайно широкий круг ситуаций. Однако расплатой за терминологизацию оказывается утрата референтной отнесённости.

В терминах границы описываются дихотомии *своё — чужое, космос — хаос, центр — периферия, культура — природа* и т. д. С помощью понятия границы характеризуется топология субъекта, механизмы смыслообразования, моделирование мифа, художественного, научного, публицистического дискурса.

Концепт границы используется как некий универсальный ключ к самым разным проблемам. При этом, подчеркнём ещё раз, концепт и его имя (научный конструкт и слово, его обозначающее) расходятся все дальше и дальше, о чём свидетельствует, например, следующий фрагмент из статьи, посвящённой выходу собрания сочинений М.М. Бахтина¹ (выделено мною. — М.Т.):

«...Был обработан, освоен, осмыслен и откомментирован громадный по объёму материал, для чего надо было продемонстрировать не только высокую компетентность в понимании сложнейших текстов, но и **уметь встать на границах и пересечениях всего ряда гуманитарных дисциплин. Ибо так работал сам Бахтин — на меже, на пороге, на гранях и переходах.** <...> «Граница» у ММБ — **межевой камень** в пространствах комплексных методологий и **терминатор** в проблемных полях, а также **спецификатор** и **кодификатор** проблемы в плане соответствия метода объекту».

Подытожим. Лексика *границы*, отличающаяся высокой частотностью в разных сферах обыденной коммуникации, используется главным образом как средство пространственного дейксиса², структурируя и размечая освоенные человеком физические и метафизические пространства. Научный дискурс, активно эксплуатирующий эту лексику,

¹ Исупов К. Бахтин академический // Вопросы литературы, 2013, № 4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/voprosy-literatury/v4-2013/20406-bahtin-akademicheskij.html> (дата обращения: 02.02.2014).

² Под дейксисом в лингвистике понимают использование языковых выражений и других знаков, которые могут быть интерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта — его участникам, его месту и времени. Пространственный дейксис, соответственно, — это указание на пространственную локализацию объекта.

наполняет её новыми смыслами и коннотациями (задаваемыми, впрочем, традицией обыденного функционирования). Переход общеупотребительных слов в термины — явление хорошо известное и подробно описанное. Обычно в процессе такого перехода сужается объём обозначаемого общеупотребительным словом понятия, лексема претерпевает процесс семантической специализации, утрачивает синонимы, развивает новые парадигматические отношения внутри терминосистемы.

В рассматриваемом случае мы наблюдаем скорее обратный процесс. Говоря о феномене границы, исследователи пользуются соответствующим словом естественного языка и легко включают его в объёмный и нестрогий синонимический ряд: *препятствие, переход, барьер, порог, грань, стык, диалог, предел, черта* и т. п.¹ Объём понятия, называемого словом *граница* и его производными, существенно увеличивается, синонимический ряд разрастается, сфера приложения расширяется. Возможно, это связано с интуитивной понятностью и структурно-семантической прозрачностью этой лексики; возможно — с тем, что она актуализирует представления об опыте встречи с неизвестным и с вызываемыми этим опытом эмоциями, а потому легко экстраполируется на смежные семантические сферы; возможно...

Впрочем, для выяснения всех таких возможностей пришлось бы уйти далеко **за границы** обсуждаемой здесь проблематики.

¹ Ср. перечень предметов и явлений, функционирующих в роли границ: *межа, тын, забор, ворота, порог, окно, река, дорога, лес, избушка на курьих ножках, змей, куколка* и т. д. (Толстой Н. И. Граница...; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки...).

ГРАНИЦА В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ¹

Уго Перси

В настоящей статье я не буду касаться размышлений об основополагающих выводах, связанных с понятиями «граница» и «пространство», к которым пришли такие крупные ученые, как М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Г. Башляр, М. де Серто, Г. Зиммель, тем более не собираюсь их оспорить. Не теряя из виду вклад этих мыслителей, я лишь постараюсь прочертить некоторые линии истории и культуры Италии с целью обрисовки мной предполагаемой и, насколько я знаю, ещё не рассмотренной концепции «граница» в восприятии итальянцев.

I

Итальянский полуостров: уже географическое определение территории Италии красноречиво говорит о том, что эта страна — квинт-эссенция понятия «граница». В самом деле, если вообще в полуостровах соприкосновение земли с морем является просто берегом, то берега Италии — это границы. Безусловно, настоящие границы Италии не совпадают с её берегами, а проходят по открытому морю, однако, если абстрагироваться от рационального научного и политического взгляда на границы Италии, по первичному непосредственному восприятию они, бесспорно, совпадают с берегами.

Есть полуострова, которые, несмотря на их положение пограничных земель, всё-таки, благодаря их физической неразрывности с материком, не действуют на воображение как наполовину изолированные территории. На них можно смотреть как на земли, не желающие становиться морем, упорно и отважно отстаивающие свое право перед жид-

¹ Статья написана автором на русском языке.

ким и зыбким элементом быть твердою — право устойчивости перед неустойчивостью, космоса перед хаосом. Италия же отделена от европейского континента вереницей высочайших гор, Альпами.

Тектоника нам объясняет, что Альпы — это результат напора Африки на полуостров в сторону сопротивлявшегося этому напору континента. Если смотреть на карту, то кажется, что Альпы на самом деле не граница, а своего рода шов, соединяющий континент и подвешенный к нему «аппендикс». В действительности Альпы на протяжении тысячелетий являлись почти непроницаемой границей, придавали полуострову статус настоящего острова. Неслучайно же в итальянском языке есть такие термины, как *cisalpino* (находящийся по эту сторону Альп, т. е. — Италия), *transalpino* (находящийся по ту сторону Альп, т. е. — все страны, граничащие с Италией), и *oltralpe* (по ту сторону Альп). Всем известна история эпического вхождения Ганнибала в Италию со своими слонами через заснеженные горы. Не менее известны путевые заметки неисчислимых путешественников эпохи Гранд тура¹, рассказывающих о немыслимых в наши дни трудностях и неудобствах прохода через Альпы, стоически переживавшихся энтузиастами классической культуры².

¹ Период *Гранд тура* начинается в XVI в. и длится до заката романтической эпохи. «Гранд туристами» можно считать почти всех европейских интеллектуалов. Несмотря на отдельные личные случаи, Гранд тур подразумевает путешествие преимущественно из Англии или Германии через Францию, Швейцарию и Австрию в Италию. Намерения путешественников были разными, но обычно они пускались в длинную, неудобную, а порой и опасную дорогу с целью усовершенствования своего образования, для чего требовалось личное знакомство с останками античности. Библиография Гранд тура очень богата, укажу только несколько работ: *Waetzold W.* Das klassische Land. Wandlungen der Italiensehnsucht. Leipzig: Seemann, 1927; *Burgess A. and Haskell F.* (eds.). Age of Grand Tour. London: Paul Elek, 1967; *Black J.* The British and the Grand Tour. London: Croom Helm, 1985; *Hibbert C.* The Grand Tour. London: Methuen, 1987; *Leed E. J.* The Mind of the Traveller. From Gilgamesh to Global Tourism. New York: Basic Books, 1991; *De Seta C.* L'Italia del Grand Tour da Montaigne a Goethe. Milano: Electa, 1992; *Brilli A.* Quando viaggiare era un'arte. Il romanzo del Grand Tour. Bologna: Il Mulino, 1995.

² Для путешествовавших в Италию из Германии через Австрию самым удобным был перевал Бреннер, а если они ехали через Швейцарию, — перевалы Малый и Большой Сен-Бернар, Сен-Готард и Симплон; последний счи-

Вышесказанное касается восприятия большинства итальянцев. Но не надо упускать из виду, что свыше 10% населения Италии живёт на островах; у них восприятие границы ещё более сильное, чем у остальных итальянцев. В самом деле, если «полуостровные» итальянцы, подразумевая Францию, Швейцарию и другие заальпийские страны, говорят *oltralpe*, то островитяне о «заморской» Италии прямо говорят *il continente*, потому что для них настоящая граница не Альпы, а берега своего острова.

Если теперь мы передвинемся от берегов полуострова внутрь страны, мы убедимся в том, что понятие «граница» меняет свои особые приметы, но сила его не уменьшается. Причина этого в том, что итальянский полуостров есть не что иное, как далеко протянувшаяся в Средиземное море горная цепь Апеннины; её края изрезаны долинами, и каждая долина является территорией, более или менее отгороженной от соседней долины по конфигурации горных гребней. Этот факт,

тался самым удобным после постройки дороги, начатой по приказу Наполеона от 7 сентября 1800 г. Если же путешественники отправлялись из Франции, то они должны были перейти через неприветливый перевал Мон-Сени. Вот рассказ об этой дороге в 1739 г. английского писателя Хораса Уолпола: «У подножья Мон-Сени нам пришлось выйти из кареты, которую разобрали на части и погрузили на мулов. Нас же пересадили на стулья, закреплённые на двух шестах, и снабдили шапками, перчатками, носками из бобровой кожи, медвежьими шкурами и муфтами... Быстрота и гибкость этих горных людей просто неописуемы: они нас везли, сбегая вниз по обледелым крутым склонам, где обычный человек не осмелился бы сделать и шага. Для перевозки вместе с нашими слугами и багажом мы могли рассчитывать на десять носильщиков и девять мулов; мы провели больше пяти часов в этих приятных условиях!» (*Walpole H. Letters. London, 1857; cited from: Brilli A. Op. cit. P. 62*). В записках путешественников часто встречаются подобные описания, см., например: *Lalande J. de. Voyage d'un Français en Italie, fait dans les années 1765–1766. 8 vols. Venise, Paris: Desaint, 1769; Dickens Ch. Pictures from Italy. London: Bradbury & Evans, 1846; Evelyn J. The Diary. Oxford: Oxford Univ. Press, 1959; The Private Letters of Edward Gibbon, 2 vols., London: J. Murray, 1896; The Autobiography of Edward Gibbon. London: Macmillan, 1930. Не редки и описания аварий, карет, катящихся с обрыва и людей, из них выпрыгивающих, чтобы спастись; но так как в Альпах мало кому посчастливится упасть, как Чичиков, в мягкую грязь, многие поднимались, — если вообще поднимались, — с ушибами, хромающими и т. п. См., например: *Morellet A. Mémoires de l'abbé Morellet sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution. Réédition: Mercure de France, Paris, 1988.**

очевидно, сказывается (хотя теперь уже можно говорить — сказывался) и на пространственном восприятии жителей, которые обитателей соседней долины часто считали не просто соседями, а иноземцами. Раздробленность горных краев способствует чувству изолированности. А то, в свою очередь, укрепляет приверженность местным нравам и обычаям и ощутимо влияет на языковые характеристики населения — на говоры, на диалекты, которые могут довольно сильно отличаться от долины к долине.

В отдельных случаях изолированность даже способствовала долгому сохранению иностранных для Италии языков. Так, в Пьемонте, в долине реки Сезия (Valsesia), живут вальзеры — потомки выходцев из кантона Вале (фр. Valais, нем. Wallis, итал. Vallese), переселившихся в северную часть долины ещё в XIII в. Сегодня эти люди считаются итальянцами со всех точек зрения; однако между собой они до сих пор говорят на варианте старого алеманнского языка, строят дома в немецком горном стиле, на праздники одевают традиционные костюмы, которые явно отличаются от таких костюмов в соседних долинах¹. Подобное можно наблюдать и в регионах Трентино — Альто-Адидже и Венето: здесь живет народ, сохраняющий особые нравы и говорящий на ладинском языке, считающимся не диалектом итальянского языка, а одним из рето-романских языков, в свою очередь разделенным на добрый десяток диалектальных вариантов². На юге также встречается

¹ Об истории и культуре вальзеров см.: *Mandracci C. V. Le antiche case valsesiane: sviluppo storico di una cultura ambientale e problemi della sua tutela e valorizzazione*. Novara: Società Valsesiana Di Cultura, 1967; *Zanzi L., Rizzi E. I Walser nella storia delle Alpi: un modello di civilizzazione e i suoi problemi metodologici*. Milano: Edizioni Universitarie Jaca, 1988; *Rizzi E. Storia dei Walser / Fondazione arch. Enrico Monti. Anzola d'Ossola, 1992; Stroppa C. Comunità e ambiente: la cultura del popolo Walser delle Alpi*. Milano: Franco Angeli, 2002. О языке вальзеров см.: *Fazzini E. (a cura di). Studi alemannici I. I dialetti walser tra isolamento e contatto linguistico*, Alessandria: Edizioni dell'Orso, 1999; *eadem. Studi alemannici II. I dialetti walser in Italia: contatto linguistico e scambio interculturale*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2003; *Gilardino S. I Walser e la loro lingua dal grande nord alle Alpi. Dizionario della lingua walser di Alagna Valsesi*. Magenta: Centro Studi Zeisciu, 2008.

² О ладинской культуре в области Доломитовых Альп см.: *Marcantoni M. (a cura di). Nuovo atlante ladino: geografia, lingua, storia, cultura, arte, società, economia dei ladini dolomitici*. Trento: IASA, 2006. О ладинском языке этой области

подобный феномен: в Калабрии и в Сицилии есть городки, населенные потомками албанских беженцев, говорящими по-албански. А в регионе Пулья, точнее, в его части, называемой Саленто, находятся городки, в которых говорят на диалекте явно греческого происхождения¹; правда, считать Саленто горным краем никак нельзя.

Чтобы более глубоко и более осознанно проникнуть в самую сущность восприятия границы итальянцами, недостаточно внимания к географическим характеристикам страны. Надо иметь в виду и характеристики исторические, памятуя при этом, что те являются очень сложными — многослойными и многосоставными. Ведь они выкристаллизовывались в течение двух тысячелетий. В небольшой статье невозможно вдаваться в подробности итальянской истории от Римской империи до наших дней², но оно и не обязательно: для разъяснения особенностей итальянской концепции границы достаточно определить основные этапы этой истории.

II

Мифы могут влиять на воображение народов не менее глубоко, чем реальные исторические события. История основания Рима окутана мифами и легендами и во всех их вариантах начинается с убийства, точнее, с братоубийства. Римляне считали, что их город был основан братьями Ромулом и Ремом. Поскольку они были близнецами, их дед Нумитор не мог дать первенства, а значит, и царский скипетр, никому из них. Решено было довериться богам: пусть предзнаменование от них

см.: *Kramer J. Historische Grammatik des Dolomitenladinischen: Formenlehre. Gerbrunn bei Wurzburg: Wissenschaftlicher Verlag A. Lehmann, 1976.*

¹ Сведения о происхождении этого диалекта, на котором говорят жители девяти городков в провинции Лечче, приводит Луиджи Кардуччи в своей истории Саленто. См.: *Carducci L. Storia del Salento. La Terra d'Otranto dalle origini ai primi del Cinquecento. Società, religione, economia, cultura. Galatina: Congedo Editore, 1993. P. 145–147.* О грамматических характеристиках этого диалекта, названного *grecanico* или *griko*, см. также: <http://www.grecosuditalia.it/> (access date: 15.06.2014).

² Русскому читателю, желающему выяснить эти подробности, можно порекомендовать широко известную книгу Джулиано Прокаччи (Giuliano Proccacci) “*Storia degli italiani*”, переведённую на несколько языков, а недавно появившуюся и в русском переводе. См.: *Прокаччи Дж. История итальянцев. М.; Весь Мир, 2012.*

определит, кому править в новооснованном городе. Первое предзнаменование явилось в виде шести орлов-ягнятников на Авентинском холме, где стоял Рем; второе, в виде двенадцати тех же птиц, — на холме Палатинском, где стоял Ромул. Сформировались две партии: сторонники Рема провозгласили его правителем на том основании, что он первым получил знак от богов; сторонники Ромула утверждали, что решает дело не очередность предзнаменований, а их весомость — Ромулу явились не шесть, а двенадцать ягнятников. Спор перешел в потасовку, в которой Рем был убит. Впрочем, Ливий даёт и другую трактовку¹:

«Более известна версия, согласно которой Рем, издававшийся над братом, будто бы перепрыгнул только что воздвигнутые городские стены и, вследствие того взбесившийся Ромул его убил, бросив следующий вызов: “Пусть с этой поры таким же образом умрут все, кто смеет перепрыгнуть мои стены”».

Ещё одна версия говорит о борозде, посредством плуга начертанной Ромулом для того, чтобы наметить линию будущих стен города; окончив работу, он приказал сторожу убивать любого, кто её перешагнет. Рем о приказе не знал, границу переступил, и был убит². Интересно заметить, что от латинского глагола *urvare* (также *urbare*), обозначающего действие по трассировке черты, по которой будут воздвигнуты городские стены, происходит термин *urbs*, относящийся к городу, который посвящен богам и, как таковой, имеет свою «священную границу» (*pomerium*). Наличие священной границы отличает *urbs* от *oppidum* — обычного укрепленного города, лишённого тех религиозных и политических привилегий, которыми обладает *urbs*³.

¹ «Volgatio fama est ludibrio fratris Remum novos transiluisse muros; inde ab irato Romulo, cum verbis quoque increpitans adiecisset, “Sic deinde, quicumque alius transiliet moenia mea”, interfectum». См.: *Titus Livius. Ab urbe condita libri*, I, 4–6.

² «Ad tutelam novae urbis sufficere vallum videbatur, cuius dum angustias Remus increpat saltu, dubium an iussu fratris, occisus est: prima certe victima fuit munitionemque urbis novae sanguine suo consecravit». См.: *Florus. Epitoma de Tito Livio bellorum omnium annorum*, DCC, I, 1.8.

³ См. заглавное слово «urbe» в: *Pianigiani O. Vocabolario etimologico della lingua italiana*. Roma – Milano: Società Editrice Dante Alighieri, 1907. Несмотря на давность издания, появление новых словарей и на критику таких лингвистов, каких Макс Пфистер (Max Pfister) и Вольфганг Швайккард (Wolfgang

Позже термин *urbs* прилагался только к Риму как к городу по преимуществу.

Легенда об основании Рима подчеркивает значение границы для латинской культуры при самом её зарождении. Культура эта всегда была в основном городской, и людей, живущих не в городах, а в лесах, римляне считали варварами. В трактате «Германия» Тацит, при всём его восхищении племенами, жившими за Рейном, все-таки подчеркивал достоинство Рима, хотя и признавал опасность, грозящую империи из-за того, что на смену строгим республиканским нравам пришли более «вольные» нравы имперской эпохи. Но за что учитель всех историков уважал германцев и чем восхищался в римском государстве? Варваров он уважал главным образом за их физическое и нравственное здоровье, в Риме же его восхищала государственность, олицетворенная тем самым *Urbs*. Германия для Тацита была только территорией, населённой одетыми в звериные шкуры дикарями, вид которых был безобразным, как и их леса, и общественная жизнь которых строилась на естественном праве. Римская империя зиждилась на законодательстве, уравновешенность которого позволила ей увековечиться, тогда как германцы, с точки зрения римлян, жили ВНЕ юрисдикции закона и государства.

В этой связи небезынтересно хотя бы бегло заметить, что на латинском языке предлог *вне*- передается словом *foris*, от которого в позднем латинском произошло выражение *forestis silva*, т. е. «внешний, окраинный лес», ещё позже, в итальянском, превратившееся

Schweickard), этимологический словарь Отторино Пьяниджани остается основополагающим трудом по этимологии итальянского языка (теперь доступным и в сети, URL: <http://www.etimo.it>). Таковым он, видимо, и останется до завершения публикации немецкой Академией наук и литературы (Akademie der Wissenschaften und Literatur) в сотрудничестве с итальянской Accademia della Crusca (приблизительно можно перевести как Институт чистоты языка) много томного Этимологического словаря итальянского языка (Lessico etimologico italiano или, сокращенно, LEI), завершение издания которого, начатого в 1979 г. немецким издательством Dr. Ludwig Reichert Verlag, ожидается в 2032 г. Подробнее об этимологии, истории и значении слова *urbs* с цитатами из латинских авторов можно прочитать в статье проф. Франческо Сини «*Urbs: concetto e implicazioni normative nella giurisprudenza*», URL: <http://dirittoestoria.it/10/Tradizione-Romana/Sini-Urbs-concetto-norme-giurisprudenza.htm> (access date: 10.06.2014).

в *foresta* — просто в «лес»¹. Это значит, что в лингвистическом сознании итальянцев *foresta* рождает ощущение чего-то чужого, незнакомого: недаром иностранцев итальянцы называют *forestieri*. Даже итальянское слово *selva*, непосредственно заимствованное из латинского *silva* и своей этимологией не напоминающее о чем-то ужасном (наоборот, оно указывает на ласковую Рею Сильвию, мать близнецов-основателей Рима), вызывает то же дискомфортное ощущение, которое в своё время охватило Данте, очутившегося «в сумрачном лесу»²:

«Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несущ!»

Добавлю: как бы ни был правилен перевод «дикий лес» в смысле передачи основного содержания оригинала, он всё-таки не передает в полном объеме дантовскую смысловую и звуковую аллитерацию *selva selvaggia*, где «лес» и «дикость», созвучные в корне, сливаются³. Неудивительно, что именно в этом лесу находится вход в царство окаянных душ.

Для римлян, ярых сторонников цивилизации, лес был символом нецивилизованных земель и людей, территорий, ещё не обработанных плугом, на которых ещё не построены города и водопроводы. Как пишет Саломон Шама, «римлянину только пейзаж, вылепленный человеческой рукой, был приятен, пейзаж, в котором человечество оставило свой цивилизующий и плодотворный отпечаток»⁴. Даже в сфере божественного горожане-римляне и варвары-германцы радикально различались: первые воздвигали мраморные храмы своим богам и там ставили их застывшие изображения, вторые чтили божества в вечношумящих лесах — настоящих безграничных храмах.

Лес — то же самое, что не-Рим.

¹ См. заглавное слово «foresta» в словаре Пьяниджани. URL: <http://www.etimo.it/?term=foresta> (access date: 11.06.2014).

² Перевод М. Л. Лозинского. См.: Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: ЭКСМО, 2005. С. 43.

³ «Nel mezzo del cammin di nostra vita / mi ritrovai per una selva oscura, / ché la diritta via era smarrita. // Ahi quanto a dir qual era è cosa dura / esta selva selvaggia e aspra e forte / che nel pensier rinova la paura!» (Dante Alighieri. La Divina Commedia, I, 1–6).

⁴ Shama S. Paesaggio e memoria. Milano: Mondadori, 1997. P. 82

III

«Тёмные века» средневековья, следовавшие за падением Западной Римской империи, за нашествиями варваров, сопровождавшимися грабежами и разрушениями многих городов, бегством горожан в леса и другие безопасные места¹, бросили тень на городскую сущность римской культуры, но не предали её полному забвению. Уже в XII в. видны первые перемены в общественной и политической жизни, прежде всего в северной и центральной части полуострова². Возврат значительной части населения в города, формирование в них новых социальных слоёв и появление буржуазии, само наименование которой происходит от древневерхнемецкого слова *burg*, означающего, помимо крепости и замка, ещё и укрепленный город³, придали городу определённо новый статус. Города стали своего рода городами-государствами, названными *comuni*. Это начавшееся в Италии важное историческое движение, хотя и распространилось на некоторые другие части Европы, со многих точек зрения является типично итальянским феноменом, причём последствия его воздействия на представления о политической и этнографической географии Италии ощущаются и в наши дни. Всего за несколько десятилетий в северной половине полуострова образовались многочисленные «маленькие родины», часто окружённые мощными каменными или кирпичными стенами, — ревностные хранительницы своей независимости в постоянной борьбе с соседними коммунами. Таким образом, в коммунальной культуре снова сильно даёт о себе знать концепт «граница», олицетворённый городскими стенами, отгораживающими новое

¹ Я имею в виду прежде всего бегство жителей города Альтино на острова лагуны, где возникла Венеция.

² Юг, управлявшийся норманнской династией, оставался в стороне от северных социально-политических движений. Эта его «изолированность», обусловленная главным образом развитым феодальным строем общества, не закончилась с разложением норманнской власти. Она сохранялась практически до объединения Италии в 1861 г., чем во многом объясняется разница между уровнями экономического развития Севера и Юга, как и между северной и южной субкультурами двух частей страны.

³ См. заглавное слово «burg» в «Немецком словаре» братьев Гримм (Deutsches Wörterbuch von Jakob Grimm und Wilhelm Grimm), URL: [http://woerterbuchnetz.de/DWB/?sigle=DWB&mode=Vernetzung &lemid=GB13129](http://woerterbuchnetz.de/DWB/?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GB13129) (access date: 13.06.2014).

общество от старого феодального, город от полей, горожан от жителей деревни *villani*.¹

Феномен современной итальянской провинциальной псевдокультуры *campanilismo*², обозначающий чувство принадлежности родному городу, который по всем параметрам будто бы лучше соседнего, является прямым результатом культуры средневековых коммун. Его оборотная сторона — слабая склонность итальянцев испытывать чувство принадлежности общему делу (*res publica*!!). Причём их стремление к индивидуализму не останавливается у городских ворот. Городские стены, так сказать, пустили вовнутрь города своего рода невидимые отростки, обрамляющие *contrada* (кварталы) средневековых городов и отгораживающие их друг от друга, хотя бы и только символически. Слово *contrada* (ед. ч.) скорее всего произошло от латинского предлога *contra* (ит. *contro*) — против, напротив, вопреки — возможно слитого со словом *strada* (дорога, улица)³. То есть его этимология ничего успокоительного не обещает; и в самом деле, не только велись войны и случались сражения между соседними городами, но и очень часто по самым разным причинам бывали драки и потасовки также внутри города между кварталами. Мирные — но не совсем спокойные — отголоски такого соперничества ещё заметны сегодня в некоторых городах; пожалуй, самый яркий пример — знаменитые во всем мире *palio di Siena* — конные бега вокруг центральной площади Сиены; в них участвуют наездники, представляющие семнадцать исторических кварталов средневекового города.

IV

Начало следующего важного этапа в истории Италии и итальянского понятия границы отождествляется с рождением очередного политического феномена — синьорий. Синьории — это результат институциональной эволюции многих коммун к середине XV века. Политическая неустойчивость коммун и их постоянные конфликты привели к необхо-

¹ От латинского слова *villa* (село, деревня и деревенский дом, усадьба). Сегодня *villano* обозначает грубого, невоспитанного человека.

² От *campanile* (колокольня) — возвышающегося над округой символа города.

³ См. заглавное слово «*contrada*» в словаре Пьяниджани, URL: <http://www.etimo.it/?term=contrada> (access date: 11.06.2014).

димости, с целью умиротворения и упорядочения гражданской жизни, предоставить чрезвычайные, часто и пожизненные, полномочия представителям выдающихся семейств города или округа, так называемым *signori*¹. Первое время этот феномен существовал в виде криптосиньории, когда новая власть неявно сосуществовала с коммунальными институтами. Но вскоре самые влиятельные и богатые синьоры добились права назначать себе преемников, положив тем самым начало настоящим династиям, получившим и формальное узаконение от далёкого и в Италии реальной силой не обладавшего императора Священной Римской империи. Сначала они обрели статус императорских наместников, затем стали маркизами и герцогами. Так в XIV–XV вв. на сцене европейской истории появились семьи Медичи во Флоренции, Сфорца и Висконти в Милане, Гонзага в Мантуе, д'Эсте в Ферраре, делла Скала в Вероне, Монтефельтро в Урбино, Малатеста в Римини и другие. А территории, подчинённые их юрисдикции, превратились в наследственные княжества со всеми правами и атрибутами независимых государств.

В конечном счёте, образовался тот состав государств, что, за некоторыми исключениями, сохранялся почти до объединения страны в 1861 г. Если говорить о Северной Италии, то основной массив её западной части находился под управлением Савойской династии, центральная часть принадлежала Миланскому герцогству, с XVI века подпавшему под власть Габсбургов, а восточная — Венецианской республике, просуществовавшей от раннего средневековья до 1797 г., когда она была передана Наполеоном I Австрии. Центральную часть полуострова занимали Великое Герцогство Тосканское и Папское государство, включавшее территорию сегодняшней Романьи с главным её городом Болоньей, а юг с Сицилией переходил от одних иноземных властителей к другим: от норманнов — к швабским Гогенштауфенам, от династии анжуйских королей — под власть Арагона и Испании и, наконец, к неаполитанской ветви Бурбонов, правившей Королевством Обеих Сицилий вплоть до его включения в объединённое Итальянское королевство.

¹ От лат. *senior* (сравнительная степень прилагательного *senex* — старый, старший). В позднелатинском языке этот термин заменил классическое слово *dominus* (хозяин). «Остатком» *dominus* является нарицательное имя *don* перед собственным именем или фамилией священников, или, на юге Италии, мужчин. См. заглавные слова «signore» и «don» в словаре Пьяниджани, URL: <http://www.etimo.it/?term=signore&find=Cerca> (access date: 14.06.2014).

V

Таким образом, от падения Западной Римской империи в V веке н. э. до объединения страны сто пятьдесят три года тому назад сравнительно небольшое пространство полуострова был раздроблено на отгороженные настоящими границами государства, числом немногим менее — а в отдельные периоды и более — десяти. Их единственной общей, связующей чертой был итальянский язык. Он служил *lingua franca* для всех итальянских государств; но пользовались им преимущественно образованные люди — эрудиты, интеллектуалы. И даже они в семье и с земляками могли говорить и говорили на диалекте, который, в принципе, считали скорее местным языком, чем диалектом. Доказательством здесь служат драмы Эдуарда де Филиппо и многие известные комедии Карла Гольдони: первые написаны на неаполитанском диалекте, вторые — на венецианском. Даже в наши дни жители Венеции, от аристократа до последнего гондольера, между собой общаются исключительно на диалекте.

Особенности восприятия, укоренявшиеся в сознании в течение более полутора тысячелетий, не могли стереться всего за полтора века, прошедшие после исчезновения на полуострове государственных границ. Италия остаётся, образно говоря, страной перегородчатой эмали; в складе ума итальянцев бывшие перегородки всё ещё существуют, что доказывается перипетиями итальянской политики последних двадцати лет. Политическое движение, оформившееся в партию «Северная лига», дошло до требования отделить границей север Италии. Правда, и внутри лиги объединяющих интересов не было, поскольку сразу сформировались Пьемонтская, Ломбардская и Венецианская лиги. Их единственная общая цель — разрыв всяких отношений с «ворюгой Римом» и — ещё более сильное желание — с теми, кто живет «ниже»¹.

Такая острая перцепция границы отражается и на лингвистическом уровне. (Хотя есть и обратное его воздействие на восприятие) В этом убеждает само количество лексем, выражающих понятие «граница»: *confine* (граница), *frontiera* (граница), *limite* (граница, рубеж, предел),

¹ О Лиге Севера см.: *Albertazzi D., McDonnell D., Newell J. L. Di lotta e di governo: The Lega Nord and Rifondazione Comunista in office // Party Politics*, July 2011, Vol. 17, No. 4. P. 471–487; *Zaslave A. The Re-invention of the European Radical Right: Populism, Regionalism, and the Italian Lega Nord*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2011. Дополнительную информацию можно найти в итальянской прессе и на сайте движения: www.leganord.org.

limitare (граница, порог, край), *termine* (граница, предел, конец), *margine* (край, кромка), *demarcazione* (обозначение границ, демаркационная линия)¹. Не говорю уж о производных и экстенсивных словах.

Граница — понятие, значимое для всех народов в силу его прямой применимости в повседневных реалиях (таких, как имущественные отношения) и частого присутствия в ощущениях (таких, как, чувство принадлежности или собственной небезопасности). Однако, как показывает легенда об основании Рима, у римлян границы обладали исключительной важностью, превосходившей важность повседневного. Они даже охранялись особым богом, с которым в более древние времена идентифицировался сам Юпитер — *Juppiter Terminus*, и у которого было и второе прозвище — *Limes*.

Limes (мн. ч. *limites*, откуда итальянское *limite*), назывался каменный столбик, обозначивший межи и считавшийся священным именно потому, что он находился под покровительством бога. Этот факт объясняет, почему столбик часто изображал бога Терминуса². Каждый год, 23 февраля, бывали праздники *terminalia*, во время которых одетые в белые туники собственники соседних земельных участков встречались у *limites*, украшали цветами *limes* — каждый свою сторону, приносили в жертву фрукты, молочных ягнят и поросят. Именно потому, что хозяйева встречались у общих *limites*, принадлежащие им поля стали называть *agrum confinem* или *terra confinem*, обозначая так поля или земли, граничащие друг с другом, то есть имеющие сходящиеся окончания или общий край (*con* — вариант приставки / предлога *cum* = русский *с-*, *finem* = конец). От латинского прилагательного *confinem* и происходит итальянское существительное *confine* (граница)³. В то же время, поскольку земельные участки соседей-собственников были прилегающими, «смежными», можно было также представить и сказать, что в про-

¹ См. заглавные слова «*confinem*» в словаре синонимов авторитетной Энциклопедии Треккани, URL: http://www.treccani.it/vocabolario/ricerca/confinem/Sinonimi_e_Contrari/ (access date: 14.06.2014).

² Латинское слово *terminus* (ит. *termine*) происходит из санскритского корня *tar-*, — двигать, переходить, проходить через что-либо; с ним связан латинский предлог *trans* — через. См. заглавное слово «*termine*» в словаре Пьяниджани, URL: <http://www.etimo.it/?term=termine> (access date: 14.06.2014).

³ См. заглавное слово «*confinem*» в: *Pianigiani O. Vocabolario etimologico della lingua italiana*, URL: <http://www.etimo.it/?term=confinem&find=Cerca> (access date: 14.06.2014).

странстве они располагаются друг против друга, или, более метафорично, челом к челу, и что там, где одно чело соприкасается с другим, и проходит между ними межа или граница. Если вспомнить, что по-латыни чело называется *frons* (род. пад. *frontis*)¹, будет понятно, откуда произошло слово *frontiera* — итальянский синоним *confine*.

VI

Можно было бы ожидать, что такое сильное и так глубоко проникшее в сознание итальянцев ощущение границы превратит их в народ сдержанный, если не замкнутый, суровый, если не совсем уж не общительный. Между тем итальянцев, наоборот, знают как людей открытых, приветливых, жизнерадостных, а порой и чересчур шумных. Противоречие по видимости необъяснимое, но можно, как мне кажется, предположить, что «политическую» перцепцию границы итальянцы подсознательно переключили в перцепцию «культурную». Это значит, что они скорее готовы приветствовать внешнее, приходящее на их территорию, чем одобрять и положительно оценивать культуру, взрастившую это внешнее. Иными словами, границу они проводят не столько между людьми, сколько между культурами. С одной стороны, морские границы Италии длиной в восемь тысяч километров всегда были, вопреки опасностям мореплавания, хорошо проницаемыми; различные завоеватели, корсары, купцы действительно через них в Италию проникали, и потому навык общения с внешним миром имеет у итальянцев долгую историю. С другой стороны, нельзя упускать из виду, что массовая встреча итальянцев с иностранцами — не с приходящими и уходящими туристами, скользящими, если можно так выразиться, по поверхности итальянской жизни, не задевая её, — а с десятками и сотнями тысяч иммигрантов, избирающих Италию местом постоянного жительства, произошла всего-то два десятилетия назад. Отсутствие ксенофобии, которым итальянский народ мог раньше похвалиться, было, так сказать, довольно «дешёвым» его качеством — качеством людей, в прошлом просто не сталкивавшихся с проблемой межкультурных контактов такого масштаба, с каким приходится иметь дело сегодняшним итальянцам. И потому очень может быть, что в настоящее время в Италии идет преобразование понятия «граница», результатов которого нам пока не дано оценить.

¹ См. заглавное слово «fronte» в: *Pianigiani O. Vocabolario etimologico della lingua italiana*, URL: <http://www.etimo.it/?term=fronte&find=Cerca> (access date: 14.06.2014).

КИТАЙ: ВЕЛИКАЯ СТЕНА И ДРУГИЕ СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ ГРАНИЦЫ (КРАТКИЙ ОБЗОР)

Сергей Дмитриев

От рождения до смерти каждый человек видит себя окружённым разного рода ограничительными линиями, более или менее воображаемыми: границами «своей земли» (надела или кочевья); границами мира, известного ему лично и/или его собеседникам; границами территории племенной или государственной общности, частью которой он себя полагает; наконец, вполне наглядной, хоть и иллюзорной линией горизонта. Образ этих границ, конечно, будет выглядеть очень по-разному у представителей различных культур или групп, зависеть от накопленного ими личного и общественного опыта. Карта мира составлена совсем недавно, до того люди, формируя свою «вселенную», представляли мир совершенно по-разному. В сущности, процесс этот не изменился принципиальным образом и сейчас. Для абсолютного большинства людей географические знания о мироустройстве в целом представляют собой абстрактную информацию, и они продолжают жить в концентрических окружностях личных ойкумен, которые, вероятно, иногда приобретают более сложные формы за счет изменившихся возможностей транспорта, но, по сути, мало отличаются от таких же ойкумен наших далёких предков.

I

Естественно, представления о границах и окружающем мире формировались и формируются не только на уровне каждого конкретного человека или малой группы, но и на уровне цивилизаций. В таком слу-

чае не слишком рискованным будет предположение, что некоторые специфические представления в этой сфере могли отразиться в языке. Ведь язык формировался параллельно с представлениями об окружающем мире.

В этом ключе немалый интерес может представлять анализ того, как представления о границах отразились в китайском языке¹. Тому есть несколько причин. Китайская цивилизация — древнейшая из ныне существующих, единственная из древних цивилизаций, сохранившаяся до наших дней. Для китайской культуры разного рода границы всегда были особенно важны — она формировалась в условиях почти полной изоляции от других земледельческих цивилизаций; в течение тысячелетий² жители Срединного государства были уверены, что они — единственный культурный народ, со всех сторон окружённый варварами. Подобная ксенофобская точка зрения, в принципе, характерна для традиционных культур; но, пожалуй, нигде она не была настолько оправдана исторически и в течение столь долгого времени, как в Китае. К тому же предки современных китайцев не только жили «в кольце врагов» — они активно расширяли территорию внутри этого кольца. За несколько тысячелетий китайцы, несмотря на многочисленные (и очень часто — весьма успешные) атаки кочевой периферии, не просто увеличили территорию своего проживания, а фактически достигли естественных границ региона, на юге и востоке дойдя до моря, на юго-западе до Гималаев, на северо-западе — до пустыни Такла-Макан и на севере — до сибирской тайги. Если быть до конца точным, то на многих направ-

¹ Многие важнейшие аспекты рассматриваемой проблемы проанализированы в работе Фрэнка Бийе, послужившей первичным стимулом для написания настоящего текста. См.: *Бийе Ф.* Представления о границе в Китае и России: концептуализация проблемы. // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012. Т. XV, № 3 (62). С. 155–172.

² Фактически до II в. до н. э., когда западноханьский посол Чжан Цянь побывал в Средней Азии и принёс в Китай известия о других народах, умеющих строить города и создавать большие государства (подробнее см.: *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. 9. М.: Восточная лит-ра, 2010. С. 199–203, комм.; *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука. Гл. ред. восточ. лит-ры, 1983, С. 56, 91; *The Cambridge History of China. Vol. I: The Ch'in and Han Empires, 221 B.C.–A.D. 220* / Eds. D. Twitchett, M. Loewe. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. P. 407–408).

лениях они даже перешли эти природные границы, подчинив крайне недружелюбные ландшафты Тибетского нагорья и Таримской впадины. В конце концов ни один народ не оставил нам столь внушительного символа границы, как Великая китайская стена. Кстати, по-китайски она называется всего лишь Длинной стеной (*Чан-чэн* 長城): похоже, что в этом циклопическом сооружении, столь поражающем иностранцев, сами китайцы не видели ничего «великого».

II

Резонно предположить, что китайцы немало думали о границах. Как это отразилось в их языке?

В современном языке морфемы чаще всего состоят из двух знаков, но в древнекитайском языке большинство из них были односложными, что позволяет нам анализировать именно отдельные знаки, впоследствии вошедшие в состав двухсложных морфем. Одним из знаков, наиболее часто употребляемых ныне в значении «граница», является знак *цзе* 界. Графически он представляет собой слияние двух знаков; *тянь* 田 «поле»¹ и *цзе* 介 «находиться в промежутке, между»². Данная графическая структура неизменна, начиная с самых древних примеров использования знака, относящихся к эпохе Чжаньго (V–III вв. до н.э.)³, и заставляет предположить, что первым значением знака была межа, граница между полями. Это вполне объясняет тот факт, что знак чаще всего фигурирует в терминах, описывающих границу как разграничительную линию: см., например, такие словосочетания как *гоцзе* — «государственная граница», *界區 цзецю* — «пограничный регион». Впрочем, одним из наиболее часто используемых словосочетаний со знаком *цзе* является, без сомнения, *世界 шицзе* — «мир, вселенная», буквально — «пределы поколений» (ср. с греческим οἰκουμένη — «населённая

¹ Большой китайско-русский словарь (далее БКРС) / Под ред. И. М. Ошанина. Т. I–IV. М.: Наука. Гл. ред. восточ. лит-ры, 1983–1984. № 2794. Т. 2. С. 637.

² Там же. № 4462. Т. 2. С. 952–953.

³ См.: Хань-юй да цзыдянь (Большой словарь китайских знаков, далее ХЮДЦД). Со-инь бэнь (Издание уменьшенного формата). Б. м.: Хубэй цыдянь чубаньшэ (Хубэйское издательство словарей); Сычуань цыдянь чубаньшэ (Сычуанское издательство словарей), 1993. С. 1059.

[людьми] часть»¹). Данная лексема характеризует одну из дополнительных семантических возможностей знака, который может обозначать не только границы, но и территорию внутри этих границ². Интересно, что образ межи, хотя и отразился в русском языке в ряде терминов, связанных с границей (например, «смежные государства»), но в значительно меньшей степени, нежели в китайском языке. В этом плане китайский язык ближе к ряду европейских языков, прежде всего романских, в которых многие термины, относящиеся к границе (*délimiter*, *limitrophe*), восходят к латинскому *limes*, первым значением которого было именно «межа, межевой знак»³.

Во многом близок по происхождению другой довольно часто употребляемый знак *цзян 疆*. Впервые он встречается ещё на шанских гадательных надписях XIV–XI вв. до н. э.⁴ Исходя из графической структуры, оправданно предположить, что его изначальный смысл был близок к знаку *це 界*: «граница между полями». Это особенно заметно в одном из вариантов написания знака *цзян 疆*⁵, который и ныне практически представляет собой изображение разделенных линиями полей. В составленном Сюй Шэнем 許慎 (ок. 58 — ок. 147) словаре *Шо-вэнь цзе-цзы 說文解字* («Разъяснение письмён и объяснение знаков»)⁶ знак *цзян 疆* трактуется как насыпь между полями⁷ — не исключено, что именно её изображала изначальное волнистая линия в левой части знака.

¹ A Creek-English Lexicon / Comp. by H. G. Liddell and R. Scott. 9th ed, with suppl. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 1205.

² Например, знак использовался для передачи буддийского термина *Triloka* — 三界 *Сань цзе* («Три мира»). См.: Grand dictionnaire Ricci de la langue chinoise (далее Ricci). Vol. I–VI, Index. Paris – Taipei: Instituts Ricci de Paris et de Taipei en coédition avec Desclée de Brouwer, 2001. № 1473. Vol. I. P. 759.

³ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1996. С. 452. См. также статью Уго Перси в настоящем издании.

⁴ Ricci. № 1185. Vol. I. P. 643; ХЮДЦД. С. 1069.

⁵ Ricci. № 1184. Vol. I. P. 642.

⁶ Подробнее о словаре Сюй Шэна см.: Завьялова О. И. Шо вэнь цзе цзы // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. 3: Литература, язык, письменность / Гл. ред. М. Л. Титаренко. Ред. тома М. Л. Титаренко, С. М. Аникеева, О. И. Завьялова, М. Е. Кравцова, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, В. Ф. Сорокин / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Восточная лит-ра, 2008. С. 734–736.

⁷ Ricci. № 1185. Vol. I. P. 643.

Со временем эта линия трансформировалась в схожий графически элемент *гун* 弓 — «лук», внутрь которого, для того, чтобы не забыть, что речь идёт о конструкции из почвы, был вписан элемент *ту* 土 — «земля». В значительной степени это было сделано и для того, чтобы отличать знак *цзян* 疆 от близкого знака *цян* 疆, сначала означавшего «мощный лук», впоследствии приобретшего близкое значение «сильный, мощный»¹. Судя по всему, в древности знаки *цзян* 疆 и *цян* 疆 писались одинаково²: элемент «почва» появляется в написании знака *цзян* 疆 не ранее Восточной Чжоу (VIII–III вв. до н.э.), а окончательно разница написаний закрепляется только в словаре *Шо вэнь цзе цзы*³.

Трудно сказать, почему столь разные поля значений обозначались фактически одним знаком. Возможно, причину стоит искать в том, что в древнекитайском языке до второй половины I тыс. до н.э. омонимичные знаки гораздо шире, чем позже, использовались один вместо другого, и носители языка выбирали то или иное значение знака, исходя из контекста. Так или иначе, впоследствии, несмотря на выраженную «линейную» семантику, знак *цзян* 疆 гораздо чаще стал обозначать не линию границы, а пограничный регион. Самый известный пример такого его использования — появившееся в XVIII в. китайское название Восточного Туркестана: буквально Синьцзян 新疆 переводится как «Новая граница». Однако знак используется и в других словосочетаниях (в основном в функции прилагательного): *цзянцзю* 疆區 — «пограничный район», *цзянцзе* 疆界 — «пограничная линия, граница». Возможно, на это изменение оттенков значения знака повлияло существование близкого (и часто используемого в языке) знака *цян* 疆, со всей его военно-оружейной семантикой.

В китайском языке существует и ещё один специфический способ обозначения границы как линии в пространстве. Он связан с китайским обыкновением укреплять рубежи, особенно северные и северо-западные, против недругов, наиболее известным примером чего и является вышеупомянутая Великая стена. Пограничные укрепления назывались *сай* 塞, знак практически представляет собой графическое изображение пограничной башни, совмещающей функции наблюдательной вышки

¹ Ricci. № 1212. Vol. I. P. 659–660.

² ХЮДЦД. С. 421.

³ Впрочем, и в более позднее время эти два знака могли заменять друг друга.

и форта. Отсюда пошло выражение *сайвай* 塞外 — «вне застав»; оно обозначало заграничные территории, земли вне Китая. В цинском Китае второй половины XVII — начала XX вв. этим термином обозначалась Внешняя Монголия, бывшая частью маньчжурской империи, но административно не входившая в собственно Китай. В это время перевод термина появляется и в русском языке и сохраняется вплоть до XX в. — во многих работах о Китае и Монголии можно прочесть про «застенный Китай»¹.

Подобное описание границы в виде линии фортификаций, вероятно, уместно было бы сравнить с русским словом «рубеж», происходящим именно от практики защищать границу с кочевниками — зачастую едва ли не теми же самыми, против которых свои заставы возводил Китай, — системой засек из срубленных деревьев.

Собственно говоря, даже сам знак 國² «государство» графически представляет собой изображение некоей огороженной территории. Первоначально, на западножюуской бронзе, знак состоял лишь из одного 囗 或 (в данном случае, вероятно, не имеет собственного значения и является чисто фонетическим знаком)³. Впоследствии, при Восточной Чжоу (VIII–III вв. до н. э.), в процессе осмысления знака и добавления к фонетической информации, заложенной в нём, также информации идеографической, он был снабжен элементом 阝 — «ограда»⁴. Тогда же окончательно оформляется значение знака: «страна, государство, родина», но не «город». Пожалуй, нельзя не отметить эту интересную отличительную особенность китайской картины мира: в западной традиции слова, обозначающие государство, обычно являются производными либо от «состояния» (что связано с позднесредневековой идеей о стабильности и иерархии, выражаемой в латинском

¹ Например, в названии опубликованной в 1906 г. известной книги Н. В. Богоявленского. См.: *Богоявленский Н. В.* Западный застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нём русских подданных. М.: Книга по требованию, 2011 (репринт).

² Стоит добавить, что в современном языке этот знак является корневым для, вероятно, наиболее популярных обозначений земель внутри Китая (*го-нэй* 國內) и вне его (*го-вай* 國外).

³ Ricci. № 6552. Vol. III. P. 1031.

⁴ Там же.

*status*¹, см. State, État, Staat), либо от власти правителя (Reich, государство). Пожалуй, единственным примером смысловой связи государства с фортификацией является греческое *pólis*, которое изначально обозначало именно «укреплённый замок, городище» (ср. с литовским *pilis* — «замок»² и санскритским *pura* — «укреплённый город»³). Впрочем, и в данном случае аналогия не полная, поскольку этимологическая связь греческих городов-государств с фортификациями не имела идеологической составляющей, а объяснялась сугубо природными условиями древней Греции. К тому же, кажется, даже сами греки не вполне осознавали смысловую связь города и его стен — так же как современный носитель русского языка чаще всего не видит связи между *городом* и *гражданством*. Поэтому, несмотря на огромное влияние греческого полиса на европейские представления о государстве и в идеологической, и в лингвистической сфере, он не привнёс в западное видение государства образа ограда, стены или границы.

III

Однако далеко не все способы обозначения границы в китайском языке предполагают описание её как разделительной линии. Например, во многих словосочетаниях искомого поля встречается знак *цзин* 境, появляющийся сравнительно недавно — в уже упоминавшемся выше словаре *Шо-вэнь цзе-цзы*⁴. Графически он представляет собой сочетание знака *цзин* 竟 с детерминативом *ту* 土, который обычно входит в знаки, указывающие на почву и на сооружения из неё, например, на стены и крепости (см. упоминавшийся выше знак *сай* 塞 — «застава»), а в более широком смысле — на земную поверхность. Сам же знак *цзин* 竟 встречается ещё в западночжоуских надписях на бронзовых сосудах (XI–VIII вв. до н. э.), где имеет значение «соперничать, пытаться срав-

¹ Подробнее см.: Skinner Q. The state // Political Innovation and Conceptual Change // T. Ball, J. Farr, and R. L. Hanson (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. P. 91–95.

² Liberis, Antanas. Lietuvių-rusų kalbų žodynas (Либерис А. Литовско-русский словарь) / Ketvirtoji laida. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. P. 592.

³ Санскритско-русский словарь / Под ред. В. И. Кальянова. М.: Русский язык, 1978. С. 397.

⁴ ХЮДЦД. С. 203 .

няться». Впоследствии он приобретает значение «завершить, завершиться, дойти до конца, предела, в конце концов», и, соответственно, «предел, граница»⁵. Именно этот знак в древнекитайском языке довольно часто имеет значение «граница». Прибавление к нему детерминатива «земля» *ту* 土, по замыслу ханьских филологов, должно было создать особую лексему: сохраняя связь с корневым знаком, она получила более специфическую область значений, связанных именно с границей как линией, проведённой по земле⁶.

Интересно отметить сходство этимологии этого знака с частью поля значений русского «предел», которое позволяет трактовать границу как линию, максимально достижимую, перейти которую не хватает сил.

Несколько особняком стоит знак *бянь* 邊, впервые встречающийся на западножюуской бронзе в значении «смежные территории (не подвластные правителю)»⁷. Детерминатив этого знака, *чо* 走 — «идти и останавливаться». Он указывает на то, что такие земли находились на значительном отдалении от центра. Соответственно, их достижение требовало значительных усилий, что сближает знак *бянь* 邊 с рассмотренным выше знаком *цзин* 境. Впоследствии значение *бянь* несколько меняется, знак начинает обозначать пограничные территории и собственно границу, а также вообще край / бок чего бы то ни было. Именно от этого значения происходит функция указателя направления, в котором знак чаще всего употребляется в современном языке — например, *右邊* *юбянь* — «справа», *內邊* *нэйбянь* — «внутри» и т. п. В интересующем нас значении знак в современном языке используется довольно часто. Обычно он выполняет функции прилагательного «пограничный» (см., например, *бяньцзе* 邊界 — «пограничная линия, граница», *бяньцю* 邊區 — «приграничный район»), но, как кажется, сохраняет этимологическую связь с периферийными районами, отдалёнными окраинами страны. Неудивительно, что именно это специфическое поле значений получило такое распространение в языке: в ситуации, когда территория

⁵ Ricci. № 2074. Vol. I. P. 1107.

⁶ См. *цзин-нэй* 境內 — внутри границ, *цзин-вай* 境外 — за рубежом, *цзинцзе* 境界 — граница. Впрочем, как и в случае с знаком *цзе* 界, многие сочетания говорят о том, что значения знака *цзин* указывают не только на пограничные линии, но и на территорию, охватываемую ими. См., например, *цзинди* 境地 — «область, район» (буквально — «земля в границах»).

⁷ Ricci, № 9061, Vol. IV. P. 1074.

страны, окружённой варварами, была нестабильна и имела тенденцию к расширению, не всегда можно было с уверенностью сказать, где пролегает линия границы. (Впрочем, чётко прочерченная линия границ появляется в человеческой истории не так уж давно; что касается Китая, то совсем не многие из его соседей могут похвастаться тем, что существующие ныне границы признаны Китаем и подтверждены им документально.) А вот окраинные области, подвластные Китаю, но при этом сильно отличающиеся от областей центральных, были для говорящего вполне ясной пространственной категорией. В русском языке такого рода пограничные территории с не вполне пока понятными перспективами роста обозначались этимологически очень близким словом «край»¹. Наследием этой практики стали наименования ряда отдалённых областей — Приморского края, Ставропольского края и т. п.

IV

Какие выводы мы можем сделать из этого краткого и очень беглого обзора? Нам удалось выделить две группы лексем, имеющих отношение к границе — знаки одной группы трактуют границу как разделительную линию, возможно, даже укреплённую; к другой группе относятся знаки, описывающие границу как нечто отдалённое от центра, зачастую не слишком чётко определённое географически. Представляется, что две эти группы неплохо характеризуют сложные отношения китайцев с окружающими территориями, в рамках которых они на одних этапах своего развития тратили немалые силы для того, чтобы как можно более надёжно отгородиться от враждебных «варваров», а на других — быстрыми темпами расширяли границы, присоединяя к своему государству разного рода лимитрофные районы и буферные зоны, чтобы затем опять перейти к стадии обороны. Уместно усмотреть здесь определённое сходство с русской лексикой, касающейся границ, где также сосуществуют слова, обозначающие границу как линию, с терминами, описывающими пограничные районы со спорным или переходным административным статусом. Слова, относящиеся ко второй группе, вероятно, возникли в эпоху быстрого расширения границ России,

¹ При этом нельзя также не отметить, что чисто лингвистически именно слово *бянь* ближе всего к русскому «граница», в нём также сильнее всего звучит представление о границе как о грани, стороне, угле государства.

когда в течение едва ли не веков восточная и южная граница обладала, по сути, качествами подвижного *фронта* и потому с трудом могла быть описана как стабильная, чётко обозначенная линия¹.

Немалый интерес представляет, как кажется, отмеченная нами важность идеи границ в китайском представлении о государстве, которая даже отразилась в графике знака, его обозначающего. Возможно, это помогло Китаю с высокой эффективностью удерживать за собой недавно приобретённые территории, пусть и совершенно чуждые ханьцам в этническом и климатическом отношении. И даже со временем в некоторой степени ассимилировать их с центральными областями Китая, так что новые границы становились столь же священными, как и старые.

¹ О восточном (сибирском) и южном (кавказском) фронтах России существует уже довольно обширная литература. См. например: *Панарина Д. С.* Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география, 2013. Т. 2, № 1. С. 39–52 // www.gumgeo.ru. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Kult_Geo/2013_2_1/60-222-1-PB.pdf (дата обращения: 11.12.2014); *Баретт Т. М.* Линии неопределённости: северокавказский фронт России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский ун-т, 2000. С. 163–194.

ВЫЗОВ И УГРОЗА: ИЗ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС — И ОБРАТНО

Марина Ташлыкова

Нет, не бойся слов враждебных,
Вольных **ВЫЗОВОВ** к борьбе,
В гуле выкриков хвалебных,
В царство грёз твоих волшебных
Вдруг домчавшихся к тебе!
Хорошо, что в нашем мире
Есть, кого в борьбу вовлечь,
Что другой, как ты, в порфире,
Что нас двое на турнире,
Что на меч ответит меч!

В. Я. Брюсов

The key to life is accepting **challenges**.
Once someone stops doing this, he's dead.

Bette Davis

A **challenge** only becomes an obstacle,
when you bow to it.

Ray Davis

В 2003 г. в письме на имя председателя Генеральной ассамблеи ООН тогдашний генеральный секретарь ООН Кофи А. Аннан заявил (здесь и далее, а также в эпиграфах все выделения сделаны мной. — *М.Т.*)¹:

¹ The Secretary-General. [Letter], 3 November 2003 // www.un.org/News/dh/hlpanel/sg-letter-to-ga-president-re-hl-panel.pdf (access date: 22.01.2015).

«At the opening of the fifty-eighth session of the General Assembly, I announced my intention to establish a High-level Panel on **Threats, Challenges and Change**. The Panel was to be tasked with **examining the major threats and challenges the world faces** in the broad field of peace and security, including economic and social issues insofar as they relate to peace and security, and making recommendations for the elements of a collective response».

В переводе на русский язык выделенные фрагменты переданы так¹:

«На открытии пятьдесят восьмой сессии Генеральной Ассамблеи я заявил о своем намерении учредить Группу высокого уровня **по угрозам, вызовам и переменам**. Задача этой группы должна была заключаться **в изучении основных угроз и вызовов в мире** в такой широкой области, как мир и безопасность, включая экономические и социальные вопросы, в той мере, в которой они касаются мира и безопасности, а также в вынесении рекомендаций относительно элементов коллективных мер реагирования».

Для лингвиста данный случай представляет особый интерес — он демонстрирует, как некогда нестандартное для русского языка словопотребление лексемы² *вызов* получает легитимацию в документах самого высокого уровня.

«Даже смысла такого нет...»

Существительное *вызов* уже в начале нулевых использовалось подобным образом, ср.: *Подобный позитивный опыт особенно важен в нынешних условиях, когда мы совместно противостоям глобальным вызовам и угрозам — терроризму, экстремизму, наркоторговле* (С. Лавров); *После событий 11 сентября 2001 года в мире произошла основательная переоценка угроз и вызовов человеческой цивилизации* (В. Джигути).

И. Б. Левонтина, цитируя в своей статье фразу из книги Елены Трегубовой о Борисе Ельцине: «Просто был тем, кто неожиданно почувство-

¹ Цит. по: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/632/69/PDF/N0363269.pdf?OpenElement> (access date: 22.01.2015).

² В традиции Московской семантической школы под лексемой здесь понимается «слово, взятое в одном из имеющихся у него значений» (Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 34).

вал этот великий ритм и дыхание времени, этот великий шанс и великий вызов. И — как мог постарался соответствовать этому вызову», так её комментирует¹:

«Надо заметить, что до недавнего времени такое употребление слова **вызов** было для русского языка совершенно невозможным. Да и сейчас фраза *Он почувствовал этот великий вызов и постарался соответствовать этому вызову* звучит не вполне по-русски».

Ещё выразительнее два рекламных слогана, приводимые в той же статье²:

«В одном случае о новом пятновыводителе говорится: *И еще больший вызов — засохшая свекла*. В другом рекламируется модель автомобиля: *Ваш ответ вызовам жизни!*».

Автор справедливо квалифицирует подобные употребления как результат семантического калькирования³ с английского *challenge* и дальше неоднократно подчеркивает, что это значение было совершенно чуждым для русского языка⁴:

«Вот слово *вызов* жило себе и столько лет абсолютно не собиралось калькировать данное значение слова *challenge*. Но вдруг собралось, и значение это моментально прижилось. **Просто раньше оно не было нужно**, а теперь понадобилось... **Раньше так не говорили и этого не говорили никак, потому что этого не думали**. Как сказано у Цветаевой, “даже смысла такого нет!”».

Последний вывод представляется, однако, преждевременным. Какой степенью новизны обладает рассматриваемое значение для русского языкового сознания? Так ли уж не была подготовлена «семантическая почва», на которой произросла лексема *вызов^{ch}* (используем это условное обозначение для сохранения отсылки к английскому слову)? Как следует толковать эту лексему?

Попытка ответить на эти вопросы составляет первую задачу статьи.

¹ Левонтина И. Б. Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира // Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 550.

² Левонтина И. Б. Указ. соч. С. 551.

³ Семантическая калька — формирование у слова ранее у него отсутствовавшего переносного значения по образцу некоторого слова другого языка.

⁴ Левонтина И. Б. Указ. соч. С. 551. См. также выделенный выше фрагмент.

**«Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу,
не больше и не меньше»**

Шалтай-Болтай и Льюис Кэрролл

Вторая задача оформилась при знакомстве с исследованиями специалистов в области политических наук, социологии, права. Используя для решения своих научных задач номинации *вызов, угроза, риск, опасность*, они стремятся наполнить их строгим терминологическим содержанием¹. Как правило, соответствующий терминологический аппарат используется при обсуждении проблем национальной безопасности, поэтому многие исследователи строят свои дефиниции, в явной или неявной форме отталкиваясь от категорий *опасность, ущерб, негативные последствия*. Вот некоторые показательные определения.

Угроза — «это реальная возможность обусловленных внешними факторами **деструктивных изменений** в отношении значимых и ценных для общества и личности объектов, субъектов, состояний»²; «явное и продуманное намерение; запугивание, скрытая или явная демонстрация силы; приготовление к **агрессивным действиям, силовой шантаж**; предтеча открытой войны; элемент войны и способ ее ведения»³; **«непосредственная опасность жизненно важным национальным интересам и национальной безопасности, выходящая за локальные**

¹ См.: *Захаров А. В.* Терминологическое определение современных глобальных экологических вызовов человечеству: к проблеме отграничения от схожих понятий // *Теория и практика общественного развития*, 2012, № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/terminologicheskoe-opredelenie-sovremennyh-globalnyh-ekologicheskikh-vyzovov-chelovechestvu-k-probleme-otgranicheniya-ot-shozhih> (дата обращения: 11.01.2015); *Михайленко А. Н., Груздов С. В.* Понятия угрозы и вызова национальной безопасности. На примере вступления России в ВТО // *Обозреватель – Observer*, 2011, Т. 253, № 2. С. 57–63.; *Федоров В. В.* Угрозы России в XXI веке // *Обществознание. Глобальный мир в XXI веке. Книга для учителя* / Под ред. Л. В. Полякова. М.: Просвещение, 2007. С. 227–228.

² Социология безопасности. Учебное пособие для студентов педагогических вузов. Автор-составитель Е. А. Цыглакова. Балашов, 2009. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-37536.html?page=2> (дата обращения: 11.04.2013).

³ *Владимиров А.* «Вызовы», «Риски», «Опасности», «Угрозы», «Кризисы», «Катастрофы» и «Крах» как важные категории политологии и теории войны // www.kadet.ru. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Ocenka_riskov.htm (дата обращения: 11.04.2013).

рамки и затрагивающая основные национальные ценности: суверенитет, государственность, территориальную целостность»¹.

Вызовы «есть выявленные (прогнозируемые) состояния планеты и человеческого социума, произвольное развитие которых с неизбежностью приведет к **ухудшению общего состояния человечества и угрожает самому его существованию** как биологического вида и организованного социума»²; «противоречие между наличным состоянием общества... и возникающей потребностью в глубоких социальных изменениях, проявляющееся в **повышении уровня неопределённости и нестабильности, угрожающем безопасности системы**»³; «**противодействие осуществлению национальных ценностей, интересов и целей, решению задач обеспечения национальной безопасности** в форме официальных и неофициальных политико-дипломатических действий, торгово-экономической экспансии и т. п.»⁴

Оставляя в стороне стилистические и грамматические дефекты предлагаемых дефиниций, подчеркнем, что точной дифференциации смыслов нет ни в одной из них, и покажем на одном примере, как не выдерживает проверки языковым материалом логичное на первый взгляд утверждение. В учебнике «Социология безопасности» максимально отчётливо сформулирована мысль, так или иначе присутствующая и у других цитированных выше авторов⁵:

«В то время как *риск* исходит от вашего собственного действия, а *угроза* таится в намерениях и действиях другого, *вызов* порождается объективной логикой текущих процессов и изменений, и суть его в том, что он требует ответных социальных изменений».

Однако по данным Национального корпуса русского языка (далее НК)⁶ *угроза* отнюдь не всегда обусловлена целенаправленной деятельностью другого. На это указывает большое количество контекстов, в которых её источником является природное явление или заболевание:

¹ Манилов В. Л. Угрозы национальной безопасности России // Военная мысль, 1996, № 1. URL: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1996-vm/8834-ugrozy-nacionalnoj-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 11.04.2013).

² Владимиров А. Указ. соч.

³ Социология безопасности...

⁴ Манилов В. Л. Указ. соч.

⁵ Социология безопасности...

⁶ См.: www.ruscorpora.ru

угроза наводнения, цунами, землетрясения, глобального потепления; угроза эпидемии, инфаркта, наркомании. Риск зачастую вовсе не связан с действиями субъекта, а порождается внешними обстоятельствами: *риск заражения корью, риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, риск столкновения Земли с астероидом* и т. д.

Можно констатировать, что, ставя перед собой метаязыковую по сути своей цель, исследователи ограничиваются обращением к собственной языковой интуиции, и потому выводы, к которым приходят цитируемые авторы, объективно оказываются характеристикой их субъективных представлений об используемых ими словах. Подобные выводы действительно описывают значение и способ бытования слова — но не в языке, а в **языковом сознании отдельных его носителей**. И неважно, что такой носитель языка — специалист в какой-то узкой предметной области: «Язык шире всякого отдельного человека, даже писателя, даже великого писателя, даже великого лингвиста. И очень опасно отождествлять свою компетенцию с языком. Это очень наглядный урок корпуса»¹.

Вышеизложенное обуславливает постановку второй задачи статьи — понять, как в действительности функционируют существительные *вызов* и *угроза* в современной речи, могут ли они развить те терминологические смыслы, которые навязывают им ученые и политики, какие особенности русского языкового сознания в них воплощены.

Материал анализа извлечен из НК и составляет более 70 тыс. примеров контекстного употребления слов *вызов*, *угроза* и некоторых других лексических единиц, связанных с ними словообразовательными отношениями (*вызвать*, *вызывать*, *вызывающий*, *вызывающе*, *угрожать*).

Вызвать: штрихи к лексикографическому портрету²

Существительное *вызов* образовано от глагола *вызвать* и в значительной мере наследует его семантические особенности. Этим обуслов-

¹ Плунгян В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов. Стенограмма лекции, прочитанной 1 октября 2009 г. в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру». URL: <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (дата обращения: 25.01.2015).

² Лексикографический портрет — разновидность словарной статьи, в которой содержится информация о семантике и прагматике лексемы, её коммуникативно-просодических, синтаксических, морфологических и стилистических свойствах, а также о семантических связях данной лексемы с другими лексемами в словаре (см.: Апресян Ю. Д. Указ. соч. С. 55).

ливается логика анализа: от характеристики глагольной семантики к описанию именной.

Словари современного русского языка выделяют у слова *вызвать* от трёх до семи значений¹. Детально представим здесь только те из них, которые, как представляется, теснее всего связаны с обсуждаемым².

1. В прототипическом случае *вызвать* описывает ситуацию с двумя обязательными участниками (*X вызвал Y*), названными одушевлёнными существительными: *начальник вызвал подчиненного; директор вызвал родителей; вызвать жену, дежурного*. Семантически участники различаются ролями, которые они играют в ситуации: *X* — субъект действия, его инициатор; *Y* — объект.

Толкование базового значения лексемы *вызвать* 1 можно схематически представить следующим образом: а) *Y* отсутствовал в определённом месте в определённое время; б) *X* сделал так, чтобы в) *Y* находился в определённом месте в определённое время. Другими словами, *X* совершает речевое действие в устной или письменной форме, в результате которого в ситуации появляется *Y*. Информация о его функции в ситуации в подобных случаях отсутствует.

2. Семантическое развитие глагола *вызвать* осуществляется благодаря появлению нового смыслового компонента при сохранении первых трех: а) *Y* отсутствовал в определённом месте в определённое время; б) *X* сделал так, чтобы в) *Y* находился в определённом месте в определённое время и г) совершил действие *P* или подвергся действию *P*. При этом *X* стандартно обозначается одушевлённым существительным, а *Y* может быть назван также именем неодушевлённым, ср.: *родители вызвали врача / скорую помощь, следовательно вызвал свидетеля / машину, соседи вызвали сантехника / такси*.

¹ Толкование значений, как это принято в лингвистических работах, даётся в так называемых марровских кавычках. Все толкования, если это специально не оговаривается, приводятся без указаний на конкретный том и без постраничных ссылок по: Словарь русского языка в 4 т. Изд. 3-е, стереотип. / Гл. ред. А. П. Евгеньева / Ин-т русского языка АН СССР. М.: Русский язык, 1985. С. 343.

² Так, за пределами анализа остается значение ‘каузировать ($\approx$ быть причиной) процесс или состояние’, так как оно не может быть выражено существительным, ср.: *вызвать ужас, аппетит, замешательство, гнев, пожар* $\rightarrow$ **вызов ужаса, аппетита, замешательства, гнева, пожара* (астерикс маркирует аномальные употребления).

Конструкция *X вызвал Y* может включать дополнительные компоненты, выраженные группой с предлогом *на* или *в*. В одних контекстах эта предложная группа указывает на пространственные или временные обстоятельства, в которых разворачивается деятельность лица или предмета: *свидетеля вызвали в суд к двум часам, родители вызвали врача на дом* и т. п. Информация о характере этой деятельности содержится в значении слова, обозначающего *Y*: *врач* лечит, *сантехник* ремонтирует оборудование, *лифт* поднимает и опускает. Поэтому выражения типа *родители вызвали врача* понимаются однозначно без каких-либо уточнителей. В других контекстах существительное, называющее *Y*, не способно сигнализировать о характере действия, которое производит или которому подвергается *Y* (ср.: *Иванов вызвал Петрова*), и тогда предложная группа с *на* берёт эту функцию на себя: *Васильеву вызвали на прослушивание* = чтобы прослушать; *вызвали на примерку платья* = чтобы примерить¹.

Таким образом, два выделенных типа употреблений лексемы *вызвать* 2 различаются следующими параметрами: способом выражения семантического компонента г) — само слово *Y* vs именная группа с *на*; функцией предложно-падежной группы — уточнение локативно-темпоральных характеристик ситуации vs указание на тип деятельности *Y*; степени эксплицитности информации о действии — имплицитная (встроенная в значение слова *Y*) vs эксплицитная (выраженная в составе конструкции с *на*).

Наличие конструкции *на* + отглагольное существительное увеличивает функциональную нагрузку компонента *Y*: это уже не просто объект вызова (*начальник вызвал подчиненного*), но одновременно субъект или объект действия, названного процессуальным существительным (ср. *Y вызвали на примерку* → *Y* = объект действия *вызвать* и субъект действия *примерить*; *Y вызвали на перевязку* → *Y* = объект действия *вызвать* и объект действия *перевязать*).

3. Анализ материала показывает, что конструкция *вызвать на P* характеризуется высокой частотностью (934 вхождения в основном корпусе, 1109 — в газетном). Именно в рамках этой конструкции формируется очередной семантический сдвиг, репрезентируемый выражениями типа *X вызвал Y на бой, битву, борьбу, дуэль, соревнование, матч-реванш*.

¹ В таких случаях в состав этой группы входит отглагольное существительное с процессуальным значением.

Принципиальное отличие этих употреблений от рассмотренных выше — в том, что они описывают ситуацию, в которой *У* играет особую роль: оставаясь объектом действия *вызвать*, он становится **контрагентом** действия, названного существительными. Речь, таким образом, идёт о ситуации противостояния¹, в которую вовлечены **равноправные** участники; различие между ними определяется тем, что один из них мыслится как инициатор, второй — как адресат.

Забегая вперед, следует сказать, что симметричность ролей участников обнаруживается в перифразах *бросить вызов* — *принять вызов* / *ответить на вызов*, причем сама такая перифраза образует своего рода диагностический контекст для определения значения, в котором использован глагол: *вызвал соперника на бой* → *бросил вызов сопернику*; но *вызвал больного на перевязку* → **бросил вызов больному*.

Вызов: новые мехи для старого вина

Существительное *вызов* образовано от глагола в рамках одной из тех словообразовательных моделей, что дают возможность использовать разные виды грамматической упаковки для одного и того же лексического значения (*ребенок плачет* → *плач ребенка*, *девушка поет* → *пение девушки*, *друг приезжает* → *приезд друга*). Именно семантическое тождество глаголов и отглагольных субстантивов, подобных представленным в парах *плакать* → *плач*, *задержаться* → *задержка*, *читать* → *чтение*, имел в виду Л. В. Сахарный, квалифицируя последние как **глагол в маске существительного**. Имя оказывается здесь лишь новой формой для старого содержания.

Разумеется, полное тождество значений единиц, образующих такую словообразовательную пару, имеет место не всегда, однако почти всегда есть очевидная семантическая соотносительность. Она есть и в паре *вызвать* → *вызов*: *вызвали врача* — *врач пришел по вызову*, *вызвали студентов на помощь* — *студенты откликнулись на вызов о помощи*, *вызвал соперника на матч-реванш* — *соперник принял вызов* (как следует из примеров, соответствующему преобразованию могут быть подвергнуты все три рассмотренные глагольные лексемы). При этом, как

¹ Идею конфликта «подхватывают» такие члены словообразовательного гнезда, как прилагательное *вызывающий* (*вызывающее* поведение, *вызывающая* манера, *вызывающий* вид) и наречие *вызывающе* (говорить, смотреть, вести себя, одеваться).

уже отмечалось, только *вызвать* *З* — *вызвать* ‘противостояние’ — даёт трансформацию с симметричной расстановкой участников по полюсам: *Х бросает вызов Y* — *Y принимает вызов* и/или *отвечает на вызов*¹.

Рассмотрим эту ситуацию более подробно. Выше шла речь о том, что глагол в прототипическом случае описывает взаимодействие двух одушевлённых участников: *Ленский вызывает Онегина на дуэль* → *Ленский бросает вызов Онегину* — *Онегин принимает (отвечает на) вызов Ленского*. Поскольку *Y* — это не пассивный объект, а равноправный партнёр в ситуации единоборства, он может ответить ударом на удар и перехватить инициативу (ср.: *вызов Пушкина Дантесу* — *вызов Дантеса Пушкину*).

Анализ материала показывает, что субстантивная транспозиция имеет чрезвычайно важное следствие: она запускает механизм **денотативной аналогии**, когда становится возможной замена одушевленного участника неодушевленным. Так, романтический герой *бросает вызов стихии, судьбе, смерти, болезни и страху, обществу, морали*², ср.: *Он бросил вызов судьбе, ждавшей от него большего, чем человеческое смирение и особенное понимание жизни, и страшно было думать о том, что рано или поздно **судьба примет его вызов*** (И. Полянская). Такая ситуация — в общей логике семантического развития — легко переосмысливается с позиции *Y* в роли инициатора: утверждая, что *Х бросает вызов судьбе*, говорящий концептуализирует *судьбу* как инстанцию, которая **сама провоцирует** соответствующее поведение *Х*. Именно это обстоятельство служит основанием для появления выражений типа *вызов судьбы*³.

¹ Преобразование *Х вызывает Y на Р* → *Х бросает Y вызов* влечет за собой грамматическое переподчинение имен: существительное, называющее субъекта-инициатора *Х-а*, передвигается из позиции именительного падежа в позицию родительного (генитива), имя объекта-контрагента *Y-а* — в позицию дательного. В результате семантическая роль *Y-а* переосмысливается как роль адресата-контрагента.

² Отметим, кстати, что, по данным НК, глагол так практически не употребляется; примеры типа следующего единичны: На поединок **вызвавший судьбу**, С Камчатки, где искал он воздух чистый, Метельной ночью, пасмурной и мгlistой, Сюда он прибыл в цинковом гробу (А. Горюничский).

³ Справедливости ради следует сказать, что существительные типа *судьба* все же крайне редко используются в роли подлежащего. Свою функционально-семантическую роль субъекта-контрагента они реализуют, как правило,

Для иллюстрации данного тезиса составлена нижеследующая таблица.

Таблица 1.

**Примеры обмена ролями одушевлённого
и неодушевлённого участников**

Инициатор — X	Инициатор — Y
X — лицо /не-лицо, Y — судьба	
<i>Он бросил вызов судьбе, ждавшей от него большего, чем человеческое смирение и особенное понимание жизни, и страшно было думать о том, что рано или поздно судьба примет его вызов (И. Полянская)</i>	
<i>Иные люди слегка или сильно демонического типа бросают вызов судьбе, но потом и они опускают руки, думая, что и эти вызовы были предопределены (В. Аксёнов).</i>	<i>Он светло и славно прожил бы свой век, если б в мире было всё славно и светло и если б не постиг его роковой вызов судьбы (И. Гончаров).</i>
<i>Тут бы мне и отойти, но во мне родилось какое-то странное ощущение, какой-то вызов судьбе, какое-то желание дать ей щелчок, выставить ей язык (Ф. Достоевский).</i>	<i>Чем утравивать эту страшную рану? Как ответить на этот вызов судьбы? Если бы было что делать, Лир сделал бы все... (Л. Шестов).</i>
X — лицо /не-лицо, Y — смерть	
<i>Этот пожилой и опрятно одетый холостяк, не забывший побриться даже в такое утро, когда мы были открыты японцами, держал голову прямо, как бы бросая вызов смерти (А. Новиков-Прибой).</i>	<i>Если мы не можем жить лицом к лицу со смертью, как бы с вызовом смерти, мы будем жить пресмыкаячись, мы будем жить полужизнью (митрополит Антоний).</i>
<i>Человек, бросающий вызов смерти, доказывал свое право быть равным великому и бесконечному мирозданию (Н. Лейдерман).</i>	<i>Метод анализа экзистенциальных стратегий для автора — это попытка выстроить картину архитектурного творчества как ряд ответов на вызов смерти (Г. Ревзин).</i>

в позиции родительного падежа — тем более что русская грамматика обеспечивает для этого все необходимые возможности: генитив одинаково хорошо приспособлен для выражения как объектного, так и субъектного значения, ср.: *исполнение романа* (романс = объект), *исполнение автора* (автор = субъект).

<i>Х — лицо /не-лицо, Y — мир</i>	
<i>И Декарт, и Пруст — французские бойцы-энтузиасты, и их честолюбие — вызов миру, в котором человек его воссоздает с самим собой, в его началах (М. Мамардашвили).</i>	<i>Авангард — это паровоз человеческой цивилизации, он заставляет искусство развиваться, искать новые ответы на вызовы меняющегося мира (Е. Бизунова).</i>
<i>Также характерно для русской религиозности юродство — принятие поношения от людей, посмеяние миру, вызов миру (Н. Бердяев).</i>	<i>Единственным ответом на вызов коммунистического мира может быть лишь объединение Запада и наращивание его военного потенциала (Р. Медведев).</i>
<i>С высоты своего героизма, с высоты трагического настроения он гордо посылает вызовы миру (П. Новгородцев).</i>	<i>Наша Церковь должна быть готова к интеллектуальным вызовам современного мира (патриарх Алексий II).</i>
<i>Х — лицо /не-лицо, Y — время</i>	
<i>Спектакль МХТ был своего рода вызовом своему времени (А. Смелянский).</i>	<i>На этом свете всегда не хватает смелых людей, не отворачивающих лица от жизни и от вызова времени (Л. Зорин).</i>
<i>Хотелось получить более полное представление о человеке, который, бросив вызов пространству, времени и силам природы, дерзнул, опираясь на силу своих собственных ног и характера, отправиться в кругосветное путешествие по сложнейшему маршруту (И. Алчеев).</i>	<i>Место России в мировом сообществе во многом будет определено тем, удастся ли ей совершить в себе перемены, адекватные вызовам времени (Л. Гришин).</i>

Как показывают приведённые в таблице примеры, существительное *вызов* все сильнее отрывается от описания исходной ситуации межличностного взаимодействия и приобретает способность использоваться для характеристики такого положения дел, которое порождается взаимодействием других сил. В качестве объекта и субъекта вызова мыслятся такие абстрактные сущности, как *судьба*, *смерть*, *время* и т. п. Именно эта способность анализируемого слова, сформировавшаяся вследствие реализации определённых закономерностей семантического и грамматического характера, подготавливает почву к встрече русского *вызова* и английского *challenge*.

Более того, имеется довольно объёмная группа употреблений, которые с трудом поддаются семантической интерпретации и не позволяют

однозначно квалифицировать то или иное значение существительного *вызов* как «родное» или «заимствованное». Это в первую очередь касается контекстов, в которых субъект вызова назван неодушевлённым существительным в форме родительного падежа (Табл.1, правый столбец).

Как, например, используются сочетания *вызов общества* и *вызов истории*, возникшие под действием охарактеризованных выше механизмов?

- *Вызов 3* включается в состав конструкции *бросить вызов*, которая описывает ситуацию, маркируя разные точки отсчёта: названный формой именительного падежа субъект-инициатор *X* *бросает вызов* обозначенному формой дательного падежа адресату-контрагенту *Y*: *Герой бросает вызов филистерскому обществу*; *Новый исламский халифат бросает вызов истории*;

- *Y* при *бросить вызов* — это контрагент, поэтому он может перехватить инициативу и выступить в роли субъекта, обозначаемого приименным родительным: *Вызов общества герою*; *Вызов истории народу и государству*.

И всё же, несмотря на то, что сочетания *вызов общества* и *вызов истории* образованы в общей логике, в составе одних контекстов они воспринимаются как «более», в составе других — как «менее русские». Примеры:

I. *На вызов истории* наш народ дал правильный ответ (А. Яковлев); Толстой принял *вызов истории*, имея в виду не переписать, не исказить эту историю, но расшифровать и предъявить иную (личностную) её структуру (А. Балдин); *Ответ России на вызов истории* (Г. Хохряков); *Западные христиане вроде бы повели себя достойно вызову истории*, но православные — пока ещё нет (П. Полонский); *Глобализация: вызовы истории и ответы теории* (В. Журавлёв).

II. Дмитрий Медведев сформулировал старый ответ на новый *вызов общества* (Е. Карпенко); *Ответ школы на вызовы общества* (С. Хатькова); *Учитель и вызовы общества* (С. Накусов); *Вызов многорасового общества* (А. Денисов); *Вызовы информационного общества* (Е. Балацкий); *Социальная реакция на вызовы общества, предъявляемые к уголовному праву* (Е. Новикова, А. Федотов и др.).

Вызов: старые мехи для нового вина

Как видим, логика семантического развития, наличие необходимой грамматической упаковки (способность формы генитива выражать субъектное значение) и функциональная специфика русского *вызова*

создали благоприятные условия для калькирования значения английского субстантива. Всё же в целом ряде случаев он сохраняет оттенок новизны. Это связано с тем, что такой *вызов* освобождается от конструктивных ограничений, выходит за рамки типичных для него употреблений. Освобождение идёт по нескольким направлениям.

1. Изменяются способы обозначения реакции на *вызов*. Стандартно для этого используются глаголы *ответить* и *принять*. Они остаются высокочастотными, однако круг глагольной лексики расширяется, причём в нём появляются такие слова, которые содержательно никак не связаны ни с речевыми действиями, ни с процессом получения предмета или информации. Широко используются предикаты (глаголы и отглагольные существительные), обозначающие следующие понятийные области:

✓ восприятие¹ и реакцию — *ощущает* вызовы и угрозы окружающего мира; *почувствовали* вызов со стороны США; я *вижу* здесь негромкий, но отчетливый вызов времени; *реагирует* на вызовы и предложения внешней среды; *реакция* на жизненные вызовы;

✓ оценку — Россия и НАТО одинаково *оценивают* новые угрозы и вызовы безопасности; *оценки* угроз и вызовов безопасности;

✓ сопротивление — *противостоят* вызовам современного информационного общества, вызовам нового времени; *противодействие* угрозам и вызовам безопасности; *парирование* вызовов современности; *защита* семьи и ребенка от современных вызовов общества;

✓ адаптацию — *приспособленный* под требования и вызовы времени; *адекватный* вызовам мира; *адаптация* к вызовам природы; *учитывающий* вызовы современности;

✓ изучение, исследование — *разберётся* с вызовами глобализации; *осмысливать*, *анализировать* вызовы истории.

¹ Возможность сочетаемости существительного *вызов* с предикатами восприятия возникает не случайно. В составе предложно-падежной группы с *вызовом* (так же, кстати, как в сочетаниях с прилагательным *вызывающий* и наречием *вызывающе*) оно характеризует особый тип демонстративного поведения, который не доходит до прямого сопротивления, но является **выражением** протеста, несогласия с чем-, кем-либо, желания вызвать раздражение или какое-либо другое чувство. Такой вызов проявляется главным образом в речи, взгляде, манерах: с *вызовом* сказал, крикнул, проговорил, ответил, произнес, переспросил; посмотрела, взглянула, уставился; прикоснулся, подняла лицо, потянулась и т. п. Понятно, что другой участник ситуации обнаруживает этот вызов с помощью системы органов восприятия, ср.: почувствовал, ощутил, услышал, увидел *вызов*.

2. *Вызов* начинает восприниматься как самостоятельный субъект, организующий ситуацию, см. весьма объёмную группу контекстов, в которых позицию сказуемого занимает глагол *требовать*: *Вызов глобализации требует от современного общества достойного ответа; Вызовы современности требуют смены акцентов* и т.д. Поскольку реальный субъект вызова (в приведённых случаях это *глобализация* и *современность*) оформлен существительным в родительном падеже, позиция подлежащего для него недоступна; зато она открыта для самого слова *вызов*. В целом ряде употреблений информация о подлинном субъекте вызова вообще опускается, вследствие чего семантика существительного становится ещё более абстрактной, а высказывание в целом как раз и производит впечатление не совсем русского¹: *Эти глобальные вызовы требуют солидарных усилий всего мирового сообщества* (С. Лавров); *Сегодняшние вызовы требуют прежде всего международной кооперации* (Г. Явлинский); *Мы найдем адекватные ответы на те вызовы, которые стоят сегодня перед Европой и миром* («Дипломатический вестник»).

3. Изменяется репертуар прилагательных, определяющих слово *вызов*. В «классических» употреблениях они характеризуют *вызов* главным образом в аспекте его проявления: *откровенный, открытый, прямой, явный, искренний, решительный, смелый, дерзкий, грозный, грубый, наглый, кокетливый* и т. п. В «новых» употреблениях прилагательное указывает на сферу, в которой сформировался *вызов*: *глобальный, жизненный, интеллектуальный, исторический, политический, военный, экономический, цивилизационный*. Прилагательное может отражать степень новизны и актуальности вызова, уровень его значимости: *новый*², *злободневный, современный; главный, основной, центральный, общий*.

¹ При том, что устранение субъекта — одно из типичных изменений структуры русского предложения, которое возникает в результате трансформации глагол → отглагольное имя и в котором последнее занимает позицию подлежащего, ср.: *Во дворе кричат дети* → *Во дворе раздаётся крик детей* → *Во дворе раздаётся крик; Певица прекрасно исполняет арию* → *Исполнение арии певицей было прекрасным* → *Исполнение было прекрасным*.

² Слово сочетание *новые вызовы* — абсолютный лидер по частотности (около 100 употреблений, выданных НК по запросу «прилагательное + вызов»).

4. По количеству употреблений форма единственного числа существительного начинает заметно уступать форме множественного числа, которая воплощает диалектическое единство процессов абстрагирования и конкретизации, осложняясь при этом коннотациями «отчуждения». Освобождаясь от оков конструктивных ограничений и передвигаясь в позицию абсолютного ($\approx$ независимого) употребления, *вызов* все сильнее сдвигается по шкале ‘конкретное — абстрактное’ к правому её полюсу. С другой стороны, форма *вызовы* не может не испытывать давления системы, навязывающей таким единицам особую семантику — ‘единичные проявления процессов и состояний’ (см. *обман* — *обманы*, *печаль* — *печали* и т. п.)¹. Эти единицы встраиваются в ряд других форм множественного числа. Их функционально-семантическим центром «следует считать генерализующее обобщение, генерализацию, которая становится основой для пейоративного отчуждения (разрядка автора. — М. Т.). Сущность последнего состоит в том, что говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и/или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно — в силу собственной враждебности) культуры, другого — чуждого мира»², ср.: *Мы работали всю жизнь, не отдыхали, а теперь вот **отдыхи** какие-то придумали* (пример автора. — М. Т.).

5. Возникают и приобретают статус устойчивых обороты *вызовы и угрозы / угрозы и вызовы*. В их составе окончательно оформляется тенденция к использованию анализируемого существительного во множественном числе — с возможностью актуализации всех составляющих его семантического потенциала. Показательно, что в НК есть только по два примера (для прямого и обратного порядка слов) с формами единственного числа, причем во всех случаях эти формы реализуют «классическое» значение: *Во взгляде, в движениях, в тех редких фразах, что произносил, чувствовались **вызов и угроза*** (Р. Сенчин); *Саша... битком набит **вызовом и угрозой**, как дуэлянт у барьера* (В. Конечский);

¹ См.: Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. М.: Наука, 1982. С. 462.

² Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 17. Объяснение внутреннего механизма этой операции и особенностей её языкового отражения и выражения см. в цитируемой книге.

Угроза и вызов не смутили Юрия Андреевича (Б. Пастернак). Во всех других случаях данные обороты употребляются примерно так, как в письме Кофи А. Аннана, ср.: *Будущий внешнеполитический курс России вполне ясен и прогнозируем — это укрепление демократии, более активное участие России в решении глобальных проблем, в противодействии новым вызовам и угрозам* (А. Кузнецов); *мы совместно противостоям глобальным вызовам и угрозам — терроризму, экстремизму, наркоторговле* (С. Лавров); *борьба с новыми вызовами и угрозами, стратегический ответ России на вызовы и угрозы нового века, поиск ответов на угрозы и вызовы XXI в.* и т. д. В количественном отношении такие употребления составляют весьма репрезентативную часть: в основном корпусе НК *вызовы и угрозы* представлены 83 вхождениями, в газетном — 160; *угрозы и вызовы* — 53 и 75 соответственно.

Анализ статистики НК по метаатрибутам (табл. 2–3) позволяет констатировать, что преимущественной сферой функционирования сочетаний *вызовы и угрозы* / *угрозы и вызовы* является официально-деловая речь и публицистика; тематически тексты, в которых используются рассматриваемые выражения, принадлежат почти исключительно сфере политики и общественной жизни.

Важно, что компоненты *вызовы* и *угрозы* оформлены как однородные члены, которые, как известно, должны быть «близкими в смысловом отношении, одноплановыми. Это называется семантической однородностью <...> Приблизительно в том же значении употребляется термин *логическая однородность*. Логически однородны видовые понятия, входящие в объём одного и того же родового понятия»¹. Союз *и*, соединяя два слова, образует сочетание, выражающее единое понятие, или сочетание со значением объединения предметов, явлений и т. п. какого-либо ряда.

Определяя родовое для обоих слов понятие, коротко охарактеризуем существительное *угроза*. Как и *вызов*, оно образовано от глагола, в исходном значении называющего речевое действие (речевой акт) с двумя участниками — субъектом и адресатом: *Х угрожает Y*. Оно так же соотносится с исходной глагольной семантикой, как *вызов* ← *вызвать*, так же требует перемещения субъекта в позицию генитива: *угроза соперника* (субъект) *его не испугала*.

¹ Зубрилина Л. Н., Леонтьев А. П., Мейеров В. Ф. Предложения с однородными членами: Учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1993, с. 48–49.

Таблица 2.

**Распределение в НК
вызовов и угроз и угроз и вызовов по сферам функционирования***

<i>Сфера функционирования</i>	<i>Найдено текстов</i>	<i>Найдено словоформ</i>
Официально-деловая / нехудожественная	31 / 24	45 (54,22%) / 25 (47,17%)
Публицистика / нехудожественная	24 / 17	27 (32,53%) / 22 (41,51%)
Учебно-научная / нехудожественная	4 / 3	7 (8,43%) / 3 (5,66%)
Художественная	3 / 2	3 (3,61%) / 2 (3,77%)
Электронная коммуникация / нехудожественная	1 / 1	1 (1,20%) / 1 (1,89%)

*Через дробь приводятся количественные показатели для первой и второй конструкции соответственно.

Таблица 3.

**Распределение в НК
вызовов и угроз и угроз и вызовов по типам / жанрам текстов***

<i>Тип / жанр</i>	<i>Найдено текстов</i>	<i>Найдено словоформ</i>
Статья	23 / 13	29 (34.94%) / 17 (32.08%)
Хроника	6 / 7	17 (20.48%) / 8 (15.09%)
Интервью	14 / 8	16 (19.28%) / 9 (16.98%)
Речь	6 / 4	6 (7.23%) / 4 (7.55%)
Заявление	3 / 1	4 (4.82%) / 1 (1.89%)
Роман	2 / 1	2 (2.41%) / 1 (1.89%)
Пресс-конференция	2 / 6	2 (2.41%) / 6 (11.32%)
Заметка	2 / 1	2 (2.41%) / 1 (1.89%)
Доклад / коммюнике	1 / 1	1 (1.20%) / 1 (1.89%)
Договор	1 / 1	1 (1.20%) / 1 (1.89%)
Мемуары	1 / 1	1 (1.20%) / 1 (1.89%)

*Через дробь приводятся количественные показатели для первой и второй конструкции соответственно.

По А. Вежбицкой, *угрозу 1* можно описать в следующих формулах¹:
1) говорю: я хочу, чтобы ты знал, 2) что если ты сделаешь *P*, 3) то я сделаю тебе нечто плохое; 4) думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал;

¹ Вежбицка А. Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц) // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / Под общ. ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 68–80.

5) говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал *P*. Верно, разумеется, и обратное: говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты **не** сделаешь *P*, то я сделаю тебе нечто плохое; думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал; говорю это, потому что хочу, чтобы ты сделал *P*.

В составе конструкции *угроза X-а* компонент *X* так же может подвергнуться действию денотативной аналогии, как одноименный компонент в составе выражения *вызов X-а*, в результате чего место одушевлённого участника занимает неодушевлённый: *угроза наводнения, землетрясения, схода лавины, крушения, болезни, гибели* и т. п. В таких случаях компонент ‘нечто плохое’ выражается эксплицитно — тем самым процессуальным существительным, которое заполняет позицию генитива. Другими словами, ‘нечто плохое’ — это негативное событие, состояние, процесс, а слово *угроза* представляет это ‘плохое’ как перспективу, которая может реализоваться с высокой степенью вероятности.

С учетом сказанного следует признать вполне удачным толкование словарей для лексемы *угроза* 2: ‘возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастья, неприятного события’. Соответственно, на роль *genus proximum* для оборота *вызовы и угрозы* более всего подходит понятие ‘опасность’. Существенный аргумент в пользу такого решения — характер лексических единиц, с которым сочетается данный оборот. Абсолютными лидерами здесь являются слова, принадлежащие тематической сфере «борьба, противостояние»: *противодействие, противостояние, противостоять вызовам и угрозам; борьба с угрозами и вызовами; адекватный ответ угрозам и вызовам*.

При большом количестве текстов с выражением *вызовы и угрозы* виды ущерба национальным интересам и международной безопасности, подводимые под категорию ‘опасность’, образуют не очень обширный список. *Вызовы и угрозы* связывают с терроризмом, экстремизмом, распространением оружия массового уничтожения, незаконным оборотом наркотиков, транснациональной организованной преступностью, экологической ситуацией.

Отвечая на семантические *вызовы*

Наш анализ позволяет заключить, что *вызов* обладает необходимыми функционально-семантическими ресурсами для выработки нового значения **внутри** русской языковой системы. Его семантический потенциал формируется в соответствии с общими закономерностями разви-

тия полисемии. Задаётся он возможностями, «которые предоставляет говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций, и, с другой стороны, сам круг ситуаций разных типов и разной природы, на которые данное слово можно “распространить”, которые им можно “охватить”»¹.

Поддержка **извне** — близкое знакомство с существительным *challenge*, произошедшее в связи с изменением общественно-политической ситуации, увеличением числа людей, владеющих английским языком и знающих особенности английского политического дискурса, — создает благоприятный фон для появления в русском языке лексемы *вызов^{ch}*, служит стимулом для её усвоения.

В обоих языках выражения *вызовы и угрозы / threats and challenges* используются сходным образом; на наш взгляд, они подверглись фразеологизации, стали новыми языковыми единицами, служащими для экспрессивного обозначения глобальной опасности (миру, цивилизации, человечеству)².

Однако концепты, обозначенные лексемами *вызов^{ch}* и *challenge*, не тождественны, они различаются аксиологическим компонентом; «слово *challenge* описывает, в частности, следующую ситуацию. Человек берётся за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстёгивает его, заставляет превзойти самого себя. Восхитительна эмоциональная тональность этого слова: оно выражает эдакий веселый азарт и вкус к жизни»³.

Не случайно *challenge* (но не *вызов!*) может заключаться, как видно из названий некоторых веб-сайтов и из размещённых на них слоганов, в фитнесе и даже в коктейльном платье (выделено мной. — М. Т.): *30 Day Fitness Challenges is the number one website for fitness challenges*

¹ Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 29–30.

² Вот несколько примеров из первой десятки ответов поисковой системы Google на соответствующий запрос, сделанный 25.01.2015: *threats and challenges to international peace; There are two major threats and challenges for the future; Study on the Assessment of Regional Security Threats and Challenges in the Western Balkans; Dutch ministries and advisory councils were interviewed to learn how they perceive the main threats and challenges to the Netherlands.*

³ Левонтина И. Б. Указ. соч. С. 550.

and workouts in the world; 30 Day Fitness Challenges: 30 Day Plank Challenge; 30 Day Beach Body Challenge; 30 Day Extreme Squat Challenge; 30 Day Little Black Dress Challenge.

Примеры такого рода в НК русского языка отсутствуют. *Вызов* так же, как *challenge*, описывает ситуацию, требующую высокой концентрации сил и / или материальных ресурсов. Однако воспринимается он как нечто, находящееся за пределами повседневной жизни отдельного человека¹, и оценивается как нарушение нормального хода вещей, содержащее в себе угрозу стабильности, и потому — как нечто негативное.

Резонно предположить, что указанное различие — производное от представлений, образующих **разные языковые картины мира**. Однако обоснование такого предположения требует отдельной статьи. Эту же хотелось бы завершить ещё одной цитатой из статьи Левонтиной²:

«Почувствовав *challenge*, человек ощущает, как повышается количество адреналина в крови. Излишне говорить, сколь важно это понятие и это ощущение для всей американской цивилизации. По-русски человек не может, например, соглашаясь занять какую-то должность, воскликнуть, потирая руки: *Это для меня вызов!*».

А жаль!

¹ Самые «приземлённые» ситуации представлены, например, в следующих — притом крайне редких — примерах: *Им придётся покупать сырьё по реальным ценам. Для них это будет вызов; Наша промышленность нуждается сейчас именно в вызове, а не в создании дополнительных тепличных условий; Среди основных вызовов — снижение цен на электроэнергию и газ.*

² Левонтина И. Б. Указ. соч. С. 551.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОЧЕРК ИСТОРИОГРАФИИ ПОНЯТИЯ

Фёдор Попов

Несмотря на распространённость в современной научной и публицистической литературе термина «национальное государство», в фокусе исследований национального традиционно располагаются другие понятия, прежде всего, *нация* и *национализм*. Общепринятым стало рассматривать их как два взаимосвязанных базовых элемента, подробный анализ которых строго необходим и вполне достаточен для проникновения в суть вопроса. Понятийный тандем превратился в научное клише, кочующее по заглавиям ключевых трудов и ведущих изданий: «Нации и национализм» Эрнста Геллнера¹, «Нации и национализм после 1780 г.» Эрика Хобсбаума², журнал «Нации и национализм» Энтони Смита... А разнообразных антологий и хрестоматий под таким именем и вовсе не сосчитать³. Порой доходит до почти абсурдных ситуаций: так, англоязычный сборник статей «Mapping the Nation» (буквально «Картируя нацию») был переведён на русский язык как... «Нации и национализм»⁴.

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998.

³ См., к примеру, The Sage Handbook of Nations and Nationalism / Ed. by G. Delanty & K. Kumar. London: Sage, 2006; Nations and Nationalism: A Reader / Ed. by P. Spencer & H. Wollman. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press, 2005; Nations and Nationalism: A Global Historical Overview. Vol. 1–4 / Ed. by G. H. Herb and D. H. Kaplan. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO.

⁴ Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002.

Оставив за скобками вопрос о целесообразности объединения понятий, отметим, что даже взятые по отдельности, они не формируют вокруг себя упорядоченных систем взглядов. Кажущееся самоочевидным понятие национализма разворачивается в разных плоскостях. Уже на первых страницах своей классической работы Геллнер представляет национализм и как принцип, и как чувство, и как движение, и как теорию¹. Джон Бройи выделяет три ключевые «области интересов»: доктрину, политику и чувства². Бертран Рассел призывал «понимать разницу между культурным и политическим аспектами национализма»³. Бенедикт Андерсон предложил трактовать национализм «в одном ряду с “родством” и “религией”, а не “либерализмом” или “фашизмом”»⁴.

Собрать все эти смыслы воедино в рамках структурированного обзора затруднительно — как разместить в одной системе координат, скажем, «культурный», «бытовой» и «официальный» национализмы? Вопрос о границах понятия может стать предметом спора даже при рассмотрении отдельных авторских концепций. Так, Энтони Смит упрекает Бройи за редукцию национализма до формы политики⁵, и сам подвергается критике со стороны российского политолога Владимира Малахова за чрезмерное расширение понятия, охватывающего у него, помимо прочего, и «обычное переживание коллективной принадлежности»⁶. Что уж говорить о работах, призванных систематизировать эти теории!

С нацией ситуация иная. Вопрос об установлении рамок понятия здесь вроде бы не стоит: нация есть группа людей. Однако на этом про-

¹ Геллнер Э. Указ. соч. С. 23–24.

² Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм... С. 201.

³ Рассел Б. Национализм. Интервью, 1959 // Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/history/00/zhivov/rass_16.htm#3 (дата обращения: 10.12.2014).

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 30.

⁵ Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С. 175.

⁶ Малахов В. С. Иноходец. Рец. на кн. Э. Д. Смита «Национализм и модернизм» // Отечественные записки, 2004, № 3 (18). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/3/inohodec> (дата обращения: 10.12.2014).

цесс создания дефиниции останавливается. Ибо набор признаков, образующих нацию, с одной стороны, ограничен, с другой, произволен: язык, происхождение, территория проживания, склад характера, озвученное стремление к независимому существованию и т. д. А приписываемые нации абстрактные свойства «естественности», «первичности», «суверенности» и т. п. относятся скорее к сфере мистики, чем логики. Многообразные трактовки понятия не складываются в единую картину, их обзор превращается в перечисление комбинаций одних и тех же признаков, окружённых ореолом сакральности разной степени яркости.

Иначе говоря, ни одно из двух понятий нельзя однозначно сопоставить с конкретным феноменом — за одним стоит целое их множество, за другим едва ли вообще что-то стоит. Полноценное раскрытие категории национального требует более надёжной основы. Необходим концепт, в рамках которого понятия нации и национализма обрели бы ясное смысловое содержание. И на эту роль, как представляется, подходит концепт национального государства.

«Национальное государство» как концептуальная альтернатива «нации» и «национализму»

Под национальным государством условимся понимать гипотетическую форму и результат самоопределения некоторой группы, именуемой нацией и полагаемой первичным носителем власти и источником суверенитета. Отталкиваясь от понятия национального государства, легче дать определение и национализму: политическое движение, направленное на установление соответствия между нацией и государством. С этой точки зрения принцип национального государства и принцип национализма суть одно и то же: недаром их формулировки, предложенные Карлом Поппером и Геллнером, почти идентичны¹. Нация же, если смотреть на неё под таким углом, представляет интерес не сама по себе, а как предполагаемый носитель государствообразующего начала.

¹ Ср.: «Принцип национального государства... политическое требование, согласно которому территория каждого государства должна совпадать с территорией, населённой одной нацией...» (Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс; Межд. фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 63) и «Национализм — это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» (Геллнер Э. Указ. соч. С. 23).

Понятие национального государства тоже не лишено недостатков. Во-первых, оно часто используется в обиходной речи для обозначения «естественного» территориального государства. Во-вторых, порой под национальным государством авторы понимают нечто отличное от проекции группы-нации на политическое пространство. Так, по мнению Энтони Гидденса, национальное государство есть «совокупность институциональных форм правления, поддерживающих административную монополию над территорией с определёнными границами, верховенство которых санкционировано законом и прямым контролем над средствами внутреннего и внешнего принуждения»¹. В представлении Элвина Тоффлера «нация подразумевает сплав двух компонентов: объединённой политической системы и объединённой экономики»². Особую позицию занимает Чарльз Тилли, различающий национальные государства (national states) и государства-нации (nation-states): первые — это «государства, осуществлявшие правление над множеством расположенных рядом регионов с их городами посредством централизованных, дифференцированных и автономных структур», вторые — государства, «где население отличается значительной языковой, религиозной тождественностью и общностью символов»³.

Подобные терминологические изыски, приобретающие к тому же дополнительное измерение в русском переводе, могут создать проблемы при анализе **эволюции понятия**, но не имеют отношения к анализу **эволюции концепта**. Акцент же на концепте позволяет учесть в исследовании и те работы, чьи авторы, рассуждая о производности политической единицы от единицы общества, избегают использования понятия национального государства — вспомним, к примеру, «самое естественное государство» Иоганна Гердера⁴.

При выборе национального государства в качестве стержневого концепта ключевые понятия выстраиваются в единую стройную систему (хотя и утрачивают при этом некоторые оттенки значений). Область

¹ Giddens A. Nation-state and violence // A. Giddens. Social Theory and Modern Sociology. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1987. P. 171.

² Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.

³ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. М.: Территория будущего, 2009. С. 23.

⁴ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 250.

исследования в таком случае охватывает только те аспекты национально-го, что затрагивают вопросы о природе государства вообще и о механизмах его образования в частности; за бортом оказываются и неполитические трактовки понятий (в том числе бытовой и культурный национализмы), и всё, что касается «государствоцентричного» понимания нации и национализма¹. В стороне остаётся и Адам Смит, писавший о «богатстве наций», и оригинальный взгляд на национализм Джорджа Оруэлла², и идеология организаций вроде «Нации ислама», и т. п. Неизбежная, но оправданная плата за концептуальную целостность.

В самой общей форме теория национального государства опирается на два последовательно раскрываемых тезиса. Первый гласит, что общество является единственным легитимным источником государственной власти, второй — что оно естественным образом поделено на элементарные единицы, служащие основой для формирования обособленных государств. В одном случае утверждается производность абстрактного государства от абстрактного общества («народа»), в другом — постулируется существование общего принципа их пространственной дифференциации. Переход от первого положения ко второму отражает смещение фокуса в рассуждениях с Государства и Народа на государства и народы = «нации».

Внутренняя связь тезисов становится заметнее при рассмотрении доминирующих взглядов на характер зависимости государства от общества. В одной системе представлений на передний план выходит концепт «воли народа»: эта воля и подчиняет политику обществу, и определяет логику разбиения последнего на базовые ячейки-нации. Иначе говоря, народ — исходно безразмерный субстрат — устанавливает посредством волеизъявления собственные границы, т. е. границы нации, а те, в свою очередь, проецируются на политическое пространство в качестве естественных рубежей государства. В другой системе взглядов зависимость носит больше механический характер. Народ в ней — пассивный объект дифференциации, дробящийся на нации в соответствии

¹ Термин Роджерса Брубейкера. См.: *Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма* // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / Под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семёнова. М.: Новое издательство, 2010. С. 102–103.

² *Оруэлл Дж. Заметки о национализме* // Дж. Оруэлл. Эссе. Статьи. Рецензии. Пермь: КАПИК, 1992. Т. II. С. 236–256.

с некоторыми аскриптивными признаками, а производность сетки государств от сетки наций объясняется безличными категориями наподобие той же «естественности».

Предлагаемые различными авторами концепции национального государства в большинстве своём предсказуемо отличаются от представленных выше упрощённых схем. Тем не менее, обе рассмотренные системы взглядов и, с определённой долей условности, все вообще концепции, так или иначе тяготеющие к той или иной системе, можно сопоставить с известным разделением национализма на «гражданский» (или включающий) и «этнический» (исключающий). В чистом виде эти две разновидности националистической доктрины встречаются сравнительно редко. Ведь даже самые непримиримые сторонники «наведённых» границ обычно оставляют группам хотя бы номинальное право выбора своей судьбы. Равным образом, и их идеологические оппоненты стремятся повысить убедительность своих теорий, подкрепляя апелляции к воле народа ссылками на неявные культурные артефакты вроде иллюзорного «национального духа» или мифов об общем происхождении. Оно и понятно — как неуправляемая свобода, так и механицизм скорее отталкивают, чем привлекают.

Народ и воля

Поиск основы государственной власти в символизированном народе традиционно связывают с теорией общественного договора Жан-Жака Руссо. Однако подобные идеи высказывались задолго до него. За точку отсчёта следует, видимо, брать работы итальянского политического философа Марсилия Падуанского (1270–1342). Его учение строилось на жёстком разграничении духовной и светской сторон жизни: первая отдавалась на откуп церкви, вторая, напротив, полностью выводилась из-под церковной юрисдикции. Опустевшее место священного источника верховной власти занимал как раз народ, в чьём ведении оказывалось как издание законов согласно оговорённой процедуре, так и назначение государя, должного править в соответствии с этими законами¹:

«Законодателем или первой и основной действующей причиной закона является народ или совокупность граждан либо их наиболее влиятельная часть...»

¹ *Марсилиус Падуанский*. Защитник мира // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. II. Европа V–XVII вв. М.: Мысль, 1999. С. 609.

В XVI–XVII вв., в период подъёма абсолютизма в Европе отвлечённые идеи суверенитета народа обрели форму частного и предельно конкретного вопроса: имеют ли подданные право на сопротивление власти монарха, если тот, по их мнению, ею злоупотребляет? Защитники такого права получили известность как монархомахи. Ядро течения составили публицисты-гугеноты.

Предтечей французских тираноборцев принято считать Этьена де ла Боэси (1530–1563), чей трактат «Рассуждение о добровольном рабстве» вскоре после смерти автора был взят гугенотами на вооружение. Яростно обличая тиранию и самодержавие вообще, Боэси, тем не менее, не призывал к восстанию, а скорее проповедовал всеобщий отказ от повиновения деспоту, что, по его мнению, немедленно привело бы к падению тирана¹:

«...Народы сами позволяют надевать на себя узду; стоит им перестать служить, и с их порабощением будет покончено».

Вопрос о насильственном свержении правителя прямо ставился в других работах, написанных уже непосредственно гугенотами, прежде всего, в сочинении Франсуа Отмана (1524–1590) «Франкогаллия»² и в трактате «Иск к тиранам», опубликованном неизвестным автором под знаковым псевдонимом «Юний Брут»³. Особенно интересна вторая работа: в ней право на сопротивление тирану фактически выводится из концепции народного суверенитета. Хотя власть монарха представлена как дарованная Богом, легитимность её проистекает из соглашения, заключаемого правителем с народом. По этому договору народ подчиняется монарху только на том условии, что тот обязуется править во благо народа; если монарх отказывается выполнять свою часть договора, это

¹ Боэси Э. де ла. Рассуждение о добровольном рабстве. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 11.

² Отман Ф. Франкогаллия. // Антология мировой правовой мысли... С. 686–687.

³ Под этим именем писал либо Филипп Дюплесси-Морне (1549–1623), либо Юбер Ланге (1518–1581). См.: Моска Г. История политических доктрин. М.: Мысль, 2012. С. 137; Dunning W. A. History of Political Theories from Luther to Montesquieu. New York: Macmillan, 1919. P. 47; Чичерин Б. Н. История политических учений. В 3 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2006. С. 331.

означает его денонсацию и освобождает народ от обязательств повиноваться¹.

К монархам причисляют шотландских реформаторов Джорджа Бьюкенена (1506–1582), тоже оправдывавшего восстание против тирана договорной природой власти монарха², и Джона Нокса (1505/1514–1572)³, а также английского мыслителя Джона Понета (1516–1556)⁴, немецкого теоретика права Иоганна Альтузия (1557–1638)⁵, других протестантских авторов. Тираноборцы появлялись и в среде католиков. Это Жан Буше (1548–1646), а также целая группа иезуитов: испанцы Хуан де Мариана (1536–1624)⁶, Франсиско Суарес (1548–1617)⁷, Антонио Эскобар-и-Мендоса (1589–1669)⁸, португалец Эммануил Са

¹ *Junius Brutus*. *Vindiciae Contra Tyrannos: A Defence of Liberty against Tyrants or, The Lawful Power of the Prince over the People and of the People over the Prince*. London: Printed for Richard Baldwin, 1689. P. 113 // Archive.org. URL: <https://ia700707.us.archive.org/14/items/vindiciaecontrat00lang/vindiciaecontrat00lang.pdf> (дата обращения: 10.12.2014).

² *Buchanan G.* *De Jure Regni Apud Scotos, Or, a Dialogue Concerning the Due Privilege of Government in the Kingdom of Scotland Betwixt George Buchanan and Thomas Maitland*. London: Printed for Richard Baldwin, 1689. P. 65–66 // Archive.org. URL: <https://ia700506.us.archive.org/14/items/dejureregniapuds00buchuoft/dejureregniapuds00buchuoft.pdf> (дата обращения: 10.12.2014)

³ *Нокс Дж.* Первый трубный глас против чудовищного правления женщины // Английская реформация (документы и материалы) / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 62.

⁴ *Понет Дж.* Краткий трактат о политической власти // Там же. С. 53–55.

⁵ *Альтузий И.* Политика, методически изложенная и проиллюстрированная примерами божеского и человеческого // Антология мировой правовой мысли... С. 700–703.

⁶ *Mariana J. de.* *De Rege et Regis Institutione* // *The Principles of the Jesuits, Developed in a Collection of Extracts from Their Own Authors*. London: J. G. and F. Rivington, 1839. P. 223–227 // Archive.org. URL: http://ia700500.us.archive.org/14/items/MN41467ucmf_2/MN41467ucmf_2.pdf (дата обращения: 10.12.2014). В этом издании тексты иезуитов даются в переводе на английский язык при сохранении их латинских названий.

⁷ *Suarez F.* *Defensio Fidel Catholicos et Apostolicos* // Ibid. P. 237–238.

⁸ *Escobar E.* *Liber Theologiae Moralis, viginti quatuor Societatis Jesu Doctoribus reseratus* // Ibid. P. 248.

(1530–1596)¹, немцы Яков Келлер (1568–1631)², Яков Гретцер (1562–1625)³, Себастьян Хайсс (1572–1614)⁴ и другие.

Отметим, что монархوماхи в большинстве своём сходились во мнении, что народ как масса не может обладать правом на сопротивление — этими полномочиями следует наделять только его легитимных представителей. Такую мысль прямо высказывали и «Юний Брут», и Бьюкенен (что характерно, оба они сравнивали народ-толпу с «многоглавым чудовищем»⁵), Альтузий же, рассуждая о народе как о политическом целом, становящемся «дыханием жизни, сердцем, духом высшей власти»⁶, оставлял право свергнуть тирана только за «эфорами» — выборными должностными лицами.

Словом, первопроходцем в области идей народного суверенитета Руссо не был. Новаторство его взглядов состояло, скорее, в попытке объяснить природу этого суверенитета с помощью популярной тогда теории общественного договора⁷. Её основоположники Томас Гоббс и Джон Локк видели природу государства в заключаемом людьми соглашении — договоре о передаче ими власти одному лицу или группе лиц⁸. При этом оба подчёркивали, что делегирование суверенитета означает его фактическую утрату: на смену власти народа как совокуп-

¹ *Sa E. Aphorismi Confessariorum // Ibid. P. 216–217.*

² *Keller J. Tyrannicidium, sen scitum Catholicorum de Tyranni internecone // Ibid. P. 232–243.*

³ *Gretser J. Opera Omnia. Tom. XI. Defensio Societatis Jesu // Ibid. P. 253–257.*

⁴ *Heissius S. Ad Aphorismos Doctrinae Jesuitarum aliorumque Pontificiorum // Ibid. P. 228–229.*

⁵ *Junius Brurus. Op. cit. P. 34; Buchanan G. Op. cit. P. 20.*

⁶ *Альтузий И. Указ соч. С. 701.*

⁷ «Прежде чем рассматривать акт, посредством которого народ избирает короля, было бы неплохо рассмотреть тот акт, в силу которого народ становится народом, ибо этот акт, непременно предшествующий первому, представляет собой истинное основание общества». См.: *Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 159–160.*

⁸ *Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства, церковного или гражданского. М.: Мысль, 2001. С. 119; Локк Дж. Два трактата о правлении // Дж. Локк. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 310–312, 317–319.*

ности людей приходит другая власть. По Гоббсу это неограниченная власть воплощающего народ правителя¹, по Локку — незыблемая власть закона, устанавливающая рамки полномочий государя². Схожую позицию занимал и их предшественник Гуго Гроций; он определял государство как «совершенный союз свободных людей, заключённый ради соблюдения права и общей пользы»³, и в то же время спорил с теми, кто считал, что «власть всюду и без изъятия принадлежит народу, так что государей, которые злоупотребят своей властью, следует низлагать и карать»⁴.

Иными словами, и по Гоббсу, и по Локку, и по Гроцию народ — источник государственного суверенитета, исторически и функционально предшествующий государству, но обладающий всей полнотой власти только на начальном этапе становления политики. Если же согласиться с Дэвидом Юмом в том, что идея общественного договора плохо сочетается с политической практикой⁵, и с Иммануилом Кантом, — что общественный договор «всего лишь идея разума»⁶, то приходится признать, что народный суверенитет — мыслительная конструкция, необходимая для понимания идеи правового государства, но не более того.

Руссо такая позиция не устраивала, он отводил народу куда более значимую роль, чем быть простым передаточным механизмом между самородным личным суверенитетом и конечной властью государя / закона. Общественный договор в его трактовке есть акт объединения разрозненных лиц на условиях полного отречения от всех природных свобод (т. е. суверенитета) в пользу новообразованной ассоциации (народа). Поскольку каждый из заключающих соглашение полностью передаёт свои права обществу, становясь тем самым неотъемлемой его частью,

¹ Гоббс Т. Указ. соч. С. 120–128.

² Локк Дж. Указ. соч. С. 334–337.

³ Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. С. 74.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Юм Д. О первоначальном договоре // Д. Юм. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 656–675.

⁶ Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // И. Кант. Сочинения. В 6 т. Т. 2. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 87.

он этих прав словно бы и не лишается: подчиняя себя всем, он в действительности подчиняется лишь самому себе. Делегирование суверенитета оборачивается его сохранением. В результате рождается народ — «условное коллективное Целое», имеющее «своё общее я, свою жизнь и волю»¹. Помещённое в политическую систему координат это «коллективное Целое» и предстаёт государством. Государство по Руссо не просто вырастает на фундаменте общества, оно пребывает в постоянном подчинении ему. Здесь уместно вспомнить слова Бориса Чичерина о Руссо²:

«Народное полновластие является у него не только как верховный источник всех общественных властей, но как постоянная, необходимая и исключительная форма всякого политического союза, как идеальное устройство, в котором неразрывно сочетаются оба противоположных элемента человеческого общежития: личный и общий».

Хотя рассуждения Руссо трудно назвать логически безупречными, его популистская интерпретация теории общественного договора имела успех ещё при его жизни. Под обаяние идеологом народного суверенитета и общей воли попали, в частности, Дени Дидро³ и Габриэль Бонно де Мабли⁴. Но настоящий триумф доктрине принесла Французская революция, положившая начало непреходящей моде на национальное государство. Водружаемый на пьедестал образ народа-суверена был крайне притягателен — он представал одновременно и всеобщим воплощением, и почти одушевлённым «коллективным существом», обладающим собственной волей и собственными интересами, способным думать, решать, действовать за каждого, освобождая каждого от ответственности. Теория народного суверенитета была охотно поднята на щит идеологами революции, нащупавшими в ней осязаемую альтернативу суверенитету монарха.

¹ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 161.

² Чичерин Б. Н. Указ. соч. Т. 2. 2008. С. 214.

³ Дидро Д. Замечания на Наказ её Императорского Величества депутатам Комиссии по составлению законов // Д. Дидро. Собрание сочинений. В 10 т. Т. X. ROSSICA: произведения, относящиеся к России. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во худож. лит.-ры, 1947. С. 418–419.

⁴ Мабли Г. Б. де. О правах и обязанностях гражданина // Г. Б. де Мабли. Избранные произведения. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 279–280.

Идеи Руссо развивали в своих работах и Максимилиан Робеспьер¹, и Луи-Антуан Сен-Жюст², и Жан-Поль Марат³, однако, центральную роль в этом ансамбле сыграл аббат Эммануэль-Жозеф Сийес, чей памфлет «Что такое третье сословие?»⁴ мгновенно завоевал колоссальную популярность среди современников. Причины успеха крылись в ещё более акцентированном популизме: Сийес внёс в уравнивающую концепцию Руссо классовое измерение, сузив рамки суверена непосредственно до целевой аудитории памфлета, третьего сословия⁵. Представители аристократии и духовенства были выдернуты из тела народа, приравнены к «чужакам»: автор намекал на инородность привилегированных классов, которых можно «препроводить обратно в Франконские леса»⁶.

Для обозначения коллективного суверена Сийес предпочитал использовать термин *нация*. Нельзя сказать, что он был первопроходцем в этой области — тот же Руссо употреблял оба слова как синонимы, о нации писал Дидро, — однако памфлет Сийеса внёс немалый вклад в популяризацию термина.

Хотя Сийес превозносил нацию-народ едва ли не выше Руссо («Нация существует прежде всего и есть начало всего. Её воля всегда законна, она — сам закон»⁷), определял он её скромно: «общество людей, живущих под общим законом и представленных одним законодатель-

¹ *Робеспьер М.* Против королевского вето. Речь в Национальном собрании 21 сентября 1789 г. // М. Робеспьер. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1965. С. 100–109.

² *Сен-Жюст Л.-А.* О Конституции Франции. Речь, произнесенная в Национальном конвенте 24 апреля 1793 г. // Л.-А. Сен-Жюст. Речи. Трактаты. СПб.: Наука, 1995. С. 42–67.

³ *Марат Ж.-П.* Дар отечеству // Ж.-П. Марат. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 287–301.

⁴ *Сийес Э.-Ж.* Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. СПб.: Алетейя, 2003. URL: http://istmat.info/files/uploads/28691/sieyes_que-un-tel-troisieme-etat.pdf (дата обращения: 10.12.2014).

⁵ Можно сказать, что Сийес вернул в понятие народа классовую составляющую, только — в прямую противоположность монархам — не свёл его к элите, а, наоборот, элиту исключил.

⁶ *Сийес Э.-Ж.* Указ. соч.

⁷ Там же.

ным учреждением»¹. Налицо парадокс: нация изображалась одновременно и предшествующей всему политическому, и производной от государства. Здесь, возможно, кроется один из ключей к пониманию концепта народного суверенитета: рассматривая государство как продукт воли народа, философы при этом редко выходили за пределы имевшейся сетки государственных границ. Франция, как, видимо, и прочие державы, по умолчанию виделась им результатом волеизъявления нации, другого варианта не предполагалось, нация французов совпадала с совокупностью граждан Франции. Задача революционеров состояла в том, чтобы вернуть власть французам, а над чем и над кем они будут властвовать, было и так понятно.

Это было понятно чуть ранее и другим революционерам — североамериканским. То, что народ тринадцати колоний не укладывался в матрицу государственных границ, не мешало отцам-основателям поруссоистски изображать нацию суверенным актором, правомочным свергать старые правительства и учреждать новые, но до сих пор данным правом не воспользовавшимся². И вот момент настал: как писал один из идеологов отделения Томас Пейн, «настоящее время является... тем особым временем, которое бывает в жизни нации лишь единожды — это время оформления её как государства»³. Акт оформления нации как нации был молчаливо отнесён в абстрактное прошлое, логически оторван от акта государствообразования. Государства **ещё** не было, но нация **уже** существовала и границы её **уже** были известны. Срабатывало ретроспективное восприятие: только за границы общества подавались границы не государственные, как у Сийеса, а географические или административные, которые проецировались на социум, а затем и на политическое пространство.

Руссо возводил абстрактное государство к абстрактному народу и потому не мог создать полноценной теории национального государства. Сийес и Джефферсон рассуждали о национальной природе уже реальных держав, последний и вовсе рассматривал государство как эле-

¹ Там же.

² *Джефферсон Т.* Декларация представителей Соединённых Штатов Америки, собравшихся на общий конгресс // *Американские просветители. Избранные произведения.* В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1969. С. 27–28.

³ *Paine T.* Common Sense. Little Blue Book No 50. Girard, KS: Haldeman-Julius Company, 1920. P. 69.

мент динамичной системы себе подобных. Однако ни тот, ни другой не предложил чёткой логики разбиения общества на суверенные ячейки-нации. И это не случайно.

Теория общественного договора выглядит крайне привлекательной в виде лозунга «власть — народу!», но тускнеет при попытке использовать её в качестве универсального принципа, определяющего контуры политической карты мира. Концепции национального государства на фундаменте голей демократии существуют, но на положении, близком к маргинальному. С точки зрения прикладного национализма они едва ли имеют смысл: общее согласие — слишком ненадёжное оружие, всегда готовое обернуться против того, кто его использует. Национальное государство в таком формате превращается в нечто неустойчивое, временное, при переходе к реальной политике договорная теория представляется чересчур зыбкой основой для нации- и государствообразования. В то же время, как показывают примеры Сийеса и Джефферсона, практики находят концепциям общественного договора и народного суверенитета иное применение. Предполагая, что первое соглашение состоялось и что его итоги остаются неизменными, они примеряют национальные одежды на население уже существующих государств или регионов.

Одна их часть близка монархам: её заботит в первую очередь вопрос оправданности требований о смене власти во всём государстве или на некоторой части его территории. Здесь Руссо и прочие теоретики права народа предоставляют богатый материал для аргументации. Симон Боливар подчёркивал значимость народного суверенитета — «единственного легитимного основания власти нации»¹. Ленин и Сталин заявляли одной из целей социал-демократов обеспечение самодержавия народа² — «когда вся власть в государстве полностью и на самом деле принадлежит народу»³. Сунь Ятсен разработал доктрину «трёх

¹ Bolivar S. Address to the Constituent Congress, Lima, 25 May 1826 // El Libertador: Writings of Simón Bolívar. Ed. by D. Bushnell. New York: Oxford Univ. Press, 2003. P. 64.

² Ленин В. И. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6. М.: Политиздат, 1963. С. 206; Сталин И. В. Современный момент и объединительный съезд рабочей партии // И. В. Сталин. Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1954. С. 268.

³ Ленин В. И. Борьба за свободу и борьба за власть. // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1972. С. 67.

народных принципов» на основе известной формулы народного суверенитета Авраама Линкольна — «правительство народа, избранное народом и для народа»¹. Фидель Кастро в речи на судебном процессе по делу о нападении на казармы Монкада в своё оправдание помянул едва ли не всех отмеченных выше авторов, особый акцент сделав на цитатах из Руссо². Кваме Нкрума преподносил обретение Ганой независимости как победу Маркуса Гарви, Джеймса Эггри и Джозефа Кейсли-Хэйфорда³ — но, прежде всего, как победу идей Руссо⁴. Этот ряд можно продолжать бесконечно.

Другая категория практиков использует образ суверенитета народа в противоположных целях — для возвеличивания действующей власти и ограждения её от притязаний оппозиционных сил. Неслучайно же Линкольн озвучил формулу народного суверенитета спустя несколько месяцев после победной для северян-юнионистов, переломной в ходе гражданской войны в США битве при Геттисберге⁵. Да и львиная доля всех конституций современных государств содержит указание на их национальную природу⁶:

¹ *Сунь-Ят-Сен*. Конституция пяти видов // Сунь-Ят-Сен. Записки китайского революционера (Программа национального строительства Китая). М.-Л.: Госиздат, 1926. С. 139.

² *Кастро Ф.* История меня оправдает // Ф. Кастро. Избранные произведения 1952–1986 гг. М.: Политиздат, 1986. С. 55–57.

³ Маркус Гарви — американский и ямайский политический деятель, идеолог националистического движения «Назад в Африку»; Джеймс Эггри — американский философ, педагог и просветитель ганского происхождения, сторонник расовой гармонии; Джозеф Кейсли-Хэйфорд — ганский юрист и политический деятель, один из главных идеологов ганского национализма и panaфриканизма.

⁴ *Nkrumah K.* Freedom! Freedom! Freedom! // W. H. Worger, N. L. Clark, E. A. Alpers (eds.). Africa and the West: A Documentary History. Vol. 2: From Colonialism to Independence, 1875 to the Present. New York: Oxford Univ. Press, 2010. P. 129.

⁵ *Lincoln A.* The Gettysburg Address // The Speeches of Abraham Lincoln. New York: Lincoln Centenary Association, 1908. P. 368.

⁶ См.: Конституция Российской Федерации // URL: <http://constitution.kremlin.ru> (дата обращения: 10.12.2014); Конституция Французской Республики // В. В. Маклаков. Конституции зарубежных государств. Учебное пособие. М.: Изд-во БЕК, 1997. С. 106; Конституция Республики Греция // Там же. С. 363; Конституция Японии // Там же. С. 442.

«Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ».

«Национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и путем референдума» (Франция).

«Вся власть исходит от народа, существует для народа и нации и осуществляется путём, определяемым Конституцией» (Греция).

«Император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей народа, которому принадлежит суверенная власть» (Япония).

Вернёмся напоследок к теориям чистого гражданского национализма. Они отталкиваются от знаменитой сентенции Эрнеста Ренана (1823–1892)¹:

«Существование нации — это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума — вечное утверждение жизни».

Хлёсткая формула выглядит исчерпывающей, если забыть, что она составляет только половину авторского определения². По Ренану, нацию образуют «две вещи», «одна — в прошлом, другая — в будущем. Одна — это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая — общее соглашение, желание жить вместе...»³. Нация вовсе не открыта для входа / выхода, плебисцит не устанавливает её рамки, а лишь служит индикатором её существования.

Другой автор, чьё имя упоминают в том же контексте, — это Джон Стюарт Милль. Основу национальности по Миллю составляют «общие симпатии». Под их влиянием люди «охотнее посвящают себя общей деятельности, чем в союзе с другим народом, желают находиться под одним правительством и хотят, чтобы это правительство состояло из них самих или из известной их части»⁴. Выбор объектов симпатий автор

¹ Ренан Э. Что такое нация? // Э. Ренан. Собрание сочинений в 12 т. Киев, 1902. Т. 6. С. 102.

² О реновской трактовке нации см.: Як Б. Миф гражданской нации // Прогнозис, 2006, № 2 (6). С. 156–171.

³ Ренан Э. Указ. соч. С. 101.

⁴ Милль Дж. Ст. Представительное правление. Публицистические очерки. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1897. С. 162.

считает свободным, но среди причин солидарности он называет привычные качественные признаки: единство происхождения, расы, языка, веры, территории проживания, а главное, — воспетую позже Ренаном «общность воспоминаний», общую историческую судьбу.

Из-за присущего им «детерминизма воспоминаний» концепции Ренана и Милля нельзя назвать удачными примерами теории гражданского национализма. На это указывал Ортега-и-Гассет, восхищавшийся метафорой Ренана и одновременно критиковавший её за архаичность и наивность. Сам он призывал отбросить «балласт прошлого» и принять нацию как «функцию будущего» и продукт воображения («чтобы нация была, достаточно одного помысла»¹), а национальное государство — как «историческую структуру, родственную плебисциту»², но дальше не пошёл.

Логично искать примеры таких концепций у либертарианцев, возводящих личную свободу в абсолют. Действительно, один из основателей направления, австрийский экономист Людвиг фон Мизес (1881–1973) считал принцип зависимости границ государств от воли их жителей гарантией защиты от войн и революций. Однако оговорки, сопровождающие его рассуждения, сводят на нет смелость идеи³. Во-первых, он признавал, что декларируемое право на самоопределение можно распространять только на население «достаточно крупных территорий», способных функционировать как «независимая административная единица», что лишало границы принципиальной произвольности, вводило в концепцию детерминанту наведённых рубежей. Во-вторых, он не ушёл от образа национального государства как моноязычного образования, полагая, что конечным итогом свободной реализации права на самоопределение станет совпадение государственных и этнонациональных границ. Иными словами, о полноценной теории свободных границ согласия здесь говорить нельзя.

Более бескомпромиссную позицию занимал другой авторитетный теоретик либертарианства, испанский политический философ Хесус Уэрта де Сото (род. в 1956 г.). В частности, он утверждал, что «нужно

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Х. Ортега-и Гассет. Восстание масс. Сб. М.: АСТ, 2002. С. 167.

² Там же. С. 168.

³ Мизес Л. фон. Либерализм. Международное издание. М.: Социум, 2011. С. 204–209.

признать за любым меньшинством внутри нации или государства право принимать решение о сецессии, отделении или присоединении к другому государству, если оно этого желает»¹. Однако это утверждение фигурирует у автора лишь как дополнение к более общей теории либерального национализма, призванной примирить базовые либеральные принципы с этнолингвистическим видением нации и национализма. Приоритеты де Сото расставлены не в пользу гражданских наций.

Дальше других продвинулся американский экономист Мюррей Ротбард (1926–1995). Он не только открыто провозгласил принцип *нации по согласию*, но и предложил радикальный подход к его реализации посредством тотальной приватизации — перевода в частную собственность всей территории планеты². Тем не менее, несмотря на общее соответствие идеалам гражданского национализма, подобная анархо-капиталистическая модель организации политической системы мира пребывает на периферии мировой интеллектуальной мысли.

Язык и национальный дух

Представления о том, что человечество по природе своей разделено на группы, принадлежность к которым выступает или должна выступать несущим элементом всего комплекса самоидентификации, существовали ещё в далёком прошлом. Простейшее их проявление — дихотомическое разграничение по линиям «мы — они», «свои — чужие» и объединение «чужих» под общим ярлыком: варвары у эллинов, немцы у славян, гои у иудеев и т. п. Дифференцирующую роль играли элементарные качества, восприятие которых не требовало специальных усилий: как человек выглядит (фенотип), как общается (язык), откуда он (место рождения), как ведёт себя (верования). И кому подчиняется: подданство входило в этот список на правах рядового признака.

Не углубляясь в рассуждения об эволюции понятия групповой идентичности, выделим две ключевые тенденции. Во-первых, на роль группообразующих факторов постепенно выдвинулись аскриптивные,

¹ *Уэрта де Сото Х.* Теория либерального национализма // Х. Уэрта де Сото. Социально-экономическая теория динамической эффективности. Сер. «Австрийская школа». Вып. 6. Челябинск: Социум, 2011. С. 110.

² *Rothbard M. N.* Nations by Consent: Decomposing the Nation-State // *Secession, State & Liberty* / Ed. by D. Gordon. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1998. P. 79–88.

т. е. предписанные, наведённые признаки, присущие индивидууму от рождения либо являющиеся результатом однократного выбора. Государственная принадлежность к таковым не относилась. Во-вторых, процесс идентификации с группой подвергался мистификации: к вроде бы понятным языку, происхождению и вероисповеданию добавлялись куда более туманные категории, вроде «общей исторической судьбы», «национального характера», «национального духа».

Сочетание веры в органичность подобной дифференциации с верой в общую производность политического от общественного привело к формированию стойкого образа воображаемой естественной политической карты мира как реплики с сетки столь же естественных границ внутри людского субстрата. Государства-нации представляли не продуктами общественной деятельности, выраженной в общей воле или свободном выборе индивидуумов, а бесстрастным отражением групп-наций на политическом пространстве; нации не создавали национальные государства, создавая одновременно и себя самих, а лишь механически воспроизводили себя в них.

Колыбелью такого рода концепций принято считать Германию XVIII века, а пионером — Иоганна Готфрида Гердера, автора одной из первых формулировок принципа национального государства¹:

«Природа воспитывает людей семьями, и самое естественное государство — такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером».

Дальше в прояснении понятия национального характера он не пошёл, ограничившись скорее метафорой, чем определением. Как писал Поппер, «в этой теории Гердер пытался решить проблему “естественных” границ государства, но его решение только поставило новую проблему “естественных” границ нации»². Эти слова применимы к абсолютному большинству теоретиков национального государства.

Расплывчатость размышлений Гердера контрастирует с резкостью воззваний Иоганна Готлиба Фихте³:

«...Первые, изначальные и поистине естественные границы государств — это, без сомнения, их внутренние границы. Всё то, что гово-

¹ Гердер И. Г. Указ. соч. С. 250.

² Поппер К. Р. Указ. соч. С. 65.

³ Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. С. 290.

рит на одном и том же языке, уже до всякого человеческого искусства связано друг с другом множеством невидимых связей посредством исключительно природы... оно принадлежит друг к другу и есть естественно Одно и неразрывное целое».

Фихте уже не мечтал о наилучшем мироустройстве, а прямо указывал, как мир *должен* быть устроен. Со слов того же Поппера, он был «первым, кто снабдил германский национализм теорией»¹, в том же ключе характеризовали его Рассел² и итальянский социолог Гаэтано Моска³. Абстракции гердеровского национального характера Фихте противопоставил конкретный критерий определения нации — язык. Впрочем, полной ясности это не внесло: разница между диалектом и языком неочевидна.

Фихте оказался так же «ко времени», как Джефферсон и Сийес. Его пламенные «Речи к немецкой нации» были озвучены в 1807–1808 гг., когда Германия, оставаясь политически разобщённой, находилась под оккупацией Франции, уже заявившей о себе как о национальном государстве. В таких условиях для ответной мобилизации требовалась основа, отличная от народного суверенитета: бессмысленно было апеллировать к мифическим соглашениям прошлого, тем более — пытаться натянуть национальную кожу на каркас государственных или административных границ. Поэтому образ нации как языковой общности нашёл бурный отклик — идею поддерживали и развили в своих работах Эрнст Мориц Арндт (1769–1860), Фридрих Людвиг Ян (1778–1852), Генрих Луден (1788–1847) и другие⁴. Широкую известность приобрело стихотворение Арндта «Отечество немца», дававшее чёткий ответ на чёткий вопрос: «Где отечество у немца? — Всюду, где звучит немецкая речь»⁵.

¹ Поппер К. Р. Указ. соч. С. 66.

² Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. Новосибирск: Сибир. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. С. 841.

³ Моска Г. Указ. соч. С. 284.

⁴ Об их взглядах см.: Кон Г. Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы, Вашингтон, 1994. № 41–42. С. 116–117; Чичерин Б. Н. Указ. соч. Т. 2, 2008. С. 511–512.

⁵ Arndt E. M. German's Fatherland // Anthologia Germanica. German Anthology: A Series of Translations from the Most Popular German Poets by J. C. Mangan. Vol. I. Dublin: William Curry Jun and Co, 1845. P. 178–180.

Выделение единственного дифференцирующего признака выглядит закономерным шагом на пути к формированию теории национального государства. Но немногие авторы руководствовались такой логикой. Гораздо чаще предлагаемые концепции пестрили множественностью критериев, местами связанных между собой, местами нет, причём вес абстрактных категорий в общем массиве был существенен. Даже лингвоцентричная теория Фихте не избежала налёта мистицизма, о чём свидетельствует содержащийся в ней тезис об объединении немецкой нации «общим языком и способом мышления»¹. Арндта и Яна французский историк Леон Поляков охарактеризовал как «двух крупнейших апостолов германо-христианского расизма»², т. е. даже у ранних апологетов избранности немецкой нации не всё сводилось к языковым различиям.

В то же время роль языка не стоило недооценивать — её акцентировали многие националисты, от Мадзини³ до Масарика⁴. Редкая трактовка нации обходится без этого критерия. Он точно находится в лучшем положении, чем другой традиционный нациеобразующий признак — кровное родство: после того, как Гитлер на первых страницах «Моей борьбы» провозгласил «Одна кровь — одно государство!»⁵, апеллировать к нему стало почти неприличным. Хотя и сейчас в отечественной публицистике можно встретить такие заявления⁶:

«Русскость — не культура, не религия, не язык, не самосознание. Русскость — это кровь (точнее — генетическая и биохимическая конституция). <...> Россия может быть только государством русского народа или её не будет вовсе».

¹ Фихте И. Г. Указ. соч. С. 290.

² Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха знаний. М.: Мосты культуры; Гешарим, 2008. С. 237.

³ Mazzini G. General Instructions for the Members of Young Italy // Life and Writings of Joseph Mazzini. In Six Volumes. Vol. 1. Autobiographical & Political. London: Smith, Elder, & Co, 1890. P. 97.

⁴ Malinova O. Liberal Nationalism: A Historical and Critical Analysis of Conceptions. Research Report // Research Support Scheme. URL: <http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001095/01/101.pdf> (дата обращения: 10.12.2014).

⁵ Гитлер А. Моя борьба. М.: Т-ОКО, 1992.

⁶ Соловей В. Д. Основной фактор // АПН — Агентство Политических Новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1790.htm> (дата обращения: 10.12.2014).

Однако доминировали в мировой науке — и доминируют до сих пор — несколько другие подходы к определению нации. Трактовки Милля и Ренана с акцентом на «наследие воспоминаний» и «общую судьбу» уже приводились. С ними, как и с формулой Гердера, перекликается вариант Отто Бауэра: «нация это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы»¹. В Советском Союзе классическим считалось чеканное определение Сталина²:

«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».

С ним очень схож вариант Мустафы Кемаля Ататюрка³:

«Сообщество людей, которые совместно проживали в прошлом, продолжают совместное существование в настоящем, а также... решительно настроены совместно проживать и в будущем; их объединяет общая родина, общие язык, культура и мироощущение».

Мирослав Хрох предлагает составную дефиницию, в числе определяющих признаков — всё та же «“память” об общем прошлом, толкуемом как “судьба” группы», а также «плотность и интенсивность языковых или культурных связей» и «концепция равенства всех членов группы, организованных в гражданское общество»⁴. У Энтони Смита нация — определённым образом названная группа людей, «проживающих в границах исторической территории, разделяющих общие мифы и воспоминания, культуру, имеющих общую экономику и общую систему установленных законом прав и обязанностей»⁵. И так далее.

Выше процитированы как авторы, стремившиеся создать фундаментальную теорию нации, так и те, кто подходил к вопросу с приклад-

¹ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм... С. 88.

² Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // И. В. Сталин. Сочинения. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1946. Т. 2. С. 296.

³ Цит. по статье Е. В. Габер в настоящем издании.

⁴ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм... С. 122.

⁵ Smith A. D. Introduction: «Ethno-Symbolism» and the Study of Nationalism // A. D. Smith. Myths and Memories of the Nation. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. P. 24.

ной точки зрения, в рассуждениях о нациях подразумевая **нацию**. При всём разнообразии формулировок их роднит одно обстоятельство: если концепции Фихте, Гитлера или даже Ротбарда в идеальном мире могут быть использованы в качестве базиса для перекройки политической карты мира, то эти трактовки — нет. Как провести границу между разными «общностями судьбы»? Как дифференцировать культуры, картировать их? Ни одно из предложенных определений не подходит для разработки подлинной теории национального государства.

Парадокс состоит в том, что данные теории для этого и не предназначены. С националистами-практиками всё более или менее ясно: их целью является подборка такой концепции, которая бы наглядно демонстрировала национальный характер прокламируемого государства и при этом надёжно защищала его от притязаний со стороны других государств, реальных или гипотетических. С этой точки зрения, чем больше в определении необязательных критериев и трудноуловимых категорий, тем лучше. Возьмём тот же язык. Подчёркивание лингвистической уникальности группы стало чем-то вроде обязательного элемента националистической программы. И неважно, что доля говорящих на валлийском и баскском языках не превышает трети населения Уэльса и Басконии, ирландским владеет около 10% населения Северной Ирландии, ещё меньше бретонцев может изъясняться на бретонском, а черногорский едва ли отличим от сербского. Гораздо важнее, что **образы** этих языков стали символами борьбы за создание национального государства. То же можно сказать и о происхождении, заменившем в системе национальных ценностей скомпрометированную «кровь». В качестве примера можно сослаться на символизацию кельтских корней у шотландцев, валлийцев, североирландцев, бретонцев, романо-язычных галисийцев, паданцев Северной Италии и даже у южан США. Хотя происхождение представителей двух последних групп от цизальпинских галлов и англо-кельтских иммигрантов выглядит сомнительным, сам факт использования такого инструмента говорит о его потенциальной эффективности.

Может показаться странным, но та же логика объясняет мотивы и тех националистов, что формально не представляют интересы конкретных государств. Предлагаемые ими концепции в большинстве своём ориентированы не на выработку работоспособных механизмов разделения политического пространства на нации-государства, а на обоснование национального характера существующих государств —

той их части, для которой авторы считают это необходимым. Граница между «националистами изнутри» и «националистами извне» зыбкая: и те, и другие выступают адвокатами определённых национальных государств, только у вторых круг подзащитных не в пример шире.

Многие теоретики национализма прямо указывали на «подретушированную» политическую карту мира как на отправную точку рассуждений. Ганс Кон отмечал, что никакой традиционный критерий не может считаться обязательным условием существования нации, поскольку «население Соединенных Штатов не имеет общего происхождения, а население Швейцарии, говорящее на трёх-четырёх языках, тем не менее образует вполне определённую нацию»¹. Милль писал, что ни один из предложенных им факторов формирования национальной солидарности не является необходимым или достаточным — «швейцарцы воодушевлены сильным национальным чувством, хотя этот народ состоит из различных племён, говорящих на различных языках и исповедующих разные веры»². Бауэр аргументировал непригодность выбора языка в качестве определяющего признака тем, что «англичане и ирландцы, датчане и норвежцы, сербы и хорваты говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию»³. Сталин сшивал своё определение нации, постоянно тестируя промежуточные результаты на соответствие своей воображаемой карте национальных государств⁴. Недостатка в примерах нет.

Выше было сделано наблюдение, что принцип гражданского национализма, предполагающий активную роль общества в формировании границ наций и государств, оставляет возможность для построения полнокровных теорий национального государства. Однако в девяти случаях из десяти такие концепции подменяются фикцией. Применение принципа этнического национализма, ставящего дифференциацию политического пространства в механическую зависимость от наличествующей дифференциации общества, приводит к тому же результату. Представление о матрице аскриптивных границ, способной служить основой для естественной политической карты мира, востребовано

¹ Кон Г. Указ. соч. С. 89.

² Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 162.

³ Бауэр О. Указ. соч. С. 52.

⁴ Сталин И. В. Указ. соч. С. 292–297.

только в том случае, если эта матрица в той или иной степени согласуется с реальностью. Абстрактные абрисы справедливых границ мало кому интересны, теоретики национального государства нацелены на объяснение существующего. Общепринятым стало считать мир сегодняшнего дня миром национальных государств, священный принцип уже проявил себя, осталось только определить, по каким шаблонам карта начерчена: по языку, крови, культуре, по общему наследию мифов и воспоминаний, национальному характеру, мироощущению, духу?

* * *

По моему глубокому убеждению, принцип национального государства имманентно неконкретен и в силу самой своей природы не может быть последовательно и в полном объёме реализован на практике. Развёрнутые аргументы против него читатель может найти в моей статье «Принцип национального государства как угроза существованию национального государства», помещённой в настоящем сборнике. Здесь же хотелось бы в заключение подчеркнуть, что проделанное выше рассмотрение процессов его становления и развития наводит на мысль о том, что его теоретическое обоснование не то что, как подчёркивал Поппер¹, никогда не было ясно сформулировано — оно редко кем задумывалось как таковое.

Только самые примитивные либо самые радикальные концепции могут претендовать на соответствие этому принципу — но на них и спрос невелик. Зато сформировавшееся вокруг него образное поле, заполненное яркими многозначительными идеологемами естественных границ, народного суверенитета, общей воли, национального духа, общности судьбы, служит неисчерпаемым источником аргументов, объяснений и апелляций для тысяч идеологов национализма по всей планете. Но как бы ни притягивал этот источник, мы, вопреки распространённому заблуждению, всё ещё не живём в мире государств, скроенных в строгом соответствии с принципом, да и жить в нём не никогда не будем. Этот мир-утопия на поверку оказывается «неуловимым Джо» наших грёз, недостижимым не только из-за его иллюзорности, но и ненужности. А критериев нации можно изобрести сколько угодно...

¹ Поппер К. Р. Указ. соч. С. 64.

ЧАСТЬ II

ПОНИМАНИЕ: ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ И СТЕРЕОТИПОВ

ТУРЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ (1920-е гг. — НАЧАЛО XXI в.)

Евгения Габер

Современное турецкое государство было создано в начале XX в. после подписания в августе 1920 г. Севрского договора, по которому многонациональная Османская империя прекращала свое существование, а большая часть её территории подлежала разделу между Англией, Францией, Грецией и Арменией. Когда же последующая национально-освободительная война турецкого народа 1919–1922 гг. закончилась убедительной победой турецких войск под командованием Мустафы Кемаля Ататюрка, впервые в истории появилась возможность для создания национального турецкого государства, и 29 октября 1923 г. была провозглашена Турецкая Республика. В последующие годы формирование национального государства в Турции проходило параллельно со складыванием собственно «турецкой нации» как таковой. Начавшись в 1920-е гг., этот процесс занял не одно десятилетие. Так почему же сегодня дискуссии о дальнейшем существовании национального государства снова занимают центральное место во внутривнутриполитическом дискурсе? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к истории возникновения национального государства в Турции и к особенностям формирования основополагающих идей турецкого национализма.

Особенности формирования национального государства в Турции и кемалистской философии турецкого национализма

Накануне возникновения Республики турецкое националистическое движение было представлено несколькими альтернативными течениями.

Начиная с периода реформ, известных как Танзимат (1839–1876), значительная часть интеллигенции и реформаторов Османской империи активно выступала с позиций *османского национализма*, основанного главным образом на принципах религиозной общности. Это течение впоследствии легло в основу *паносманизма* и *панисламизма*, чьи приверженцы основополагающим принципом формирования нации считали принадлежность к исламу.

Интересно, что в турецком языке конца XIX — начала XX вв. для определения нации или народа в современном его значении использовалось тюркское слово *budun* (первоначально — «род», «племя», «союз родственных племён»), обозначающее «независимое тюркское сообщество, проживающее на своей территории и имеющее свой каганат»¹. В то же время имеющее арабские корни слово *millet*, в современном турецком языке являющееся точным аналогом «нации», изначально обозначало **немусульманские** сообщества Османской империи, было для них собирательным названием, подчёркивавшим их общность не с этнической, а именно с религиозной точки зрения. В противоположность миллету, тоже произошедшее от арабского слово *ümmet*, которое можно перевести на русский язык приблизительно как «религиозная община, последователи единого пророка, единоверцы», использовалось в качестве названия для всего **мусульманского** населения империи. Со временем, как отмечают некоторые историки того периода², начали ошибочно использовать слово «миллет» в значении «уммет» и наоборот, в результате в общественном сознании они стали взаимозаменяемыми.

Первая попытка провести чёткое различие между этими понятиями была предпринята в начале XX в. известным турецким философом и писателем Зией Гёкальпом, который и наполнил понятия «миллет»

¹ Keskin, Mustafa. Atatürk'e Göre Millet ve Türk Milliyetçiliği // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. Temmuz 1998, cilt XIV, sayı 41 / Atatürk Araştırma Merkezi. URL: <http://atam.gov.tr> (access date: 05.04.2013).

² Şemseddin, Sami. Kâmûs-ı Türkî. İstanbul: Çağrı Yayınları, 1978. S. 1400.

и «уммет» их современным смыслом. По его определению, «сообщество людей, находящихся в единой вере, называется “умет”». В этом случае все мусульмане являются “уметом”. Вместе с тем, это понятие следует отличать от совершенно иного понятия “миллет”, которое используется для определения людей, обладающих общим языком и культурой»¹. Как видно, несмотря на постепенное разграничение двух понятий, их лёгкая взаимозаменяемость в публичном дискурсе начала XX в. свидетельствует о значительном влиянии «османского национализма», апеллировавшего к религиозной общности турок и арабского населения империи.

Параллельно с этим течением развивался и альтернативный ему пантюркизм. Главными представителями этого направления, акцентировавшего историческую и культурную общность **всех тюркских народов**, были члены созданной ещё в 1894 г. партии Единение и Прогресс («İttihat ve Terakki Partisi»), ратовавшие за создание единого тюркского национального государства «Великий Туран». Наиболее яркое и законченное выражение идеи пантюркизма получили в известном стихотворении Зии Гёкальпа: «Родина турок — не Турция и не Туркестан; их Родина — обширный и вечный Туран»². Эта фраза вошла во все тогдашние школьные учебники и длительное время олицетворяла собой стремление значительной части интеллигенции, общественных и политических деятелей к политическому воссоединению тюркских народов.

Мустафа Кемаль Ататюрк не поддержал ни одно из националистических течений начала XX в., поскольку ни одно из них не могло обеспечить выживание молодой республики в сложных исторических условиях, тем более — гарантировать её дальнейшую модернизацию и вестернизацию. Он предложил альтернативный вариант национализма, позже получивший название «кемалистского» — *Atatürk Milliyetçiliği*. Это понимание национализма и послужило концептуальной основой для создания турецкого национального государства — Республики, провозглашённой 29 октября 1923 г.

¹ Gökalp, Ziya. Türkçülüğün Esasları. İstanbul: Varlık Yayınları, 1968. S. 18.

² Gökalp, Ziya. Turan // Türk Şiirler Antolojisi. URL: <http://www.antoloji.com/turan-2-siiri/> (access date: 25.03.2013).

Кемалистский национализм: теоретическое обоснование и реализация в государственной практике

По определению Ататюрка, «нация» — это «сообщество людей, которые совместно проживали в прошлом, продолжают совместное существование в настоящем, а также... решительно настроены совместно проживать и в будущем; их объединяет общая родина, общие язык, культура и мироощущение»¹. Встречается в его трудах и такое определение²:

«Нацией называется сообщество, возникшее в результате объединения людей, обладающих богатым наследием коллективной исторической памяти, выражающих искреннее желание и добрую волю жить вместе и продолжать совместно действовать с целью сохранения и дальнейшего развития общего наследия».

При этом для становления турецкой нации наиболее важными считались опять-таки политическое единство, единство языка, страны проживания и происхождения, историческая близость и близость нравственных норм³.

Подобные формулировки служат некоторым исследователям основанием для того, чтобы трактовать национализм Ататюрка как патриотическое учение, «опирающееся на такие ценности, как языковое, культурное и политическое единство, и позволяющее дать определение нации, игнорируя религиозные и расовые различия»⁴. Благодаря этому, как полагает современный турецкий исследователь Чагхан Кызыл, философия кемалистского национализма позволяла объединить всё население страны, обеспечить совместные действия всех социальных групп, проживающих «в замкнутых границах национального государства», перед лицом внешней угрозы — даже если в повседневной жизни эти группы традиционно противостояли друг другу, отстаивая собственные

¹ Mustafa Kemal Atatürk'ün nutuk ve özdeyişleri: Ulusçuluk (Milliyetçilik). URL: http://tekadamdevrimi.com/index.php?option=com_content&view=article&id=490&Itemid=85 (access date: 11.04.2013).

² *İnan, Afet*. Medenî Bilgiler ve Mustafa Kemal Atatürk'ün El Yazıları. Ankara: T.T.K., 1969. S. 23–24.

³ Mustafa Kemal Atatürk'ün nutuk ve özdeyişleri...

⁴ *Avcı, Cemal*. Atatürk'ün Milliyetçilik Anlayışı. Ankara: Atatürk ve Atatürkçü Düşünce, Genelkurmay Askeri Tarih ve Stratejik Etüt Başkanlığı, 2003. S. 77.

интересы. В таких условиях «главной особенностью процесса формирования единого народа в пределах национального государства является стирание внутренних различий и противоречий путём отождествления всего населения с доминирующим социальным классом, титульной расой или этнической группой»¹. А национальное государство, по определению Кызыла, представляет собой «государство, унифицирующее неоднородное общество путём помещения его в условия культурной и экономической иерархии» и таким образом «искусственно создающее свой народ»².

При такой трактовке из двух процессов — государственного строительства и формирования единой нации — именно процесс государственного строительства оказывается первичным, так как сами условия для формирования единой нации закладываются государственным аппаратом. Иными словами, в Турции формирование национального государства проходило по «французскому» сценарию — возникновение государства предшествовало возникновению нации. С одной стороны, такой принцип создания нации «сверху вниз» должен был обеспечить элементарное выживание молодого государства в борьбе с внешними врагами и оккупационными силами, находившимися на его территории после окончания Первой мировой войны. Ведь он позволял игнорировать внутренние различия между неоднородными социальными и этническими группами, населяющими страну, что было необходимо для обеспечения национальной безопасности, достижения общественного единства, формирования единой национальной идентичности. С другой стороны, с его помощью в общественном сознании убедительно обосновывалась необходимость консолидации власти в руках одной политической силы, ограничения деятельности оппозиционных партий на ранних этапах развития молодой, ещё не стабильной республики. Говоря словами Кызыла, «внутри идеи гражданства была изначально заложена мысль о том, что ради обеспечения существования государства все средства хороши» — идея, активно насаждавшаяся в новой Турецкой Республике в первые годы её существования. Таким образом, логическая цепочка «единая страна — единая нация — единый флаг — еди-

¹ Kızıl, Çağhan. Ulus-Devlet ve Milliyetçilik // Birikim Dergisi, 07.09.2007. URL: <http://www.birikimdergisi.com/birikim/makale.aspx?mid=314> (access date: 10.03.2014).

² Ibid.

ный язык», утверждавшаяся первыми лидерами Республики, начиная с Ататюрка, с лёгкостью могла быть продолжена так: «единая государственная идеология — единая правящая партия, являющаяся носителем этой идеологии». Действительно, Народно-Республиканская партия (далее НРП), созданная Ататюрком в 1923 г., долгое время оставалась единственной политической партией в стране, а у власти находилась вплоть до 1950 г.

Так возник основополагающий принцип турецкого национального государства: «все, кто связан с Турцией узами гражданства, являются турками». Благодаря введению единого гражданства — общего правового статуса для турок, греков, курдов, армян, арабов и прочих этнических групп в составе населения страны, представлению о национальности как этнокультурной принадлежности противопоставлялось понятие национальности по политико-правовому принципу. Традиционная этническая, субэтническая, конфессиональная самоидентификация вытеснялась из общественного сознания идентификацией с государством проживания, ощущением принадлежности к единому географическому пространству и одному политическому организму.

Как отмечает французский исследователь Поль Дюмон, в основе кемалистского национализма лежало стремление воспрепятствовать развитию сепаратистских движений, которые могли бы создать реальную угрозу целостности страны¹. Так называемый принцип народного единства и сплочённости (*ulusal birlik ve beraberlik ilkesi*), считающийся одним из «дополнительных» принципов кемализма, заключается в том, что «нация является единым и неделимым целым со своей страной и государством». Им превентивно пресекается возможность не только межэтнической розни внутри единой политической нации, но и любых попыток расчленения республики или отделения части её территории. Сформулированный в первые годы после окончания национально-освободительной войны, в ситуации, когда курдское или армянское восстание грозило потерей значительных территорий в Восточной и Юго-Восточной Анатолии, принцип «единства и неделимости» был официально прописан в Конституции Турции только в 1961 г.² Но ещё

¹ Dumont P. The Origins of Kemalist Ideology // J. M. Landau (ed.). Ataturk and the Modernization of Turkey. Boulder: Westview Press, 1984. P. 29.

² См. ст. 3 Конституции Турции 1961 года: Türkiye Cumhuriyeti 1961 Anayasası. URL: www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa61.htm (date of access: 11.03.2014).

в 1931 г. генеральный секретарь НРП Реджеп Пекер следующим образом прокомментировал позицию правительства по вопросу о положении этнических меньшинств в Турции¹:

«Мы считаем своими всех тех наших граждан, которые живут среди нас и принадлежат к Турецкой Нации, будучи связанными с ней политическими или социальными связями, даже если среди них и имеют место такие идеи и чувства, как “курдский”, “черкесский”, и даже “лазский” и “помакский”² национализм. Мы считаем своим долгом в искреннем порыве искоренить эти ошибочные концепции, которые являются наследием абсолютистского режима и результатом длительного исторического притеснения. Научная истина сегодня не допускает возможности независимого существования нации, насчитывающей несколько сотен тысяч, или даже миллион человек [...] Мы также хотим искренне заявить о своей позиции по отношению к нашим соотечественникам иудеям и христианам. Наша партия считает этих сограждан в полной мере турецкими гражданами (турками) до тех пор, пока они принадлежат к нашему сообществу языка и идеалов...»

А в программе НРП за тот же год провозглашалось, что турецкая нация — это не единая расовая или этническая группа, а «политическая и социальная формация, объединяющая граждан, связанных между собой единством языка, культуры и идеалов»³.

С одной стороны, такое, достаточно либеральное, определение нации должно было стать залогом длительного социального мира, поскольку предусмотрительно исключало саму возможность публичного рассмотрения религиозных и этнических вопросов, вызывавших явный антагонизм в общественном сознании. С другой стороны, непреременный тезис о едином лингвистическом и культурном пространстве, существующем в пределах национального государства, в условиях молодой Турецкой Республики подразумевал в качестве необходимой цели исключительно «турецкое» культурное пространство, создаваемое посредством постепенной ассимиляции различных этнических меньшинств в составе единой турецкой нации.

Введение в 1928 г. нового турецкого алфавита взамен старой османской вязи, открытие новых учебных заведений и народных домов,

¹ *Dumont P.* Op. cit. P. 29.

² Помак — болгарин, принявший мусульманство.

³ *Keskin, Mustafa.* Atatürk'e Göre Millet ve Türk Milliyetçiliği...

учреждение Турецкого исторического общества в 1925 г. и лингвистического — в 1932, написание новых книг и учебников по истории, пронизанных духом национального единства и вызывающих чувство национальной гордости, повсеместное использование лозунга «Счастлив тот, кто называет себя турком» (*Ne mutlu Türküm diyene*) — вот далеко не полный перечень шагов, предпринятых в этом направлении. Все эти инициативы, по словам известной турецкой исследовательницы Суны Кили, «следует расценивать как попытки создать единый народ» в молодом государстве¹.

Приблизительно в то же время Турецкое историческое общество начинает по поручению Ататюрка подготовку основополагающей книги по исследованию древних тюркских цивилизаций и их роли в мировой истории. Итоговый четырёхтомный труд получил название «Тезисы турецкой / тюркской истории» («*Türk Tarihinin Ana Hatları*»)² и в 1931–1941 гг. использовался как учебник по истории в средних школах и лицеях. В полном соответствии с кемалистским принципом национализма, в учебнике подчёркивалось, что каждая нация, в том числе, разумеется, и турецкая, является сочетанием различных рас и этносов. Поэтому при определении её особенностей важно исключить расовые, этнические и иные различия и сосредоточиться на единстве мировоззрения и идеалов. Интересно, что, несмотря на светский характер кемалистского учения, на практике именно ислам длительное время оставался краеугольным камнем того «единства мировоззрения и идеалов», на котором строился турецкий национализм. В турецких национальных паспортах, которые начали выдаваться после принятия закона о фамилиях в 1934 г., графа «религия» была обязательной. В подавляющем большинстве случаев в ней значилось «ислам», что также делало его важным элементом национальной идентичности турецких граждан.

Вместе с тем в турецком языке до сих пор нет понятия, тождественного английскому *nation-state*. Теоретически, последнее должно было бы переводиться как *millet-devlet* (*millet* — «нация», *devlet* — «государство»), тогда как реально используемое в этом значении при переводе

¹ Kili, Suna. Atatürk devrimi — bir çağdaşma modeli. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2011. S. 245.

² Türk Tarihinin Ana Hatları. Kemalist Yönetiminin Resmi Tarih Tezi. İstanbul: Devlet Matbaası, 1930 // Türk Tarihi Araştırmaları. URL: <http://www.genelturktarihi.net/turk-tarihinin-ana-hatlari> (access date: 16.03.2014).

с других языков выражение *ulus-devlet* дословно означает «государство-народ» (*ulus* — «народ»). По сути, в этом понятии отобразился тот смысл, который вкладывал в него Ататюрк ещё в 1920-е гг. — весь «народ Турецкой Республики» автоматически отождествлялся с «турецкой нацией», в рамках которой единая наднациональная гражданско-политическая идентичность должна была скрепить мозаику субнациональных идентичностей, а со временем и вовсе их заменить.

Принцип национального единства Ататюрка в 1930–1990 годы: политико-правовые аспекты

Идеи «национального государства» (*ulus devlet*) и «национального единства» (*ulusal birlik*) создали не только философскую, но и правовую основу для дальнейшего развития республики. Впервые изложенные в политической программе НРП, они значительно повлияли на содержание первой Конституции Турецкой Республики 1924 года. А принцип «турецкого национализма» (*milliyetçilik, Türk milliyetçiliği*), ставший одним из шести основных принципов кемализма, был дополнительно внесён в текст Конституции в качестве отдельной статьи специальным законом от 1937 года.¹

Приверженность принципам Ататюрка, в частности, принципу *milliyetçilik*, подтверждалась и в последующих редакциях Конституции Турции в 1961 и 1982 гг. Так, во вступительных положениях Конституции 1961 года отмечается, что «турецкая нация черпает силы и вдохновение из принципа турецкого национализма», имеющего целью возвышение турецкой нации в качестве равноправного члена международного сообщества и её развитие «в духе национального единства»². А статья вторая Конституции 1982 года определяет Турецкую Республику как «демократическое, светское и социальное правовое государство, ува-

¹ Ст. 2 Конституции Турции 1924 года после внесения в неё поправок в соответствии с Законом № 3115 от 10 декабря 1937 года гласит (выделено мною. — Е. Г.): «Турецкое государство основывается на принципах республиканизма (*cumhuriyetçilik*), национализма (*milliyetçilik*), народности (*halkçılık*), лаицизма (*laiklik*), этатизма (*devletçilik*) и революционности (*inkılapçılık*)». См.: 1924 Teşkilat-ı Esasiye Kanunu. URL: www.anayasa.gen.tr/1924tek.htm (access date: 11.03.2014).

² Türkiye Cumhuriyeti 1961 Anayasası...

жающее права человека и приверженное принципу кемалистского национализма (*Atatürk milliyetçiliğine bağlı*)»¹.

В целом, предложенное Атаюрком определение турецкой нации оставалось неизменным вплоть до начала 2000-х гг. Соответственно, выработанные им ещё в начале прошлого века принципы развития и механизмы функционирования государства-нации ни разу за все эти годы не подвергались пересмотру. Справедливо мнение российского исследователя В. Данилова: переход Турции во второй половине 1940-х гг. к политическому плюрализму и многопартийной политической системе внёс серьезные изменения в концептуальное обоснование и применение принципа национализма на практике. Лишившись единственного официально признанного, монопольного его толкования НРП, в новых общественно-политических условиях он вобрал в себя черты различных идеологий и продолжал развиваться уже в виде целого ряда отдельных «партийных национализмов», определяемых общим направлением². Национализм как политическое течение обретал новые черты в программных положениях различных правых и правопоцентристских партий; в зависимости от политической, социально-экономической и международной обстановки изменялись лозунги турецких националистов и риторика их лидеров. Однако суть концепции оставалась неизменной, и «метаморфозы турецкого национализма» в XX в. мало затронули лежащее в его основе понятие «национального государства»: оно оставалось неизменным на протяжении большей части существования Республики. Равным образом, определение «турецкой нации», впервые появившись в Конституции 1924 года, практически не претерпело никаких изменений ни в Конституции 1961 года, оцениваемой многими исследователями³ как наиболее демократическая за всю исто-

¹ Текст Конституции 1982 года в редакции 2011 года см.: Türkiye Cumhuriyeti 1982 Anayasası. URL: www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2011.pdf (access date: 17.03.2014).

² Данилов, В. И. Метаморфозы турецкого национализма // Ближний Восток и современность. Сб. статей. Отв. ред.: В. А. Исаев, А. О. Филоник. М.: ИИИиБВ, 2000. Вып. 9. С. 20–35. URL: <http://middleeast.org.ua/research/turkey8.htm> (дата обращения: 18.03.2014).

³ См., например: Örmeci, Ozan. Turkish Constitutions (1921, 1924, 1961, 1982) in Comparative Perspective // Uluslararası Politika Akademisi. URL: <http://politikaakademisi.org/turkish-constitutions-1921-1924-1961-1982-in-comparative->

рию Турции, ни в действующей до сих пор Конституции 1982 года, уделяющей вопросам национальной безопасности гораздо больше внимания, чем защите общечеловеческих ценностей и гражданских свобод¹. Более того, именно в этой конституции было официально закреплено положение о том, что «исторические и духовные ценности турецкой нации, кемалистский национализм, принципы и реформы Ататюрка» всячески защищаются законом и не подлежат пересмотру².

Из приводимых ниже конституционных положений хорошо видно, что хотя критерии принадлежности к турецкой нации и турецкому гражданству подверглись незначительной корректировке, суть их осталась неизменной: турецкий народ, являющийся главным носителем суверенитета Турецкой Республики, определяется в качестве политической нации.

Ст. 88 Конституции 1924 года³:

«Каждый, кто проживает на территории Турции, независимо от своей религиозной и расовой принадлежности, по гражданству является турком (*Türk*). Каждый, кто <...> получил турецкое гражданство согласно Закону о Гражданстве, является турком (*Türk*)».

Ст. 54 Конституции 1961 года⁴ и ст. 66 Конституции 1982 года⁵:

«Каждый, кто связан с турецким государством узами гражданства — турок (*Türk*)».

Размывая грани между этнической и политической нацией, кемалистский национализм, по мнению многих исследователей, не был разделяющим, направленным против какой-либо этнической или конфес-

perspective/ (access date: 10.03.2014); Turkey's "liberal constitution" of 1961: source of myths, facts // Hurriyet Daily News, 26.05.2010. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=the-8216libertarian-constitution8217-of-61-the-myth-and-the-facts-2010-05-26> (access date: 16.03.2014).

¹ *Özbudun, Ergun*. Turkey's Search for a New Constitution // *Insight Turkey*, 2012, Vol. 14, № 1. P. 41–43.

² Başlangıç. Türkiye Cumhuriyeti 1982 Anayasası. URL: www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2011.pdf (access date: 17.03.2014).

³ Türkiye Cumhuriyeti 1924 Anayasası...

⁴ Türkiye Cumhuriyeti 1961 Anayasası. URL: www.tbmm.gov.tr/anayasa/ana-yasa61.htm (access date: 15.03.2014).

⁵ Türkiye Cumhuriyeti 1982 Anayasası...

сиональной группы. Напротив, он имел объединяющий характер, подчёркивал единство и неделимость нации, побуждал всех граждан к достижению общенациональных целей¹. Показательным является и тот факт, что для определения кемалистского национализма принято использовать термин *milliyetçilik*, образованный от широкого понятия *millet* («нация»), а не гораздо более узкие и однозначные термины *Türklük* и *Türkçülük* (дословно «тюркизм», в некоторых переводах — «пантюркизм»), традиционно используемые для определения национализма младотурков и современных сторонников идеи Великого Турана.

Вместе с тем конституционное определение «турецкой нации», автоматически стирающее из общественного сознания любые намёки на какую-либо субнациональную идентичность, существенно ограничивало права национальных меньшинств, проживающих на территории страны. Утверждение в политическом дискурсе единого понятия *Türk*, которое может обозначать турка и по гражданству, и по этнической принадлежности (и вдобавок тюрка в более широком значении человека тюркского происхождения) отнюдь не способствовало сохранению национального самосознания и культурного наследия других этнических групп, населяющих страну. Более того, обеспечить защиту прав того или иного национального меньшинства было тем более сложно, что самого этого понятия нет ни в одной из трёх конституций. Единственным документом, регулировавшим положение нацменьшинств в Турции, был Лозаннский мирный договор 1923 года. Согласно части третьей данного договора, «права национальных меньшинств находились под защитой международной организации (Лиги Наций)», однако по принятому в этом договоре определению «национальным меньшинством» официально признавалось лишь «немусульманское население» Республики². Иными словами, положительная дискриминация проводилась исключительно по религиозному принципу, тогда как языковые, расовые или этнические различия попросту игнорировались. К тому же учитывалась

¹ *Feyzioğlu, Turhan*. Atatürk ve Milliyetçilik. Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Atatürk Araştırma Merkezi, 1984. S. 26; *Kili, Suna*. Kemalism. Robert College: School of Business Administration and Economics, Istanbul, 1969. P. 83.

² *Oran, Baskın*. Lausanne Barış Antlaşması // Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından Bugüne: Olgular, Belgeler, Yorumlar. Ed. by B. Oran. Cilt I: 1919–1980. İstanbul: İletişim Yayınları, 2001. S. 230.

лишь принадлежность к одной из трех авраамических религий — исламу, христианству, иудаизму. Различия между направлениями и школами в рамках самого ислама оставались без внимания. В результате, исключенными из понятия «национальное меньшинство», и, соответственно, лишенными каких-либо гарантий международного сообщества и турецкого правительства на реализацию своих культурных прав оказались мусульмане-алевиты, курды, лазы, представители арабских и тюркских народностей, проживающих на территории Турции. Фактически, стараясь выполнить взятые на себя по договору обязательства, западные страны интересовались положением лишь трёх отдельных групп граждан в Турецкой Республике — армян, греков и евреев. По той же причине, если о численности этих нацменьшинств ещё имеется хоть какая-то информация, то точных статистических данных относительно количества проживающих в стране курдов, алевитов, лавов, аза, черкесов и других этнических групп до сих пор не существует.

Публичное обсуждение вопросов этнической принадлежности до недавнего времени находилось под негласным запретом, нарушение которого могло быть расценено как «проявление сепаратистских настроений и угроза конституционному строю республики», а пункты о какой-либо национальной самоидентификации помимо турецкого гражданства в анкеты переписей населения и социологических опросов вообще не включались. Турецкие исследователи Айтюль Тамер и Аланур Бозбейоглу продемонстрировали важное символическое значение подобного рода ограничений на примере первой в истории Республики всеобщей переписи населения 1927 года. Они обращают внимание на тот факт, что событие это широко освещалось всеми турецкими газетами того времени как национальный праздник и как возможность ещё раз убедиться в том, «насколько велико население Родины» и «насколько сильна молодая турецкая нация». При этом понятия «население Турции» и «турецкое население» полностью отождествлялись. Одной из главных задач переписи было «установить, сколько в государстве “наших” и сколько “других” — причём линия раздела между “нашими” и “другими” проводилась не столько на основе этнической принадлежности, сколько по принципу “мусульманин” — “немусульманин”»¹. «Этническая однородность» турецкого народа представлялась важной составля-

¹ *Tamer, Aytül, Bozbeyoğlu, Alanur Çavlin. 1927 Nüfus Sayımı ve Ulus Devlet İnşası // Turkish Journal of Population Studies, 2004, No. 26. P. 80.*

ющей силы молодого государства, позволившей Турции занять достойное место в семье европейских народов. (Для сравнения в виде отрицательного примера приводились балканские страны с пёстрым национальным составом и вытекающими из этого проблемами внутриполитического развития)¹

Таблица 1.

**Наиболее многочисленные этнические группы Турции
(по оценкам различных источников, тыс. человек)**

<i>Этнические группы</i>	<i>Центр «KONDA»</i>	<i>«Секретный доклад» СНБ Турции*</i>	<i>International Helsinki Federation for Human Rights</i>
Турки	61 000	50–55 000	-
Курды	7 500	12 600	15 500
Арабы	550	870	-
Заза**	520	3 000	-
Черкесы	350	2 500	2 000
Албанцы	300	3 000	3 000
Рома	300	700	500
Лязы***	220	800	500
Боснийцы	70	2 000	-
Грузины	70	1 000	-

* По данным СМИ.

** Заза — близкая курдам этническая группа, проживающая на востоке Турции.

*** Лязы или лазы — этническая группа, родственная грузинам, говорящая на одном из кавказских языков и проживающая на Черноморском побережье на северо-востоке Турции (в основном, вилайеты Ризе и Трабзон). Исповедуют ислам суннитского толка (как и абсолютное большинство турок).

Источники: “Biz Kimiz?” Toplumsal Yapı Araştırması — KONDA Araştırma ve Danışmanlık Raporu, Eylül 2006. URL: http://www.konda.com.tr/tr/raporlar/2006_09_KONDA_Toplumsal_Yapi.pdf; Türkiye’deki Etnik Grupların Dağılım Raporu (2000). URL: <http://www.acikistihbarat.com>; Turkey: A Minority Policy of Systematic Negation / International Helsinki Federation for Human Rights, 2006. URL: <http://www.refworld.org/pdfid/46963b010.pdf>. (access date: 25.03.13).

Последняя всеобщая перепись населения 2012 года также содержит богатую информацию о численности всего населения, доле городского

¹ Ibid. P. 82–83.

и сельского населения, уровне грамотности и т. д.¹ Однако найти на сайте государственного комитета статистики Турции, обеспечивающего доступ к многочисленным базам данных по различным демографическим показателям, сведения об этническом составе и сегодня не представляется возможным. Единственным источником подобных данных остаются исследования международных неправительственных и правозащитных организаций², а также отрывочные сведения о процентном соотношении турок и представителей наиболее «проблемных» сообществ (курдов и алевитов). Они периодически просачиваются в прессу из якобы секретных исследований, проводимых избранными университетами по запросу Совета национальной безопасности Турции³, и каждый раз вызывают огромный резонанс в обществе (табл. 1).

Едва ли не первый официально одобренный опрос по столь «болезненной» теме был проведен в сентябре 2006 г. по заказу газеты «Миллиет» («Нация») Центром социологических и политологических исследований «Конда». Это уникальное в своём роде общенациональное исследование под красноречивым названием «Кто мы?»⁴ представляет детальную информацию относительно этнической, национальной и религиозной самоидентификации граждан, их происхождения, родного языка и «самоощущения» — восприятия собственной идентичности вне рамок «единой турецкой нации» и официального гражданства. По словам авторов данного исследования, их главной целью была попытка «выйти за границы широко распространённых и повсеместно используемых ярлыков и установить, кем люди видят себя сами и кем хотели бы представлять себя окружающим». Поэтому вопрос, задававшийся респондентам, был открытым и звучал следующим образом: «Все мы являемся турецкими гражданами, однако при этом можем быть выходцами из различных регионов и иметь разные корни. Как бы лично Вы определили свою идентичность, кем Вы себя считаете

¹ Adrese dayalı nüfus kayıt sistemi sonuçları, 2012 // Türkiye İstatistik Kurumu, Nüfus ve Vatandaşlık İşleri Genel Müdürlüğü Haber Bülteni, 28 Ocak 2013, sayı 13425. URL: <http://www.tuik.gov.tr> (access date: 15.04.2013).

² Turkey: A Minority Policy of Systematic Negation. International Helsinki Federation for Human Rights. October 2006...

³ Türkiye'deki Etnik Grupların Dağılım Raporu (2000)...

⁴ «Biz Kimiz?» Toplumsal Yapı Araştırması...

или ощущаете?»¹ Получено более ста вариантов ответа, которые затем были классифицированы по группам.

В соответствии с опросом, крупнейшей этнической группой в Турции являются этнические турки. Их вместе с различными народностями тюркского происхождения — 81 % или 61 млн. Второе место занимают курды и аза — 9 %, около 8 млн. Третье место занял ответ «гражданин Турецкой Республики» — его дали почти 4,5 % опрошенных². Если добавить 2–3 % респондентов, отказавшихся отвечать, получится, что около 7 % опрошенных не захотели говорить публично о своей идентичности. Когда же респондентов дополнительно спрашивали, какой язык они считают родным, результаты менялись. Так, доля назвавших курдский язык родным оказалась больше, чем доля назвавших себя курдами и аза (соответственно 13,4 % и 9 % опрошенных). И наоборот, признающих турецкий язык родным оказалось меньше заявивших себя турками (81 и 78,1 %)³. Всё это говорит о том, что люди, особенно в Юго-Восточной Анатолии, до сих пор опасаются открыто заявлять о своей национальной идентичности. В частности, от курдов нередко можно услышать фразу: «В Турции никто не запрещает тебе быть курдом. Но для того, чтобы быть успешным курдом, ты должен забыть о своем происхождении».

Показательными в этом отношении являются и данные из альтернативных источников. В частности, цифра 7,5 млн курдов в «официально одобренном» опросе центра «Конда» кажется явно заниженной по сравнению с более чем 12,5 млн в докладе СНБ и 15,5 млн курдского населения по данным Международной Хельсинской федерации. Аналогичная ситуация наблюдается и в оценках численности других этнических групп на территории Турции.

Курдский вопрос и первые попытки ревизии кемалистского национализма

Одним из главных препятствий на пути создания «монолитного» национального государства в Турции остается нерешённый курдский вопрос. По разным оценкам, на сегодняшний день в стране проживает

¹ Ibid. P. 14.

² Ibid.

³ Ibid. P. 14–15.

от 7 до 25 млн курдов. Кроме того, именно эта, наиболее многочисленная «нетурецкая» национальная группа регулярно выступает с требованиями пересмотра кемалистской концепции национального государства «одно государство — одна нация — один язык». Государственным языком в Турции официально признан только турецкий, и именно этот язык является языком преподавания в школах и высших учебных заведениях, делопроизводства в официальных учреждениях и трансляции на всех общенациональных радио- и телеканалах.

Лозаннский договор защищал культурные права национальных меньшинств, включая право общения на родном языке. Не попав под договорное определение национального меньшинства, курды этого права не получили. До недавнего времени в стране существовал строгий запрет на использование курдского языка на телевидении и в прессе, в публичных выступлениях и общественных местах, тем более — на его преподавание. Многие курдские лидеры были осуждены за выступления на родном языке в парламенте, даже на заседании фракции. Одним из символов курдского политического движения является Лейла Зана, в 1991 г. она стала первой курдской женщиной, избранной в парламент. Присягу народного депутата она прочитала, как и полагалось на турецком языке, но добавила на курдском: «Я прочитала эту клятву ради братства курдского и турецкого народов». В 1994 г. её приговорили к 15 годам тюремного заключения за «выступление, разжигающее сепаратистские настроения». Под давлением международных правозащитных организаций она была освобождена в 2004 г., но остаётся под пристальным надзором службы безопасности¹.

Когда же в 2009 г. по инициативе ПСР — ныне правящей Партии справедливости и развития (*Adalet ve Kalkınma Partisi*) — было начато вещание отдельного канала на курдском языке (ТРТ-6), представители «Общества кемалистской мысли» (общественной организации, стоящей на страже принципов кемализма) немедленно выступили с резким осуждением этого шага. Они заявили²:

¹ Чубрикова О. Турция, которую мы не знаем. Харьков: Фолио, 2011. С. 172.

² Kürtçe TV'den Atatürkçü Düşünce Derneği de Rahatsız. URL: <http://www.haberler.gen.al/2009-01-11/kurtce-tvden-ataturkcu-dusunce-dernegi-de-rahatsiz/> (access date: 05.05.2013).

«Открытие канала вещания на курдском языке может дать новый козырь в руки внешних и внутренних сил, желающих разделить нашу страну. Мы хотим, чтобы наш народ и наши руководители увидели, что вещание на курдском, открытие кафедр курдского языка и литературы, курдских институтов, автономия, федерация и независимое курдское государство — это стадии одной игры...»

Несмотря на то, что в подобных заявлениях явно преувеличивается угроза, которую может представлять открытие канала на курдском языке, в Турции все вопросы, связанные с расширением прав курдов и других национальных меньшинств, традиционно секьюритизируются, т. е. выводятся из сферы непосредственного применения в сферу национальной безопасности. Как справедливо отмечала Ольга Чубрикова, «для турок курдский вопрос — не права культурные и образовательные, а угроза национальному единству и территориальной целостности их государства»¹. Этим и объясняются чрезмерно эмоциональные заявления многих политических и общественных лидеров по курдскому вопросу. Тем более, что именно среди курдов сильнее всего развиты националистические и сепаратистские настроения, движения за культурную автономию или полную независимость, организованы политические партии и террористические организации, призванные ускорить реализацию этих целей. А с учётом многочисленного курдского населения в соседних Иране, Ираке и в охваченной гражданской войной Сирии, идея о создании независимого Курдистана не кажется эфемерной. Таким образом, курдский сепаратизм по-прежнему остаётся главным вызовом кемалистской концепции «национального государства» и принципу «этнической однородности», угрозой территориальной целостности страны. Поэтому неудивительно, что даже публичное обсуждение вопросов национальной принадлежности и сегодня часто рассматривается в Турции как попытка поставить под сомнение само существование Турецкой Республики как унитарного государства.

Пересмотр стратегии национальной безопасности и современные вызовы национальному государству в Турции

Ярким примером секьюритизации сферы культуры и образования стал «Доклад о культурных правах и правах меньшинств», опубликованный 1 октября 2004 г. Консультативной комиссией по правам

¹ Чубрикова О. Указ. соч. С. 176.

человека при премьер-министре Турции¹. Работа Комиссии вызвала оживленные дискуссии о будущем национального государства в академической среде и политических кругах. Это привело в конечном счёте к осуждению автора доклада, известного турецкого историка Баскына Орана и председателя Комиссии Ибрагима Кабоглу по ст. 216 («разжигание межнациональной розни, общественной ненависти и вражды») и ст. 301 («оскорбление турецкого народа») уголовного кодекса Турции².

Наиболее резкую реакцию вызвала содержащаяся в докладе концепция наднациональной идентичности — предложение ввести в официальный дискурс универсальное идентифицирующее понятие *Türkiyeli* («житель / гражданин Турции»). Оно должно было заменить существующий до сих пор термин *Türk* («турок»), ущемляющий права всех тех жителей страны, которые официально признаны гражданами Турецкой Республики, но при этом не являются турками по происхождению (табл. 2.). Обращаясь к истории, Баскин Оран приводил пример единого «османского» гражданства. Оно позволяло использовать для всех жителей империи обобщающее название, которое не наделяло ни одну из национальных групп статусом «доминирующего или системообразующего элемента», навязывающего свою волю более слабым или малочисленным группам³. По мнению автора, в современных условиях аналогичный подход позволил бы не подменять наднациональную идентичность субидентичностью титульной нации⁴, гарантировать права национальных меньшинств, плюрализм в социальной и культурной сферах, решение «курдского», «армянского» и других «проблемных» вопросов и, как следствие, обеспечить более гармоничное развитие все-

¹ См.: *Oran, Baskin*. Exploring Turkishness: Rights, Identity and the EU. The Issue of “Turkish” and “Türkiyeli” (Turkish National; from Turkey) // The Foreign Policy Centre. URL: <http://fpc.org.uk/fsblob/1314.pdf> (access date: 15.04.2013).

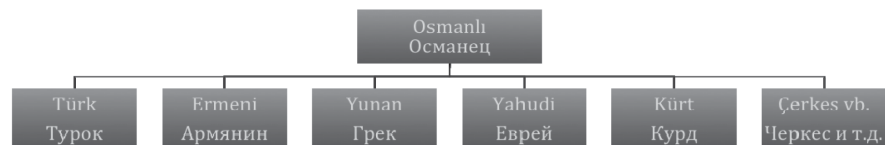
² *Türk Ceza Kanunu* (2004). URL: <http://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k5237.html> (access date: 07.05.2013).

³ *Baskin, Oran*. Op. cit. P. 2.

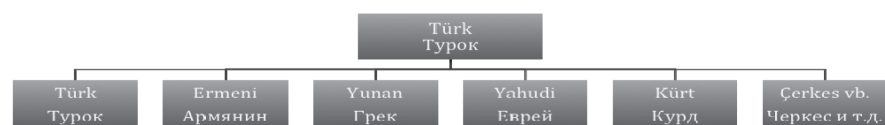
⁴ Современные примеры чёткого разграничения идентичности «титульной» нации и общей наднациональной идентичности включают, в частности, такие понятия как «русский» и «россиянин»; «англичанин» и «британец»; «серб» и «югослав».

Таблица 2.

**Национально-государственная идентичность
в Османской империи и в Турецкой республике:
исторические и проектируемые наименования**

В Османской империи (XIV в. — 1920 г.)

В Турецкой Республике (1923 г. — начало XXI в.)

По альтернативной (либеральной) трактовке, предложенной в 2004 г.

Источник: *Baskın, Oran*. Op. cit. P. 6.

го общества. Однако, как показали события 2004–2009 гг.¹, на практике концепция *Türkiyeli* возымела прямо противоположный эффект, вызвав резко негативные оценки многих экспертов и политиков.

Повторно вспомнить о *Türkiyeli* турецким политикам пришлось уже в начале 2012 года, на этот раз в контексте дискуссий вокруг написания новой, более либеральной и демократической Конституции. После всеобщих выборов 2011 года лидеры всех представленных в парламенте партий признали, что действующая Конституция должна быть заменена новым основным законом, подготовленным всенародно избранными представителями гражданской власти. Вскоре был создан специальный комитет во главе со спикером турецкого меджлиса; каждая из политиче-

¹ Судебное расследование против авторов доклада было прекращено в марте 2009 г. после соответствующего обращения министра юстиции Турции.

ских сил, имеющих свою фракцию в парламенте¹, должна была делегировать в него двух представителей. Решения в Комитете считались принятыми лишь в случае их единогласного одобрения.

Первая проблема возникла уже при составлении преамбулы. Для кого и от имени кого пишется Конституция? Как должен называться народ Турции — «турки» (*Türk*), «жители Турции» (*Türkiyeli*), «граждане Турецкой Республики» (*Türkiye Cumhuriyeti vatandaşları*), «турецкая нация» (*Türk milleti*) или всё же «народ Турции» (*Türkiye'nin halkı*)? Для курдской Партии мира и демократии (*Barış ve Demokrasi Partisi*) выбор прочно укоренившегося термина «турки» равнозначен «юридическому закреплению государственной политики отрицания существования отдельной курдской нации, которая проводилась в Республике с момента её возникновения»². Для Партии националистического движения (*Milliyetçi Hareket Partisi*), представляющей турецких националистов, народ Турции — это «турки» по определению, поиск иных вариантов сам по себе унизителен для граждан и опасен для государства. Для двух других политических сил, представленных сегодня в турецком парламенте, оппозиционной НРП и правящей ПСР, вопрос пересмотра «наследия Ататюрка» носит ещё и символический характер. Для первой из них отход от доминировавшей до сих пор парадигмы национального государства равнозначен «предательству» наследия Ататюрка, отказу от одного из главных принципов кемализма. Для второй — это вопрос не только включения национальных меньшинств в общественную жизнь страны, но и участия в политической деятельности новых политических сил и социальных групп, попытка превращения всей государственной системы из «закрытого клуба для избранных» в гораздо более инклюзивную систему³.

Впервые победив на парламентских выборах 2002 года, ПСР, позиционирующая себя как партия «периферии» и «выходцев из наро-

¹ Для того, чтобы создать свою фракцию в турецком парламенте, партия должна быть представлена не менее чем 20 депутатами. После парламентских выборов 2011 года в меджлисе были созданы четыре фракции.

² Turan, İlter. 2012 Goes, Problems Remain! // GMF Analysis: On Turkey series, 07.01.2013. URL: http://www.gmfus.org/wp-content/blogs.dir/1/files_mf/1357577871Turan_2012Goes_Jan13.pdf (access date: 10.01.2013).

³ Ayasun, Abdullah. Öcalan's cease-fire call and rethinking the nation-state paradigm // Today's Zaman, 28.03.2013. URL: http://www.todayszaman.com/columnistDetail_getNewsById.action?newsId=311064 (access date: 30.03.2013).

да», главной задачей своей политики сделала ревизию «закостенелых догм» традиционных военно-политических элит НРП — отказ от безоговорочного следования принципам кемализма во всех сферах общественной жизни. Заручившись широкой народной поддержкой и обеспечив стабильное развитие страны благодаря успешным экономическим реформам, в 2002–2007 гг. правительство ПСР сумело снизить уровень социальной напряжённости и достичь существенной либерализации внутривнутриполитической жизни. На фоне экономических достижений и внешнеполитических успехов, главным вопросом, требующим незамедлительного решения, оставался «курдский» вопрос и проблема терроризма в Юго-Восточной Анатолии. Признав неэффективность исключительно военных методов, правящая партия выступила в 2008 г. с инициативой, получившей название «курдский прорыв» (*Kürt açılımı*). Предполагалось урегулирование курдского вопроса, не сводимое к операциям по уничтожению боевиков Рабочей партии Курдистана. Напротив, участникам вооружённой борьбы, готовым добровольно сложить оружие, гарантировалась амнистия. Также принимались меры по улучшению экономической ситуации в регионе, были значительно расширены культурные права курдов, начато вещание курдского телеканала и т. д.¹ Наконец, важным шагом к реализации «курдского прорыва» стало обещание правящей партии юридически закрепить права национальных меньшинств в новой конституции Турецкой Республики, в том числе и благодаря изменению в ней трактовки гражданства, которое не исключало бы возможность существования различных национальных субидентичностей². Таким образом, впервые с момента возникновения Республики декларировалось намерение переформулировать концепцию турецкого национального государства, подвергнув кардинальному пересмотру принцип кемалистского национализма.

Это стало возможным по ряду объективных причин. Во-первых, в 2000-е гг. Турция превращается в ещё более неоднородное, «миграци-

¹ *Sömer, Murat*. Why Aren't Kurds Like the Scots and the Turks Like the Brits? Moderation and Democracy in the Kurdish Question // *Cooperation and Conflict*, 2008, Vol. 43, No. 2. P. 243.

² *Othman, Ali*. Constitutional Reform and Addressing the Kurdish Question in Turkey // *Today's Zaman*, 22.03.2012. URL: <http://www.todayozaman.com/news-275097-constitutional-reform-and-addressing-the-kurdish-question-in-turkey-by-othman-ali-.html> (access date: 25.03.2013).

онное», общество — её быстро развивающаяся экономика привлекает тысячи трудовых мигрантов со всего Ближнего Востока, а восточные и юго-восточные вилайеты дают приют беженцам из соседних стран. Во-вторых, несмотря на изменения внешнеполитического курса при ПСР, Турция по-прежнему декларирует приверженность основным евроатлантическим ценностям. Однако именно нарушение прав человека, дискриминация по национальному признаку, использование чрезмерной военной силы против курдского населения остаются едва ли не главными претензиями Евросоюза к официальной Анкаре. В-третьих, с приходом ПСР к власти значительно уменьшилась роль армии и военной бюрократии в жизни страны. Состав Совета Национальной Безопасности был расширен за счёт увеличения числа гражданских лиц, что привело к ослаблению тенденции к секьюритизации многих вопросов внутренней и внешней политики.

В-четвёртых, улучшение, благодаря политике «нулевых проблем с соседями», отношений со странами региона, частичное преодоление «севрского синдрома», т. е. боязни расчленения государства вследствие сотрудничества сепаратистских сил с внешними врагами, способствовали некоторой либерализации политики национальной безопасности. В частности, в стратегическом Документе национальной безопасности (*Milli Güvenlik Siyaset Belgesi*) был существенно откорректирован перечень главных угроз. Если в его версиях 1992 и 1997 годов главными угрозами национальной безопасности были признаны курдский сепаратизм и терроризм, то в последней редакции 2010 года сепаратизм был исключен из этого списка. А формулировка «этнический национализм» предыдущих версий была заменена на «микронационализм», понимаемый как «замена собой идентичности высшего порядка (*üst kimlik*), которая объединяет всё общество и выполняет функцию своеобразной “зонтичной” идентичности, идентичностью низшего порядка (*alt kimlik*), что приводит к требованию соответствующих прав и, позже, к сепаратистским действиям»¹. Таким образом, по мнению СНБ Турции, угрозу представляют уже не сами «субнациональные, узко этниче-

¹ Воротнюк М. Документ про політику національної безпеки Туреччини як основа безпекової політики країни // Волович О., Воротнюк М., Габер Є. Туреччина в пошуках нової ідентичності. Збірник аналітичних матеріалів Регіонального філіалу Національного інституту стратегічних досліджень у м. Одесі. Одеса: Фенікс, 2011. С. 90.

ские идентичности», наличие которых в турецком обществе более не отрицается, а лишь попытки противопоставить их единой общегосударственной идентичности. Теперь каждый этнический курд имеет право открыто заявлять о своих корнях. Правда, лишь до тех пор, пока согласен быть курдом — гражданином Турецкой Республики.

Вместе с тем политические и военные элиты продолжают стоять на страже территориальной целостности и унитарного устройства Турции. В заявлении СНБ, опубликованном в декабре 2010 г., подчёркивалось, что военными будут жёстко пресекаться любые попытки подвергнуть пересмотру принцип «единой нации, единой земли, единого государства, единого языка и единого флага»¹. На официальном сайте Совета также особое внимание уделяется необходимости соблюдать «принцип национального единства»²:

«Турецкая Республика — это унитарное государство. Государство, страна и нация представляют собой единое и неделимое целое. Этот принцип неделимости не подлежит обсуждению и пересмотру».

Таким образом, на сегодняшний день попытки кардинального изменения статуса национальных меньшинств, обеспечения всестороннего участия их представителей в государственном управлении ограничиваются рамками существующей Конституции и законами Турецкой Республики, исключающими переход к федеративному устройству. Вопрос же о том, как отныне будет звучать концепция национального государства в Турции, остаётся открытым до утверждения окончательного варианта текста новой Конституции Республики.

* * *

Представления о национальном государстве в Турции прошли длительную эволюцию от жёстких принципов этнической однородности в духе кемалистского национализма «одно государство — одна нация» до более либерального современного определения турецкой нации в качестве политической наднациональной идентичности, допускающей существование множественных этнонациональных субидентичностей низшего порядка.

¹ Там же. С. 91

² Milli Bütünlük nedir ve nasıl sağlanır? // Milli Güvenlik Kurulu'nun resmi web-sitesi, Sıkça Sorulan Sorular bölümü. URL: http://www.mgk.gov.tr/Turkce/sss.html#soru_4 (access date: 12.04.2013).

Сегодня будущее турецкой нации и турецкого государства зависит от политической воли, желания и способности главных политических сил страны достичь компромисса в процессе написания новой Конституции. Задача сложная, поскольку в вопросе создания новой концепции национального государства в Турции ПСР и НРП, партии турецких и курдских националистов придерживаются кардинально противоположных взглядов.

Смогут ли эти политические силы превратить многонациональный состав турецкого общества в культурное богатство, в дополнительный стимул для либерализации и демократизации политической системы? Или же стремление мобилизовать свой электорат накануне очередных парламентских выборов приведёт к дальнейшей поляризации общества, обострению курдского вопроса и попыткам федерализации страны на основе этнонационального принципа?

Каким будет ответ, покажет время. Но уже сейчас очевидно, что итоги дискуссий вокруг будущего внутривнутриполитического развития Турции существенно повлияют и на её внешнюю политику. Как отмечала турецкая исследовательница Нигар Гёксель, от того, как нынешние политические лидеры будут интерпретировать и тёмные, и славные страницы османской и республиканской истории Турции, зависит не только создание новой концептуальной основы турецкой идентичности, но и процесс формирования нового стратегического мышления и приоритетов региональной политики Анкары¹. Иными словами, новое понимание идеи турецкого национального государства определит, будут ли трансграничные вызовы безопасности, общие для большинства государств Ближнего Востока (сепаратизм, терроризм, радикальный ислам, экономическая отсталость регионов компактного проживания национальных меньшинств) ограничивать возможности турецкой дипломатии или, напротив, станут мощным стимулом к развитию тесного сотрудничества с соседними странами.

¹ *Göksel, Nigar. Turkish History Revisited: Uniting or Polarizing? // GMF Analysis: On Turkey Series, 30.12.2013. URL: http://www.gmfus.org/wp-content/blogs.dir/1/files_mf/1359579005Goksel_NewHistory_Jan13.pdf (access date: 02.02.2013).*

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ВЫЗОВЫ ЕМУ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Ирина Бочкарёва

Национальное государство — продукт Нового времени, времени утверждения новых принципов легитимации власти, — ныне представляет наиболее распространённый тип государственности. Функционирование государства как национального предполагает не только строго формализованное нормативно-правовое закрепление принципов его существования, но и формирование в обществе устойчивых представлений о том, что такое нация и национальное государство, а также соответствующего типа идентичности — национальной. И если наблюдается расхождение теоретического (академического) значения этих феноменов с их восприятием / пониманием в обществе, это может привести к серьёзным проблемам в функционировании национального государства, а значит, должно оцениваться как **вызов** ему. Поэтому изучение восприятий и представлений, относящихся к области политического, имеет не только научно-познавательное, но и практическое политическое значение.

I

Один из самых оперативных и информативных способов исследования представлений — социологические экспресс-опросы в формате фокус-групп. В рамках проекта «Трансграничные вызовы национальному государству» был проведён такой опрос среди учащихся трёх сибирских вузов с целью выявить представления молодых о национальном государстве и о том, с какими вызовами оно сталкивается

в настоящее время. В исследовании участвовали 14 юношей и 49 девушек, всего — 63 человека. Это студенты старших курсов и магистранты гуманитарных специальностей «История», «Регионоведение», «Политология» Алтайского, Бурятского и Иркутского государственных университетов (далее, соответственно, АлтГУ, БГУ и ИГУ). В АлтГУ экспресс-опрос был проведен в четырех фокус-группах, общим количеством 46 человек. Опрос студентов БГУ и ИГУ проводился в рамках Школы молодого автора, прошедшей с 19 по 27 апреля 2012 г. в Улан-Удэ, её участники общим числом 17 человек составили одну фокус-группу. Гуманитарии чаще других выпускников вузов пополняют структуры, ощутимо влияющие на формирование и эволюцию общественно значимых представлений, — органы управления, образования, различные социальные службы; неудивительно, что они часто становятся аудиторией, опрашиваемой по тому или иному политическому поводу. Вместе с тем это аудитория достаточно специфическая, потому что предмет опроса апеллирует, по крайней мере, теоретически, к тем знаниям, которые им давались в ходе обучения. Другими словами, они должны представлять совокупность респондентов, более искушённых в тематике исследования. Так ли это на самом деле, будет видно далее; но в любом случае полученные результаты нельзя автоматически переносить на всех студентов и на молодёжь в целом.

Сценарий опроса реализовывался в два этапа. На первом респонденты рассуждали на тему, что такое «национальное государство». Им было предложено дать в течение нескольких минут своё письменное определение национального государства и ответить на вопрос о своей национальной идентичности. Далее участники были распределены по мини-группам и каждая группа должна были представить результаты коллективной работы по выполнению двух заданий. Первое задание заключалось в том, чтобы привести примеры (и при необходимости обосновать выбор) трёх типов государств: тех, что могут быть названы классическими *nation-state*; являющихся противоположностью *nation-state*; и государств, представляющих собой своего рода гибрид первого и второго типа. Второе задание было таким: определить и обосновать, к какому из трёх типов государств относятся современная Россия и современный Китай.

На втором этапе участникам опроса было предложено зафиксировать своё понимание понятий «вызов» и «угроза», имея в виду вызовы и угрозы национальному государству, и для конкретизации привести

примеры угроз и вызовов России как национальному государству. Затем во время дискуссии студенты должны были определить, равнозначны ли эти понятия, и если нет, то объяснить, в чём заключается разница между ними.

Ключевыми понятиями для исследования были «вызов», «угроза», «нация» и «национальное государство». Все они, кроме разве что последнего, многозначные. В ходе исследования я исходила из следующего понимания ключевых понятий.

Нация — сообщество граждан, группа людей, осознающих своё единство в силу лингвистического сходства, общей культуры, географической близости, принадлежности к определённому государству.

Национальное государство — конституционно-правовой тип государства, созданного / сложившегося на основе самоопределения нации, её организации на определённой суверенной территории.

Вызов — фактор / факторы, потенциально способные привести к изменению системы, в том числе к её разрушению.

Угроза — непосредственная опасность, источник которой может быть установлен более или менее точно.

Два первых понятия — сложные, не раз обсуждались, имеют множество определений. Чтобы не ввязываться в дискуссию об их содержании, мной намеренно были предложены определения из учебника¹ и из Википедии². Определение вызова — моё, угрозы — заимствовано из статьи А. С. Макарычева³.

II

Предложенные респондентами варианты определений показали, что больше половины из них — 37 из 63 — в качестве отличительного критерия национального государства использовали признак этничности, употребив зачастую понятие «нация» в значении «этнос», «национальность». В результате имело место противопоставление нацио-

¹ Категории политической науки. Учебник. М.: МГИМО(у); РОССПЭН, 2002. С. 561.

² Национальное государство // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/...> (дата обращения: 16.02.2014).

³ Макарычев А. С. Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на Балтийский регион. URL: http://net-conf.org/articles_text_2.htm (дата обращения: 16.02.2014).

нальных и многонациональных государств как разных по типу. Ниже — примеры (выделения сделаны мною. — И. Б.).

«Национальное государство — общность, где приоритетны интересы и внимание к той или иной этнической группе, где система правил / законов общества выстроена таким образом, чтобы защитить интересы этой группы».

«Национальное государство — государство, позиционирующее себя как мононациональное / монорелигиозное; всё, что не многонациональное и не поликультурное — то национальное».

*«Государство, поддерживающее свои национальные интересы, в отличие от **многонационального государства**; национальное предусматривает закрытость от **наций**, не принадлежащих этому государству».*

Лишь в трети определений были указаны, с разной степенью полноты, признаки и концепты классического национального государства.

«Государство, в котором все граждане, несмотря на разное этническое происхождение, формируют одну единую нацию».

*«Государство, обладающее суверенитетом и объединённым вектором развития национальной идеи в обществе, развитием и конструированием **нации из, как правило, мультикультурного и многоэтнического населения**; является не статичным элементом, а динамично развивающимся в национальном отношении».*

«Суверенное государство, имеющее свои законы, граждан, правительство, единую неделимую территорию».

Представления о нации и национальном государстве во многом формируются вместе с личной идентичностью. Важным признаком складывания нации является отождествление себя с государством, консолидация национального гражданского самосознания. Чтобы определить степень его сформированности в системе личного «я», респондентам и было предложено ответить на вопрос: «Как вы себя идентифицируете по национальной принадлежности?» И абсолютное большинство участников первой фокус-группы из АлтГУ (16 из 19) называли себя «русский», двое — «сибиряк», один — «дитя мира». В современной научной литературе и в официальной риторике понятие «русский» употребляется обычно как этноним, отсылающий к этнической принадлежности и идентичности человека, а «россиянин», «российский» — как политико-гражданская категория, означающая **гражданина России**. Но в ответах, казалось, вообще отсутствует гражданская

идентичность. Респонденты объяснили это тем, что не разделяют чётко понятия «нация», «национальность», «этнос». Поэтому решено было скорректировать вопрос так, чтобы сама его постановка подталкивала к мысли о разности двух типов общностей. В новой редакции он звучал: «Как вы себя идентифицируете в национальном и этническом отношении?» И всё равно абсолютное большинство респондентов других фокус-групп — 30 из 44 или 68% — вновь ответили, что идентифицируют себя в национальном отношении как «русские». При этом 19 из этих 30 не развели свою национальную и этническую принадлежность, назвавшись русскими в обоих случаях, четверо студентов по критерию этничности ответили, что они татары, белорусы, метисы, трое отнесли себя к славянам, а четверо затруднились определить свою этничность. В ряде ответов студенты уточнили, почему считают себя русскими в национальном отношении: *«родилась в России»*; *«принадлежу к русской культуре»*; *«православный, с гордостью отношу себя к русской национальности»*. Эти ориентиры, за исключением, может быть первого, — ценностные, и они опять-таки говорят о доминировании в идентичности студентов этничности, об отождествлении национального с этническим «я», а не с гражданским. Только 11 респондентов (17,5%) из общего числа опрошенных (63) написали, что в национальном отношении они — россияне. Показательно, что большая часть таких ответов дана группой студентов Бурятского государственного университета, включавшей этнических бурят, которые чётко развели национальную и этническую идентичность.

Нельзя сказать, что студентам вообще непонятна гражданская сущность слова «россияне», в каком контексте оно употребляется в настоящее время; но когда речь заходит о личной идентичности, этничность мгновенно выходит на первый план. Вместе же предложенные определения национального государства и ответы на вопрос об идентичности свидетельствуют: у респондентов не сложилась устойчивая гражданская идентичность, категория «россияне» не стала частью их социальных различий, особенно у тех, кто идентифицирует себя как русские. Соответственно, слово «русский» употребляется опрошенными студентами и магистрантами для обозначения себя и в качестве представителей отдельной национальности, и в качестве жителей и граждан России. Некоторые по ходу опроса ссылались на то, что в паспорте у них написано «русский». Очевидно поглощение национальной (гражданской) идентичности этнической, отождествление понятий «этнос» и «нация».

Полученная картина подтверждается данными других социологических исследований идентичности русского населения России¹. Ими неизменно фиксируется доминирование этнической идентичности, а не гражданской. Причины могут заключаться в том, что такие понятия национального дискурса как «русский» и «российский» имеют общую семантику и исторически часто использовались на практике как синонимы². В результате не сложилась традиция их употребления в чётко определённом значении, не противоречащем концепту национального государства. Налицо, пользуясь выражением Эрика Эриксона, спутанная идентичность³. Можно говорить и о том, что история России именно как национального государства (а не как православной империи или братского союза социалистических республик) совсем непродолжительная, что гражданская российская идентичность ещё не успела сложиться. В то же время надо учитывать, что, в отличие от этносов, нации — общности политического порядка, они не существовали от века (да и этносы, как показывает этническая история, и исчезают, и возникают⁴). Формирование наций шло параллельно с утверждением принципов национального государства, а то и **после** его появления. По сути, нация, национальное самосознание — общности и явления, во многом конструируемые политикой властей и дискурсом интеллектуалов / интеллигенции. Но стоит обратиться к официальным документам, определяющим позицию Российской Федерации по вопросам национальной политики, как сразу бросается в глаза: и категориальный аппарат, и само содержание этих документов

¹ См., например: *Смирнова А. Г.* Формирование национальной идентичности в России: легко ли быть русским? // *Философский век. Альманах.* Вып. 16. Европейская идентичность и российская ментальность / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Центр истории идей, 2001. С. 211–212; *Теленков А. В.* О соотношении понятий русские и россияне: история, современность, перспективы // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН.* Вып. 8. Екатеринбург: ИФП УРО РАН, 2008. С. 338.

² *Теленков А. В.* Указ. соч. С. 328.

³ См.: *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. Гл. IV.

⁴ Яркие примеры можно найти в работе: *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992.

не способствует преодолению неопределённости, спутанности представлений о нации и национальном государстве.

Так, согласно Конституции РФ «носителем суверенитета является многонациональный народ»¹. «Многонациональный народ» явно подразумевает общность, состоящую из многих национальностей, т. е. этнических групп. Получается, что критерий этничности органично присутствует в самом определении нации Конституцией. С другой стороны, экспресс-опросы показали, что в представлениях студентов категории «нация» и «национальность», как правило, совпадают. Поэтому определение «многонациональный народ» может быть ими понято как общность, включающая много наций, не национальностей, что в принципе противоречит идее национального государства. Представляется, что больше бы соответствовало концепту национального государства понятие «российская нация». Его употребление позволило бы снять существующую в русском языке многозначность прилагательного «национальный», производного от слова «нация», и от слова «национальность», что уже на уровне языка формирует спутанные представления о нации. Для сравнения: в Конституциях Франции и США, государств, которые могут рассматриваться как примеры классических национальных государств, используются понятия «французский народ» и «народ Соединенных штатов»². В обоих случаях слово «народ» употребляется в значении «граждане одного государства», и эти граждане все равны перед законом независимо от происхождения, расы, вероисповедания. Нация определяется как общность гражданская, хотя, как известно, и французская, и в особенности американская нации складывались и складываются из разных «национальностей» — этнических групп, как «местных», так и «пришлых».

В другом доктринальном документе «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации» от 2012 года понятие

¹ Конституция Российской Федерации. Раздел 1, ст. 3 // Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 14.02.2014).

² См.: Конституция Франции 1958 г.; Конституция США // Узнал. орг. Конституции стран мира. URL: www.uznal.org/constitution.php?country=France&constitution=129&language=r; http://www.uznal.org/constitution.php?country=United_States_of_America&constitution=102&language=r (дата обращения: 16.02.2014).

«российская нация» встречается три раза, но в скобках, как синоним всё того же «многонационального народа». Само слово «народ» используется и в значении нации, населения России, и в значении национальности, этноса. Пример: «русский народ рассматривается как системообразующее ядро того единения народов которое сложилось в Российском государстве»¹. Консолидирующим, объединяющим признаком российской нации в «Стратегии» предстаёт не столько гражданственность, сколько «единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов»². В документе ставится цель формирования общероссийского самосознания, но она как-то теряется в перечне задач по сохранению этнокультурной самобытности народов России.

Таким образом, в официальной риторике мы наблюдаем то же, что и в представлениях наших респондентов. Ту же нечёткость, многозначность основных понятий национального дискурса. То же положение, когда при определении характера нации и национального государства этничность не нивелируется, а подчёркивается, в то время как правовые основания отходят на второй план. Но в многонациональном обществе этничность не может служить бесконфликтным «лекалом» будущей нации. Национальная идентичность должна формироваться на надэтнической основе, и с этой точки зрения термин «россияне» в значении «гражданин России» отвечает вызовам времени.

III

Напомню: в мини-группах студенты должны были согласовать примеры национальных государств и их «антиподов». Эти примеры опять говорят о том, что критерием классификации государств как национальных снова стала этническая составляющая, точнее, моноэтничность и наличие одного государственного языка. Соответствующие примеры представили 9 мини-групп из 13, а в фокус-группе на Школе молодого автора — вообще **все** мини-группы. Национальными государствами были названы Япония (самый частый пример), Израиль, Вьет-

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: http://base.garant.ru/70284810/#block_1000 (дата обращения: 17.02.2014).

² Там же.

нам, Южная и Северная Корея, Эстония — как государства либо просто мононациональные, либо с выраженным преобладанием одного этноса и языка. Видимо, по той же причине в качестве национального государства в ответах одной из групп фигурировал Древний Египет (sic!). К числу же государств, так сказать, противоположных государству национальному, были отнесены США и Великобритания, являющиеся классическими примерами nation-state, а также Индия, Казахстан и Россия, как минимум, позиционирующие себя как национальные и создавшие необходимую конституционно-правовую рамку. А одна из мини-групп объявила не национальными все государства Латинской Америки. Основание: *«Потому что на материке сложилась единая лингвистическая и культурно-историческая общность (нация), а государственные границы разрезают, нарушают её целостность»*.

Всё же принцип гражданства и равенства граждан в правах как неотъемлемая черта национального государства прозвучал в ответах нескольких групп, особенно тех, где были студенты-историки. Ориентируясь на этот критерий, национальными государствами они называли Францию, США, Швейцарию, все современные европейские государства. Примерами же государств-«антиподов» у них оказались ЮАР периода апартеида, нацистская Германия, США до гражданской войны и современные Литва, Казахстан и Украина. Основанием для такого определения послужили политика дискриминации отдельных групп населения по этническому или расовому признаку, нарушение на практике принципа равенства граждан государства в правах. А Российская империя и Ватикан были отнесены ими к государствам не национальным потому, что в обоих случаях легитимность власти проистекала / проистекает не из самоопределение нации, а из сакрального источника — воли Божьей.

Наконец, в качестве гибридов или государств, позиционирующих себя в нормативно-правовом плане как национальные, но по каким-то существенным характеристикам не дотягивающих до классического варианта, все группы называли КНР и Россию. По мнению респондентов, оба государства нельзя однозначно назвать национальными из-за наличия очагов сепаратизма и дискриминации по этническому признаку. Прямо было указано, что имеется в виду дискриминация этнического меньшинства уйгуров в Китае, и дискриминация этнического большинства русских (путём распределения бюджетных средств в пользу республик Северного Кавказа) в России. Применительно к России было

ещё отмечено, что национальное самосознание и идентичность «россияне» пока не сложились, высок уровень национализма в обществе, нетерпимости к нерусским этносам вообще и особенно к мигрантам.

IV

Вторая часть исследования была посвящена анализу представлений студентов и магистрантов о вызовах и угрозах национальному государству. Для начала они опять должны были дать свои определения этих понятий. Основная трудность для них заключалась в том, чтобы объяснить разницу, провести грань между понятиями, что и отразилось в ответах. В ряде случаев определения вызова и угрозы были практически тождественны. Пример: *«вызов — какой-либо фактор, который может повлиять на ситуацию в государстве негативно»; «угроза — факторы, которые могут привести к нежелательным последствиям»*. Всё же в рассуждениях основной части респондентов присутствовало понимание, что вызов — понятие более общее, чем угроза, перерастает в угрозу и приводит к негативным последствиям не всегда. Приведу два примера.

«Вызов — побуждение, стимул к действию, не несёт прямой опасности, но нуждается в урегулировании».

«Проблема, которая не является насущной на данный момент».

В отличие от вызова, угроза более конкретна, представляет опасность для существования системы — таков общий знаменатель всех предложенных определений. Если попытаться их сгруппировать по признаку близости содержания, то с известной степенью условности можно выделить три группы суждений.

Первая, преобладающая по частоте (66% ответов), — с акцентом на **негативные последствия**, вероятность каковых и даёт основание говорить об угрозе: *«Угроза — это действия, которые могут привести к ограничению или утрате суверенитета, целостности государства, безопасности граждан»*.

Вторая (17%) — с акцентом в ответах на преднамеренность действий источника угроз: *«Угроза — особое поведение в отношении государства с целью причинить ему вред»*.

Третья группа (17%), объединившая более широкие и относительно нейтральные определения: *«Угроза как опасность для существования»*.

Приведённые респондентами синонимы словам «вызов» и «угроза», подтверждают понимание ими смысловой разницы этих понятий. Так, в качестве синонимов «угрозе» были приведены слова «опасность»

(самое распространённое), «нападение», «вторжение», «посягательство». А близкими по смыслу понятию «вызов», по мнению респондентов, являются слова «возможность», «вероятность», «побуждение», «проблема», «конфликт». Для передачи же понятий на английском языке группами были предложены *threat* и *danger* для угрозы, *challenge* и *possibility* — для вызова.

Как видим, спектр коннотаций вызова, отражаемых синонимами, оказывается значительно шире, чем в случае с угрозой; можно даже говорить об их разбросе. Сама расплывчатость выстроенного студентами и магистрантами синонимического ряда к понятию «вызов» указывает на представление о нём (не вполне, впрочем, определённое), как о ситуации, явлении или процессе амбивалентном и непредсказуемом — как о чём-то, что создает или может создать стимул (возможность, вероятность) для изменения системы, что побуждает, как минимум, к реагированию. И, в зависимости от характера ответных действий, система может поменяться в позитивном направлении, но может — и в негативном. Смысл же понятия «угроза» для респондентов однозначен и передаётся ими исключительно посредством слов с выраженной негативной коннотацией.

В качестве вызовов для России респонденты более одного раза указали такие (в скобках приведено количество соответствующих ответов).

➤ Низкий авторитет страны на международной арене и давление на неё со стороны мирового сообщества (4).

➤ Сепаратистские настроения (3).

➤ Отсутствие единого национального самосознания, национальной идеи (3).

➤ Утрата собственной культуры и национального самосознания (2).

➤ Расширение НАТО на восток (2).

В перечне угроз России как национальному государству лидировали следующие угрозы.

➤ Сепаратизм (12).

➤ Миграция из Центральной Азии и Китая, заселение Дальнего Востока китайцами (8).

➤ Терроризм (5).

➤ Расширение НАТО на восток, создание системы ПРО в Польше (5).

➤ Межэтнические столкновения (4).

➤ Уменьшение численности титульного этноса (2).

Одной из фокус-групп в АлтГУ я предложила отдельно рассмотреть вызовы, включённые в качестве крупных исследовательских блоков в концепцию проекта «Трансграничные вызовы национальному государству». Это сепаратизм, религиозный экстремизм, трансграничная трудовая миграция и интернационализация экономики. Я попросила членов группы определить, что из этого списка они переквалифицировали бы в **угрозы** России как национальному государству. Практически все отметили сепаратизм и религиозный экстремизм, половина оценила и трансграничную миграцию как угрозу. Процесс интернационализации экономики, видимо, оказался им малопонятен, его они в ответах обошли. Когда же я попросила привести примеры сепаратизма, выяснилось, что часть аудитории понимает под ним нечто другое: *«оппозиционные настроения и выступления», «недовольство на местах, в регионах политикой Москвы»*.

Похоже, что часть студентов и магистрантов при выборе вызовов и угроз России руководствовались стереотипами, фигурирующими в СМИ, не понимая сути передаваемых этими стереотипами явлений и не задумываясь над тем, какое отношение они имеют к концепту национального государства. Безусловно, их представления отражают и действительные вызовы, в том числе способные перерасти в угрозы национальному государству, — сепаратизм, межэтнические столкновения, несформированность национального гражданского самосознания. В то же время показательно, что сложные явления и процессы — такие, например, как трансграничная миграция, — предполагающие, если мы не хотим их трансформации из вызовов в угрозы, межэтническое взаимодействие, диалог, толерантное поведение, однозначно оцениваются как нависшая угроза. Более того, складывается впечатление, что так же воспринимается сама **возможность** межэтнического взаимодействия.

V

Исследование показало, что представления о национальном государстве и нации у студентов и магистрантов трёх университетов несистемные и далеки от сложившегося в науке понимания этих феноменов. Большинство участников опроса не воспринимают нацию как надэтническую политическую общность — сообщество **граждан**. Основным признаком национального государства в их представлениях выступает не принцип суверенитета, гражданства, равенства граждан одного государства в правах, а этническая гомогенность населения.

Преломляясь в идентичности респондентов, особенно русских, восприятие нации как сообщества по крови, отождествление национальной принадлежности с этничностью подпитывает негативное отношение к внешней миграции, побуждает видеть в росте численности «чужих» угрозу «своим».

Я не склонна трактовать перекося в ответах студентов в сторону этничности как проявление националистических взглядов. Скорее это показатель незнания основных понятий национального дискурса, и, отчасти, отражение стереотипов по национальному вопросу, сложившихся в обществе. Но нельзя не учитывать и того, что представления о нации как этнической общности попадают в резонанс с националистическими построениями и лозунгами и потому могут представлять **вызов** России как государству, позиционирующему себя государством национальным.

ВЫЗОВЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ. НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Игорь Савин

Массовые миграции неоднократно оказывались в ряду наиболее актуальных вопросов общественного развития стран СНГ. В 1990-е гг. это были перемещения людей, вызванные разрушением единого советского политического и социального пространства и возникновением государств с различающимся идеологическим и культурным порядком¹. В последнее же десятилетие всё большее внимание привлекает трудовая миграция из одних государств СНГ в другие, преимущественно в Россию и в Казахстан. При этом чрезвычайно важно понимание миграции элитами двух стран — ведь у них есть возможность от имени государства формировать представления об основных угрозах ему как целостному субъекту внутри- и внешнеполитической деятельности и планировать наиболее эффективные способы преодоления этих угроз.

Понимание баланса угроз и противодействий им зафиксировано в официальных концепциях / стратегиях национальной безопасности, содержание которых может со временем меняться, что позволяет наблюдать динамику доминирующих в сознании элит способов анализа ситуации и методик формирования стратегий национальной безопасности. Данная глава как раз и посвящена сравнительному анализу того,

¹ Подробнее см.: В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. Под ред. А. Вяткина, Н. Космарской и С. Панарина. Москва: Наталис, 1999.

как на протяжении 15 лет в текстах этих концепций определялись угрозы, связываемые с неконтролируемой миграцией.

Методика сравнительного анализа применялась к последовательно появлявшимся концепциям демографического развития России¹. Что касается связи миграции и безопасности, то и она не впервые привлекает внимание исследователей. Теоретические основы её изучения были проработаны в коллективной монографии под редакцией Г. Витковской и С. Панарина и в индивидуальной монографии Т. Прудниковой². Демографические аспекты этой связи рассмотрены в работах, выполненных на экономическом факультете МГУ и по заказу правительства Москвы³. Анализ миграционной политики в контексте национальной безопасности есть в книге Н. Ворониной и в диссертации Н. Ткачёвой⁴. Связь трудовой и нелегальной миграции и национальной безопасности исследована также в нескольких работах социологического и юридического характера⁵. И, как видно уже из названий, немало авторов воспринима-

¹ Елизаров В. Сравнительный анализ демографических концепций 2001 и 2007 годов // Демоскоп weekly, 2007, № 309–310. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0309/polit02.php> (дата обращения: 06.08.2014).

² Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина / Моск. Центр Карнеги. М.: Интердиалект+, 2000; Прудникова Т. А. Миграционные процессы и их влияние на общественную и национальную безопасность. Теоретико-методологические аспекты: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

³ Миграция и национальная безопасность: Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В. А. Ионцев. М.: МАКС-Пресс, 2003. Вып. 11. С.15–30; Миграция и внутренняя безопасность: аспекты взаимодействия. Сб. материалов IX Международного семинара по актуальным проблемам миграции, 23–24 июня 2003 г., Москва. М.: Сидипресс, 2003.

⁴ Воронина Н. Миграционное законодательство России: состояние проблемы, перспективы М.: Спутник, 2010; Ткачева Н. Социологическая концепция миграционной политики региона в системе национальной безопасности. Дисс. ... докт. соц. наук. Тюмень, 2011. URL: <http://cheloveknauka.com/sotsiologicheskaya-kontseptsiya-migratsionnoy-politiki-regiona-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti#ixzz397zoDjxE> (дата обращения: 06.08.2014).

⁵ Ивахнюк И, Дауров Р. Незаконная миграция и безопасность России: угрозы, вызовы, риски // Миграция и национальная безопасность... С. 30–52; Запринов З. С., Марков А. Ю. Влияние миграционных процессов на национальную безопасность Российской Федерации // Человек: преступление и наказание,

ют миграцию в первую очередь как угрозу. То же можно сказать и о казахстанских специалистах, затронувших тему «Миграция и безопасность». Так, С. Х. Елеманов и А. Е. Тулепбергенова основной упор делают на юридических аспектах незаконной миграции как угрозы, а С. Сахиев в своей диссертации касается миграции лишь как одной из угроз региональной безопасности¹. И за одним исключением², никто из авторов упомянутых работ не ставил задачи проследить по текстам концепций национальной безопасности двух стран — реципиентов мигрантов **эволюцию восприятия миграции**.

В статье будут использоваться термины, применяемые в концепциях: «неконтролируемая миграция», «нелегальная миграция» и «незаконная миграция». Первый из них, в отличие от двух остальных, не имеет однозначных юридических формулировок, предписывающих границы его употребления. По своему смыслу он восходит к концепту «контроля», понимаемому как контроль со стороны государственных институтов. Что и делает его столь уместным при употреблении в текстах, представленных от имени государственной власти.

2011, № 2 (73). С. 59–61; *Ивахов П. И., Малышев Е. А.* Влияние нелегальной миграции на национальную безопасность: зарубежный опыт административно-правового регулирования миграционных процессов // Модель общества и национальная безопасность: Материалы международной научно-практической конференции. 5 февраля 2010 г. Калининград: Изд-во Калинингр. ЮИ МВД России, 2010. С. 161–165; *Куликов В. А.* Нелегальная миграция и её влияние на экономическую безопасность страны // «Черные дыры» в российском законодательстве // Юридический журнал, 2007, № 1. С. 298–301; *Вахаев Х.-М. Х., Алексеев С. А.* Трудовая миграция и национальная безопасность России // Право и безопасность, 2011, № 3–4 (40–41). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_36_15.htm (дата обращения: 06.08.2014).

¹ *Елеманов С. Х., Тулепбергенова А. Е.* Незаконная миграция — угроза национальной безопасности Казахстана. URL: http://www.rusnauka.com/15_NNM_2014/Pravo/4_170579.doc.htm (дата обращения: 06.08.2014); *Сахиев С.* Казахстанско-российское сотрудничество как фактор региональной безопасности в Центральной Азии. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/kazakhstansko-rossiiskoe-sotrudnichestvo-kak-faktor-regionalnoi-bezopasnosti-v-tsentralnoi-a> (дата обращения: 06.08.2014).

² В книге «Миграция и безопасность в России» на с. 46–49 даётся краткое аналитическое сопоставление двух редакций российской концепции национальной безопасности.

И последнее предварительное замечание: далее вместо длинного полного наименования «Концепция национальной безопасности» в большинстве случаев будет употребляться одно слово — Концепция.

«Неконтролируемая», «нелегальная» и «незаконная миграция» в российских концепциях национальной безопасности

Первая в современной России Концепция национальной безопасности была утверждена Указом президента РФ № 1300 от 17 декабря 1997 г.¹ Наибольшее внимание в ней уделялось экономическим вопросам, в гл. 2. «Национальные интересы России» прямо было заявлено, что «национальные интересы России в области экономики являются ключевыми». Внутриполитическая сфера была поставлена заметно ниже экономической в иерархии национальных интересов, и там тема миграции не упоминалась вовсе:

«Во внутриполитической сфере национальные интересы России состоят в обеспечении гражданского мира, национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства, стабильности государственной власти и её институтов, правопорядка и в завершении процесса становления демократического общества, а также в нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению социальных и межнациональных конфликтов, национально-го и регионального сепаратизма».

Обратим внимание на формулировку *нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению... межнациональных конфликтов, национального и регионального сепаратизма*. Представляется, что определение «национальный» в ней обладает значением не столько «общенациональный», сколько «этнонациональный». Это, в свою очередь, заставляет предположить, что и *национальное согласие* употреблено не только в общенациональном / общегражданском смысле. Видимо, авторы концепции одной из угроз национальной безопасности полагали требования, выдвигаемые от имени групп населения, различающихся по этническим признакам. В гл. 3 «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации» об этом сказано более определённо:

¹ Опубликована в «Российской газете» 26 декабря 1997 г., размещена на нескольких Интернет-ресурсах, см., например: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.htm> (дата обращения: 06.08.2014). Здесь и далее выдержки из текста Концепции приводятся по электронной версии.

«К числу факторов, усиливающих угрозу нарастания национализма, национального и регионального сепаратизма, относятся **массовая миграция и неуправляемый характер воспроизводства рабочей силы в ряде регионов страны** (выделено мной. — И. С.). Основными причинами этого являются последствия распада СССР на национально-территориальные формирования, провалы национальной и экономической политики как в России, так и в государствах — участниках Содружества Независимых Государств, распространение и эскалация конфликтных ситуаций на национально-этнической почве».

Из приведённого текста следует: политическая мобилизация этничности — одна из важных угроз. А один из факторов, её обуславливающих — массовая миграция и неуправляемый характер воспроизводства рабочей силы в ряде регионов страны. Слово «миграция» первый и единственный раз появляется в тексте Концепции, причем в таком контексте, что ясно: дело не только в экономическом характере «воспроизводства рабочей силы». В гл. 4 «Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» читаем:

«Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни».

Напрашивается вывод, что массовая неуправляемая миграция может привести не только к перераспределению рабочей силы, но и к возможным осложнениям межнациональных отношений, грозить *утратой духовно-нравственных, исторических традиций и норм общественной жизни*. Конечно, нигде прямо не говорится о непосредственном влиянии миграции на межнациональные конфликты, но подспудно, неявным образом как бы сам собою выстраивается впечатляющий логический ряд: массовые перемещения людей разных культур → изменение привычного баланс традиций и норм → угроза «единому духовному пространству», также упоминаемому в тексте Концепции.

Подобное видение миграции вполне вписывается в картину мира того периода, когда радикально изменилась привычная советская ситуация управляемой миграции, используемой для решения народно-хозяйственных задач, формулируемых одним центром и реализуемых посредством единой стратегии. Теперь потоки мигрантов были вызваны в первую очередь их личным выбором, осознаваемыми ими угрозами их личной безопасности. Чем и объясняется ключевая для этой Концепции коннотация миграции: **массовая и неуправляемая**.

Новая версия Концепции была утверждена указом уже нового президента от 10 января 2000 г.¹ Среди её особенностей следует отметить выравнивание баланса внимания к экономической и другим сферам национальных интересов. Впрочем, налицо и значительная преемственность в параграфе о национальных интересах во внутривнутриполитической сфере:

«Во внутривнутриполитической сфере национальные интересы России состоят в сохранении стабильности конституционного строя, институтов государственной власти, в обеспечении гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства, правопорядка и в завершении процесса становления демократического общества, а также в нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий — социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма».

Как видим, упорядочено употребление термина «национальное согласие». Теперь он однозначно подразумевает согласие общенациональное, понятия «национальный» и «этнический» разведены, добавлены понятия «политический и религиозный экстремизм» и «терроризм». В целом, однако, сохранилось представление о важности преодоления угроз, исходящих от экстремизма и конфликтов, основанных на мобилизации этнических и религиозных различий.

Перечисление угроз национальной безопасности опять начинается с угроз экономического характера, но им уже не уделяется столько места, как раньше. Хотя есть целые параграфы, содержательно близкие первой Концепции:

«Этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также **неконтролируемая миграция** (выделено мной. — И. С.) способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов».

Как видим, упоминается миграция уже не «неуправляемая», а «неконтролируемая». Нетрудно уловить смысловую разницу: контроль, конечно, функция управления, но подразумевает более жёсткие,

¹ См.: Независимое военное обозрение, 14.01.2000; <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sncon00.htm> (дата обращения: 06.08.2014). Цитаты даются по электронной версии.

односторонне направленные отношения — от того, кто контролирует (субъект) к тому, кого контролируют (объект). Введение в текст этого определения отразило стремление власти сосредоточиться именно на таком способе управления миграционными процессами. Кроме того, вполне однозначно формулируется закономерность: *неконтролируемая миграция способствует* усилению перечисляемых далее угроз внутренней стабильности страны, иные её последствия маловероятны. Когда же заходит речь об угрозах национальной безопасности в пограничной сфере, утверждается, что они обусловлены *экономической, демографической и культурно-религиозной экспансией сопредельных государств на российскую территорию*. Этот тезис во многом объясняет, почему миграция воспринимается только в контексте угроз — она легко подвёрстывается под «экспансию». В предыдущей версии Концепции ничего похожего не было, упоминалось только нарушение *демографического и социального состава населения*. Также в новой редакции говорится о миграции из «сопредельных» государств, а не о миграции как следствии распада единого советского пространства, и трактуется она не как некий нейтральный процесс перераспределения рабочей силы, а как фактор, способствующий усилению главных угроз российской государственности.

В ряду средств отражения этих угроз названы:

«...Совершенствование системы государственной власти Российской Федерации, федеративных отношений, местного самоуправления и законодательства Российской Федерации, формирование гармоничных межнациональных отношений, укрепление правопорядка и сохранение социально-политической стабильности общества;

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России»

То есть переезд, постоянный или временный, на территорию РФ носителей «другого» наследия чреват угрозой «достоянию всех народов России», и от этой угрозы — а в первооснове от переезда — нужно защищаться.

В целом в тексте Концепции находим восприятие миграции в период, когда властная элита осознаёт управляемое ею государство состоявшимся субъектом политической деятельности и стремится осуществлять контроль за всеми процессами внутри страны, в том числе за миграцион-

ными. В то же время текст Концепции показывает, что власти очевиден изменившийся характер миграции. Теперь это преимущественно граждане суверенных государств; и их наплыв — не свидетельство положительных внутренних изменений, создавших спрос на рабочую силу, а фактор внешнего, а *rigor* негативного воздействия на её безопасность. Что вполне соответствует установившемуся в обществе к моменту принятия новой версии «внеэкономическому» восприятию миграции¹:

«Политические аспекты проблемы нелегальной иммиграции имеют и внутреннюю составляющую. Дело в том, что в результате миграционных процессов уменьшается внутренняя целостность общества, его интегрированность. Это особенно чётко проявляется тогда, когда мигранты представляют иную, отличную от коренного населения, культуру, религию, стиль жизни, а процессы интеграции их по тем или иным причинам затруднены».

Масса примеров подобного рода представлений приведена Владимиром Мукомелем². Вместе с тем, на фоне доминирующего восприятия миграции в качестве угрозы особенно бросается в глаза понимание неприемлемости в отношении мигрантов только запретительной или ограничительной политики³:

«В основу государственной концепции миграционной политики заложено традиционно узкое понимание национальной безопасности, при котором всякое лицо, пересекающее границу... рассматривается как потенциальный носитель угроз. При таком подходе, чем меньше мигрантов, тем лучше. Но такой ли подход отвечает интересам России?»

Необходимость в разных типах миграционной политики признаётся и в другой работе того времени, где говорится о росте численности населения, «в том числе и за счёт стимулируемого и одновременно контролируемого притока мигрантов»⁴. Всё это свидетельствует о вызрева-

¹ Ивахнюк И., Дауров Р. Незаконная миграция и безопасность России... С. 43–44.

² Мукомель В.И. Российские дискурсы о миграции: «нулевые» годы // Демоскоп weekly, 2011, № 479–480. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/demoscope0479.pdf> (дата обращения: 06.08.2014).

³ Там же. С. 48.

⁴ Рыбаковский Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты и миграция // Миграция и национальная безопасность... С. 29.

нии в общественном и экспертном сознании готовности пересмотреть роль миграции в новых условиях.

Последний по времени из разбираемых здесь российских документов, утверждённый указом Президента РФ от 12 мая 2009 г., называется «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (далее — Стратегия)¹. Он отличается не только по названию, но и по формату, неудивительно, что у него иная структура, чем у Концепций. Тем не менее, многие обозначенные в нём угрозы вполне узнаваемы. Например, в п. 10 говорится о таких угрозах как *националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма*. С одной стороны, это во многом новые формулировки, рождённые новыми тенденциями в общественном развитии, с другой, нетрудно заметить, что восходят они к тем самым «международным конфликтам», о которых говорилось в первой версии Концепции. Другое дело, что теперь угрозы определяются более конкретно, сокращается возможность произвольной интерпретации.

Первое упоминание миграции в Стратегии выглядит следующим образом:

«Обострятся мировая демографическая ситуация и проблемы окружающей природной среды, возрастут угрозы, связанные с **неконтролируемой и незаконной миграцией**, наркоторговлей и торговлей людьми, другими формами транснациональной организованной преступности».

Помимо того, что речь идет не о миграции вообще, а о миграции незаконной, эта незаконная миграция фигурирует в перечне форм организованной преступности. Тот факт, что она не только «незаконная», но и «неконтролируемая», подчёркивает преемственность с Концепцией 2000 года; но теперь негативного отношения заслуживают как будто лишь те виды миграции, что находятся одновременно и вне контроля государства, и вне правового поля. Здесь прослеживается влияние распространившегося в мировой практике понимания незаконной миграции как такой, которая выражается в проникновении иностранных граждан на территорию страны в обход установленных процедур пересечения государственной границы. Таким образом, негативная кон-

¹ См.: Российская газета, 19.05.2009. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения: 01.08.2014).

нотация «незаконной миграции» обусловлена в тексте Стратегии совершенно определённой ситуацией нарушения законного порядка.

Об угрозах, создаваемых мобилизацией на этнической или религиозной основе, в пп. 37 и 40 уточняется, что таковыми они становятся только в результате целенаправленной деятельности определённых организаций, а соответствующим образом квалифицируются лишь в случае установления факта целенаправленных действий конкретных субъектов:

«Основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются: разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств... экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране.

<...> В целях обеспечения государственной и общественной безопасности: совершенствуется структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти, реализуется Национальный план противодействия коррупции, развивается система выявления и противодействия глобальным вызовам и кризисам современности, включая международный и национальный терроризм, политический и религиозный экстремизм, национализм и этнический сепаратизм; создаются механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов».

В отличие от формулировок Концепции 2000 г., где говорилось об *экономической, демографической и культурно-религиозной экспансии* со стороны других государств, в п. 41 Стратегии читаем:

«Угрозу безопасности в пограничной сфере представляют деятельность международных террористических и экстремистских организаций по переброске на российскую территорию своих эмиссаров, организации каналов незаконной миграции».

Быть может, главное отличие заключается в том, что миграция в целом видится теперь фактором экономического характера, и риски, присущие незаконной миграции, перечисляются в пп. 55 и 61 среди экономических угроз:

«Главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу

являются сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики... сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, а также незаконной миграции».

<...>Для противодействия угрозам экономической безопасности силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества нацелены на поддержку государственной социально-экономической политики, направленной:

на сокращение неформальной занятости и легализацию трудовых отношений, повышение инвестиций в развитие человеческого капитала».

Очень важно упоминание *легализации трудовых отношений*. Им, фактически, трудовая миграция признаётся фактором внутреннего развития страны, поскольку неурегулированными остаются трудовые отношения не только иностранных работников, но и миллионов граждан России. Поэтому вполне логично определение потребной для России экономической политики как направленной на «обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, включая совершенствование миграционного учёта, а также на обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах». Но тем самым власть даёт понять, что видит в мигрантах скорее необходимых агентов экономического развития страны, чем источник угроз её безопасности. Как следствие, несколько иначе звучит характеристика угроз в культурной и нравственной сфере (п. 81):

«Негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры усиливают попытки пересмотра взглядов на историю России, её роль и место в мировой истории, пропаганда образа жизни, в основе которого — вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость».

Не менее показательны контрмеры, предусмотренные п. 82:

«Для противодействия угрозам в сфере культуры силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования поддержки и развития разнообразия национальных культур, толерантности и самоуважения, а также развития межнациональных и межрегиональных культурных связей».

Как видим, речь уже не идёт о противостоянии одних нечётко определяемых «духовных традиций» другим. Безусловно, среди жителей России распространено понимание её как средоточия высоко ценимых ими традиций, и они имеют полное право эти традиции сохранять и защищать. Понятно, что ещё предстоит создать и распространить модели совместного взаимоприемлемого проживания носителей разных культур. Поэтому особенно важно, что задачи по обеспечению национальной безопасности в сфере культуры ориентированы не на какие-то определённые культуры, а на их совокупность, соотносимую с общероссийской идентичностью граждан страны (п. 84):

«Решение задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается за счет признания первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации и международного имиджа России в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой, создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России, развития общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на пространстве государств — участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах».

Зафиксированное в Стратегии понимание миграции свидетельствует о том, что во властных структурах возобладал взгляд на Россию как на страну, которой, чтобы возместить демографические потери и восполнить дефицит рабочих рук на внутреннем рынке труда, надо принимать значительное количество трансграничных трудовых мигрантов. Соответственно, перед Россией стоят задачи грамотного управления миграционными потоками, превращения мигрантов в фактор развития, а не риска. А последнее весьма вероятно, если миллионы мигрантов будут, чувствуя себя некомфортно в принимающем обществе, аккумулировать неприятие всего российского. Между тем, в стране нет устойчивого консенсуса по поводу роли мигрантов, в общественных дискуссиях соперничают «промигрантский» и «антимигрантский» дискурсы, и события в Бирюлёво, Пугачёвске и других местах показали, что вполне возможны всплески массовой мигрантофобии. Всё же новое понимание миграции, продемонстрированное авторами Стратегии-2009, может способствовать распространению в обществе взвешенно-нейтрального восприятия этого явления. Что,

в общем-то, и происходит. Ведь большинство россиян, хотя и манифестируют в ходе тенденциозно организованных опросов неприятие мигрантов, учатся жить в обществе, включающем мигрантов как свою неотъемлемую часть.

Доказательством ориентации руководства России на эту часть населения и на сбалансированную миграционную политику стала разработка и общественное обсуждение в 2012 г. ещё одного документа — «Концепции миграционной политики РФ»¹. В её тексте в пп. 6 и 7 прямо говорится:

«Миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации. За последние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения. Согласно расчету Федеральной службы государственной статистики о перспективной численности населения до 2030 года (высокий и средний варианты), учитывающему результаты Всероссийской переписи населения и динамику демографических процессов последних лет, численность населения страны на начало 2025 года составит 142,8–145,6 миллиона человек.

Переселение мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и её регионов, а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для её дальнейшего поступательного развития».

Как следствие, важнейшими задачами становятся «создание условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан», а также «содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом» и «противодействие незаконной миграции». А главное

¹ См.: Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ, 14.06.2012. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz3AAex9o2m> (дата обращения: 12.08.2014).

средство решения этих задач — включение мигрантов в единое правовое и социальное поле страны через:

«упрощение порядка въезда, выезда и пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан, являющихся работниками аккредитованных в установленном порядке на территории Российской Федерации представительств иностранных юридических лиц, зарегистрированных... в установленном законодательством Российской Федерации порядке; совершенствование системы выдачи разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности; создание центров содействия иммиграции в Российскую Федерацию и медицинского освидетельствования иммигрантов, в том числе за рубежом».

Вряд ли сегодня можно утверждать, что меры, предлагаемые данной Концепцией, с равным пониманием встречаются в разных слоях общества. В общественной мысли заметна тенденция рассматривать трансграничных мигрантов лишь как инструмент реализации интересов узкой олигархической прослойки, нуждающейся в бесправной рабочей силе. Не утихают споры по поводу вывоза мигрантами капитала, их отрицательного влияния на рынок труда, систему медицинского страхования и т. д. Но тот факт, что в «Концепции миграционной политики» эти острые вопросы рассмотрены и предложены конкретные процедуры их решения, позволяет надеяться: государство и общество в современной России смогут принять мигрантов в качестве потенциала новых граждан и трудовых ресурсов. Концепцию критикуют и за невнимание её авторов к внутренней миграции, из-за отсутствия разработанных положений по организации инфраструктуры приёма и интеграции мигрантов¹. Есть у неё и принципиальные противники, доказывающие, что нужно полнее задействовать потенциал трудоизбыточных регионов России². Но, в любом случае, её следует признать жизнеспособной, так как её подкрепляет политическая воля правительства, настроенного на реализацию её принципов (по крайней мере, некоторых), несмотря на наличие у части общества антимигрантских настрое-

¹ Рязанцев С. Новая концепция регулирования миграции в России // МГИМО Университет, 04.01.2013. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document234490.phtml> (дата обращения: 12.08.2014).

² Вахаев Х.-М. Х., Алексеев С. А. Трудовая миграция и национальная безопасность России...

ний. Так, в 2014 г. были разработаны законопроекты о патентах на работу в РФ не только для физических, но и для юридических лиц, что, несомненно, станет шагом на пути к дальнейшей либерализации миграционной сферы¹.

Кстати, политика в отношении мигрантов, которая усиливала бы их ориентацию на Россию, российское, русское, поможет осуществить ещё одну задачу Стратегии: укреплять и расширять слабеющее влияние России в СНГ.

Незаконная миграция в документах о национальной безопасности Республики Казахстан (1998–2012)

Впервые национальная безопасность стала предметом концептуального осмысления в Казахстане в Законе «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 26 июня 1998 г. (далее — Закон)². В ст. 5 «Угрозы национальной безопасности Республики Казахстан» основной угрозой, в отличие от российских Концепций, признано «ослабление законности и правопорядка, в том числе рост преступности, включая организованные её формы, сращивание государственных органов с криминальными структурами, покровительство должностных лиц незаконному обороту капитала, коррупция, незаконное обращение оружия и наркотических средств, способствующих снижению степени защищённости прав и свобод человека и гражданина». Как видим, авторы Закона не стали «дробить» национальную безопасность на сферы, каждую со своими угрозами, а обозначили угрозу главную — неэффективность системы поддержания правопорядка. Очевидно, они полагали её первичной относительно остальных угроз.

Та же логика прослеживается в определении типов угроз национальной безопасности. Здесь перечислены «деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, в том числе действия, посягающие на унитарное устройство Республики Казахстан, целостность, неприкосновенность, неотчуждаемость её

¹ Грицюк М. С патентом хоть куда. Иностранцам станет проще устроиться на работу в России // Российская газета, 05.03.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/04/rabota-site.html> (дата обращения: 12.08.2014).

² См.: Ведомости Парламента РК, 1998, № 11–12, ст. 173. URL: <http://svr.kz/index.php/ru/svr-today/npark/73-zakon-o-natsionalnoj-bezopasnosti-respubliki-kazakhstan> (дата обращения: 12.08.2014).

территории»; «ослабление обороноспособности страны, угроза неприкосновенности государственной границы и применения силы в отношении Республики Казахстан, агрессия против неё»; «разведывательная, террористическая, диверсионная и иная направленная на нанесение ущерба национальной безопасности Казахстана деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц»; и «дезорганизация деятельности государственных органов, нарушение их бесперебойного функционирования, снижение степени управляемости в стране». То есть угрозы определяются опять-таки не по принципу их «отраслевой» принадлежности (экономика, культура, общественная безопасность), а путём моделирования ситуаций, способных угрожать базовым основаниям национальной безопасности, к каковым отнесены территориальная целостность и унитарное устройство государства и эффективное функционирование его органов. Как и в России, приоритеты отражают некий этап мировидения властной элитой: самыми уязвимыми ей казались недавно установленные принципы государственно-го, в том числе территориального, самоопределения и работоспособность только ещё становящейся системы управления.

Лишь в пп. 6 и 7 названы угрозы, связанные с мобилизацией групповых солидарностей: «политический экстремизм в любой его форме, в том числе разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой вражды или розни» и «обострение социально-политической ситуации, выражающееся в межнациональных и межконфессиональных конфликтах, массовых беспорядках, несанкционированных собраниях, митингах, шествиях и демонстрациях, незаконных пикетах и забастовках». И тут налицо как отличия от аналогичных документов РФ того же периода, так и сходства. В ряду первых — более раннее появление понятия «экстремизм» и использование термина «вражда». В российской Концепции говорилось о конфликтах, причём конфликт определялся как форма *изменения форм собственности, обострения борьбы за власть на основе групповых и этнонационалистических интересов*, но никогда — как результат вражды, которая может выражаться в стихийных проявлениях, далёких от борьбы за собственность и власть. Стоит также упомянуть, что выделение в качестве основания для вражды / конфликта религиозной принадлежности в России появилось в Концепции 2000-го года, а родовая принадлежность вообще не рассматрива-

лась источником угроз. Отождествления с угрозами национальной безопасности митингов, шествий, пикетов и демонстраций, пусть даже несанкционированных, тоже нет в российских концепциях. Наличие же их в законах РК объяснить нетрудно: власти были озабочены прокатившейся в середине 1990-х по городам страны волной протестных акций и забастовок, спровоцированных банкротством и закрытием крупных предприятий¹.

Миграция как угроза безопасности всплывает в п. 11, где *неконтролируемые миграционные процессы* стоят в одном ряду с резким снижением рождаемости и повышением смертности, т. е. фактически проходят по разряду демографических проблем. При этом она, однако, упоминается исключительно как негативный фактор демографической ситуации, и ни разу — как потенциальный фактор экономического роста. Тут уместно вспомнить «демографическую экспансию» сопредельных стран из российской Концепции. Определение «неконтролируемая» в Казахстане обрело актуальность тоже раньше, чем в России. А в ст. 19, где говорится о необходимых предпосылках безопасности, миграция вообще не упоминается, главное внимание в ней уделено «формированию общенациональной психологии, основанной на казахстанском патриотизме и межнациональном согласии», «укреплению единства народа Казахстана», «поддержке естественно-го прироста населения» и «противодействию кризисным демографическим процессам». В целом следует признать, что авторов Закона 1997 года беспокоило всё, что было непосредственно связано с выживанием молодого государства: устойчивость недавно проведенных границ, эффективность органов управления и т. д. Миграция же волновала главным образом в форме эмиграции — оттока заметной части населения за пределы страны.

Новый «Закон о Национальной безопасности РК» был принят 6 января 2012 г.², через 13 лет после старого. За эти годы страна про-

¹ В качестве примера сошлёмся на акции жителей моногородов Южного Казахстана. См.: Кентау: досье документов и материалов (публикация Сергея Панарина) // Вестник Евразии, 1998, № 1–2 (4–5). С. 236–265.

² О национальной безопасности Республики Казахстан. Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV // Әdilet. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527> ((дата обращения: 12.08.2014)).

делала большой путь, тем не менее, в ст. 6 «Основные угрозы национальной безопасности», угроза номер один сформулирована примерно так же, как в Законе 1998 года:

«снижение уровня законности и правопорядка, в том числе рост преступности, включая организованные её формы, сращивание государственных органов с криминальными структурами, террористическими или экстремистскими организациями, покровительство должностных лиц незаконному обороту капитала, коррупция, незаконный оборот оружия и наркотических средств, способствующие снижению степени защищенности национальных интересов».

Нового здесь немного. Во-первых, к *криминальным структурам* добавились *террористические и экстремистские организации*; во-вторых, — и это уже принципиальное изменение — *национальные интересы* заняли место *прав человека и гражданина*. По сути, в новом тексте государство оставляет за собой право формулировать, что представляют в данный момент и в данной ситуации национальные интересы и насколько они сопряжены с правами человека и гражданина. Но для нас более интересно, что в качестве угрозы национальным интересам под номером два названы «ухудшение демографической ситуации и здоровья населения, в том числе резкое снижение рождаемости, повышение смертности», а под номером три — «неконтролируемые миграционные процессы». Затем следуют «снижение уровня и качества здравоохранения, образования и интеллектуального потенциала страны, утрата культурного и духовного наследия народа Республики Казахстан и обострение социальной и политической обстановки, выражающееся в межнациональных и межконфессиональных конфликтах, массовых беспорядках». И только потом, в пп. 7–10, перечисляются угрозы, в прежней редакции Закона стоявшие гораздо раньше по тексту. Это «деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, в том числе действия, посягающие на унитарность Республики Казахстан, целостность, неприкосновенность, неотчуждаемость её территории» плюс ранее в Законе не фигурировавшая **«безопасность охраняемых лиц»** (выделено мною. — И. С.). Это «терроризм, экстремизм и сепаратизм в любых их формах и проявлениях»; «разведывательно-подрывная деятельность специальных служб иностранных государств, а также организаций и отдельных лиц, направленная на нанесение ущерба национальной безопасности» и «дезоргани-

зация деятельности государственных органов, нарушение их бесперебойного функционирования, снижение степени управляемости в стране».

Можно говорить о смене приоритетов. В 2012 г. власть по-прежнему числит в угрозах терроризм, экстремизм, сепаратизм, разведывательную деятельность и т. д., но они не вызывают у неё наибольшей обеспокоенности. Такое возможно, когда она уверена в своей способности противостоять этим вызовам и контролировать ситуацию в стране. Что говорит одновременно и о возросшем уровне её компетентности, и об изменении характера внешних угроз. Выделение же в качестве основных угроз демографических проблем и неконтролируемой миграции — признак неполной уверенности в эффективности наличных средств нейтрализации этих угроз, что само по себе поднимает их значимость для национальной безопасности. И, учитывая тот факт, что статистика последних лет не даёт оснований говорить о заметных темпах эмиграции из Казахстана, надо полагать, что «неконтролируемая миграция» в тексте Закона означает трудовую миграцию в Казахстан из соседних стран Центральной Азии¹. Налицо восприятие трансграничной миграции, очень сходное с тем, каким оно было в российской Концепции-2000, — как источника демографических сдвигов, создающих угрозу идентичности принимающего общества.

Откуда пришло такое восприятие? В 2009 г. обсуждалась «Доктрина национального единства». Тогда выдвинутая администрацией президента идея гражданской нации встретила сопротивление со стороны значительной части казахской интеллигенции. В итоге в «Доктрину» вернули этнически нагруженное понимание нации. Возможно, в трактовке новым Законом миграции как угрозы для демографической ситуации как раз и отразилось это обстоятельство.

Данное предположение вполне согласуется с иерархией угроз национальной безопасности в ст. 19 «Обеспечение общественной без-

¹ Оценки количества трудовых мигрантов в Казахстане сильно разнятся. Журналисты говорят о 1,5 млн мигрантов в год. Чиновники миграционной полиции утверждают, что это число пересечений границы, а самих мигрантов 300–500 тыс. чел. См.: Трудовая миграция в Казахстане: проблемы и пути решения // Караван, 30.12.2013. Размещено на: Демоскоп weekly, № 581–582, 01–26.01.2014. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0581/gazeta018.php> (дата обращения: 16.08.2014).

опасности». Первым среди соответствующих мер названо «укрепление гарантий обеспечения личной безопасности граждан, их прав и свобод» (чем отчасти компенсируется отсутствие этих прав и свобод в ст. 6). Под вторым номером следует «формирование государственной идеологии, основанной на казахстанском патриотизме и межнациональном согласии», под третьим — «укрепление единства народа Казахстана и толерантности в обществе». Среди первоочередных нет мер по противодействию «негативным демографическим процессам» и «неконтролируемой миграции», как можно было бы ожидать, исходя из определения этих явлений как приоритетных угроз национальной безопасности. Правда, в п. 4 заявлено о «поддержке естественного прироста населения и обеспечении принятия своевременных мер по противодействию кризисным демографическим процессам». Миграция же в перечне мер упомянута вообще последней, причём — симптоматично и так знакомо! — сразу же после мер по *сохранению исторических, традиционных, духовных и культурных ценностей казахстанского общества*.

Видно, что в тексте последнего Закона сосуществуют тезисы, производные от различных подходов к обеспечению безопасности. Первый подход: этнические различия играют важную мобилизующую роль и поэтому очень значимы и для государства (отсюда упоминание их в контексте национальной безопасности), и для отдельных этнических сообществ (этим объясняется присутствие среди угроз *межнациональных конфликтов*). Соответственно, и *неконтролируемые миграционные процессы* примыкают по их месту в тексте и по смыслу к *ухудшению демографической ситуации*, как фактор угрозы. Это означает, что позитивное воздействие на демографическую ситуацию могут оказать лишь процессы, препятствующие *снижению рождаемости*. Остаётся предположить, что не все жители страны рассматриваются в Законе как желаемое население... С другой стороны, первоочередной мерой по обеспечению безопасности названо не увеличение рождаемости и не противодействие неконтролируемой миграции, а «укрепление гарантий обеспечения личной безопасности граждан, их прав и свобод» и «формирование государственной идеологии, основанной на казахстанском патриотизме и межнациональном согласии». Это — второй подход, отдающий приоритет «казахстанскому» = гражданскому, единству. В его рамках задачи государства перед лицом миграционного вызова определяются как «противодействие незаконной миграции»,

т. е. миграция в целом угрозой не видится, беспокоит лишь незаконная миграция.

Сочетание в одном документе разных по подходам концептов национальной безопасности — свидетельство переходного состояния общественного сознания, ярко проявляющегося при восприятии трансграничной миграции. В нём присутствует признание первостепенной важности и групповых ценностей, и автономной ценности человека. Разумеется, это видно не только в Законе, но и в прессе, в публичных высказываниях политиков и представителей экспертного сообщества. Здесь тоже соперничают разные взгляды на казахстанское общество и на его взаимодействие с миграционными процессами. Пример одного такого взгляда — мнение президента Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований “Стратегия”» Гульмиры Илеуовой¹:

«Нелегальная миграция представляет серьёзную угрозу общественной и экономической стабильности Казахстана, превращаясь в фактор осложнения криминогенной ситуации. Нелегальные мигранты из стран ЦА зачастую являются частью сетевых структур, занятых незаконной торговлей оружием, людьми и наркотрафиком. В условиях прозрачности границ полное перекрытие каналов нелегальной миграции представляется невозможным.

Торговля людьми... тесно связана с нелегальной миграцией, так как часто используются одни и те же транспортные коридоры. По мере роста доходов преступных групп, занятых работоторговлей, растёт степень разлагающего воздействия на государственные структуры, в том числе и правоохранительные органы, без прямого содействия которых этот бизнес не может существовать».

В рамках такого восприятия миграция предстает прежде всего угрозой безопасности страны. Упомянется только нелегальная миграция, о легальных трудовых мигрантах — ни слова. Впрочем, в других высказываниях на этот счёт отмечается, что и легальная миграция может иметь неблагоприятные последствия для экономического развития страны, так как «мигрантами заняты ниши, где могли бы работать гражд-

¹ Илеуева Г. Анализ угроз национальной безопасности РК на среднесрочную перспективу (доклад составлен из материалов круглого стола «Security 2013: тренды, риски, сценарии» // Анти-террор. URL: <http://www.counter-terror.kz/ru/article/view?id=117> (дата обращения: 08.08.2014).

дане Казахстана»¹. В то же время, после принятия нового «Закона о национальной безопасности» началась разработка и обсуждение законопроекта «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам трудовой миграции». Свою главную цель его авторы видели в создании законодательного основания для противодействия незаконной миграции. В опубликованном в 2012 г. на сайте МВД за подписью министра К. Касымова прогнозе экономических, социальных, правовых последствий принятия этого законопроекта² прямо сказано, что законопроект разработан «в целях упрощения порядка осуществления трудовой деятельности иностранцами у частных лиц». И далее в документе доказывается целесообразность такого упрощения³:

«...По прогнозам международных экспертов в стране могут нелегально осуществлять трудовую деятельность от 100 до 300 тыс. иностранцев... ежегодно возможно будут выдаваться около 100 тыс. разрешений <...> сумма поступлений в бюджет должна составить 3 млрд 883,2 млн тенге в год <...>

Принятие и реализация законопроекта будут способствовать законодательному урегулированию выдачи разрешений на привлечение иностранной рабочей силы, а также позволят добиться следующих правовых, социальных последствий: легализации иностранцев, осуществляющих незаконную трудовую деятельность; повышения эффективности миграционного контроля за пребыванием иностранцев в стране; снижения факторов, способствующих совершению коррупционных и миграционных правонарушений».

Просматривающийся здесь, наряду с привычным секьюритизированным восприятием мигрантов, подход к ним с позиций экономической выгоды может привести к признанию их в будущем **субъектами** развития страны. Первый шаг сделан: 10 октября 2013 г. Сенат принял закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законода-

¹ Трудовая миграция в Казахстане: проблемы и пути решения // Zakon.kz, 23.12.2013. URL: <http://www.zakon.kz/4592943-trudovaja-migracija-v-kazakhstane.html> (дата обращения: 08.08.2014).

² См: http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_norm_baza_current/mvd_norm_baza_zakon/«Қазақстан%20Республикасының%20кейбі (дата обращения: 08.08.2014).

³ Там же.

тельные акты Республики Казахстан по вопросам трудовой миграции», 10 декабря его подписал Президент, а уже 31 декабря Правительство во исполнение Закона приняло постановление, в котором сформулированы следующие основные задачи в отношении внешней миграции¹: 1) совершенствование учета и регулирования внешней миграции; 2) создание условий для интеграции мигрантов в социально-экономическую и политическую жизнь страны; 3) совершенствование механизма привлечения высококвалифицированной иностранной рабочей силы; 4) противодействие оттоку квалифицированной рабочей силы, создание стимулов для переселения в РК высококвалифицированных специалистов; 5) усиление мер по пресечению нелегальной и расширению легальной трудовой миграции; 6) совершенствование правовой базы миграционной политики.

И в названии Плана, и в формулировках его задач присутствуют и отголоски восприятия мигрантов как потенциальной угрозы, которую нужно контролировать, и признание их необходимости. По мнению некоторых экспертов, в самом Законе нечётко прописаны обязанности работодателей². Есть претензии и к процедуре получения патентов на трудовую деятельность. У журналистов газеты «Литер» ушло 11 рабочих дней на то, чтобы зарегистрировать по ней трудовых мигрантов. Всё это время мигрант не может работать, но должен находиться в Казахстане и на что-то жить³. Правила действуют только для мигрантов из стран СНГ и касаются только работы на физическое лицо, которое без выплаты дополнительных налогов может нанять не более пяти иностранцев.

¹ Изложено по: Постановление Правительства республики Казахстан от 31 декабря 2013 года № 1593 «О Комплексном плане по решению проблем миграции, усилению контроля за миграционными потоками из сопредельных государств, созданию благоприятных условий для отечественных квалифицированных кадров с тем, чтобы не допустить их чрезмерного оттока на зарубежные рынки труда на 2014–2016 годы» // NOMAD Кочевник, 05.02.2014. URL: <http://www.nomad.su/?a=3-201402050033> (дата обращения: 08.08.2014).

² С 1 февраля трудовых мигрантов в Казахстане обяжут платить ежемесячную госпошину // Сайт телеканала Астана, 07.01.2014. URL: <http://www.zakon.kz/4594982-s-1-fevralja-trudovykh-migrantov-v.html> (дата обращения: 16.08.2014).

³ Плюсы и минусы легализации трудовых мигрантов в РК // Газета «Литер», 21.05.2014. URL: <http://www.zakon.kz/4627313-pljusy-i-minusy-legalizacii-trudovykh.html> (дата обращения: 16.08.2014).

В нашем распоряжении нет статистических данных об изменении ситуации с оформлением мигрантов на работу. По сообщениям СМИ, рейды миграционной полиции продолжаются, сотни людей еженедельно оказываются уличёнными в неправильном оформлении своего статуса¹. Но есть сообщения и о том, что часть мигрантов (пока немногочисленная) оформляется на работу согласно процедурам, установленным новым Законом². Это означает, что либерализация миграционного законодательства всё же происходит.

* * *

Сравнительный анализ Концепций и Законов о национальной безопасности в РФ и РК позволяет сделать следующие предварительные выводы.

1. В обеих странах восприятие авторами упомянутых документов трансграничной миграции прошло сходные этапы. В 1990-х гг. доминировало восприятие в качестве угрозы внешней миграции в целом, а не трудовой. В Казахстане то было беспокойство по поводу сокращения населения, в России — из-за сочетания стихийности и массовости миграционных потоков после распада СССР. Затем в РФ сформировалось восприятие в качестве угрозы уже собственно внешней трудовой миграции; то же произошло в РК, но позже. В обоих случаях подразумевались угрозы демографического и культурного характера.

2. На современном этапе (2009–2014 гг.) в обеих странах присутствует восприятие миграции как экономического фактора. Но если в РФ трудовых мигрантов уже воспринимают, в контексте недавно принятых документов, как субъектов развития страны и носителей общегражданских российских ценностей, в РК отношение к ним до сих пор более настороженное.

¹ В Алматы пресечена незаконная трудовая деятельность 32 мигрантов // *Zakon.kz*, 04.06.2014. URL: <http://www.zakon.kz/4636681-v-almaty-presechena-nezakonnaja.html>; В Алматы за два дня оштрафовали почти 400 иностранцев-нелегалов // *Meta.kz*, 21.05.2014. URL: <http://www.meta.kz/incident/891015-v-almaty-za-dva-dnya-oshtrafovali-pochti-400-inostrancev-nelegalov.html> (дата обращения: 16.08.2014).

² Для работы в Астану официально прибыло почти 5,5 тыс. иностранцев // *Zakon.kz*, 20.05.2014. URL: <http://www.zakon.kz/4625529-dlja-raboty-v-astanu-ocialno-pribylo.html> (дата обращения: 16.08.2014).

Таблица 1.

Восприятие миграции в официальном дискурсе национальной безопасности: Российская Федерация и Республика Казахстан

<i>Документ</i>	<i>Определение миграции:</i>	
	<i>как угрозы</i>	<i>как фактора развития</i>
Концепция национальной безопасности РФ от 17 декабря 1997 года	+	
Концепция национальной безопасности РФ от 10 января 2000 года	+	
Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года от 12 мая 2009 года	+	+
Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года от 13 июня 2012 года	?	+
Закон РК «О национальной безопасности» от 26 июня 1998 года	+	
Закон РК «О Национальной безопасности» от 6 января 2012 года	+	

3. Суммарно же совпадения и различия в позициях, занимаемых элитами двух стран в отношении вызова трансграничной миграции, могут быть представлены так, как это сделано в Таблице 1.

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ФАКТОР И ИНСТРУМЕНТ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА?

Виктор Дятлов

После распада СССР — не просто как государства, но и как системы взаимоотношений и связей, перед жителями России встал жизненно важный вопрос «Кто мы? Какого рода сообщество представляет собой население государства с этим новым / старым названием?» Его появление фактически ознаменовало начало нового этапа нациестроительства (или даже строительство новой нации), а ответ на него был невозможен без соотнесения себя с «Другими».

Граница, отделяющая «Нас» от «Других», — важнейший фактор национального самоопределения, она несёт в себе ощущение как рисков и угроз, так и огромных возможностей. Но сама по себе граница — не более чем черта или линия: реальная или воображаемая, обозначенная или необозначенная на карте, размеченная или неразмеченная на местности. Смысл и сила её восприятия определяются множеством ассоциируемых с ней событий и воспоминаний, символов и знаков. Как и потоками вещей, идей и людей, её пересекающих. Около / вокруг / по поводу границы создаются ситуации, обретающие в общественном сознании значимые, нередко драматические смыслы. И одна из наиболее обострённо воспринимаемых и полярно оцениваемых в современной России, — это ситуация, создаваемая мощным, спрессованным по времени притоком из-за границы многих и многих Других — трансграничных трудовых мигрантов. Он стал важнейшим поводом к национальной саморефлексии.

Возможно, эта роль трансграничных мигрантов является сейчас куда более значимой, чем роль экономическая и демографическая.

Неожиданный для общества и властей феномен неизбежно и остро поставил вопрос о его значении и последствиях. О том, в частности, какие в нём заложены возможности и риски — для чего и для кого. В силу экономической и политической значимости феномена возник большой интерес к его описанию и оценке. Сформировалась постоянно расширяющаяся **группа акторов**, по тем или иным причинам выражающих свое отношение к трансграничной миграции и придерживающихся разных, нередко взаимоисключающих взглядов на открываемые ею возможности и на грозящие из-за неё риски.

Каждый актор, будь он индивидуальным или коллективным субъектом суждений о трансграничной миграции, одновременно и формирует, и отражает общественные представления о ней, а значит, о её потенциальных и реальных вызовах принимающему обществу. Цель данного текста — в том, чтобы выделить основные линии мнений, ожиданий и опасений, рождаемых трансграничной трудовой миграцией, сделав это на примере мигрантов из Китая. Именно чужими интерпретациями я буду здесь заниматься, а не доказательством собственного взгляда на то, что может принести и уже приносит миграция Россия. Полностью «устраниться» мне вряд ли удастся; но все-таки я постараюсь следовать заявленной цели, и поэтому доказательства в виде цифр и фактов в моём изложении будут присутствовать в минимальном количестве.

I

Возможность и риски — понятия оценочные. Их толкование зависит от приоритетов, систем ценностей, идеологии тех, кто их использует. Многообразием акторов миграционного дискурса, разнонаправленностью их интересов определяются и публично ими декларируемые наборы возможностей и рисков. Анализ ведётся и в жанре научного знания, претендующего на максимально возможный объективный подход, когда возможности и риски, — по крайней мере, теоретически — оцениваются исходя из общезначимых интересов и как результат объективно протекающих глобальных процессов. Беда только в том, что категории общезначимых интересов и понимание характера глобальных процессов не являются общепринятыми, вечными и неизменными...

При всей видимой противоположности жанров идеологических и научных построений, различиях их функций, задач и логики, они не исключают друг друга. Самый простой и распространенный вариант их пересечения — ситуация, когда априорно принимаемые идеологемы

мимикрируют под научные доказательства. Другая разновидность квазинаучного текста получается, когда заявленные и отчасти даже реализуемые исследовательские задачи подчинены целям не научным. Представляется, например, что значительная, а то и большая часть современных отечественных геополитических исследований, в том числе касающихся миграционных процессов, построена на приоритете целеполагания, а не эвристических задач. Но и тексты, в основном отвечающие критерию научности, не бывают полностью свободными от системы ценностей их авторов. Вопрос только в иерархии ценностей и задач.

II

Принципиально важно, что в научных исследованиях, в массовых настроениях, в рамках взгляда, господствующего в прессе, в понимании трансграничной миграции чиновниками и политиками сформировалось общее проблемное поле. И его ключевая составляющая — оценка возможностей и рисков на основе конфликтного единства двух подходов — **безопасности и развития**.

Сторонники идеи развития исходят из представления о том, что трансграничные мигранты абсолютно необходимы современному российскому обществу, так как без их растущего притока уже невозможно поддержание экономики в более или менее рабочем состоянии, тем более невозможен модернизационный прорыв. Поэтому миграционная политика должна строиться на всемерном привлечении мигрантов, их максимальной легализации, комплексных мерах по их социальной, экономической и культурной интеграции в принимающее общество. Приверженцы же безопасности видят в мигрантах источник опасности для идентичности принимающего общества, для его этнокультурной однородности и стабильности, причину неизбежных разрушительных этнических конфликтов. Естественное следствие такого понимания — требование максимально ограничить приток новых мигрантов и вытеснить уже имеющих.

Как правило, хотя и не всегда, позиция одной стороны другой стороной или игнорируется, или отвергается без содержательной критики и дискуссии. Видимо, потому, что ценности безопасности и развития понимаются как взаимоисключающие. Однако такое понимание вряд ли оправдано. Понятно, что развитие — это нарушение сложившегося равновесия, неизбежное появление новых рисков. Но отсутствие развития тоже может угрожать стабильности, формировать собственный набор рисков. Зачастую игнорируется то простое обстоятельство, что риски

и возможности неотделимы. Нет возможностей без рисков, но могут быть риски без выгод. Уход от развития может привести не к минимизации рисков и убытков, а к их максимизации. Любое решение сложной проблемы — это путь от одной конфигурации рисков и возможностей к другой, а не к их абсолютному увеличению или уменьшению.

Когда же спор о миграции полностью смещается в идеологическую плоскость, сторонник иных, чем у меня / нас взглядов воспринимается не как уважаемый оппонент, к мнению которого стоит прислушаться, а как с порога отторгаемый противник. В адрес тех, кто считает труд трансграничных мигрантов необходимым и неизбежным, раздаются обвинения в предательстве национальных интересов¹. В ответ звучат упреки в расизме и ксенофобии².

III

Описанная выше ситуация сочетается со значительными прорывами в научных исследованиях. Нарботан и осмыслен большой объём эмпирического материала, идут оживлённые теоретические дискуссии. На удивление быстро освоен запас знаний, представлений и концепций, накопленных мировой наукой. Некоторые итоги этого этапа подведены в изданной под эгидой Российского совета по международным делам трёхтомной хрестоматии по миграции в России³, в статьях Елены Тюрюкановой⁴ и Владимира Малахова⁵.

¹ См., например: *Делягин М.* Защитить сибиряков // Московский комсомолец в Бурятии, 02.03.2005.

² См. например: *Осипов А.* Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002. С. 45–69.

³ Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия / Российский совет по международным делам / Под общей ред. И. С. Иванова, отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1–3. Издание этой уникальной по замыслу и реализации хрестоматии, куда включены наиболее значимые отечественные исследования предшествующих лет по проблематике миграции, чрезвычайно облегчает работу автора, позволяя ссылаться преимущественно на её тексты.

⁴ *Тюрюканова Е. В.* Миграционные вызовы ближайшего будущего // Миграция в России... Т. 1. Ч. 1. С. 313–320.

⁵ *Малахов В.* Транснациональная миграция как проблема политической теории // Там же. С. 306–311.

Малахов справедливо считает, что исследование собственно миграционного процесса далеко обогнало изучение его политических, психологических и этнокультурных последствий и эффектов. Но, может быть, ещё более тяжелая проблема заключается не в недостаточности научного знания о миграции в целом или каких-то её аспектах, а в очень медленной его диффузии в общественное и властное, информационное и идеологическое пространство, в его отторжении по идеологическим мотивам, а то и в непонимании. Налицо разрыв между исследовательским сообществом и профессиональными группами, вырабатывающими и проводящими в жизнь миграционную политику.

Впрочем, и в научном сообществе неизбежно воспроизводятся, на качественно ином уровне, конечно, споры относительно выбора между развитием и понимаемой как стабильность безопасностью. Иногда и они переводятся в идеологическую плоскость. Характерна в этой связи позиция Владимира Малахова: справедливо утверждая, что «излишняя секьюритизация проблематики миграции вряд ли способствует исследовательскому поиску», он делает затем крайне спорный вывод: «Приводить имена авторов с подобными установками мы здесь не будем, чтобы не популяризировать то, что, на наш взгляд, популяризировать не следует». Правда, тут же он подчеркивает¹:

«Я не собираюсь отрицать значимость культурных аспектов иммиграционной проблематики. Я лишь подчеркиваю недопустимость культурализации общественных проблем — интерпретации напряжений и противоречий, имеющих социально-структурное происхождение, в качестве “конфликтов культур”. Дело заключается не в культурных различиях как таковых, а в наложении друг на друга социальных и культурных различий».

IV

Ещё несколько слов об общей ситуации с изучением трансграничной миграции научным сообществом и с её пониманием властями и обществом. С одной стороны, постоянно нарастает интерес к теме. Значимость миграционной проблемы — и осознание этой значимости — породили в нулевые годы огромное количество самых разнообразных по жанрам и уровню текстов. При этом продолжалось отставание темпов осмысления процесса от его динамики, вызванное,

¹ Малахов В. Указ. соч. С. 309.

помимо масштабов явления, ещё и тем, что не использовались в полной мере ресурсы опыта стран Запада и собственного — «старого» российского.

Зарубежные «уроки» служат скорее полем для поиска аргументации собственных взглядов, чем средством для комплексного осмысления российской ситуации. Особенно это было заметно при обсуждении миграционной политики. Тот же вопрос «пускать или не пускать мигрантов», например, дискутируется до сих пор¹, несмотря на его бессодержательность, как раз и доказанную опытом развитых стран, столкнувшихся с массовой миграцией раньше России.

Относительно отечественного опыта. Нередко миграционная проблема рассматривается у нас как абсолютно новая для страны. Между тем, её активно изучали и обсуждали в позднеимперской России. Причиной тому был массовый приток китайских и корейских трудовых мигрантов на только что присоединённый, практически не заселённый Дальний Восток². Осознание полной экономической зависимости края от их труда, опасения относительно возможности его «окиитаивания» и последующей потери, в сочетании с мощным общемировым ксенофобским синдромом «жёлтой опасности», делали дискуссии не менее насыщенными и нервными, чем сейчас, вовлекали в них крупнейших учёных, государственных деятелей, администраторов, военных, публицистов³. Результаты этих дискуссий изучены недостаточно, но и то, что уже введено в научный оборот, было слабо использовано при осмыслении текущей ситуации. А она фактически подобна той, что была в прошлом: крупную составную часть притока, критически важную для Востока страны, понимаемого здесь как Дальний Восток и Сибирь, вновь сформировали мигранты из Китая.

¹ Вот яркие образчики противоположных точек зрения по этому вопросу: *Зайончковская Ж.* Перед лицом иммиграции // *Миграция в России...* Т. 1. Ч. 2. С. 117–128; *Деягин М.* Некоторые современные аспекты миграционной политики // Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 430–441.

² Обобщающий очерк этой ситуации см.: *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. М.: Восточная книга, 2009. С. 19–68.

³ Подробнее об этой дискуссии см.: *Дятлов В.* Миграция китайцев и дискуссия о «жёлтой опасности» в дореволюционной России // *Вестник Евразии*, 2000, № 1 (8). С. 63–89.

V

Уже очевидно, что речь не идёт о многомиллионных массах безвозвратных мигрантов, тем более — об их концентрации в приграничных с Китаем дальневосточных и сибирских областях. Пока наша страна имеет дело с сотнями тысяч (и в годовом исчислении, и в единовременном присутствии) преимущественно временных мигрантов¹. Как и внутренние трудовые мигранты, они устремляются туда, где имеется максимально высокий платежеспособный спрос на их рабочую силу — и это отнюдь не обязательно прилегающие к Китаю территории². Не сформировались постоянные и компактные китайские поселения, хотя бы отдалённо сопоставимые по пространственным параметрам с «чайнатаунами» современных западных городов или «китайскими кварталами» дореволюционного Дальнего Востока³. Китайские трудовые мигранты заняли важную нишу в таких отраслях российской экономики как строительство, сельское хозяйство, торговля. В сфере торговли их роль явно выше, чем доля в общей численности занятых в отрасли, ибо они стали важнейшей частью инфраструктуры продвижения на российские рынки китайской промышленной продукции и организации поставок в Китай российского сырья. В целом можно говорить о том, что китайские мигранты стали необходимой частью российской экономики и **в этом смысле** интегрировались в российское общество. Тем не менее, преобладает взгляд на их пребывание и экономическую деятельность не с точки зрения возможностей развития, а с точки зрения безопасности. В массовом сознании, в масс-медиа, доктринах большинства политических партий и движений, в государственной политике китайские мигранты рассматриваются преимущественно как угроза для принимающего российского общества.

¹ По подсчётам известных российских китаеведов, одномоментная численность китайцев в России составляла в конце нулевых годов 200–250 тыс. чел. См.: Баженова Е., Островский А. Потенциал китайской миграции в Россию: оценки и перспективы // Миграция в России... Т. 1. Ч. 2. С. 186.

² По оценке В. Г. Гельбраса, в начале нулевых годов самый крупный в России кластер китайской миграции находился в Москве (Гельбрас В. Китайские мигранты в Москве // Миграция в России... Т. 1. Ч. 2. С. 129–144).

³ См. дискуссию на этот счёт: Специальная тема номера: «Чайнатауны» в России (отв. ред. В. И. Дятлов) // Этнографическое обозрение, 2008, № 4. С. 3–58.

Списки угроз и рисков у разных акторов могут и не совпадать, но уже сейчас оформилось несколько составляющих их блоков. Полный и впечатляющий набор этих тезисов был сформулирован в книге известного российского демографа Л. Рыбаковского и его соавторов, посвящённой китайской миграции в Россию¹. Сама книга (видимо, первая на эту тему) не очень доступна широкому читателю и даже специалистам из-за своего малого тиража. Но её основные постулаты воспроизводились и тиражировались настолько часто (часто без ссылки на источник и авторов), что превратились в некие общие места, в аксиомы, не требующие доказательств. И сейчас они повторяются в многочисленных служебных аналитических записках и геополитических текстах.

«Экспансия». Широко распространено представление о китайской миграции как о составной части и важнейшем инструменте целенаправленного процесса территориальной, демографической и экономической экспансии. Характерно, что сами мигранты в этой конструкции предстают не частными лицами с личными мотивациями и свободой воли и выбора, а органической частью государства, его «щупальцем».

Блок экспансии, в свою очередь, складывается из нескольких легко переставляемых ключевых тезисов-пазлов.

«У них есть план» — план китайских властей по миграционной экспансии в Россию. Он включает в себя систему властной организации, планирования и регулирования, реализуется через принуждение и стимулы — вплоть до финансового вознаграждения китайцев, осевших на постоянное жительство в России.

«Небольшими группами по сто тысяч человек в каждой». В этой фразе из старого анекдота времён советско-китайского военного противостояния, как в капле воды, отразилось одно из ключевых представлений о демографической экспансии. Китайских мигрантов не может быть мало по определению — ибо не может быть мало китайцев вообще. Поэтому при немногочисленности населения России в целом и Востока страны в особенности, китайцы просто поглотят местное население и станут большинством. Собственно говоря, уже поглощают. И чем дальше живут носители таких представлений от китайской границы,

¹ Рыбаковский Л., Захарова О., Миндогулов В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М.: ИСПИ РАН, 1994.

тем в их глазах плотнее заселены китайцами сибирские и дальневосточные города. Все эти годы самый обсуждаемый миграционный вопрос: «А сколько же у нас в России китайцев?» Многомиллионные оценки их численности уже застыли, легли в основу идеологических построений и властных решений. Они подтверждены авторитетом научных и властных экспертов¹. Они необходимы — поэтому неискоренимы, принципиально выводятся из сферы научного анализа, критики источников, научных процедур работы со статистикой.

«От китайца может родиться только китаец» (фраза принадлежит некогда популярному писателю советской эпохи Петру Проскурину). Соответственно, смертельной угрозой предстают смешанные браки — «брачная экспансия китайцев», служащая инструментом демографической экспансии. Особенно изощрённой и опасной выглядит стратегия *брачной натурализации*, когда нелегальные мигранты (а также их дети и родственники) обретают легальный статус через браки, в том числе и фиктивные. Имеющиеся подсчеты, основанные на брачной статистике, говорят о ничтожном количестве таких браков² — но это не имеет никакого значения для авторов подобных конструкций. Главное же — никто не доказал, что «кровь» лежит в основе культуры, что китайцы не адаптируются и не ассимилируются и что те, в ком течет китайская кровь по условию «несут в себе мощный ген» «китайскости». Ссылки на дореволюционный опыт здесь не очень корректны, так как подавляющее большинство тогдашних китайских мигрантов были сезонниками и не обзаводились семьями, не оседали. Значит, и слабо ассимилировались.

«Косовский вариант». Относительно быстрое по историческим меркам — всего за сто лет, с 1871 по 1971 г. — изменение удельного веса в населении края Косово и Метохия албанцев и сербов с 32 и 64%

¹ См. например: *Сорокин К. Э.* Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 107.

² Хотя в мою задачу не входит полемика по существу этих высказываний, хотел бы всё-таки сослаться на результаты изучения брачной статистики по данным ЗАГС. Они показали, что на рубеже 1990–2000-х гг. браков с участием всех вообще китайцев, включая граждан России, в обследованных городах Сибири и Дальнего Востока заключалось не более двух десятков в год. См.: *Дятлова Е. В.* Брачные связи мигрантских меньшинств Иркутска в 1989–1998 годах (китайцы, выходцы с Северного Кавказа, Закавказья и Центральной Азии) // *Вестник Евразии*, 2001, № 1 (12). С. 31–38; *Владимирова Д. А.* Смешанные браки россиян и граждан КНР в Приморском крае // *Вестник ДВО РАН*, 2005, № 2. С. 111–117.

до 74 и 32% соответственно¹, повлекшее в конечном счёте превращение Косово из составной части Сербии в независимое албанское государство, до сих пор у всех памяти и стало своего рода нарицательным примером демографической экспансии (хотя, при высокой иммиграции, главную роль в превращении албанцев в этническое большинство всё-таки сыграла их более высокая рождаемость). В России уже в начале 1990-х гг. формируется устойчивый миф о компактных поселениях китайцев на Дальнем Востоке, о том, что там есть уже немало районов с преобладающим постоянным китайским населением. Чем дальше от Дальнего Востока, тем устойчивее такие представления. Вполне серьёзные люди пишут и говорят о таких поселениях как об очевидном и несомненном факте, не приводя, правда, их названий². А далее выстраивается стройная и леденящая душу картина того, как эти китайские анклавы вначале потребуют себе автономии, а затем и «воссоединения» с Китаем. Вот, например, пророчество А. Храмчихина (руководителя аналитического отдела Института политического и военного анализа)³:

«Восток России (в лучшем случае пространство к востоку от Байкала, возможно — к востоку от Енисея, в худшем — к востоку от Урала) за пару десятилетий превратится в гигантское “Косово”... Он будет заселён китайцами и в экономическом, финансовом и административно-политическом отношении станет частью Китая. При этом формально он будет числиться российским (до тех пор, когда в Кремле не появится президент, который отдаст де-юре то, что уже потеряно де-факто), в отдельных гетто будут жить немногочисленные граждане России... В Китае прекрасно видят, что Россия сама сдаёт свой восток,

¹ Галецкий В. Россия в контексте вызовов демографической глобализации // Миграция в России... Т. 1. Ч.1. С. 237.

² «Китайцы создают в приграничных районах неподконтрольные властям поселения, которые становятся перевалочными базами для нелегальных поставок в Россию тех или иных товаров, местами сосредоточения нелегальных производств. Мало того, что мигранты отбирают рабочие места, держатся особняком, не проявляя никакого стремления воспринимать местные обычаи и следовать им, они всё чаще проявляют неуступчивость и откровенную враждебность». (Елина П. Мина замедленного действия // Земляки, 2008, № 5. С. 52).

³ Храмчихин А. Жёлтое господство. Захват Китаем Сибири — не «страшилка». Поскольку другого выхода у него просто нет // Политический журнал, 2005, № 27. С. 61–64.

хотя живёт за его счет. В Китае прекрасно знают, что их собственная страна не проживёт, не забрав соседние территории».

«Экономическая экспансия». Автор нескольких содержательных монографий о китайской миграции в России, глубокий знаток проблем современного Китая В. Г. Гельбрас с нескрываемым сарказмом относится к представлениям о «демографической экспансии», о многомиллионной китайской миграционной волне в Россию, о том, что миграция способствует росту безработицы россиян и т.д. Он опасается, однако, возможной перспективы образования чайнатаунов, как мощных барьеров на пути интеграции мигрантов. Тревожат его и формы и масштабы китайской деловой активности в России, то, что экономическая мощь Китая, обретая политическое измерение, приведёт к той или иной форме его контроля над дальневосточными регионами¹.

Эксплуатация. Здесь китайская тема вливается в общий комплекс представлений о том, что мигранты неизбежно и автоматически претендуют на ресурсы принимающего общества. Этот взгляд базируется на том понимании, что объём ресурсов изначально неизменен, поэтому появление новых людей автоматически отбирает их у старожилов. Наиболее распространенные клише относительно китайских мигрантов здесь такие: 1) они отбирают рабочие места у россиян, 2) они вывозят / воруют наш лес, металлы и другие природные ресурсы, 3) они вывозят из России капиталы².

Криминал. Не выбивается из общего комплекса миграционных мифов и представление об изначальной и тотальной криминальности китайских мигрантов, как всех мигрантов вообще. Специфика здесь лишь в том, что персонифицируют её зловещие «Триады»³.

¹ Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. С. 111; Гельбрас В. Китайские мигранты в Москве// Миграция в России...Т. 1. Ч. 2. С. 140.

² Елина П. Указ. соч. С. 52.

³ Лучший анализ подобных представлений см.: Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской, С. Панарина / Московский Центр Карнеги. М.: Интердиалект+, 2000. С. 267–328. По данным Директора ФМС К. Ромодановского, иностранцы совершают 3–4% преступлений в стране, причём значительная доля их — это подделка или незаконное использование документов (Ромодановский К. Там, где есть ограничения, там — коррупция и обман людей // Миграция в России...Т. 2. С. 96).

VI

Из этого неполного перечня ожидаемых от китайских мигрантов угроз ясно, что за их спинами постоянно видят растущую мощь Китая, его громадный экономический и демографический потенциал. Мигранты тревожат и сами по себе, но атмосфере страхов, питаемых их наплывом, сопутствует придающее таким настроениям дополнительную силу представление о них как об инструменте державной политики. Кроме того, всё больше наблюдателей с тревогой фиксируют растущие националистические настроения в китайском обществе, экспансионистские тенденции во влиятельных кругах правящей элиты страны¹.

Богатый набор этих страхов и опасений относительно Китая и китайских мигрантов представлен в недавно изданной в Москве книге двух французских экономистов². По сути — это памфлет, разоблачающий «тоталитарный капитализм» в Китае и доказывающий, что оттуда исходит смертельная угроза Западу, Европе прежде всего. Китайский «националистический, тоталитарный и империалистический режим» стремится к территориальным захватам на востоке России, рассчитывая в своих замыслах и на мигрантов. Ведь они интенсивно заселяют регион, захватили уже 70% бизнеса Владивостока, устанавливают контроль над экспортом природных ресурсов, добиваются аренды части Владивостока и других городов³. Этот набор стереотипов приводится как информация общеизвестная, без доказательств и солидных ссылок. В свою очередь, подкреплённые авторитетом зарубежных исследователей, эти клише переводятся из жанра журналистских сенсаций в научный оборот.

Повторюсь: в общественных и политических дискуссиях, административных практиках, в значительной части научных исследований китайская миграция рассматривается в первую очередь как проблема безопасности, а уже после этого (если «уже» вообще присутствует) в категориях ресурса, в том числе ресурса развития. Господство дискурса безопасности понятно и объяснимо. Слишком нов и неизвестен феномен массовой китайской иммиграции, слишком велика растущая мощь полуторамиллиардного Китая, стремительно становящегося ми-

¹ *Lukin A. China's New Foreign Policy Strategy and Russia's Concerns // International Problems. Beograd, 2011, Vol. LXIII, No. 4. P. 483–504.*

² *Брюне А. Гишар Ж.-П. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. М.: Новый хронограф, 2012.*

³ Там же. С. 206–207.

ровой сверхдержавой и «мастерской мира». К тому же не исчез формировавшийся десятилетиями комплекс осаждённой крепости, оборонное сознание, восприятие восточных регионов страны, особенно Дальнего Востока, и их собственным населением, и жителями других российских регионов в качестве важнейшего форпоста, оборонительного рубежа¹.

Тем более показательно, что именно на Дальнем Востоке, где в 1990-е годы страх перед китайскими мигрантами принимал порой параноидальные формы, сейчас укрепляется совершенно иное к ним отношение как к «рыночному терминалу». Оставшись в 1990-е годы без государственной поддержки, пережив жесточайший экономический кризис, деградацию ведущих отраслей экономики, массовый отток населения, дальневосточники нашли в китайской экономике, китайских мигрантах жизненно важный ресурс, средство не просто экономического выживания, но и обретения некоторого благосостояния. Сформировалась и устойчиво функционирует экономика, ориентированная на интеграцию с экономикой Китая — и мигранты стали важнейшей частью релевантной инфраструктуры связей и отношений. С некоторым естественным запозданием это нашло свое отражение и в массовой психологии, реальной политике местных властей. Радикально меняется взгляда на китайского мигранта: от отношения к нему как «пятой колонне» вероятного противника — к высокой оценке его как жизненно важного для региона и отдельных его жителей ресурса. Ресурса, который надо ценить и охранять, в том числе и «от Москвы»².

¹ См. в этой связи: *Лунатова Н.* Временщики или атланты державности? Образы, символы и мифы дальневосточной идентичности // В поисках России: серия публикаций к дискуссии об идентичности. Т. 3. Восточная Россия — Дальний Восток / Сост., отв. ред. С. Панарин, ред. С. Михайлова. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 168–205.

² Смотри об этом: *Бляхер Л.* Интересы региональных властей и местного сообщества в проведении миграционной политики (на примере Еврейской автономной области) // Местное сообщество, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 340–353; *он же.* Государство и несистемные сети «Жёлтороссии», или Заполнение «пустого пространства» // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз, 2010, № 1. С. 180–188; *он же.* «Ненашенский» Дальний Восток, или Любое «далеко» к чему-нибудь «близко» // Отечественные записки, 2012, № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/nenashenskiy-dalniy-vostok-ili-lyuboe-daleko-k-chemu-nibud-blizko> (дата обращения: 17.08.2014).

Новые представления о китайских мигрантах определяют и содержание списка возможностей, открывающихся с их притоком. В них видят:

- ✓ недостающую и/или дешёвую рабочую силу;
- ✓ источник инвестиционных ресурсов;
- ✓ инфраструктуру снабжения потребительскими товарами;
- ✓ средство втягивания восточных регионов в сферу гравитационного притяжения китайской экономики, терминал для подключения к её возможностям.

При этом многие из тех, кто позитивно оценивают возможности, видят и оборотную сторону медали. Дешевизна рабочей силы может оцениваться и в категориях демпинга, разрушающего слабые пока ещё структуры рынка труда. Недостаток рабочей силы или отрицается или считается стимулом к модернизации. Подключение же к ресурсам китайской экономики может привести к превращению в её сателлита, с неизбежными политическими последствиями¹.

Трудно сказать, насколько реалистичны эти оценки. Для их проверки требуются достаточно масштабные конкретные исследования. Важно, однако, что провоцирующие их «вопросы к миграции» поднимаются и обсуждаются.

VII

Свои ответы на эти вопросы, наверняка спорные, неполные и в чём-то предположительные, у автора есть. Но, как уже было отмечено во вступлении к статье, свою задачу я вижу не в их изложении и обосновании, а в выявлении и систематизации **представлений** о вызовах трансграничной миграции. Завершающим этапом в реализации этой задачи мне представляется характеристика структуры интересов различных субъектов суждений о миграционном процессе. Поскольку, как я убеждён, интересы сильно влияют на суждения.

Интересы государства. Имплицитно подразумевается их единство и непротиворечивость. Однако в этом главном акторе миграционной политики изначально заложен и чрезвычайно силен феномен «бюрократического плюрализма», когда интересы отдельных ведомств могут далеко расходиться, а механизмы согласования интересов слабы и не-

¹ Ларин В. КНР глазами дальневосточника // Миграция в России...Т. 1. Ч. 2. С. 109–115.

эффективны. Могут не совпадать и интересы различных бюрократических группировок, кланов и клик, организованных не по ведомственному принципу. Не требует отдельных комментариев и такой важнейший инструмент управления страной как системная коррупция.

При выработке своей миграционной политики государство вынуждено лавировать между соображениями экономической и демографической целесообразности и анти-мигрантскими массовыми настроениями. Не говоря уже о растущей тенденции использовать эти настроения в целях идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть.

Масса проблем и противоречий сформировалась в сфере взаимоотношений центра и регионов. Выстраивание «вертикали власти» привело к тому, что миграционная политика теоретически стала монополией федеральных ведомств. Там сосредоточены все соответствующие права, полномочия и ресурсы, институты и нормотворчество. Региональная миграционная политика, в соответствии с законом, понимается как политика центральной власти на местах. Однако величина страны и гигантское разнообразие миграционных ситуаций неизбежно ведут к тому, что эта политика корректируется местными акторами, имеющими собственные интересы и представления о выгодах и рисках. На региональном уровне имеются и свой «бюрократический плюрализм», и борьба интересов кланов и клик. Отдельная проблема связана с муниципальными властями. Неся на себе основную тяжесть решения многообразного и сложного комплекса задач, проблем и конфликтов, они лишены соответствующих ресурсов и полномочий¹. Всё это ведет к фактическому формированию местной миграционной политики в виде гибкого набора неформальных практик².

Интересы общества. Априорно понятно, что они противоречивы и разнообразны, как само общество. Интересы отдельных общественных сил могут быть осознаны и отчетливо выражены идеологически и политически, а могут существовать в виде неявных, неотрефлексиро-

¹ Калугина Г. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху. Случай Иркутска // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз, 2010, № 2 (57). С. 91–106.

² Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / Науч. ред. В. И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 16–120.

ванных настроений и фобий. Сейчас через все общественное разнообразие красной нитью проходят массовые анти-мигрантские настроения. Это дружно фиксируют все конкурирующие между собой крупные социологические службы. Причем эти настроения не концентрируются в отдельных возрастных, образовательных, социальных, профессиональных и т. д. сегментах общества. Можно констатировать, что это — то небольшое, что до присоединения Крыма объединяло большую его часть. А так как анти-мигрантские настроения, прямо или косвенно связанные с мигрантами проблемы и конфликты (как и масса других социальных, экономических, политических конфликтов и проблем) привычно маркируются этнически, то можно предполагать, что мигранты, воспринимаемые этнически и культурно «Чужими», как единая и противостоящая «Нам» группа, оказались необходимым и чрезвычайно востребованным инструментом нациестроительства. Его особенное удобство состоит в том, что он может одинаково эффективно применяться при выстраивании как этнократического, так и гражданского вариантов этого процесса. Иначе говоря, анти-мигрантские настроения могут свободно использоваться и этническим, и гражданским национализмом. В любом случае они надолго останутся важнейшим фактором формирования миграционной ситуации вообще, государственной политики в этой сфере в частности. Поэтому важна задача изучения не только масштабов их распространения (с чем неплохо справляются крупные социологические центры страны), но и динамики их внутренней логики и структуры. Мало осудить эти настроения (если есть такая потребность) — надо их понять. И понять тех их носителей, которые текстов не пишут, а нередко и адекватно вербализовать свои интересы, страхи и настроения не могут.

Отдельно стоит выделить *интересы непосредственных контрагентов мигрантов*. Следствием растущей роли трансграничных мигрантов стало формирование связанного с ними слоя людей, профессиональных групп и институций. Это государственные и муниципальные органы, их служащие и чиновники, регулирующие проблемы пребывания и экономической деятельности. Это деловые партнеры, наниматели и наёмные работники, посредники, продавцы необходимых товаров и услуг, специализирующиеся на этой теме журналисты, эксперты. Наконец, это покупатели товаров и услуг, производимых и продаваемых мигрантами. Свои интересы и проблемы появились у таких, неожиданных, на первый взгляд, институций как система высшего и сред-

него образования, органы здравоохранения и санитарного контроля. Всё активнее пытаются влиять на ситуацию профсоюзы. Формируется система неправительственных общественных организаций, национально-культурных обществ, прямо или косвенно заинтересованных в регулировании миграционной ситуации.

Интересы бизнеса. Они могут не совпадать с официально провозглашёнными. Так или иначе, они сосредоточены вокруг возможности доступа к таким ресурсам, как дефицитный или дешёвый труд, источники кредита, инвестиций или товарной массы. Важна также возможность изоляции конкурентов от этих ресурсов. Не случайно закрытие оптово-розничных рынков, запрет на торговлю на них для иностранцев сопровождался упорными слухами о закулисной давлении крупных ритейлерских сетей. Основными инструментами реализации интересов бизнеса являются лоббирование и неформальные практики. Причём и бизнес не представляет собой единого целого, соответственно у разных его слоев и группировок могут быть (и уже сформировались) различные интересы и соответствующая политика в этой сфере.

Интересы политиков. Массовые анти-мигрантские настроения становятся инструментом идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть для довольно широкого спектра политических сил. В городскую обыденность постепенно входят политические и политизированные анти-мигрантские акции — от бесчинств скинхедов до официально разрешённых «Русских маршей». Мигрантская проблематика выдвигается в центр электоральной борьбы. На ней выстраивают свою стратегию политические партии и движения националистического спектра — и основной их успех состоит в том, что они стали формировать политическую повестку дня и для остальных сил.

Интересы СМИ. Мигранты стали важнейшей частью информационного поля страны. Их постоянно обсуждают на уровне неформальных разговоров, слухов, пересудов. Интенсивность обсуждений возрастает с появлением информационных поводов — обычно из сферы криминальной хроники, а также сообщений о событиях и конъюнктуре рынков. Отсюда тесная связь данной части информационного поля с местными, региональными и центральными масс-медиа. Самостоятельным и влиятельным участником этого «рынка» становится Интернет. СМИ — это и носитель информации («зеркало»), и важный самостоятельный игрок, обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар,

вступающий в сложные взаимоотношения с властями, обществом, отдельными его группами. Они создают образы, предлагают слова для вербализации, оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. В сознании людей сосуществуют две картины мира — на основе собственного опыта и сформированные масс-медиа. И если они вступают в противоречие, предпочтение часто отдаётся второй.

Как видим, место некоего единого принимающего общества с общим набором представлений об угрозах, рисках и выигрышах от новой миграционной ситуации занимает разнородный конгломерат государственных структур, региональных сообществ и их элит, общественных сил и институций, чьи интересы в данной сфере могут в чём-то совпадать, а в чём-то и радикально расходиться. Механизм согласования этих интересов в лучшем случае только формируется. Не решено, каким он будет, ибо пока ещё не до конца закрыт вопрос о выборе между либеральной (демократической) и авторитарной (бюрократической) моделью общественного устройства. Хотя авторитарный крен в развитии современного политического режима очевиден и усиливается, он не сопровождается формированием эффективной системы управления — «вертикаль власти» является скорее недостижимой целью, чем функционирующей реальностью. Всё это предопределяет отсутствие логичной и осознанной миграционной политики федеральной власти, постоянные качели между запретительными и поощрительными мерами.

* * *

Мигранты «принесли с собой» границу в качестве важнейшего вопроса внутренней жизни общества, его самоопределения и перспектив развития. Масштабы дискуссий по поводу мигрантов вообще и китайских в частности, накал идеологической и политической борьбы вокруг миграционного вызова свидетельствуют о том, что на это «поле» в значительной мере смещается фокус общественной борьбы. Через отношение к мигрантам решается, каким должен быть принцип взаимоотношений общества и государства, на какой основе — этнической или гражданской — должны идти процессы нациестроительства, судьба федерализма, роль и значение границы для общества. Мигранты стали тем консолидированным «другим», «чужим», через отношение к которому идет процесс нациестроительства.

Украинский кризис, возможно, выведет на первый план иных «чужих», даст столь необходимых для национального строительства

общих новых «врагов». Но это тот случай, к которому применим комментарий главного раввина России А. Шаевича¹. Говоря о спаде антисемитизма, он отметил: «...Сейчас на первое место выходят представители Кавказа. Но меня это не радует».

¹ Адольф Шаевич: чем отличается кошерная водка от некошерной? И чем отличается один главный раввин России от другого главного раввина России? // Новая газета, 05.07.2010.

ТРАНСГРАНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ КИТАЙЦЕВ В МОНГОЛИЮ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ МОНГОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Нямаа Галиймаа

Контроль над миграцией из-за рубежа был и остаётся важным политическим вопросом для каждого суверенного государства. Тем более этот вопрос является жизненно важным для Монголии, граничащей с гигантским Китаем, где проживают свыше 1,3 млрд человек, что в 2010 г. составляло, по данным ООН, почти 1/5 всего населения Земли (19,7%). Аналогичная доля Монголии в мировом населении несопоставимо мала — на тот же год всего 0,04%, так что на одного жителя Монголии приходился 501 житель Китая².

Монголия стала активным участником трансграничных миграционных процессов после Демократической революции 1990 года. Благодаря своей открытой внешней политике и динамичному рыночному развитию, она включилась в миграционные процессы в качестве и страны-донора (по официальной статистике в 2012 г. в странах Европы, Азии и Америки находилось 107,8 тыс. трудовых и учебных монгольских мигрантов)³, и страны-реципиента. Непосредственный сосед же Монголии, Китай, — самый большой в мире экспортёр дешёвой рабо-

¹ Статья написана автором на русском языке.

² Подсчитано по: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects. The 2012 Revision. Vol. 1: Comprehensive Tables. New York, 2013 (ST/ESA/SER.A/336). P. 108, 110.

³ Хөдөлмөр, Нийгмийн хамгааллын яамны эмхэтгэл (Сборник Министерства труда и социальной защиты), Улаанбаатар, 2012. X. 4.

чей силы. В 2011 г. численность китайских мигрантов за рубежом превысила 45,1 млн человек. В составе мировой миграции они образовывали самый крупный её отряд: по оценке Организации экономического сотрудничества и развития, почти каждый десятый мигрант на Западе — это китаец. И генеральный секретарь ОЭСР Анхель Гурриа считает, что, несмотря на недавнее сокращение уровня миграции, спрос на иностранную рабочую силу, в том числе китайскую, опять возрастет¹.

Сегодня Монголия, как и остальные страны, с которыми у Китая есть сухопутная граница, относится к нему как к крупнейшему иностранному инвестору и главному торговому партнёру. Структура её экспорта на 80% состоит из горно-металлургического сырья, на 20 — из сельхозтоваров с низкой добавленной стоимостью. Крупные месторождения вольфрама, цинка, молибдена, свинца, меди, золота и нефти представляют большой интерес не только для двух непосредственных соседей Монголии, но и для всех высокоразвитых стран. Ключевым моментом является то, что страна обладает колоссальными запасами урана, оцениваемыми в 1,3 млн т. Также Пекин испытывает большие потребности в коксующемся угле, большие запасы которого есть в Монголии.

Сегодня в стране работают свыше 1100 китайских компаний, товарообмен между Китаем и Монголией увеличивается ежегодно. В 2012 г. он в денежном выражении составил 1 млрд 101 млн долл.² Спектр товаров, ввозимых из Китая в Монголию, охватывает прежде всего производственное оборудование, текстиль, товары потребления и транспортные средства. Закупки китайской стороны — это в основном сырьё: уголь, металлы, кашемир, кожа.

Учитывая геополитический и социально-экономический факторы, влияющие на положение Монголии, в первую очередь уникальное сочетание большой территории (1,6 млн кв. км), малой численности населения (2,8 млн жителей в 2012 г.) и быстрого роста экономики (17,5% в 2011 г., 12,4% — в 2012 и 11,3% в первое полугодие 2013 года)³, нет

¹ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. International Migration Report 2011: A Global Assessment. New York, 2012 (ST/ESA/SER.A/316). P. 34.

² См.: <http://magazeta.com/2012/04/china-mongola/> (access date: 12.10.2013).

³ Government of Mongolia. Mongolia's Overview. October 2013. URL: <http://mongolianembassy.us/wp-content/uploads/2013/05/Presentation-for-ambassadors.pdf> (access date: 03.01.2014).

ничего удивительного в том, что сформировался большой поток трудовой миграции из Китая. Официально было зарегистрировано в Монголии китайских граждан 2 307 человек в 2001 г., 12 678 человек в 2005, 13 897 — в 2009 и 27 496 — в 2012 г.¹ Однако неофициальные оценки доводят эту цифру до 80 — 200 тыс. человек².

Как это присуще кочевникам, любая форма мобильности воспринимается монголами как нечто обыденное. Их отношение к мигрантам из других стран было и в целом остаётся доброжелательным, но это не относится к трудовой миграции из Китая. Её быстрое расширение — даже по официальной статистике десятикратное за десять лет — привело к изменению позиции населения Монголии. В настоящее время оно выражает озабоченность по поводу увеличения числа мигрантов из Китая. Монголы считают, что китайцы претендуют на их рабочие места, земли и культуру. В массовых представлениях мигранты из Китая ассоциируются с контрабандой, нелегальной работой, наркотиками, организованной преступностью. Националисты убеждены, что манеры и поведение мигрантов олицетворяют неуважительное, пренебрежительное отношение к Монголии, к её независимости и суверенитету и всё чаще нападают на китайских рабочих. Но не только националисты видят в китайской миграции угрозу. Рассуждения о вреде, который она наносит национальной безопасности — традиционная тема жёлтой прессы и широкой публики. Китаефобия в Монголии была и остается прочной, она тесно связалась со стереотипами, уплотнёнными длительным историческим опытом: китаец — не просто враг Монголии, а самый заклятый её враг; ведь за ним стоит огромная страна с гигантским населением.

Как воспринимают китайских трудовых мигрантов молодые монголы?

На этот счет мнения разные, в большинстве своём предполагающие негативное отношение. Чтобы лучше представлять, как монгольская молодёжь воспринимает китайских мигрантов на эмоциональном уровне, нами было проведено, с использованием методов фокус-групп и контент-анализа, небольшое качественное исследование представлений школьников средней школы № 47 г. Улан-Батора и студентов, бакалавров и магистрантов Монгольского государственного университета науки и технологии (эту группу далее для краткости будем называть респондентами-студентами).

¹ Хөдөлмөр, Нийгмийн хамгааллын яамны эмхэтгэл... Х. 18.

² См.: www.shuurhai.mn/?p=21848 (access date: 18.04. 2013).

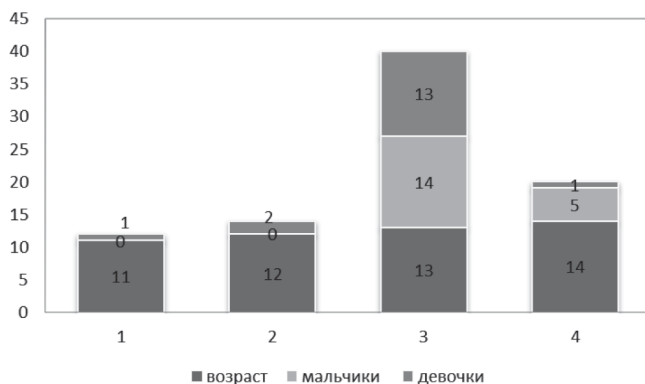

Рис. 1. Половозрастное распределение респондентов-школьников

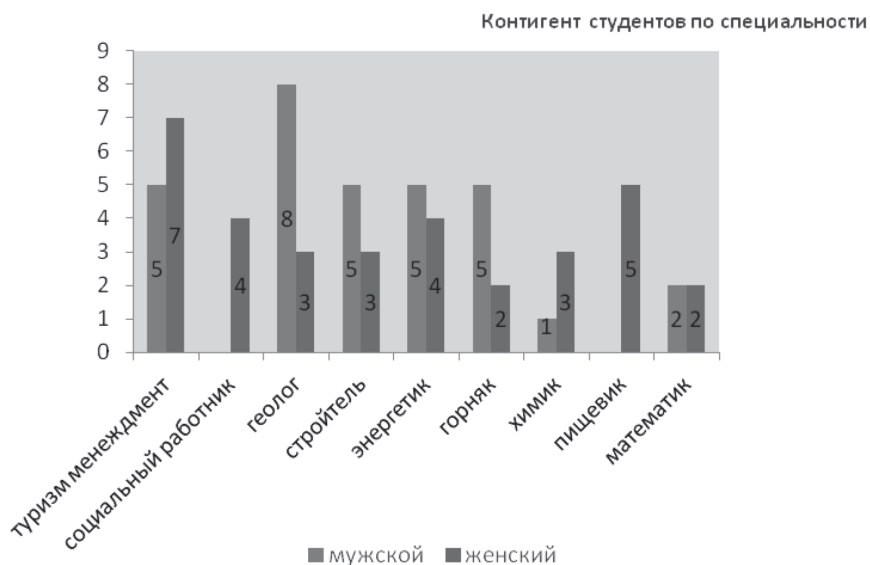

Рис. 2. Распределение респондентов-студентов по полу и специальности

В исследование участвовали 37 восьмиклассников (рис. 1), 58 студентов и бакалавров и 6 магистров (рис. 2). Им задавались открытые вопросы, ответы на которые легко поддаются расшифровке.

Анализ полученных в ходе исследования материалов позволяет чётко выделить исторически сложивший стереотипный образ китайца в глазах студентов и школьников. В большей части ответов преобладает негативное отношение к китайским мигрантам. При этом, как показал

сравнительный анализ полученных нами мнений школьников и студентов, мнения о китайцах вторых, хотя и отрицательные в целом, были, за исключением трёх случаев, более сдержанными, чем мнения первых.

Сначала мы попросили написать, что они думают о китайских мигрантах, работающих в Монголии, школьников. Ответы оказались однозначно и единодушно негативными. Более того, были получены десять ответов откровенно праворадикального толка: долой китайцев, пусть убираются к себе домой, давайте выселять китайцев с монгольской территории своими силами, бейте китайцев и т. п. В общем, это не было неожиданностью: подростки в возрасте 13–18 лет — самая благоприятная среда для усвоения радикальных идей. Недаром в психологии данный возраст называется тяжёлым, поскольку основным мотивом поведения для составляющих данную возрастную группу является желание обратить на себя внимание «крутизной», сделав или заявив что-нибудь наперекор окружающим, в разрез с общепринятыми нормами. Остальные 27 респондентов-школьников были настроены не столь кровавадно, но тоже выразили недовольство большим притоком китайских мигрантов.

Приведём некоторые из суждений наших респондентов.

Девочка 13 лет: *Я часто думаю о том, что нельзя, чтобы китайцы приезжали к нам. Потому что они торгуют детьми. У меня одна заветная мечта — чтобы плохие люди исчезли навсегда с нашей планеты.*

Мальчик, 14 лет: *Китайцы завоёвывают мир. Китайцы размышляют над тем, как уничтожить монголов.*

Девочка, 13 лет: *Выселить китайцев из Монголии!*

Мальчик, 14 лет: *Я думаю, что наше правительство ведёт неправильную политику. Число иностранных граждан не должно превышать один процент населения данной страны. У нас же число китайских рабочих достигло почти двадцати процентов.*

Студент-геолог, 18 лет: *Китайские рабочие? Они нам мешают спокойно жить на своей родине. Отнимают у монголов не только рабочие места, но также наших девушек. Прочь с нашей земли!*

Студентка-пищевик, 19 лет: *Китайцы нагледят с каждым годом, растёт число преступлений, совершаемых китайскими группировками. Объединяйтесь, монголы, чтобы закрыть нашу границу китайским мигрантам!*

По словам алармистски настроенных участников исследования, мигранты из Китая стремятся заполнить приграничные районы, по-

степенно адаптируя под себя не только рынок. Сначала освоением территорий и рынков занимаются те, кто связан с мелким и средним бизнесом: беднота, чьей заветной целью является аренда земельных участков, владельцы торговых палаток, небольших ресторанов, мастерских, предприниматели средней руки, нередко достаточно образованные для того, чтобы создавать какие-то фрагменты землячества. После возникновения подобной «китайской среды» на сцену выходит более солидный капитал — фирмы и банки, стремящиеся приобретать в собственность земельные участки и другую недвижимость, прочно укорениться в стране пребывания. Так на вид скромные китайские рабочие и мелкие предприниматели постепенно, шаг за шагом вытесняют монголов из наиболее доходных сфер деятельности, становятся хозяевами производств, торговых фирм и зданий.

К числу распространённых фобий относится исторически сложившая боязнь потери Монголией ее территориальной целостности и независимости. Для студентов это тождественные понятия, как бы поглощающие друг друга. 26 респондентов-студентов считают, что из-за наплыва в приграничные районы китайских мигрантов может быть утрачена территориальная целостность Монголии. Представления о такой угрозе колеблются в широком диапазоне — от обсуждения возможных негативных спонтанных последствий «массовой нелегальной миграции китайцев» до достаточно регулярно озвучиваемых утверждений, что у Китая якобы имеются специальные планы присоединения Монголии.

Вот несколько примеров.

Магистрантка, 23 года, социальный работник: *Скоро монголов в Гобийских аймаках совсем не останется. А китайцев там к середине XXI века наберётся до нескольких сотен тысяч... А что делать, если громадная страна с полуторамиллиардным населением нависает над нашей территорией?*

Студентка, 20 лет, химик: *Неужели в Монголии не найдётся человек или группа людей, умных, толковых, смелых, которые предотвратили бы путь развития, ведущий нас в Китай?*

Студент 21 год, энергетик: *История повторяется, как и в начале XX века, мы понемножку теряем независимость.*

Студентка, 21 год, социальный работник: *Нельзя исключать вероятность того, что по мере расширения присутствия китайского бизнеса в Монголии давление на нашу страну будет усиливаться.*

Студент, 21 год, геолог: *Интерес Китая понятен: вывоз своей рабочей силы в Монголию и постепенное превращение этой страны в часть Китая.*

Магистрантка 24 года, туризм и менеджмент: *Китаю не нужна война или военный конфликт с Монголией с целью присвоения нашей земли. Наша земля для Китая важна, однако воспользоваться её ресурсами он постарается не с помощью оружия, а с помощью экономической хитрости. Потому что Китаю нужно «жизненное пространство».*

18 студентов коснулись угроз для экологии Монголии из-за пренебрежительного отношения к ней китайских компаний, особенно работающих в добывающей и обрабатывающей промышленности. Из-за деятельности китайских компаний в Монголии не просто уничтожаются уникальные ландшафты: идёт их загрязнение, необратимая деградация окружающей природной среды в местах добычи и переработки полезных ископаемых. Студенты, выбравшие инженерные специальности, уверены, что одна из главных причин экологического неблагополучия заключается в недоучёте или просто игнорировании проектировщиками, строителями, эксплуатационниками горнодобывающих предприятий специфики степи и пустыни. В первую очередь игнорируются сильная уязвимость степных и гобийских территорий по отношению к техногенным воздействиям, повышенная опасность спровоцировать на них разрушительные природные процессы и явления. Вместе с тем шесть студентов полагали, что основные проблемы в области охраны окружающей среды возникают как из-за несоблюдения нормативно-законодательных актов китайскими компаниями, работающими в горнодобывающей отрасли, так и из-за недостаточной информированности местного населения.

Большинство респондентов негативно относятся к растущему этнокультурному многообразию Улан-Батора, только 17% студентов позитивно относятся к этому процессу, полагая, что столица и должна быть многонациональной. Почти половина респондентов-студентов (48%) высказали свое недовольство тем что этнокультурное многообразие Улан-Батора восполняется только китайскими чернорабочими, а 18% опрошенных считают, что не только китайцы, но и другие приезжие (из Турции, Кореи, России и т. д.) ведут себя чересчур вольно, будто они не в чужой стране, а у себя на родине, отказываются следовать местным нормам и традициям.

Студентка, 25 лет, туризм и менеджмент: *Ни в какой другой стране приезжие мигранты не могут так своевольничать в общественных местах.*

Лишь у восьми студентов тональность интервью меняется. У четверых вообще отсутствует неприятие китайцев, более того, они восхищаются трудолюбивостью китайских рабочих. Ещё четыре студента отдают китайским рабочим предпочтение перед соотечественниками, однако у них вызывает негодование чересчур большой приток китайских трудовых мигрантов.

Студент, 20 лет, энергетик: *Непритязательность и дисциплинированность китайских рабочих привлекают наших работодателей. Они тоже люди и хотят жить хорошо... Мы приветствуем приток рабочей силы с высшим образованием, особенно технических профессий, которых так не хватает в Монголии. Также мы приветствуем всех адекватных, образованных людей, готовых служить Монголии, независимо, кто они и откуда.*

Студент, 28 лет, геолог: *Они приносят двойную пользу — делают грязную работу и поддерживают владельцев недвижимости... Но все равно их у нас чересчур много. Они занимают наши рабочие места.*

Студентка, 18 лет, туризм и менеджмент: *Мы ленивые и недисциплинированные. Поэтому наши рабочие места достаются китайцам.*

Студентка, 18 лет, пицевик: *Папа у меня руководит компанией. Он нанимает китайских рабочих. С одной стороны, китайские рабочие — очень мягкие и дисциплинированные. С другой, для них главное — устроиться на рабочее место, а вот когда они окрепнут, тогда и начнётся...*

Студент, 21 год, строитель: *Большинство китайских мигрантов — рабочие и мелкие предприниматели, значительно меньшее число составляют квалифицированный технический персонал, студенты... А нам нужны высококвалифицированные работники.*

Студент, 20 лет, горняк: *Они занимаются самыми тяжёлыми и грязными работами: стройка и уборка. Поэтому многие терпят их присутствие.*

Студентка, 20 лет, социальный работник: *Надо улучшать быт и условия труда собственных граждан, увеличивать зарплаты и социальные выплаты, чтобы не кормить на своей территории чужих.*

Итоговую картину представлений наших респондентов о целях и последствиях китайской миграции даёт таблица 1. Следует иметь в виду, что многие участники исследования затрагивали сразу несколь-

Таблица 1.

Распределение суждений школьников и студентов о целях и последствиях китайской миграции (единиц суждений, %)

<i>Суждения школьников</i>	<i>Ед.</i>	<i>%</i>	<i>Суждения студентов</i>	<i>Ед.</i>	<i>%</i>
Полностью негативные	27	100	Полностью негативные	85	87,7
В том числе:					
алчная цель китайцев — захватить нашу землю	9	33,3	угроза потери Монголией независимости	26	26,8
хотят присвоить природные богатства Монголии	7	26,0	ущерб экологии Монголии	18	18,6
своевольничают на нашей земле	6	22,2	отторжение культуры монголов	15	15,5
захватывают рабочие места	3	11,1	захват рабочих мест	10	10,3
угроза генофонду монголов	2	7,4	преступность	7	7,2
			некачественная работа	5	5,2
			коррупционированность	4	4,1
			Позитивные с отдельными негативными комментариями	4	4,1
			Полностью позитивные	4	4,1
			Другое	4	4,1

ко аспектов проблемы, поэтому в абсолютных цифрах суммарное количество данных ими ответов больше общей численности и школьников, и студентов.

Если к однозначным суждениям добавить отдельные негативные комментарии тех, кто в целом положительно оценивал китайских трудовых мигрантов, то получится, что о росте преступности и коррупции в стране из-за иммиграции упомянули 17,1% респондентов-студентов, о повышении конкуренции на рынке труда — 15,6%. В то же время 12,5% полагают, что приезжие восполняют нехватку рабочих рук на низкоквалифицированной и малооплачиваемой работе.

Мы также старались выяснить, как респонденты представляют способы решения проблемы китайской миграции (табл. 2). Абсолютное большинство респондентов-студентов — 32 из 46 или 69,5% — выступают за строгие меры со стороны властей по отношению к китайским трудовым мигрантам. Эти студенты считают что, китайские мигранты резко увеличивают уровень угроз национальной безопасности, поэтому и предлагают

Таблица 2.

Распределение предложений студентов по контролю над китайской трудовой миграцией по их общей направленности и конкретным мерам (число предложивших, %)

<i>Направленность мер</i>	<i>Чел.</i>	<i>%</i>	<i>Конкретные меры</i>	<i>Чел.</i>	<i>%</i>
Удаление из страны всех китайцев-нелегалов	8	17,4	Депортация силовыми ведомствами	3	6,5
			Выдавливание силами населения (начиная с психологического давления)	3	6,5
			Как-нибудь ещё, но без меня и без вмешательства государства	2	4,4
Сокращение притока внеэкономическими мерами	24	52,2	Ограничение общей численности китайских мигрантов	10	21,7
			Прекращение притока неквалифицированной рабочей силы	6	13,0
			Создание новой системы миграционного контроля	4	8,7
			Тщательная проверка действующих систем формирования и распределения квот	2	4,4
			Ужесточение визового режима	2	4,4
Сокращение притока экономическими мерами	13	28,2	Создание государством дополнительных рабочих мест для граждан Монголии	6	13,0
			Стимулирование национального предпринимательства, особенно среднего и малого бизнеса	4	8,7
			Создание системы переподготовки и переквалификация безработных	3	6,5
Меры по адаптации мигрантов	1	2,2	Улучшение правового и экономического положения мигрантов	1	2,2

сократить их число. Противником строгих мер оказался лишь один студент. В своих комментариях к предлагаемым мерам десять респондентов указали, что целостность монгольской территории помогут сохранить сильные патриотические настроения в обществе. В то же время три респондента полагают, что всплеск таких настроений может обернуться серьёзным конфликтом между монголами и китайскими рабочими и этот конфликт ни к чему, кроме потери человеческих жизней, не приведёт.

Отношение к миграции как показатель интолерантности

Итак, по представлениям школьников и студентов, китайские трудовые мигранты были и остаются нежелательным, потенциально опасным явлением в экономике Монголии, угрозой её национальной безопасности, независимости и целостности. По мнению подавляющего большинства респондентов, присутствие китайцев негативно сказывается на ситуации в большинстве сфер занятости, китайцы создают для Монголии больше проблем, чем благ.

Оттенки чувств, вызываемых у молодых феноменом китайской миграции, различны: от индифферентности до агрессии, от холодного безразличия до резких проявлений ксенофобии. Как монголу, автору понятен страх перед «экспансией» китайцев, понятны причины китаефобии молодёжи, однако столь яростная интолерантность, прозвучавшая из уст участников исследования и выплеснувшаяся в их текстах, оказалась во многом неожиданной. Её основной источник — социальная неустроенность студентов и молодых специалистов. У Монголии нет взвешенной миграционной политики. Растущая конкуренция со стороны рабочей силы из Китая, согласной с низким уровнем оплаты труда, — серьёзное испытание для национального рынка труда. Её следствие — сокращение рабочих мест, занятых коренным населением, и снижение среднего уровня заработной платы, в первую очередь у неквалифицированной и низкоквалифицированной рабочей силы. Особенно болезненно ощущают на себе результаты миграции молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет. Для них китайская миграция является не только источником конкуренции за вакантные места в сфере малого бизнеса и в рабочей среде, но ещё и вызовом их идентичности.

Выше отмечались высокие темпы роста монгольской экономики — до 17,3% в рекордном 2011 г. Надо, однако, иметь в виду социальную специфику роста. Экономика страны находится в чрезмерной зависимости от добывающих отраслей промышленности, что ведёт к увеличе-

нию разрыва в доходах различных групп населения. При добыче полезных ископаемых создаётся сравнительно незначительное количество рабочих мест, а прибыль от неё оказывается в руках небольшой группы населения. В результате сохраняется низкий жизненный уровень основной его массы, что не может не способствовать распространению праворадикальных настроений в молодёжной среде.

Вторая причина радикализма — политическая. В условиях информационного общества монгольские СМИ манипулирует сознанием молодёжи под лозунгом защиты национальной идентичности. Отдельная проблема — все более изощрённые технологии такого манипулирования посредством Интернет-ресурсов. Здесь уже требуется создание специальных межгосударственных органов контроля над потоком информации, разжигающей нетерпимость, препятствующей формированию у молодёжи толерантного сознания.

Толерантность — ценность и норма гражданского общества. Общества, признающего право всех индивидов быть разными. Она обеспечивает баланс между различными этническими, политическими, религиозными и иными социальными группами, предполагает уважение к различным культурам, цивилизациям и народам, готовность к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям, социальному и профессиональному положению, означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности.

Толерантность по отношению к особенностям различных народов и наций не просто необходима в принципе. Она ещё и индикатор национального самочувствия — признак уверенности нации в себе, осознания ею надёжности своих собственных позиций. Американский психолог Мэтью Липман писал о том, что если общество не работает целенаправленно и систематически над тем, чтобы уменьшать насилие, развивать миролюбие и толерантность, оно не обретёт мира¹. А главная роль в развитии толерантности может и должна быть отведена системе образования, создающей условия для становления толерантного сознания учащихся, накопления ими опыта толерантного поведения. В условиях же роста социальной стратификации, столь характерного для

¹ Липман М. Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия // Вопросы философии, 1995, № 2. С. 113.

Монголии и других стран с ресурсоёмкой экономикой, перед системой образования особенно рельефно выступают задачи обеспечения социальной и психологической гармонизации различных слоев общества, уменьшения социальной напряжённости между представителями различных национальных культур.

Разумеется, решение этих социальных задач требует хорошо продуманной государственной политики, направленной на воплощение в системе образования принципов светскости, толерантности, гражданского патриотизма.

* * *

Трансграничная миграция китайцев воспринимается большей частью опрошенных молодых людей как явление скорее вредное и опасное, нежели сулящее выгоды Монголии. Даже у более терпимых респондентов-студентов соотношение положительных и отрицательных отзывов составляет 15:85.

Проблема отношения к китайским мигрантам, судя по всему, выходит за пределы собственно миграционной проблематики. Негативное отношение к мигрантам сигнализирует о внутренних напряжениях в современном монгольском обществе, о барьерах, мешающих социальной мобильности, формированию позитивных жизненных стратегий и их реализации. И дело здесь не только в силе исторически сформировавшегося негативного стереотипа восприятия китайцев и Китая как «вечной» угрозы национальной безопасности Монголии. И не только в острой фобии — в боязни размывания идентичности («генофонда нации») смешанными браками и, как следствие, утраты территориальной целостности и независимости. Неприятие «китайцев» нередко имеет поведенческие корни: сталкиваясь со слишком активным культурным типом, обыватель испытывает растерянность, не знает, как реагировать, раздражается и развивает упреждающую (иногда встречную) агрессию. Между тем, враждебное отношение к китайским мигрантам естественным образом способствует их сплочению, большей готовности помогать «своим», добиваться успеха. Это, в свою очередь, воспринимается монголами как экспансия, как стремление занять лучшее положение, оттеснить коренное население, выжить монголов с их родины.

Создаётся впечатление, что неприятие китайских мигрантов монгольской молодёжью воспроизводится по принципу круговой причинности. Китаефобия всё больше напоминает порочный круг, и разорвать его крайне сложно.

ЧАСТЬ III

СИТУАЦИИ: МНОГООБРАЗИЕ ВЫЗОВОВ

ПРИНЦИП НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК УГРОЗА СУЩЕСТВОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Фёдор Попов

Один из ставших уже традиционными сюжетов в рисуемых сегодня футурологами картинах эволюции мироустройства — это грядущий уход национальных государств с авансены мировой политики. Вызов, бросаемый им современностью, выглядит губительным. В лучшем случае нации-государства изображаются проводниками новых, более мощных сил (концепция «столкновения цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона¹) или преимущественно несuverенными ячейками формально сохранившейся политической карты мира (теория информационного общества Мануэля Кастельса²). Но что мир завтрашнего дня уже не будет миром национальных государств, здесь явное единодушие в прогнозах.

Прощание с национальным государством

Вероятно, в наиболее акцентированной форме тезис о близящемся уходе национального государства с арены истории раскрыт японским бизнес-стратегом К. Омае в работе с характерным названием «Конец национального государства. Становление региональных эконо-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис, 1994, № 1. С. 33–48.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

номик»¹. Омае видит в национальном государстве прежде всего элемент экономической реальности, предсказывая его скорый крах под влиянием глобализации «четырёх И» — Инвестиций, Индустрии, Информационных технологий и Индивидуального потребления. Роль базовых единиц мировой экономики будущего перейдёт, по его мнению, к «региональным государствам» — сравнительно небольшим территориально-экономическим системам с условно-реальными границами.

Теория Омае сочетает в себе две распространённые черты подобных концепций — экономический детерминизм и предвосхищение смещения фокуса в развитии общества на региональный уровень.

Многие авторы рассматривают метаморфозы, происходящие с национальным государством, в контексте общей трансформации экономического пространства планеты. Джордж Сорос рассуждает об анахроничности государственного суверенитета в условиях целостной глобализированной экономики²; Зигмунт Бауман — о превращении государств в фактических слуг глобального рынка³; американский экономист Роберт Райх — об утрате в современных реалиях смысла понятия «национальное хозяйство»⁴; президент Института глобальной общественной политики Вольфганг Райнике — о разрушительном воздействии растущей экономической взаимозависимости на государственный суверенитет⁵. Даже те, кто придерживаются более широкого взгляда на глобализацию, редко обходят вниманием размывающую государственные границы деятельность транснациональных компаний.

Тезис о неперенной капитуляции национального государства перед вызовами мировой экономики требует ответа на вопрос: что придёт на смену? Если, предлагая такой ответ, одни авторы обращаются к вне-территориальным формам организации общества, предвосхищая геге-

¹ *Ohmae K.* The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. London: Harper Collins, 1995.

² *Сорос Дж.* Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.

³ *Бауман З.* Национальное государство: что дальше? // Отечественные записки, 2002, № 6 (7). С. 419–435.

⁴ *Reich R.* The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. New York: Vintage Books, 1992.

⁵ *Reinicke W. H.* Global Public Policy // Foreign Affairs, 1997, Vol. 76, No. 6. P. 127–138.

монию «рынка-государства» (американский политолог Филипп Боббит¹) или «корпорации-государства» (Андрей Фурсов²), то Омае не покидает пространственной основы, противопоставляя нации-государству «регион-экономику». Но мотто «регионы против государств»³ можно разворачивать не только в экономической плоскости: образ национального государства, теснимого и сверху (со стороны межправительственных организаций) и снизу (со стороны территориальных сообществ, политических, этнических и культурных групп, сепаратистских и сецессионистских движений) стал общим местом⁴. Ярче и раньше других он выписан Элвином Тоффлером, с его помощью обозначившим обновляющую силу перехода от индустриального общества к постиндустриальному⁵. Принципиальная непротиворечивость процессов интеграции и регионализации — еще один популярный тезис (вспомним глокализацию, «открытую» британским социологом Роландом Робертсоном⁶), прямым продолжением которого — в приложении к рассматриваемому вопросу — является концепция «глобального сепаратизма»⁷.

Оправданным выглядит добавление ещё одного измерения — давления «сбоку» со стороны внетерриториальных акторов, не претендующих на отъём власти де-юре, но частично отбирающих её де-факто. Среди таких «наднациональных этносов» (термин американского жур-

¹ *Bobbitt P.* The Shield of Achilles: War, Peace, and the Course of History. London: Penguin Books, 2003.

² *Фурсов А. И.* Государство, оно же корпорация // Эксперт Украина, 2006, № 7 (58). С. 52–57.

³ *Коцюбинский Д. А.* Глобальный сепаратизм — главный сюжет XXI века. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. С. 29.

⁴ См., к примеру: *Кутинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос, 2003. № 6 (40). С. 67–116; *Коцюбинский Д. А.* Указ. соч. С. 29; *Фурсов А. И.* Терроризм или всемирная война? // Русский исторический журнал, 1999. Т. II, № 2. С. 193–231; *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 325; *Рогов С. В.* Нация-государство в XXI веке // Независимая газета, 25.01.2012. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2012-09-25/10_natsia.html (дата обращения: 23.10.2014).

⁵ *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 1999.

⁶ *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. P. 173–174.

⁷ *Коцюбинский Д. А.* Указ. соч.

налиста Роберта Райта¹) — не только ТНК, но и разного рода транснациональные экологические, профсоюзные, правозащитные группы, общества по интересам, даже отдельные индивидуумы. При этом мир, теряя национальную опору и приспосабливаясь к условиям современного «трайбализма», становится едва ли не более организованным: наднациональные этносы «раздувают не хаос, а порядок»². Питер Друкер ещё в середине XX в. утверждал, что национальное государство «уже умерло»³ и изобразил формирующийся политический ландшафт в виде Гималаев с Эверестом-государством и множественными пиками-акторами. По его мнению, этот ландшафт сменил «канзасские прерии» с единственным холмом в центре⁴.

Всё это может навести на мысль о действительном наступлении новой постнациональной эпохи. В то же время, среди вероятных причин дружного прощания с национальным государством есть и такие, что не связаны напрямую с переменами в структуре мировой политики.

Во-первых, немалую роль играет общее отсутствие пиетета к государству как институту в самых разных идеологических традициях. Анархисты во главе с Михаилом Бакуниным и Петром Кропоткиным открыто призывают к его уничтожению⁵. Марксисты развивают энгельсовский тезис об «отмирании государства» как непереносимом следствии пролетарской революции⁶. Идея создания глобальной федерации, если

¹ Райт Р. Новый мировой порядок // Отечественные записки, 2003, № 6 (15). С. 8–29.

² Райт Р. Указ. соч.

³ Drucker P. F. Landmarks of Tomorrow: A Report on the New “Post-Modern” World. New York: Harper & Row, 1959. P. 210–213.

⁴ Ibid. P. 195.

⁵ Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм // М. А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 92–96; он же. Государственность и анархия // Там же. С. 524–526; Кропоткин П. А. Государство, его роль в истории // П. А. Кропоткин. Анархия, её философия, её идеал. М.: Эксмо, 2004. С. 617–676; он же. Анархия, её философия, её идеал // Там же. С. 203–252.

⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 291–292; Ленин В. И. Государство и революция: учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // В. И. Ленин. Полное

не отрицающая государство вообще, то подрывающая его основы — централизацию и самостоятельность — встречается в трудах таких непохожих мыслителей, как тот же Бакунин¹ или Троцкий², а также Виктор Гюго³, Николай Бердяев⁴, Иммануил Кант⁵. В идеальном мире будущего нет места централизованному государству — неважно, «национальному» или нет — тогда как редкая антиутопия обходится без пугающих образов Единого Государства, Старшего Брата, Железной пяты⁶. И симпатии наблюдателя невольно оказываются на стороне бунтарей-идеалистов, вроде загадочного террориста-одиночки V, ищущего страну «Делай-что-пожелашь», и революционерки I-330, возвещающей, что «пришёл день, когда мы разрушим эту Стену — все стены — чтобы зелёный ветер из конца в конец — по всей земле»⁷.

Во-вторых, отмеченные тенденции частично объясняются склонностью людей преувеличивать значимость текущего момента в общем

собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. С. 16–22; *Троцкий Л. Д.* Продолжает ли ещё советское правительство следовать принципам, усвоенным 20 лет тому назад? // Бюллетень оппозиции. Май-июнь 1938, № 66–67. URL: <http://www.komintern-online.com/trotm433.htm> (дата обращения: 23.10.2014).

¹ См.: *Бакунин М. А.* Федерализм, социализм и антитеологизм...

² *Троцкий Л. Д.* Программа мира // Л. Д. Троцкий. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 137–144; *он же.* О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы» // Правда, 30.06.1923. URL: <http://www.komintern-online.com/trotm232.htm> (дата обращения: 23.10.2014).

³ *Гюго В.* Будущее Европы. Участникам конгресса мира в Лугано // В. Гюго. Собрание сочинений в 15 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 15. С. 580–583.

⁴ *Бердяев Н. А.* Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 136–144.

⁵ *Кант И.* К вечному миру // Электронная библиотека «Гражданское общество России». URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 23.10.2014).

⁶ «Единое Государство», «Старший Брат» и «Железная пята» — центральные образы тоталитарного общества в романах Евгения Замятина «Мы», Джорджа Оруэлла «1984» и Джека Лондона «Железная пята».

⁷ *Замятин Е.* Мы // Знамя, 1998, № 5. С. 122. V и I-330 — персонажи графического романа Алана Мура «V — значит вендетта» и упомянутого романа Евгения Замятина.

ходе истории. История — то, что было до нас — это всегда вектор, современность же — всегда точка¹. Данный психологический эффект можно условно назвать «эффектом Эдвина Друда» в честь главного героя незаконченного детективного романа Чарльза Диккенса «Тайна Эдвина Друда». Незавершённость произведения вкупе с лихо закрученным сюжетом породила целое движение литературоведов-друдистов, стремящихся разгадать загадки романа. При этом все друдисты, осознанно или нет, предполагают, что повествование оборвалось непосредственно перед развязкой, когда все сюжетные линии были уже вычерчены, ключи разбросаны, а развешанные по стенам ружья заряжены — иначе подобные размышления не имели бы смысла. История — такой же незаконченный роман, и человеку свойственно искать в современности эффектную развязку того или иного сюжета. О том, что на сцену в любой момент может выйти новый Дик Дэчери², как-то не думается.

Упомянутая выше книга К. Омае, равно как и известный труд Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек»³, являются далеко не единственными примерами «эндизма» (термин Сэмюэла Хантингтона⁴) в современной литературе. В 2013 г. в газете «Вашингтон пост» вышла заметка «Конец всего», автор которой насчитал более 20 работ, появившихся в последние десятилетия с названием «Конец **чего-либо**»⁵. Если верить исследователям, на наших глазах «закончились» власть, деньги, бедность, война, вера, образование, мужчины, секс, природа, даже будущее.

¹ Сами понятия истории и современности принципиально субъективны: для любого из нас современность наступает тогда, когда он начинает воспринимать мир вокруг себя и себя как элемент этого мира. Так, для автора этих строк, родившегося в 1985 г., августовский путч 1991 года — это история, а дефолт 1998 года — современность.

² Дик Дэчери — таинственный персонаж, появившийся в восемнадцатой из двадцати трёх глав романа.

³ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010.

⁴ Huntington S. P. No Exit: The Errors of Endism // The National Interest, Fall 1989, No. 17. P. 3–11.

⁵ Lozada C. The end of everything // The Washington Post, 05.04.2013. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/the-end-of-everything/2013/04/05/a278623c-7fab-11e2-8074-b26a871b165a_story.html (access date: 23.10.2014).

Ошибочно полагать, что «эндизм» — детище конца XX века. Можно найти немало и более ранних работ такого рода¹. Вспомним два широко известных утверждения рубежа XIX–XX вв., приписываемых британскому физiku лорду Кельвину и специальному уполномоченному американского Бюро Патентов Чарльзу Дьюэллу соответственно: «В физике уже нельзя открыть ничего нового. Остаётся только проводить всё более и более точные измерения»² и «Всё, что может быть изобретено, уже изобретено»³. Хотя ни тот, ни другой, вероятно, таких фраз не произносили, сам факт появления подобных «слухов» говорит о многом: подводить черту под историей интеллектуалам не впервой.

В то же время полностью отказываться современности в воздействии на судьбу национального государства неправомерно. Вторая половина XX в. ознаменована не только усилением процессов глобальной интеграции, универсализации и интернационализации, подрывающих позиции национального государства, но и собственно становлением данных позиций. Хотя как теоретическая конструкция национальное государство оформилось более двух веков назад, статус центрального элемента политического пространства мира оно приобрело сравнительно недавно — и чем дольше принцип национального государства пребывает в положении универсального принципа политического мироустройства, тем заметнее его практическая несостоятельность. Иными словами, хотя мировой капитал, глобальный сепаратизм и международный терроризм и представляют определённую угрозу существованию мира как системы национальных государств, едва ли не большая угроза заложена в самой природе феномена национального государства.

Прежде чем раскрывать данный тезис, необходимо сделать важную оговорку, отсылающую к тематике всего сборника в целом. Если трансграничный характер внешних угроз особого сомнения не вызывает, так как любую из них легко изобразить в виде соответствующим образом

¹ См., к примеру: *Drucker P. F. The End of Economic Man: The Origins of Totalitarianism*. New York: The John Day Company, 1939; *Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Glencoe: The Free Press, 1960.

² Kelvin, Lord William Thomson (1824–1907) // Wolfram Research. URL: <http://scienceworld.wolfram.com/bio-graphy/Kelvin.html> (access date: 23.10.2014).

³ *Sass S. A Patently False Patent Myth* // *Skeptical Inquirer*, Spring 1989, Vol. 13. P. 310–313.

локализованного процесса, то в отношении внутренних вызовов это не так очевидно. Ключевым здесь является то обстоятельство, что кризис принципа национального государства распространяется на все национальные государства без исключения, т. е. угроза является **повсеместной** и в этом смысле — трансграничной. В таком случае можно говорить о «природной» или имманентной трансграничности, противопоставляемой более привычной трансграничности «наведённой».

Принцип национального государства¹

Мы живем в мире национальных государств — в последние десятилетия это утверждение стало почти аксиомой. Его востребованность легко объяснима: куда комфортнее видеть в очертаниях современной политической карты мира глубинный смысл, чем считать их продуктом более или менее случайных процессов, причем продуктом сугубо промежуточным (вспомним «эффект Эдвина Друда»). Иметь хоть какое-то представление или даже мнение о сущности национального государства при этом совсем не обязательно.

Национальное государство относится к числу понятий, бытовой контекст употребления которых намного важнее семантического содержания. В восприятии большинства это, с одной стороны, обычное территориальное суверенное государство, базовый элемент международного сообщества, член ООН, а с другой — государство по определению «естественное», правильным образом устроенное, существование которого не может быть поставлено под вопрос. Чаще всего понятие используется в рамках эмоциональной дихотомии «национальное государство — империя», где первому члену отводится роль «светлой стороны».

В первой моей статье, помещённой в данном сборнике, было предложено широкое рабочее определение национального государства. Повторю его здесь: «гипотетическая форма и результат самоопределения некоторой группы, именуемой нацией и полагаемой первичным носителем власти и источником суверенитета». Политическое пространство, на которое распространяется «национальный суверенитет» (обычно соотносится с воображаемой областью проживания группы), рассматри-

¹ Отдельные положения раздела представлены в части 2.1. монографии автора. См. *Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. С. 60–65.*

вается как государственная территория. То есть предполагается, что всё человечество органично поделено на группы (нации), и проекции этих групп на политическое пространство формируют границы национальных государств. Нация первична, национальное государство вторично.

Ореол естественности национального государства вносит в эти интеллектуальные конструкции элемент долженствования. Границы государств не просто могут быть производными от неких сакральных общественных границ, а в норме **должны** быть таковыми, т. е. в идеальном мире настоящего все суверенные государства — национальные. В этом состоит принцип национального государства, он же принцип национализма, определённый Карлом Поппером как «политическое требование, согласно которому территория каждого государства должна совпадать с территорией, населённой одной нацией»¹. Так же расставляет акценты и Эрнест Геллнер: «Национализм — это... политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»². Сходно рассуждает и Хью Сетон-Уотсон: «Национализм удовлетворяется только границами, которые совпадают с национальными»³. Каждому государству — своя нация, каждой нации — свое государство.

Принцип национального государства прост и нагляден, едва ли не самоочевиден. Он создает иллюзию глобальной упорядоченности: во Франции живут французы, в Грузии — грузины, «в Китае, как ты знаешь, и сам император, и все его подданные — китайцы». На первый взгляд он гуманистичен, прекрасно сочетается с любым основополагающим элементом современной системы политических ценностей, от либерализма до права народов на самоопределение. Восстать против него — значит, автоматически навлечь на себя обвинения в этатизме и империализме. Как инструмент политической мобилизации он бесценен. И в то же время всякая попытка реализовать его на практике **последовательно** обречена на провал из-за противоречий, заложенных внутри принципа.

¹ Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Межд. фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 63.

² Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 23.

³ Сетон-Уотсон Х., Урбан Дж. Национализм и его аспекты // Проблемы Восточной Европы, № 41–42. Вашингтон, 1994. С. 18.

Прежде всего, перенос понятия из области теории в область практики требует ответа на вопрос — каким образом устанавливаются «естественные» границы общества, детерминирующие границы государств? Чтобы понять, что такое национальное государство, нужно знать, что такое нация. Однако, по признанию того же Сетона-Уотсона, «никакого “научного определения” нации разработать нельзя»¹. Даже согласные с представлением о «природном» делении общества на нации не стесняются указывать на расплывчатость понятия. Вот цитаты из работ Ганса Кона и Хосе Ортеги-и-Гассета:

«Нация это чрезвычайно сложное понятие, не поддающееся точному определению»².

«Известно, что ещё не удалось дать определение нации, если брать это слово в его современном значении»³.

Наиболее общая характеристика понятия нации, с которой согласно большинство авторов, изложена Джоном Бройи в трёх пунктах: 1) «существует нация — конкретная группа, обособленная от всех остальных человеческих существ», 2) «объектом политической идентификации и лояльности в первую очередь и главным образом является нация» и 3) «нация должна иметь политическую автономию, лучше всего — в форме суверенного государства»⁴. Всё остальное — вне консенсуса.

Поскольку мозаика наблюдаемых в мире аскриптивных и ментально-поведенческих черт человеческого континуума бесконечно пестра и вариативна от места к месту, совершенно непонятно, по каким именно пороговым признакам и критериям следует проводить границы наций. Как писал тот же Поппер, «никто не может внятно сказать, что он имеет в виду под нацией, чтобы этот фактор мог послужить основанием для практической политики»⁵. Нация — это метафора, как метко назвал

¹ Цит. по *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 28.

² *Кон Г.* Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы, № 41–42... С. 89.

³ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Х. Ортега-и Гассет. Восстание масс. Сб. М.: АСТ, 2002. С. 156.

⁴ *Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма. // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 204.

⁵ *Поппер К. Р.* Указ. соч. С. 63.

одну из своих работ Валерий Тишков¹. Налицо удивительное сочетание мощного влияния принципа национального государства на современную политическую жизнь — и его явной содержательной пустоты.

Этот парадокс объясняется просто. Национализм — феномен в первую очередь психологический, означающий самоидентификацию человека с любой общностью, в которой он может почувствовать себя среди «своих», защищённым от «чужих». Вновь вспомним Поппера²:

«Национализм взывает к нашим племенным инстинктам, к страстям и предрассудкам, к нашему ностальгическому желанию освободиться от напряжения индивидуальной ответственности, которую он пытается заменить коллективной или групповой ответственностью».

Конкретный облик групп, способных удовлетворять подобному желанию, в разных условиях места и времени может быть совершенно разным — и в каждом случае группа будет не менее «естественна», чем в любом другом. Недаром Эрик Хобсбаум прямо писал, что «...всякое достаточно крупное человеческое сообщество, члены которого воспринимают себя как “нацию”, будет рассматриваться в этом качестве и нами»³. Возможен и более циничный взгляд на ситуацию. Пустота идеи национального государства позволяет националистам наполнять её любой угодной им конкретикой. Так, любые проекты изменения государственных границ можно преподнести как реализацию принципа национального государства, придав им тем самым флёр безотносительной легитимности. И так же легко оправдать противодействие любому такому изменению.

Принцип национального государства в общем виде предполагает возможность устанавливать любые критерии определения нации. Кто-то находит её основу в единстве крови (от Адольфа Гитлера до Валерия Соловья)⁴; кто-то — в общности языка и/или территории (от Иоганна

¹ Тишков В. А. Нация — это метафора // Дружба народов, 2000, № 7. С. 170–182.

² Поппер К. Р. Указ. соч. С. 61.

³ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. С. 17.

⁴ Гитлер А. Моя борьба. М.: Т-ОКО, 1992. Соловей В. Д. Основной фактор // АПН — Агентство Политических Новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1790.htm> (дата обращения: 23.10.2014).

Фихте до Иосифа Сталина)¹; кто-то — в наследии воспоминаний и/или единстве судьбы (от Эрнеста Ренана до Мирослава Хроха)²; кто-то — просто в общем стремлении жить отдельно (от Хосе Ортеги-и-Гассета до Мюррея Ротбарда)³ и т. п.⁴ Но как бы мы ни определяли нацию, как бы ни очерчивали границы соответствующего национального государства, мы не можем оградить это государство от того, чтобы породивший его принцип не обратился против него самого, когда в качестве суверенной нации заявит о себе другая группа, сформированная по иному признаку, чем избранный нами, но в её глазах — не менее «легитимному». И в этом заключён один из главных парадоксов принципа национально-го государства: он и легитимирует государственный суверенитет как производный от абстрактного суверенитета нации, и ставит его под сомнение. Ибо каждое отдельно взятое национальное государство будет вынуждено отвечать на вызовы, исходящие со стороны других претендентов на статус нации.

Ещё один парадокс заключается в следующем. Допустим, что в общественном сознании каким-то непостижимым образом укрепилось единое представление о неких безусловных критериях суверенной нации. Но можно ли быть уверенным в том, что границы выделяемых таким образом наций, будучи спроецированными на политическое пространство, чётко и на все времена обеспечат «естественные» пределы более или менее компактных жизнеспособных государств? Ведь общество — это крайне изменчивый субстрат, оно не может застыть во времени и в пространстве. Носители нациеобразующих признаков непрерывно перемещаются, вступают друг с другом в контакт, исчезают

¹ *Fichte J. G. Addresses to the German Nation.* London: The Open Court Publishing Company, 1922; *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // И. В. Сталин. Сочинения. М.: ОГИЗ — Госполитиздат, 1946. Т. 2. С. 290–367.

² *Ренан Э.* Что такое нация? // Э. Ренан. Собрание сочинений в 12 т. Киев, 1902. Т. 6. С. 87–101; *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм...* С. 121–145.

³ *Ортега-и-Гассет Х.* Указ. соч.; *Rothbard M. N. Nations by Consent: Decomposing the Nation-State // Secession, State & Liberty / Ed. by D. Gordon.* New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1998. P. 79–88.

⁴ Подробнее об эволюции представления о феномене национального государства см. мою статью в первой части настоящего сборника.

и сменяются новыми. «Свои» могут жить бок о бок с «чужими», перемешиваясь с ними самым причудливым образом. В эпоху глобализации и тотальной информатизации это проявляется особенно ярко. Попытки выстроить на основе мгновенной фотографии расселения индивидумов корректную сетку государственных границ выглядят наивно. Британский историк-востоковед Эли Кедури высказывался в этом отношении вполне определённо: «невозможно так перекроить карту земного шара, чтобы в итоге получились только лишь гомогенные в национальном отношении государства»¹. Как бы нации ни определялись.

Границы абсолютного большинства современных государств, претендующих на статус национальных, захватывают территории проживания так называемых национальных меньшинств, находящихся «по ту сторону» национальных границ. С точки зрения формальной логики их просто не существует — иначе государство нельзя считать национальным. С точки зрения политической практики они находятся в положении «национальных парий», людей второго сорта, пусть даже их юридический статус номинально не отличается от статуса представителей титульной нации². Эту ситуацию ещё в середине XIX в. ёмко описал лорд Актон: «Настаивая на национальной независимости, на том, что у всякой нации в принципе должно быть своё государство, она [теория национализма] тем самым ставит в подчинённое положение любую другую нацию, оказывающуюся в границах национального государства. Она в принципе не может допустить равенства национальных меньшинств с основной нацией, образовавшей государство, ибо при этом государство перестаёт быть национальным, т. е. вступает в противоречие с основным началом своего существования»³.

Неудобная для многих правда заключается в том, что молодчики, скандирующие «Россия для русских!», являются вполне последовательными националистами. Как им же являлся и первый президент Грузии Звиад Гамсахурдия, открыто заявлявший, что «осетинский народ —

¹ Урбан Дж., Кедури Э. Национализм и равновесие сил // Проблемы Восточной Европы... С. 212.

² Отметим, что в некоторых государствах, таких как Латвия и Эстония, подобное разделение официально закреплено в правовой системе в виде существования института «негражданства».

³ Актон Дж. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм... С. 49.

мусор, который надо вымести через Рокский тоннель»¹. Действительно, единственный «честный» способ не изменять принципу — это уничтожить либо изгнать всех «чужих». Тогда границы совпадут, и государство станет подлинно национальным.

В качестве контраргумента традиционно приводится известное разделение национализма на «неправый» этнический (изолирующий или исключаящий) и «правый» гражданский» (включающий). Первый рассматривает нацию как закрытую группу, сформированную вокруг общности аскриптивных признаков, «имеющую глубокие исторические корни, социально-психологическую или даже генетическую природу»². Второй строится на понимании нации как совокупности индивидуумов, объединённых желанием быть объединёнными и только. Во втором случае каждый волен выбирать, к какой нации принадлежать, что делает национальную гомогенность номинально достижимой.

В реальности же редкое государство рассматривается как продукт чистого гражданского национализма, не отягощённого культурными артефактами. Во-первых, полностью свободный выбор национальной идентичности в условиях отсутствия государства априори затруднен. Это «миф гражданского национализма» — так скептически озаглавил свою работу канадский политический теоретик Бернард Як³. Во-вторых, такой подход попросту нецелесообразен, так как не предоставляет нации защиты от развития внутри неё новых национализмов. В самом деле, какой резон строить государство на базе «нации по согласию»⁴, если от неё в любой момент может отколоться другая нация? Гораздо надёжнее «привязать» идентичность к более прочному основанию, пусть даже это будет вполне эфемерный «национальный дух» или «общность судьбы».⁵

¹ Маркедонов С. М. Земля и воля Звиада Гамсахурдиа // Информационный сайт политических комментариев Политком.RU. URL: <http://www.politcom.ru/article.php?id=4379> (дата обращения: 23.10.2014).

² Тишков В. А. О нации и национализме // В. А. Тишков. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. С. 78.

³ Як Б. Миф гражданской нации // Прогнозис, 2006, № 2 (6). С. 156–171.

⁴ Термин предложен американским экономистом Мюрреем Ротбардом. См. Rothbard M. N. Op. cit.

⁵ О сомнительности чёткого разграничения этнического и гражданского национализма см. также: Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении

Корректнее говорить об использовании риторики гражданского национализма для укрепления власти в государствах с гетерогенным населением. Декларируемая возможность войти в состав титульной нации на деле оборачивается отсутствием возможности не входить в неё. Тот же Гамсахурдиа грозил¹:

«Мы пойдем по Осетии, и пусть осетины либо покорятся и *станут грузинами*, либо, если они так любят русских, уходят из Грузии в Россию (курсив мой — Ф. П.)».

Яркую картину использования такого «официального национализма» (по сути — психологической ассимиляции) рисует в своих работах Бенедикт Андерсон². Принцип переворачивается с ног на голову: не государство нарастает на скелете нации, а нация номинально растягивается по размерам прокрустова ложа государства.

Но главное даже не это. Какими бы ни были первичные границы общества — зримыми, жёсткими, раз и навсегда закреплёнными либо иллюзорными, пластичными, неустойчивыми — к ним предъявляются одни и те же требования: их проекции на политическое пространство должны образовывать целостные государства. Границы согласия — или, лучше сказать, границы настроения — точно так же делят общество на «своих» и «чужих», распределение которых по территории произвольно; переход от общества к пространству остаётся столь же затруднительным.

Существует и иной подход к определению нации — как простой совокупности граждан суверенного государства. По терминологии Роджерса Брубейкера, это «государствоцентричное» понимание нации³. В этом случае политические границы и границы общества также совпадают, однако первично здесь государство, тогда как нация — вторична.

национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 99–104; Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 139–140.

¹ Маркедонов С. М. Указ. соч.

² См. Андерсон Б. Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? // Русский Журнал. URL: <http://old.russ.ru/politics/20011219-and.html> (дата обращения: 03.03.2014); Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 105–132.

³ Брубейкер Р. Указ. соч. С. 102–103.

Понятие национального государства теряет смысл, любое государство есть nation-state. Утрата сакральности снижает привлекательность термина, но только в таком контексте использование всего понятийного ряда («нация», «национализм», «национальный интерес» и т. п.) не противоречит логике. Корректность такой трактовки подчеркивали и лорд Актон¹, и Карл Поппер².

Настоящее и будущее национального государства

Так что же будет с миром национальных государств? Ничего — поскольку мира национальных государств в действительности не существует, более того, он никогда не существовал и не мог существовать. Мир-организм, гармонично разделённый на естественные государства-ячейки, каждая из которых населена только теми, кому от природы дано право её населять, мир без несогласных и неудовлетворённых, мир сплошного большинства — это даже не утопия, а скорее фантастическая антиутопия в духе Джека Финнея или Олдоса Хаксли³. Мы живём в другом мире — в мире **националистических государств**, отличающихся от предшественников не своей природой, а мифом о своей природе, государств узаконенной дискриминации под маской свободы и равноправия.

Велик соблазн уподобить национальное государство андерсеновскому «новому платью короля», но это сравнение было бы не слишком корректным: миллионы людей искренне считают, что видят изысканный национальный наряд, особенно, если речь идет об «их» государстве и «их» нации. Убедительная сила принципа настолько велика, что люди продолжают верить в естественность членения мира на национальные государства, а политические деятели — активно использовать данную веру для достижения собственных целей. Чёткого разграничения здесь нет: вера, сталкиваясь с сомнениями, призывает на помощь хитрость, а хитрость нередко перерастает в веру.

Обрисованные ранее вызовы нации-государству не касаются напрямую его природы: как писал Юрген Хабермас, «говоря о “ниспроверже-

¹ Актон Дж. Указ соч. С. 44.

² Поппер К. Р. Указ. соч. С. 63.

³ Имеются в виду романы Финнея «Похитители плоти» и Хаксли «О дивный новый мир», в которых показано общество тотального благоденствия, состоящее из стандартизированных людей-болванок.

нии” национального государства, мы прежде всего думаем о давно отмечаемых изменениях системы государств, возникшей благодаря Вестфальскому миру»¹. В большинстве случаев понятие используется в бытовом значении. Хотя некоторые авторы улавливают конфликт между глобализацией и собственно принципом национального государства, предлагая альтернативы тандему нации и национального (националистического) государства («космополитичное государство» Ульриха Бека², «космополитическая нация» Энтони Гидденса³ и т. п.), такие концепции составляют выраженное меньшинство.

Вместе с тем для фактической дискредитации принципа национального государства не требуется вмешательства извне. Может показаться странным, но чем больше людей проникается этой идеей, тем слабее оказывается её воздействие на политическую реальность. Любая аргументация хороша лишь тогда, когда она доступна ограниченному числу спорящих, если же оружие может использовать кто угодно и как угодно, оно теряет силу. Статус нации обретает всё большую ценность в глазах каждого в отдельности, но одновременно обесценивается в целом. Когда Вудро Вильсон пытался кроить политическую карту Европы в соответствии с мнимым принципом национального государства, главными его противниками оказались всё же не «обиженные» версальским договорами нации, а державы-победительницы да возмущившаяся Турция. Через 70 лет распад СССР и СФРЮ по формально национальным границам вызвал к жизни целый вал встречных национальных движений, что привело к развязыванию десятка политических и военных конфликтов, часть которых не угасла до сих пор. И вопреки священному принципу, ни одно из тогдашних требований не было удовлетворено.

В первое десятилетие XXI в. в мире насчитывалось 168 политических сецессионистских движений целевого характера⁴. Абсолютное большинство из них имело более или менее отчётливую националистическую подоплеку. И лишь в трёх случаях — в Южном Судане, в Черно-

¹ *Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии // *Логос*, 2003, № 4–5 (39). С. 115.

² *Бек У.* Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // *Свободная мысль*, 2004, XXI, № 7. С. 3–11.

³ *Гидденс Э.* Навстречу глобальному веку // *Отечественные записки*, 2002, № 6 (7). С. 436–452.

⁴ *Попов Ф. А.* География сецессионизма в современном мире... С. 235–620.

гории и в Восточном Тиморе — их деятельность завершилась образованием новых «национальных» государств. В ближайшие годы ожидается проведение санкционированных центром референдумов по вопросу независимости Новой Каледонии и Бугенвиля. Но даже с их учетом это капля в море огромного числа заявленных потенциальных национальных государств (а ведь есть ещё многообразные территориальные споры и проекты слияния государств, которые также нередко окрашиваются в националистические цвета). В то же время, такие самостоятельные политические образования, как Республика Косово, Республика Абхазия, Турецкая Республика Северного Кипра или Республика Сомалиленд, вычлененные из ткани материнского государства по всем канонам национализма, уже по несколько десятков лет пребывают в состоянии непризнанных государств, государств де-факто. Как видно, сейчас принцип уже практически не работает, действительность, казалось бы, доказала его несостоятельность.

Здесь целесообразно вновь обратиться к Друкеру, а точнее — к его поздним работам. Констатируя в середине XX в. смерть национального государства, в его конце он признаёт, что кандидат в покойники демонстрирует удивительную жизнестойкость и, по всей видимости, выдержит натиск экономической глобализации и информационной революции — в изменённом виде, но сможет¹. И Фукуяма, отвечая на прямой вопрос в интервью 2005 года, заявляет, что взгляды его изменились и «национальные государства сохраняются»². Подобные перемены в настроении, пусть продиктованные разными соображениями, говорят в пользу того, что слухи о кончине национального государства сильно преувеличены.

Несмотря на то, что сейчас национальное государство терпит поражение на поле уже не только отвлечённой теории, но и политической практики, оно сохраняет силу в третьей ключевой области — в области веры. Здесь бессильна как логика, так и накопленный опыт: верую, ибо

¹ *Drucker P. F. The Global Economy and the Nation-State // Foreign Affairs, 1997, Vol. 76, No. 5. P. 159–171.*

² Беседа с Фрэнсисом Фукуямой в Вашингтоне // Информационно-аналитический портал Геополитика. URL: <http://www.geopolitica.ru/Articles/91/> (дата обращения: 23.10.2014); Интервью Александра Дугина с Фрэнсисом Фукуямой (видео) // Евразия ТВ. URL: <http://www.evrazia.tv/content/intervyu-aleksandra-dugina-s-frensisom-fukuyamoy> (дата обращения: 23.10.2014).

нелепо. В этом смысле идею национального государства можно сравнить с идеей социализма: сколько бы наглядно крах СССР и советского блока ни демонстрировал нежизнеспособность соответствующего общественного строя, тысячи и тысячи людей по всему миру будут и дальше верить в его идеалы.

«Категория нация-государство бессмысленна в научном и неприменима в политико-правовом смысле»¹ — утверждает Валерий Тишков — но в её несокрушимую силу по-прежнему верят. Национализм сродни религии, в нём нельзя разобраться или разочароваться, можно лишь разувериться. И остаётся надеяться, что когда-нибудь в будущем общество «наиграется» с этой идеей и отправит национальное государство «в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»².

* * *

В заключение предположим, что наиболее действенный путь ослабления националистического мифа заключается в противопоставлении ему другого мифа, столь же иррационального. Таковым — почему бы нет? — может выступать миф спортивных пристрастий. Для болельщика, как и для националиста, мир чётко поделен на два лагеря — на «своих» и «чужих» — и никакого иного основания, помимо веры, у этой биполярности нет. Объекты национальной и болельщицкой идентичности могут не совпадать, однако стоит за спиной спортсмена возникнуть государственному флагу, как нация и команда сливаются воедино, что порой становится причиной внутреннего конфликта.

Когда в 1998 г. сборная Франции по футболу, составленная в своём большинстве из игроков алжирского, ганского, сенегальского, армянского, португальского, аргентинского происхождения, выходцев из Гваделупы, Новой Каледонии, Французской Гвианы, стала чемпионом мира, это нанесло мощный удар по позициям французских националистов, чей лидер Жан-Мари Ле Пен рьяно критиковал команду за вопиющую «нефранцузскость». Когда в 2007 г. в финале чемпионата Европы по баскетболу натурализованный американец Джон Роберт Холден точным броском за две секунды до конца матча принес сборной России

¹ Тишков В. А. Нация — это метафора... С. 182.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 173. Энгельс в данном случае писал о государстве вообще, а не о нации-государстве.

победу, возмущения по поводу «национально чуждого элемента» в составе сразу поутихли. Победителей любят, и сейчас герои Олимпийских игр в Сочи шорт-трекист Виктор Ан и сноубордист Вик Уайлд, принесшие России на двоих пять золотых медалей, уже не выглядят в глазах болельщиков чужаками, несмотря на своё корейское и американское происхождение, слабое знание русского языка и отсутствие пафосных заявлений о «русском духе». Они оба — граждане России, родившиеся и выросшие за её пределами, не связанные с ней ни культурно, ни исторически, оба «russians», но не «русские», а «россияне», — члены российской «государствоцентричной» нации, ставшие «своими» **вопреки** принципу национального государства. Может быть, все-таки есть шанс, что в интервью 2005 года Фукуяма опять ошибся?

КРИЗИС ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ФЕНОМЕН

Марилиза Лоруссо

За некоторыми исключениями, все национальные государства приняли представительную систему правления, а та предполагает отбор и/или легитимацию правящей элиты посредством выборов. В случае законодательных органов избиратели выбирают между кандидатами в депутаты, чьи имена включены в списки политических партий (в странах с однопартийной системой — в список единственной партии). Как следствие, политические партии в их качестве институциональных акторов являются ключевым фактором нормального функционирования непрямой демократии.

Тем не менее, исходя из данных специальных исследований¹ и из сравнительного анализа политического ландшафта различных государств, можно утверждать, что политические партии находятся сейчас в глубоком кризисе, истоки которого нужно увязать с явлениями, выходящими за пределы национальных границ. Нынешний закат партийной системы касается самого существования классической модели представительного правления в национальных государствах. И по-

¹ См., например: *Gallagher M., Laver M. and Mair P. Representative Government in Modern Europe: Institutions, Parties, and Governments*, New York: McGraw, 2000; *Heidar K. and Ruud K. Parliamentary Party Groups in European Democracies*. London: Routledge, 1999. См. также многочисленные статьи, в том числе по результатам исследований на конкретных примерах, представленные в международном научном журнале «Party Politics» (с 1996 г. по настоящее время), посвящённом политическим партиям и организациям. В Сети он доступен по адресу: <http://ppq.sagepub.com/> (access date: 15.02.1214).

скольку это очень распространённое явление, в Европе, по крайней мере, встречающееся повсеместно, оправданно квалифицировать его как трансграничную угрозу.

Партии и политика

Политические партии определяются как организованные группы людей со сходными политическими целями и мнениями, пытающиеся влиять на государственную политику посредством продвижения своих кандидатов на выборные должности. В их нынешнем, привычном для нас виде политические партии — относительно новые игроки на политической сцене. Возникли они в XIX в., когда принцип представительного правления получил широкое распространение. До этого были различные политические группы влияния, обычно основанные на цензе, иногда с официально признанной ролью в совещательных органах, представлявших верховному правителю свои прошения, мнения и ходатайства. Эти системы очень сильно различались от страны к стране, а их эффективность зависела от воли монарха, будь то король, император или султан.

В конце XVIII — начале XIX в. в Европе дворяне, средний класс и буржуазия, усилившаяся благодаря промышленной революции, настойчиво ставят вопрос о том, как включить в процесс принятия решений (или, при более жёстком режиме правления, — в процесс обсуждений) проблемы, важные для различных классов, формирующихся в обществе. Ответ пришел не сразу, но всюду оказался практически одним и тем же: законы должны создаваться и одобряться специальным органом, парламентом, в котором институциональное представительство граждан осуществляют политические партии. В XX в. эта модель разделилась. В странах, где единство граждан считалось чем-то очевидным *in fieri vel in acto*, сложилась однопартийная система; в странах, где общество понималось как нечто сложное и многообразное, приняли многопартийную систему. В настоящей работе рассматриваются партии, действующие исключительно в условиях многопартийности. Вопрос о том, насколько адекватно в обществах с однопартийной системой осуществляется представление различных мнений и идентичностей, остаётся спорным. В любом случае для ответа на него требуется подход, отличный от принятого автором статьи.

Партии не изолированы от общества. Их структура и деятельность зависят от политического ландшафта, в который они вписаны. В то же

время они сильно различаются в том, что касается принципов их организации, размера, роли в жизни страны, международных связей, политической ориентации.

Приведем лишь несколько критериев классификации партий.

1. По организации: «низовая» (массовая) — «верхушечная» или кадровая (состоящая из профессиональных политиков).

2. По размеру: мелкая — крупная, миноритарная — мажоритарная.

3. По месту: парламентская — внепарламентская.

4. По ориентации на то или иное «политическое семейство»: социалисты, «зелёные», либералы, христианские демократы, фашисты, коммунисты и т. д.

Чтобы показать, как на практике работает партийная система, Пиппа Норрис в её известном исследовании политических партий представляет отношения между правовым устройством, функциями партий и стратегиями партий / избирателей так, как это изображено на рис. 1.

В первом (верхнем) ряду представлено правовое обрамление выборов. Производными от него выступают возможности партий номинировать кандидатов, проводить избирательную кампанию и получить места в парламенте, в обобщённом виде представленные во втором ряду. Третий ряд содержит стратегии, следующие из сочетания правовой структуры и выбора, делаемого партиями и избирателями. В нижнем дополнительном окошке раскрываются внеправовые аспекты процесса, влияющие на установки и решения партий и избирателей. Наконец, в самом низу показана петля обратной связи между результатами выборов и руководством избирательным процессом; с её появлением фактически начинается новый такой процесс.

Исследование Норрис посвящено апогею партийной деятельности — выборам, когда заметность партий в общественной жизни достигает максимума. Некоторые партии — вообще только «выборные»: прекращают свое существование после завершения электорального цикла. Моя же статья — о динамике значимости партий, а не об их различиях или электоральных стратегиях.

Представительство — главная проблема. В странах с представительной демократией, а также в государствах с недемократическими режимами, легитимирующими себя с помощью фасадных демократических форм правления, у политических партий много задач, но только две основные функции: институциональная и общественно-политическая. В любом государстве граждане могут организовываться для

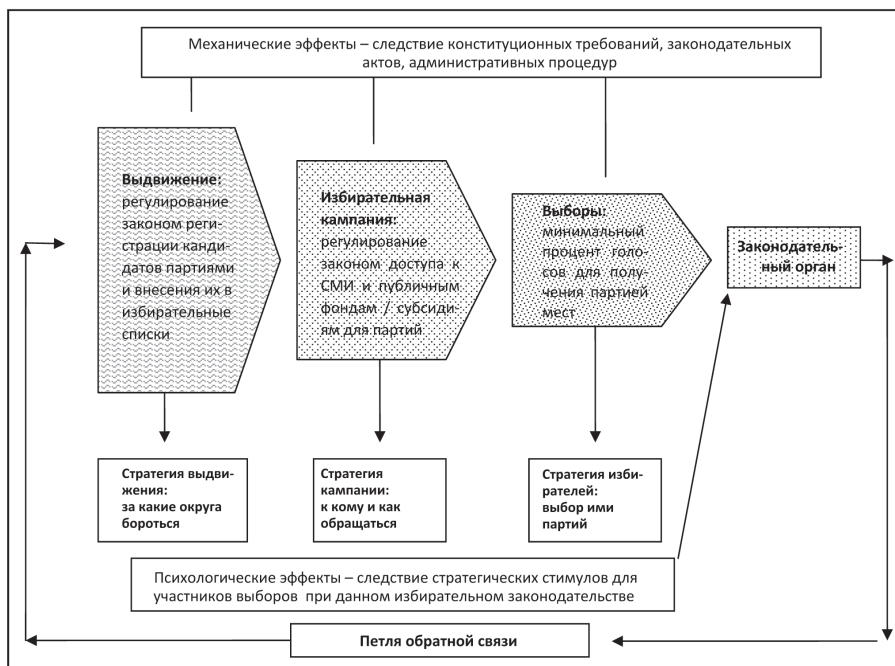

Рис. 1. Схема работы партийно-политической системы

Источник: Norris P. Building Political Parties: Reforming Legal Regulations and International Rules. Report Commissioned by International Idea, 2004. P. 7 // Idea.int. URL: http://www.idea.int/parties/upload/pippa%20ready%20for%20wev%20_3_.pdf (access date: 23.03.2013).

политического действия самыми разными способами, объединяться в лоббистские группы, ассоциации, профсоюзы и т. п.; но только политические партии наделены правом готовить законопроекты, писать, менять и вводить в действие законы. Партии — институциональный «глас народа», они осуществляют связь между государственными структурами и гражданским обществом. Для выполнения этой функции нужна политическая привлекательность, что, в свою очередь, предполагает, что партии должны:

- отбирать и озвучивать нужды и проблемы так, как их понимают члены партии и её электорат;
- обучать избирателей работе политической и электоральной системы, создавать общеполитические ценности;

— соблюдать равновесие между противоречивыми требованиями и переводить их в стратегии общей политики;

— мобилизовывать граждан на участие в принятии политических решений, и преобразовывать их мнения в важные для государственной политики меры;

— доносить до правительства общественное мнение;

— рекрутировать / обучать кандидатов на общественные (государственные) должности¹.

Эти требования выполняются при следующих условиях:

— когда правовой порядок поощряет присутствие и активную деятельность политических партий;

— когда они могут решать стоящие перед ними задачи беспрепятственно;

— когда различные общественные структуры идентифицируют себя как минимум с одной политической партией;

— когда те же структуры принимают участие в политическом процессе;

— когда парламент выполняет свою институциональную и демократическую роль — является законодательным органом;

— когда, даже при бурной политической и идеологической борьбе участники политического процесса уважают конституционный порядок;

— когда партии пользуются определённым уровнем доверия.

Отталкиваясь от последнего пункта, попытаемся проанализировать нынешние обстоятельства существования партий и оценить их эффективность.

Партии и идеологии

Выборная демократия основывается на свободной и открытой конкуренции между партиями, предлагающими различные программы и кандидатов — так, что у гражданина на избирательном участке есть свободный выбор². Если политическая партия представляет группу людей, приверженных определённому взгляду на мир, ей необходима соб-

¹ Этот перечень был представлен в Сети электоральных знаний. См.: The Electoral Knowledge Network. URL: <http://aceproject.org/ace-en/topics/pc/pca/pca01/pca01a> (access date: 21.03.2013).

² Norris P. Op. cit. P. 5.

ственная идеология. Трагедия многих современных политических партий заключается в том, что они пережили идеологии, ради которых и в рамках которых были созданы. В XIX–XX вв. все партии, от либералов до фашистов и коммунистов, от умеренных социал-демократов до радикалов и республиканцев, были связаны с идеологиями, обладавшими мощной теоретической базой, нормативным подходом к социальным проблемам и инициативными программами, основанными на определённом видении общества, религии, экономики, истории и человеческой природы. Особенно расцвели идеологии в XX в. — а с ними и массовые партии (одновременно с получением широкими слоями населения права голоса). Но распад Советского Союза нанес этому процессу сокрушительный удар. Можно сказать, что социализм и век идеологий закончился вместе с СССР; социализм и коммунизм утратили доверие, левые партии — политическую легитимность. Они сохранили, что могли, от своего электората и передали некоторые свои ценности новым социал-демократическим партиям, которым нередко приходилось менять название. Марксизм и социализм, большевики и социал-демократы — эти различия интересуют теперь только историков. Некоторые группы убеждённых социалистов держатся на политической сцене, но социализм как идеология остался в прошлом. Возможно, со временем они вернутся на пьедестал истории; но в качестве массовых движений возродиться им вряд ли суждено.

С другой стороны, фашистские партии, движения и идеологии переживают возрождение. Историческими образцами для них служат фашистские режимы в Германии и Италии первой половины XX века; они погибли не по внутренним причинам, а были сметены мировой войной, которую сами же и развязали. Станным образом современные фашисты верят, что это поражение никоим образом не доказывает ошибочность их идеологии, несмотря на то, что неотъемлемой её частью является уничтожившая их предшественников война — логическое следствие теории о господстве той или иной расы или культуры на определённой территории.

Фашистская идеология показала себя как нечто дестабилизирующее и контрпродуктивное во всех сферах политики и общественной жизни, но прежде всего — что парадоксально! — в сфере безопасности, о которой так упоённо пекутся ультра-националисты. Современный фашизм основан на фальсификации исторической памяти, невежестве, страхах и (гораздо сильнее, чем в 1920-е гг.) — на лицемерии.

Все, кто хоть как-то разбираются в современной социально-экономической системе, знают, что процветание и даже выживание любой страны зависит от интеграции и взаимосвязей. Национальные государства — это порождение века железных дорог; мы же живем в эру самолетов, когда сводить картину мира к масштабу одного изолированного сообщества, по сути, означает или буквально совершить самоубийство, или постоянно врать на уровне государственной политики. Тем не менее неофашизм пользуется большой и растущей популярностью. Личной и коллективной безопасности придётся заплатить за это немалую цену. Фашистская модель опирается на веру в возможность повернуть время вспять. Конечно же, это мистификация, психологическое убежище, где любят прятаться те, кто не ждёт от будущего ничего хорошего.

И последнее замечание по поводу того, что реалии XX века должны в нём же и остаться: диктатура не может служить реальным вариантом политического развития. Она уже после Второй мировой войны перестала быть культурно престижной формой правления — хотя бы вследствие краха тех же фашистского режимов. Конечно, диктатуры в немалом числе здравствуют и сейчас, но никто в наше время не объявит себя диктатором с гордостью. Уже послевоенные социалистические республики называли себя народно-демократическими. У демократии сейчас нет альтернативы — существуют только различные варианты и концепции демократии. Эта модель явно победила: демократические государства более стабильны, с лучшим качеством жизни, они лучше переносят кризисы, не скатываясь к хаосу. Легитимность государства на международной арене тесно связана с его демократическими качествами. Каким бы спорным ни был этот принцип, он является фактом современной политической реальности.

Демократия и капитализм вступили в новое тысячелетие без каких-либо сильных идеологических конкурентов, за исключением ультраконсервативных движений, маркированных религиозной или этнической идентичностью. Последней — и исчезнувшей — альтернативой был социализм, предлагавший иную модель культуры и экономики. Парадокс, однако, заключается в том, что демократия — это модель политического управления, основанная на адекватных ценностях, на уважении к правам человека, но не обладающая полноценной идеологией. Принцип уважения права частной собственности делает её частично совместимой с капитализмом — но не всегда. У капитализма

свои собственные ценности, своё видение мира, но как бы расширительно мы его ни понимали, он всё-таки остается экономической системой по преимуществу. Неолибералы легитимируют свою идеологию единством капитализма и либерализма — однако такой подход зиждется на мистификации. Ибо неолиберализм предаёт многие ключевые ценности либерализма. Достаточно указать на то, что глобализация способствовала усилению гигантских транснациональных корпораций, которые попирают и искажают принцип свободной конкуренции. В самом деле, не так уж сложно сравнить ту роль и функцию, какую свободный рынок играл в эпоху Адама Смита и какую он играет в современном мире¹:

«Рыночные отношения выстраиваются между равными и таким образом позволяют нам пользоваться преимуществами разделения труда с достоинством и самоуважением. Удовлетворить наши потребности и не потерять человеческое достоинство в условиях свободного рынка проще, чем в дорыночных отношениях благодетелей, патроната и зависимости... для Смита рынок является плотной сетью отношений, в рамках которой индивиды, движимые главным образом себялюбием, сотрудничают как равные, к взаимной выгоде».

Но «формальная свобода выйти на рынок не работает, если у людей нет возможностей стать эффективными акторами на этом рынке²»

С прагматической точки зрения при объединении демократии и свободного рынка возникает целостная система, в которой постоянно ведутся торги и переговоры. Однако капитализм нередко противодействует ценностям демократии, особенно если его функционирование ничем не регулируется. Здесь опять же отсутствует заслуживающая доверия альтернатива. В результате избиратели, особенно слабо информированные и относительно апатичные, на вопрос об их политических предпочтениях заявляют, что «все партии одинаковы». Для значительной части общества, равнодушно относящейся к политике, партии представляются бесполезными организациями, чья единственная цель — самовоспроизводство. И число таких людей всё растёт и растёт.

¹ *Bruni L.* New rights for the exercise of responsible citizenship // *Trend in Social Cohesion*. Council of Europe Publishing, 2005, No. 14. P. 70.

² *Ibid.* P. 73–74.

«Больной человек» демократии

Отправной точкой нашего анализа будет рис. 2.

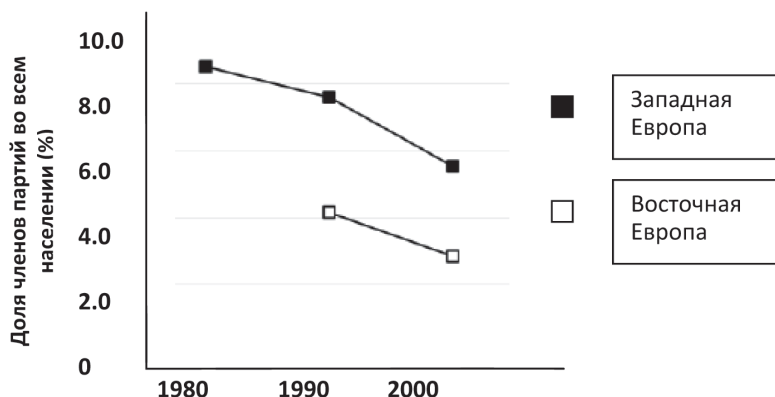

Рис. 2. Изменения доли членов партий во всем населении, Западная и Восточная Европа, 1980–2000

Источник: The Future of Democracy: Trends, Analyses and Reforms. A Green Paper for the Council of Europe / Integrated project “Making democratic institutions work”, Council of Europe Publishing, 2004. P. 41. URL: http://www.coe.int/t/dgap/democracy/activities/keytexts/02_green_paper/greenpaper_bookmarked_en.asp (access date: 08.05.2014).

Данные рис. 2 относятся к последнему десятилетию XX в., но тенденция к падению членства в политических партиях имеет место и сейчас. Партиям свойственно обвинять друг друга в том, что люди недовольны политической системой; а тем временем машина представительной демократии медленно, но верно скатывается вниз по склону недоверия политике. У этого процесса есть несколько ощутимых последствий.

Партийные программы. Политические партии, по идее, объединяют и озвучивают интересы общественных групп, поэтому должны собирать мнения и требования своих избирателей. Когда этот механизм полностью или частично «заклинивает», у избирателей появляется ощущение, что партия не представляет их интересы, её программа кажется им абстрактной и далёкой от их нужд, и они не считают легитимными те принятые парламентом страны меры, что согласуются с партийными программами. Иными словами, отсутствие «связи с народом» у партий частично подрывает доверие и к законодательным органам.

Проблема недоверия проявляется гораздо ярче в период выборов, когда партии пытаются «достучаться» до более апатичных слоев электората или вернуть разочаровавшихся в них избирателей. Но это только верхушка айсберга. Сильнее всего партии игнорируются во время относительно долгих, протяжённостью в четыре-пять лет, периодов между выборами. Из-за глубокого недоверия к этой форме политической организации новые партии вообще стараются не называться партиями. Они предпочитают использовать названия «лига», «объединение» либо «движение», якобы увязывающие их легитимность с непосредственной волей народных масс. Вот три сравнительно недавних примера:

- движение «Единая нация», бывшее правящей партией Грузии в 2004–2012 гг.;
- Лига Севера¹ в Италии;
- «Движение пяти звезд»² там же (обе эти самопровозглашённые антисистемные силы попали в парламент страны).

Короче говоря, для правильного функционирования представительной демократии партии должны находиться в постоянном диалоге со своими избирателями и сочувствующими. Отчёты о реализации партийной, особенно предвыборной, программы, соответствие слова делу должны определять повседневную деятельность партий. Когда партии теряют связь с обществом, они уже не могут выражать его требования и ожидания, общество их больше «не узнаёт», партийное руководство не может достучаться до электората и лишается его поддержки, а сама партия теряет чувство цели и свою идентичность. Спираль спроса и предложения, контроля и удовлетворения обращается в свою противоположность — в водоворот фрустрации и взаимного недовольства.

¹ «Лига Севера» (полное итальянское название — “Lega Nord per l’Indipendenza della Padania”) требовала выделения семи северных регионов Италии (Фриули – Венеция – Джулии, Венето, Ломбардии, Трентино – Альто-Адидже, Валле-д’Аоста, Пьемонта и Лигурии) в независимое государство Паданию. В период Второй республики (1994 — по н/в) входила в состав всех правящих коалиций. Дополнительную информацию см. на сайте движения: www.leganord.org.

² «Движение пяти звёзд» (“Movimento 5 Stelle”, M5S) основали комик Бeppe Гpилло и интернет-предприниматель Джанpоберто Казаледжо. Оно опирается на Интернет-платформу и представляет электронную демократию как альтернативу имеющейся. В феврале 2013 г., набрав более 25% голосов, заняло третье место на парламентских выборах. Основная информация о движении представлена в блоге Бeppe Гpилло: www.beppegrillo.it.

Партийные взносы и сбор средств. Наряду с контролем над партийными программами, есть ещё одна важная проблема, возникшая из-за ослабления гражданского участия в деятельности партий: сокращение взносов и доходов. Положение усугубляется тем, что тенденция к такому сокращению совпала по времени с масштабным ростом расходов в политической борьбе. Предвыборные кампании стоят всё больше: чем меньше политического энтузиазма, тем сильнее потребность в рекламе — на телевидении и вебсайтах, в газетах и журналах, с помощью рекламных плакатов, листовок, гаджетов и т. д. Всё это требует денег — очень много денег. Политика становится всё более дорогостоящим удовольствием, без крупного капитала сейчас практически невозможно вести политическую борьбу. Способы, которыми партии решают эту проблему, открывают ящик Пандоры: тут и конфликты интересов, и лоббирование, и коррупция... Как следствие, по доверию к партиям наносится ещё один сокрушительный удар.

В проведённом Советом Европы в 2008 г. исследовании о том, насколько велика доля партийных взносов в финансах европейских партий, сообщается следующее¹:

«Во многих странах партийные членские взносы играют важную роль. Например, они составляют около 30% доходов Социал-демократической партии и Христианско-демократического союза Германии, 38% доходов лейбористской партии (на 2004 г.), 22% доходов Социалистической партии Франции (2003) и почти 50% официального бюджета КППФ. С другой стороны, в жизни множества партий членские взносы не играют особой роли — например, в жизни Консервативной партии Великобритании (4%) или партии «Единая Россия» (4%). Государственные субсидии — ещё один важный источник дохода, а иногда — самый важный. Они составляют более 32% бюджета главных политических партий Германии, более 42% доходов Социалистической партии Франции. При этом в Великобритании субсидии государства почти не имеют значения; в России их доля колеблется от 1% («Единая Россия») до 9% (КППФ). Во многих странах партиям и отдельным кандидатам государство возмещает расходы на предвыборные кампании; партии также получают возможность бесплатно рекламировать себя на телевидении и по радио.

Помимо членских взносов и государственных субсидий, крайне важную (и противоречивую) роль в финансовой жизни партий играют

¹ The Council of Europe Octopus conference book “Corruption and Democracy”. Strasbourg: Council of Europe Publishers, 2008. P. 33.

частные пожертвования. В 2004 г. они обеспечили 34% партийного бюджета британским лейбористам и 69% — консерваторам. В России из этого источника формируется 95% бюджета «Единой России» и ЛДПР (на 2005 год). Даже в странах, где главное значение имеют членские взносы и государственные субсидии, частные пожертвования также важны. В Германии они составили в 2003 г. от 6 до 13% бюджета основных политических партий. Важность этого источника будет только возрастать по мере сокращения числа членов партий во многих европейских странах».

Такой дисбаланс членских взносов и частных пожертвований влечёт за собой следующие риски для деятельности партий, их политики и приоритетов¹:

«— усиливается политическое неравенство. Принцип “один человек — один голос” компрометируется <...> Деньги (и стоящие за ними частные интересы) могут стать важнее принципа равного доступа к ответственным постам и выборным должностям;

— политические деньги могут просто купить доступ к государственным должностям. У тех, кто может внести большую сумму в партийную кассу, гораздо больше шансов быть услышанными, а те, кто финансирует деятельность партии и избирательные кампании, получают возможность добыть себе место в выборных списках;

— из соревнования политических позиций и идей выборы превращаются в соревнование партий и кандидатов по принципу “кто лучше сможет собрать деньги”. В итоге предвыборная борьба утрачивает всякую связь с политическими дискуссиями;

— партии и политики рискуют быть втянутыми <...> в представление и защиту частных интересов. Они начинают отвечать уже не перед своими избирателями, а перед своими спонсорами. <...> Партии, опирающиеся на частные пожертвования, меньше связаны и со своим электоратом, и со своими членами, а партийные лидеры могут превращать спонсорские деньги в политический капитал, позволяющий им управлять партией;

— неупорядоченные партийные финансы непрозрачны. В итоге избиратели не могут определить, чьи именно интересы защищают политики, и не могут их контролировать».

Закономерен итог такой картины политического финансирования, породившего элиту высокооплачиваемых «слуг народа» в лице постоянного, многочисленного и растущего бюрократического аппарата.

¹ Ibid. P. 34.

Простые граждане убеждены: «все партии одинаковы», их единственная цель — удержать свои привилегии и укрепить благосостояние правящего класса, которому они служат. Это подтверждают и опросы: политические партии попали в группу институтов, которым европейцы доверяют меньше всего (рис. 3).

Высший надзорный орган	
Орган, ответственный за выборы	
Омбудсмен	
Судебная система	
Исполнительная власть (правительство)	
Правоохранительные органы	
Законодательный орган (парламент)	
СМИ	
Гражданское общество	
Политические партии	
Госсектор	
Бизнес	
Органы борьбы с коррупцией	

Рис. 3. Как в Европе оцениваются различные институциональные секторы

Источник: *Mulcahy S. Money, Politics, Power: Corruption Risks in Europe* // Transparency International, 2012. P. 18. URL: [http:// www.transparency.de/fileadmin/pdfs/Wissen/TI_Corruption-Risks-in-Europe.pdf](http://www.transparency.de/fileadmin/pdfs/Wissen/TI_Corruption-Risks-in-Europe.pdf) (access date: 24.03.2013).

Степень доверия к различным институтам рассчитывалась по количественным данным из 24 стран. Общий показатель по каждому институту был получен путем усреднения оценок, которые в каждой стране поставили тому или иному институту / сектору. Светлая горизонтальная штриховка соответствует среднему рейтингу, равному 71 из 100 и выше, точечное заполнение средней интенсивности — рейтингу 61–70, самое темное — 60 и ниже.

Первый шаг к исправлению ситуации — лучшие практики и инновации

Как утверждалось выше, не доходящие до «верхов» требования «низов», — важный дестабилизирующий фактор общественной жизни. Национальные государства вынуждены как-то решать эту проблему. Кризис представительной демократии широко обсуждается в Европе. Почти все согласны: прежде всего партиям необходимо «навести порядок в своём доме» — принять некие кодексы поведения; конфликты интересов и лоббирование должны быть управляемыми процессами; партийная деятельность должна быть «прозрачна» и подотчётна рядовым гражданам. Более того, чтобы выступать в роли заслуживающих доверие инструментов демократии, партии должны обладать реальной внутренней демократией. Ключевые слова здесь — толерантность и преобразование процесса принятия решений из проходящего по вертикали сверху вниз, от партийных бонз к рядовым членам, в процесс, разворачивающийся по горизонтали, от одного члена партии к другому.

Партии должны играть важную роль в интеграции меньшинств, чтобы с их помощью дискриминируемые или отчуждённые от широкой общественной жизни группы могли быть включены в политику. В первую очередь это касается женщин, «своих» меньшинств и — в странах, где закон это позволяет, — иммигрантов.

В законодательных актах, относящихся к политическим партиям, необходимо прописать систему внутреннего и внешнего аудита, направленного против коррупции и вообще любых финансовых операций, могущих бросить тень подозрения на деятельность партий. Кроме того, декларации о доходах и собственности, декларирование личных интересов, ограничения на сферы трудоустройства после увольнения из рядов партийной бюрократии — все эти меры существенно улучшат имидж партий, убедят в их верности ценностям честного служения

народу. В некоторых странах видны подвижки в этом направлении. Но, поскольку данная проблема актуальна для всего Запада, имеет смысл принять некоторые общие принципы. Пока же налицо скорее полный разнбой¹.

Рис. 4. Динамика голосований по модели прямой демократии по десятилетиям, все страны, входящие в Совет Европы, за исключением Швейцарии, 1960–1969 — 2000–2009.

Источник: The Future of Democracy... Р. 82

Я описала лишь самые необходимые меры. Они могут вернуть к избирательным урнам изрядную долю разочарованного электората. Но эти меры не вернут массовый энтузиазм по поводу политики, партийной жизни и парламентской деятельности сами по себе. Нужны новые идеологии. Более того, партии должны понимать, озвучивать и брать на себя руководство нарастающим в обществе брожением — чтобы не только новые идеологии, но и новые движения, даже новые мнения не вылились во внепарламентские и внесистемные силы. Это важнейшая социально-политическая задача, и решить её не может ни один инсти-

¹ The Council of Europe Octopus conference book “Corruption and Democracy”... Р. 38–39.

тут, кроме парламента. В силу этих обстоятельств политическим партиям следует быть активными, «идти в народ», на улицы и площади. Они должны быть и источником, и катализатором программ и идей, и, пока общество со скепсисом, а то и презрением относится к представительной демократии, вводить в политическую практику элементы непосредственной демократии. Ибо по многим данным потребность в ней сейчас актуальна, как никогда.

На рис. 4 показано нарастание значимости лишь одного из орудий непосредственной демократии — референдума. Но сейчас таких орудий становится всё больше. Повышение образовательного уровня и компьютерной грамотности населения облегчает мобилизацию электората, его активное участие в политической жизни — и партии могут принять участие в этом процессе.

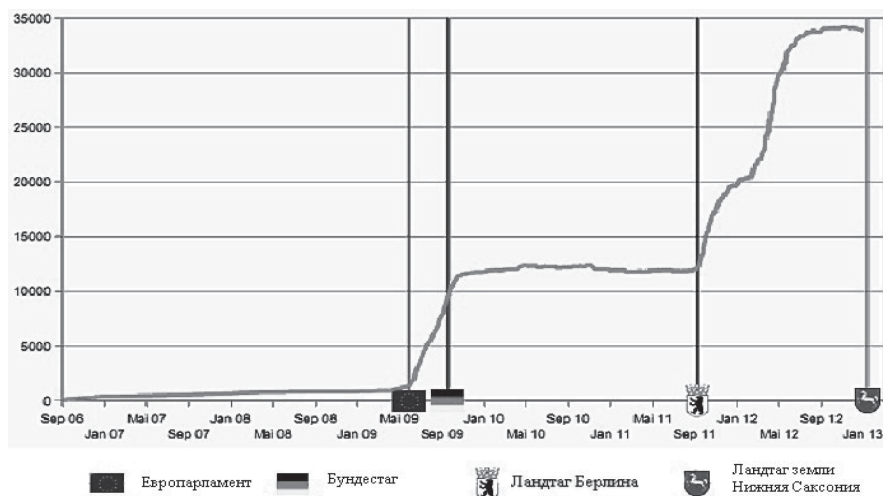

Рис. 5. Членство в Партии пиратов (Германия) от выборов к выборам, сентябрь 2006 — январь 2013

Источник: официальный сайт Партии пиратов. URL: <http://www.piratenpartei.de/2012/01/14/20000-mitglieder> (access date: 24.03.2013).

Одна из форм прямой демократии — выдвижение партийного кандидата через Интернет или через «улицу». Интернет — это мощнейший ресурс. Последние народные движения, от революционных, как «арабская весна», до таких партийных «клонов», как то же «Движение пяти

звёзд» в Италии или Партия пиратов Германии¹, ярко демонстрируют силу «цифровой», или «электронной» демократии и активно набирают популярность.

При этом нет нужды в противопоставлении классической и электронной демократии. Демократические институты всегда были гибкими, способными «абсорбировать» новые идеологии, идентичности, возрастные группы и умонастроения. Так что классическим партиям никто не мешает стать более открытыми новым запросам общества, систематически вводить процедуры и ценности электронной демократии в партийную жизнь. Именно это и ожидают компьютерно «продвинутые» слои населения — а их доля в электорате неизбежно будет расти. Как пишут в журнале «Шпигель»²:

«В Интернете у каждого есть голос — всемирную паутину можно представить как одно большое публичное собрание. Когда люди там встречаются, возникает возможность формирования коллективного разума.

Это утопическая картина кажется особенно привлекательной молодому поколению — тем, кто разочаровался в обычной политике с её устаревшими ритуалами. Когда Партия пиратов впервые получила места в берлинском парламенте (в сентябре 2011 года), почти 1/5 отданных за неё голосов принадлежали людям, которые обычно не участвуют в выборах. Никто не мог точно сказать, за что именно выступают «пираты», но именно этот дилетантизм и придавал партии шарм. “У нас — вопросы. У вас — ответы”, гласила надпись на предвыборном плакате берлинской Партии пиратов».

Сейчас этот эксперимент, кажется, провалился — по крайней мере, что касается «пиратов». Но все пути открыты: сегодняшний авангардный эксперимент завтра может стать нормой.

¹ «Партия пиратов — это «брэнд», в разных странах его берут самые различные политические движения, но все они вдохновляются идеалами электронной демократии. Немецкая Партия пиратов была основана в 2006 г. и, после ряда ощутимых электоральных успехов, неудачно участвовала в выборах 2013 года. Более подробную информацию см. на: www.piratenpartei.de (access date: 22.11.2013.).

² Becker S., Meiritz A., Pfister R. and Theile M. ‘Liquid Democracy: Pirate Party sinks amid chaos and bickering’ // SPIEGEL ONLINE, 21.02.2013. URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/german-pirate-party-sinks-amid-chaos-and-bickering-a-884533.html> (access date: 24.03.2013).

Если «классические» политические партии уже сейчас воспринимаются как нечто устаревшее, то через пару десятилетий они рискуют стать настоящими мастодонтами. И если парламенты не смогут институционализировать мнения и позиции граждан посредством партий, эти мнения и позиции будут использованы антисистемными силами для своей легитимации.

Политические партии и демократия

В системе сдержек и противовесов три ветви власти настолько сильно зависят друг от друга, что, когда одна из них перестает нормально работать, это сказывается на остальных. Кризис возможностей парламента, в значительной степени производный от кризиса политических партий, отрицательно влияет как на исполнительную, так и на судебную власть.

Во-первых, отсутствие реального политического «наставничества» в партиях негативно отражается на компетенции членов законодательных собраний. Многих из них выбирают только на волне популярности; у них нет почти никаких знаний в сферах, которые им предстоит регулировать с помощью законов. И поэтому многие члены парламента оказываются «мёртвыми душами»: в русле партийной дисциплины им просто приказывают, как надо голосовать. Настоящий законодатель не должен так себя вести.

Во-вторых, парламенты, из-за падения качества их «человеческого капитала», всё больше и больше и больше делегируют свои законодательные полномочия исполнительной власти — президенту и его кабинету или премьеру и руководимому им правительству. (Эта тенденция наиболее ярко проявляется в постсоветских странах, где формальный переход от советов к парламентам не мог заложить основу сильной и независимой законодательной власти.) А когда законодательный процесс начинает направлять правительство, законы перестают представлять интересы всего общества — ведь правительства, действующие в согласии с программой победившей политической силы, как правило, одноцветны, если можно так выразиться. Но правительственные распоряжения дебатировются и «прорабатываются» куда меньше, чем законы, которые обсуждаются и пишутся в парламентских комиссиях. Соответственно, в эффективности первые обычно уступают вторым.

Короче говоря, без независимого парламента, в котором представлены политические партии, пользующиеся доверием различных слоев

общества, принцип разделения властей находится под угрозой. Слишком велик риск полного господства исполнительной власти. Такое в истории случалось не раз и практически всегда вело к деспотизму. Или, как минимум, к значительной «порче» демократического процесса.

* * *

Представительные демократии остро нуждаются в системе функциональных и эффективных политических партий. Низкое доверие к партиям и падение профессионализма их представителей в парламентах негативно влияют на качество работы законодательных органов, ослабляя эту ветвь власти — что разрушает систему сдержек и противовесов, без которой невозможна демократия.

Несмотря на нынешнюю идеологическую апатию — негативную реакцию на эксцессы «века идеологий», многое говорит о том, что в обществе вновь зреет запрос на активное участие в политической жизни. Воспользоваться им стремятся новые политические силы, от рыхлых ассоциаций *ad hoc* до «двойников» партий, в том числе и новые анти-системные акторы, которых демократическим институтам пока удаётся до некоторой степени кооптировать. Но в будущем антисистемные силы могут стать куда более значимыми в политическом отношении, и нынешний кризис доверия к политике и партиям лишь облегчит их распространение.

Похоже, что традиционные партии в их нынешнем виде уже неспособны завоевать прочное доверие людей. Именно поэтому им насущно необходимо реформировать свою деятельность в сторону максимальной прозрачности, начать прямо и искренне общаться с электоратом, снова установить связь с улицами и площадями, вернувшись к той боевитости, что снискала им симпатии людей в эпоху великих идеологий. Но «начинка» сейчас требуется иная — реализация ценностей социальной сплочённости и добрососедства. Причём на деле, не на словах.

Перевод с английского Артёма Космарского

ТРАНСГРАНИЧНАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ШИИТЫ И ВЛАСТЬ В ИРАКЕ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ САДДАМА ХУСЕЙНА (1979–2003)

Владимир Кириченко

Ареал конфессиональной общности часто не ограничивается территорией одного государства. Наличие в соседних государствах разделённого границами крупного массива одной религиозной группы может восприниматься в том из этих государств, где эта группа не является господствующей в политическом отношении, как потенциальный вызов национальной государственности на стадии её становления. Ибо возникают опасения, что традиционно сильная религиозная идентичность перевесит ещё слабую гражданскую и политические лояльности её носителей будут определяться из-за границы.

Примером такого восприятия может служить режим Саддама Хусейна в Ираке. И на его внутреннюю политику, и на отношения Ирака с соседним Ираном значительное влияние оказывал факт присутствия в обоих государствах миллионов шиитов. По оценке ЦРУ США, они составляют 60–65% населения в Ираке¹ и 90–95% — в Иране². Эти цифры оспариваются как завышенные: так, ряд экспертов и международных

¹ См.: Middle East: Iraq // Central Intelligence Agency. The World Fact Book. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/iz.html> (access date: 29.08.2014).

² Middle East: Iran // Ibid. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html> (access date: 29.08.2014).

организаций считают, что доля шиитов в Ираке — не более 53–54%¹; однако в любом случае шииты образуют большинство и в Ираке, и в Иране. В Ираке они преобладают на юге страны и в Багдаде, но вообще шиитские общины встречаются на всей территории страны. Сунниты проживают в основном в центре и в северной части Ирака.

Далее мы попытаемся найти ответы на два вопроса. Вопрос первый: действительно ли шииты Ирака могли бросить вызов той модели светской государственности, которая строилась в Ираке при Саддаме и которую, несмотря на все панарабские компоненты в её идеологическом обосновании и ярко выраженный авторитаризм в политической практике нациестроительства, следует всё же определить в целом именно как модель национальной государственности?² Вопрос второй: если они могли это сделать, реализовался ли потенциал трансграничного этноконфессионального вызова национальному государству в Ираке, перерос ли он в угрозу и, если да, то в каких масштабах?

I

Религиозные противоречия между иранскими шиитами и суннитами арабских стран переплетались с политическими амбициями правителей и в Средние века, и в Новое и Новейшее время.

После смерти Пророка в 632 г. часть мусульман полагала, что новый лидер должен происходить из его семьи, что лишь его родственник имеет право на халифат³. Эта фракция поддержала Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата и зятя Мухаммада. Однако большинство посчитало данное условие не обязательным и выбрало халифом Абу Бакра (632–634), одного из ближайших сподвижников Мухаммада. Ещё дважды

¹ См., например: *Тульский М.* Все религии Ирака // Портал Credo.ru. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=96> (дата обращения: 29.08.2014).

² В данном случае мы солидарны с мнением израильского исследователя Офры Бенгио, полагающим, что вплоть до войны 2003 года в основе процесса строительства иракского государства лежала идея именно nation-state. См.: *Bengio O.* Iraq — From Failed Nation-State to Binational State? URL: http://www.tau.ac.il/dayan-center/pdfim/Bengio_Iraq%20-%20From%20Failed%20Nation-state%20to%20Binational%20State.pdf (access date: 17.09.2014)

³ Здесь и далее по: *Большаков О. Г.* Арабские завоевания. Халифаты Умаййядов и Аббасидов. Распространение ислама // История Востока. Т. II. Восток в средние века. М.: Восточная лит-ра, 2002.

большинство мусульманской общины высказывалось против кандидатуры Али: в 634 г. в пользу Умара, и в 644 г. в пользу Усмана. Али стал халифом лишь в 656 г. после убийства Усмана. Условия, при которых Али был провозглашен халифом — отсутствие в Медине ближайших сподвижников Мухаммада, которые могли претендовать на пост халифа, — делали его избрание уязвимым. Наместник Сирии Муавийя, родственник Усмана, не признал власть Али. В результате новый халиф был вынужден искать решение проблемы на поле брани. Пытаясь заручиться поддержкой арабов Ирака, Али перенёс свою резиденцию в г. Куфу и дал бой войскам Муавийи в долине Сиффин в верховьях Евфрата. В решающий момент, когда Али получил перевес, сирийские войска прикрепили к своим копьям листы Корана, что означало призыв к третейскому суду. Али, настроенный примиренчески, прекратил сражение, но часть его сторонников (12 тыс.) не согласилась с ним и покинула военный лагерь. После гибели Али в 661 г. вопрос о преемстве в халифате возник снова. Хасан, старший сын Али, под давлением Муавийи отказался от своих претензий на власть при условии значительно отступного. Его младший брат Хусейн по призыву сторонников своего отца отправился отвоевывать свое право у сирийского наместника. Однако в 680 г. он был окружен сирийскими войсками у г. Кербелы и затем убит в бою. После этого Муавийя провозгласил себя халифом, став, таким образом, первым правителем династии Омейядов.

Тем не менее, многие из мусульман, в свое время поддерживавших Али, были не согласны с таким поворотом событий. Особое недовольство высказывали мусульмане Ирака, на которых в последние годы опирался Али (их называли *шиат* Али — «партия Али»). Не согласны были и бедуины, ставшие основной движущей силой при завоевании Ирака. Для них идея наследования власти (а не выборность) имела принципиальное значение. Так возникли предпосылки для возникновения шиитского направления ислама.

II

Ирак занимает особое место в истории шиизма. На территории этой страны имам Али и его потомки обрели сторонников сначала среди арабов, а позднее и среди персов. В иракском городе Кербеле находится гробница Хусейна, младшего сына имама Али и Фатимы, дочери пророка. По мнению российского исследователя О. Г. Большакова, именно гибель Хусейна при Кербеле «завершила кристаллизацию идеологии

шиизма»¹. На формирование шиизма в целом повлияло то, что там, где он зародился — в южном Ираке — происходило активное взаимодействие разных этнических групп и имело место смешение культур, в том числе и религиозных идей. В этом регионе арабская кочевая культура вступила во взаимодействие с иранской земледельческой культурой. Не менее значимым было влияние христианской Византии. Примерами такого влияния можно назвать наличие в шиизме особой роли *махди* и культа мученичества.

Что касается Ирана, то хотя шиизм начал распространяться там ещё в Средние века, официальной религией государства он был провозглашен лишь в XVI в. при династии Сефевидов (1501–1736). Как отмечал выдающийся советский востоковед И. П. Петрушевский, «до начала XI в. Иран был по крайней мере наполовину (если не больше) суннитской страной»². При Сефевидах шиизм нередко навязывался силой. Так, множество оппозиционно настроенных суннитов было убито в Тебризе, Герате и Исфахане³. В конечном счёте шиизм возобладавал в Иране повсеместно. Приведём мнение французского исследователя Ж. П. Ру о значении этого для последующей истории страны⁴:

«Иран добился единства благодаря шиизму, став единственной мусульманской страной, которая его исповедовала. Этот факт стал для него предметом гордости. Он исполнился презрением ко всем соседям, не разделявшим его веру. В ней он находил силы, чтобы противостоять их нападениям».

В 1553 г. Ирак стал османским, но как отмечает американский исследователь Ицхак Накаш, османское правление там «было часто номинальным и неполным» из-за отдалённости Ирака от центра власти в Стамбуле и давления со стороны Ирана. Были и два периода иранской оккупации территории Ирака: в 1508–1533 и в 1622–1638 гг.⁵

¹ *Большаков О. Г.* История халифата. Т. 3. Между двумя гражданскими войнами (656–696). М.: Восточ. лит-ра, 1998. С. 205.

² *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII–XV вв. (курс лекций) / Отв. редактор В. И. Беляев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. С. 351.

³ *Ру Ж.-П.* История Ирана и иранцев от истоков до наших дней. Пер. с франц.: М. Ю. Некрасов. СПб.: Евразия, 2012. С. 305.

⁴ Там же. С. 307.

⁵ *Nakash Y.* The Shi'is of Iraq. Princeton: Princeton Univ. Press, 2003. P. 14.

Исторически власть в Ираке находилась в руках суннитов, хотя в XIX–XX вв. шииты стали составлять большинство населения этой страны¹. Переход иракских племен в шиизм во многом был вызван поиском ими новой идентичности после распада племенного строя. Также на увеличение количества шиитов повлияла активная проповедническая деятельность шиитских *муджтахидов*² Кербелы и Неджефа среди иракских племен. Опасаясь набегов саудовских ваххабитов, муджтахиды стремились заручиться поддержкой новых сторонников³. Позднее обращение большинства иракцев в шиизм помогло сохранению у них общей с суннитами исторической памяти.

В Османской империи к шиитам относились с подозрением. Вот что пишет об этом английский историк К. Финкель⁴:

«В суннитской Османской империи приверженность к шиитскому вероучению в принципе считалась такой же подрывной деятельностью, как и национализм балканских христиан <...> в центре османо-иранских отношений всегда находились неуклюжие попытки Стамбула склонить на свою сторону тех, кого подозревали в сочувствии к шиитам, ведь значительная часть населения османских провинций Басра, Багдад и Мосул состояла из шиитов... Лояльности султану-халифу добивались путем раздачи почестей и наград шиитам и приверженцам вероучений, которые противоречили суннизму».

После падения Османской империи территория современного Ирака попала под мандат Британской империи (1920). В 1921 г. по инициативе британских властей было образовано Королевство Ирак. До 1932 г. оно фактически находилось под британским управлением. С начала 1920-х гг., т. е. ещё в период мандата, в Ираке стали формироваться национально-государственные институты: были созданы единая армия и полиция, разрабатывалось законодательство. В республиканский период (с 1958 г.) иракские власти также активно занимались укреплением институтов национального государства. 26 июля 1958 г. была принята первая Временная конституция республиканского Ирака.

¹ Ibid. P. 25.

² Муджтахид — богослов, который, по мнению шиитов, может выносить решения по вопросам мусульманского права.

³ Nakash Y. Op. cit. P. 28.

⁴ Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. М.: АСТ, 2010. С. 680–681.

В ней гарантировались равные права всех граждан страны¹. В республиканский период, особенно при Саддаме Хусейне, большое внимание властей уделялось вооружённым силам и был принят закон о всеобщей воинской повинности. В 1980 г. в Ираке был учреждён первый с 1958 г. парламент — Национальная Асамблея. Больших успехов иракское правительство достигло в развитии национальной системы образования. Согласно отчетам ЮНЕСКО, до начала войны в Персидском заливе (1991) иракская система образования была лучшей в регионе². Но и в королевстве, и в республике, как и при османах, важнейшие посты на госслужбе и в армии занимали сунниты, шииты же не могли рассчитывать на высокие должности.

В 1968 г. к власти в Ираке пришли представители Партии арабского социалистического возрождения «Баас», и между ними и шиитами почти сразу возникла напряженность. В 1977 г. шиитами была проведена одна из крупнейших антиправительственных демонстраций: на улицы вышло около 3 тыс. человек, недовольных светской и просуннитской политикой, проводимой иракским руководством³. Следствием демонстрации стал запрет на празднование *ашуры*⁴, остававшийся в силе вплоть до свержения в 2003 г. С. Хусейна.

III

За период президентства Саддама Хусейна (1979–2003), этноконфессиональная структура Ирака осталась практически неизменной. К концу 1970-х население Ирака на 77% было арабским, курды составляли около 20%. К национальным меньшинствам принадлежали также персы, евреи, ассирийцы, туркмены и др. Мусульмане составляли около 95% населения, примерно 40% из них были суннитами, 60% — шиита-

¹ Алиев А. Иран vs Ирак история и современность. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 525.

² UNESCO and Education in IRAQ Fact Sheet (28 March 2003). URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=11216&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (access date: 15.09.2014).

³ Люсин С. Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни Ирака // Арабский мир в конце XX века. Материалы I-ой конференции арабистов ИВ РАН. М.: ИИИиБВ и ИВ РАН, 1996. С. 39.

⁴ Поминальный день, когда происходят специальные церемонии в память Хусейна, внука пророка, погибшего при Кербеле в 680 г.

ми. На долю христиан приходилось 3% населения Ирака, оставшаяся часть населения принадлежала к иудеям и езидам (курды)¹. В 2003 г., в конце правления С. Хусейна этноконфессиональная структура была схожей: 97% всего населения — мусульмане, 55–60% — шииты, от 75 до 80% — арабы, 20% — курды². Следует отметить, что все данные об этнической и конфессиональной структуре Ирака времен правления С. Хусейна — неточные.

Во второй половине XX в. отношения баасистов и шиитов Ирака обострилась. Победа в 1979 г. исламской революции в Иране отразилась на положении шиитской общины Ирака. Если раньше иракское руководство скорее просто следовало исторически сложившейся традиции определённой дискриминации шиитов в сфере управления и силового контроля, то теперь, опасаясь экспорта иранской исламской революции в Ирак, оно начало осознанно относиться к шиитам с подозрением. Наличие в стране шиитского большинства стало восприниматься властью как вызов. Вызов той модели доминирующего над обществом авторитарного, но одновременно стремящегося к социальной модернизации светского национального государства, которую строил в Ираке режим Хусейна и с которой он связывал своё существование. Более того, Багдад рассматривал «своих» шиитов как потенциальных союзников Ирана. Со своей стороны Иран, потеряв после 1979 г. поддержку со стороны США, стал искать новых политических союзников, в том числе — и в лице иракских шиитов. Все это не могло не обеспокоить руководство Ирака, страны, граничащей с только что провозглашенной Исламской Республикой.

Стремление Ирана стать важнейшей региональной державой шло в разрез и с личными политическими амбициями С. Хусейна, с его расчётами на укрепление своего политического влияния на Ближнем Востоке после падения постоянного и сильного соперника в лице иранского шаха. И без того огромная в условиях авторитарного режима значимость настроений и решений верховного правителя дополнительно усиливалась особенностями его личности. По мнению американского психолога

¹ Брук И. С. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981. С. 439–440.

² Народы Ирака // BBC Russian.com, 20 марта 2003. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/special_report/bbcussian/2002_07/newsid_2867000/2867705.stm#sunni (дата обращения: 03.08.2014).

доктора Джеральда М. Поста, опубликовавшего в 2003 г. доклад о его психологии, диктатор часто терял связь с реальностью в вопросах, касающихся внешней политики. Также Пост указывает на то, что Саддам почти не имел опыта общения за пределами арабского мира¹:

«Его единственный длительный опыт работы с не арабами — это сотрудничество с советскими военными советниками, также, предположительно, он дважды побывал за пределами Ближнего Востока — во время краткого путешествия в Париж в 1976 г. и ещё одной поездки — в Москву».

Саддам безусловно воспринимал наличие в Ираке шиитского большинства как вызов. Причем шииты казались ему опаснее курдов. Курды боролись лишь за свою, локальную, автономию, тогда как шииты, решись они оспорить суннитское доминирование, тем самым стали бы угрожать режиму в целом.

Следует отметить: нераздельность в восприятии правящей верхушки её монополии на власть и выстраиваемой ею же модели национальной государственности способствовала тому, что задача удержания власти решалась отнюдь не только за счёт усилий репрессивного аппарата. Весь период нахождения у власти правого крыла партии «Баас» (1968–1979) и последующей диктатуры Саддама Хусейна (1979–2003) иракские власти систематически старались влиять на народные настроения. Лояльности подданных они добивались, делая упор на ту или иную грань идентичности иракцев, активно используя идеологию и пропаганду как инструмент для достижения своих политических целей. На вооружение были взяты и арабский национализм (араб. *каумийа*), и иракский патриотизм (араб. *ватанийа*). А вот религиозная составляющая в пропаганде использовалась редко. Один из немногих примеров приходится на время проведения антииракской коалицией операции «Буря в пустыне» (1991), когда, пытаясь обеспечить максимальную мобилизацию населения в свою поддержку, режим провозгласил войну с «неверными». Более сложный случай представляет попытка индоктринации, предпринятая во время ирано-иракской войны. Тогда Саддам Хусейн, не отрицая и не замалчивая конфессиональную составляющую идентичности иракских шиитов, акцентировал их арабскую идентич-

¹ Post G. M. Saddam Hussein of Iraq: A Political Psychology Profile // Law.case.edu. URL: http://law.case.edu/saddamtrial/documents/saddam_hussein_political_psychology_profile.pdf (access date: 03.08.2014).

ность, рассчитывая таким образом противопоставить их шиитам иранским, тем самым ощутимо повлиять на настроения шиитского населения Ирака и не допустить в его среде коллаборационизма. В то же время, когда это было выгодно, власти могли апеллировать к ценностям и лояльностям, не совместимым с моделью национального государства, например, к племенным. Во время шиитского восстания 1991 года режим опирался на помощь шейхов племенных союзов, в том числе и шиитских, в подавлении антиправительственных выступлений¹. Но генеральная линия всё же заключалась в том, чтобы сплотить нацию на основе идеологии иракского патриотизма. Соответственно, целью официальной пропаганды при Хусейне было не только возвеличивание лидера в глазах иракцев, но и консолидация единой иракской нации независимо от этнического происхождения и конфессиональной принадлежности всех её предполагаемых составляющих. Ещё в середине 1970-х гг., будучи тогда одним из лидеров «Баас» и инструктируя комитет по образованию, Хусейн подчеркнул²:

«Когда мы говорим об [арабской] нации, мы не должны забыть упомянуть об иракском народе... когда мы говорим об арабской родине, мы не должны пренебрегать воспитанием в иракце гордости за кусок земли, на котором он живёт... [иракцы] состоят из арабов и не арабов, [так], когда мы говорим о великой [арабской] родине, мы не должны отталкивать не арабов, с тем, чтобы они искали себе страну за пределами Ирака».

Вместе с тем логика авторитарной власти работала против её же политики национальной консолидации. Баасистами провозглашалось равенство возможностей для всех иракцев, однако доступ к руководящим постам и материальным благам мог получить лишь узкий круг лиц, приближённых к Хусейну. Характерной чертой политической жизни страны, начиная с прихода к власти «Баас» в 1968 г., стало то, что важнейшие посты в армии и на государственной службе стали занимать сунниты — выходцы из Тикрита, родного города Саддама Хусейна. Неудивительно, что хотя Хусейн и заявлял о том, что «каждый гражданин, который предан родине, любит свой народ и свою работу и забо-

¹ *Orhan, Duygu Dersan.* “Us” and “Them” Dichotomy Within: Iraqi Identity Building During the Saddam Era // *Atilım Sosyal Bilimler Dergisi*, 2011, C. 1, S. 1, P. 93. URL: acikarsiv.atilim.edu.tr/browse/435/3.pdf (access date: 03.08.2014).

² Цит. по: *Orhan, Duygu Dersan.* Op. cit. P. 93.

тится о них и верит в революцию — по-своему баасист»¹, шииты с подозрением относились к панарабизму — идеологии партии «Баас». Они видели в ней лишь инструмент укрепления позиций суннитов во властных структурах Ирака.

IV

В связи с активизацией после иранской революции шиитских оппозиционных движений иракские власти начали проводить репрессии против членов шиитских религиозных организаций. Первой жертвой стала организация «Ад-Да'ва ал-Исламийа» («Исламский призыв») созданная в конце 1960-х гг.² Лидером её был шиитский идеолог Мухаммад Бакир ас-Садр, являвшийся весьма уважаемой фигурой среди шиитских 'улама (богословов).

В основе учения ас-Садра лежало традиционное исламское положение о том, что Аллах — единственный источник силы, создатель всех земных благ. Распоряжаясь земными богатствами, человек выполняет лишь божественную волю и должен неукоснительно следовать повелениям свыше. Над человеком не господствует ничто, кроме воли Аллаха. Выполнение предписаний ислама рассматривалось ас-Садром в контексте социальной революции, направленной против эксплуатации и несправедливости. Эта революция должна была носить всеобщий характер, вовлекать все классы общества. Целью партии провозглашалось построение истинно мусульманского государства, возглавляемого авторитетным *муджтахидом*. В области экономики ас-Садр ставил перед мусульманами задачу привести доходы членов общества в строгое соответствие с их усилиями и потребностями, запрещения ростовщичества, борьбы против излишеств, роскоши и концентрации капитала в руках немногих³.

¹ *Hussein, Saddam*. Democracy: A source of strength for the individual and society. Council of Planning, July 10, 1977 // On Democracy by Saddam Hussein. Essays adapted from: Saddam Hussein: Selected Works, Volume II: Democracy. Editor: Paul Chan. Athens: Deste Foundation for Contemporary Art, 2012. P. 36. URL: http://monoskop.org/images/e/e7/Hussein_Saddam_On_Democracy.pdf (access date: 03.08.2014).

² *Нотин А. И., Милославский Г. В.* Шиитская оппозиция на рубеже 80-х годов // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. Вып. 2. М.: Наука 1983. С. 78.

³ Там же. С. 81.

Активность шиитов в рамках «Ад-Да'ва ал-Исламийа» была отнюдь не первым опытом их участия в деятельности политических организаций. В 30-е гг. XX в., благодаря реформе системы образования, шииты получили возможность учиться в светских учебных заведениях. Повышение образовательного уровня привело к росту политического самосознания среди шиитского населения. Так, в 1940-е гг. почти половина членов Иракской коммунистической партии были шиитами. И хотя доля шиитов в общем числе членов компартии упала с 46,9% между 1949 и 1953 г. до 33,4% между 1955 и 1963, они продолжали играть важную роль в ИКП, занимая высокие посты¹.

К идеологии «Баас» шииты испытывали меньшую симпатию, но в 50–60-е гг. XX в. молодые образованные шииты довольно охотно вступали в её ряды. Между 1951 и 1963 г. шииты дважды становились председателями «Баас»: Фуад аль-Рикаби возглавлял партию в 1951–1959 гг., Али Салих ас-Са'ди — в 1961–1963. Но после того как в 1963 г. Са'ди был исключён из партии, шииты потеряли доминирующие позиции и были вытеснены со всех руководящих постов суннитами². Тогда, разочаровавшись в светских партиях, шииты стали вступать в набиравшие популярность шиитские религиозно-политические организации. Одной из них и стала «Ад-Да'ва ал-Исламийа». Примечательно, однако, что, несмотря на религиозный уклон в её идеологии, обусловленную им определённую солидарность с иранскими единоверцами и выраженный оппозиционный настрой, члены этой партии гордились арабским происхождением и подчеркивали свою иракскую идентичность³.

Революционные события в Иране побудили иракское руководство принять жёсткие меры против оппозиционно настроенной части шиитской общины. В 1979 г. власти арестовали аятоллу Мухаммада Бакра ас-Садра. В день его ареста на улицы Багдада, Басры, Диялы, Самавы, Кербелы и других городов вышли тысячи разгневанных шиитов, в Неджефе по призыву шиитских религиозных авторитетов был закрыт городской базар, имели место схватки населения с поли-

¹ *Batatu H.* The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq: a Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of Its Communists, Ba'thists, and Free Officers. Princeton: Princeton Univ. Press, 1978. P. 998.

² *Ibid.* P. 1132–1133.

³ *Nakash Y.* The Shi'is of Iraq... P. 137.

цией¹. Властям пришлось освободить шиитского лидера. Однако уже в следующем году он был снова арестован и казнён². В марте 1980 г. были казнены ещё 97 человек, половина из них состояла в «Ад-Да'ва»³. В ответ её боевики 1 апреля 1980 г. совершили покушение на заместителя премьер-министра Тарика Азиза⁴, закончившееся неудачей. В том же месяце деятельность партии была запрещена, членство в ней каралось отныне смертной казнью, и эта мера применялась даже к бывшим членам партии⁵.

V

В отношениях Ирака и Ирана имелись немалые территориальные разногласия, которые привели в итоге к войне между ними. В 1971 г. Иран занял несколько иракских островов в Персидском заливе. Позже Ирак захотел присоединить Хузистан⁶ — богатую нефтью область Ирана, населённую арабами. Ещё до начала ирано-иракской войны, в сентябре 1980 г. спецслужбы Ирака начали призывать арабское население этой иранской провинции, которая в Ираке именуется Арабиستان, к вооружённой борьбе за автономию. Ирак оказывал поддержку таким антииранским организациям Хузистана, как «Борцы за дело арабского мусульманского народа», «Народное движение Арабистана», «Политическая организация арабского народа Арабистана»⁷. Однако поддержка Хусейном хузистанских оппозиционеров реально способствовала лишь

¹ Люсин С. Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни Ирака... С. 41.

² Нотин А. И., Милославский Г. В. Шиитская оппозиция на рубеже 80-х годов... С. 80.

³ Там же.

⁴ Тарик Азиз — псевдоним, наст. Михаил Юханна, род. в 1936 г., ассириец, католик-халдей. Министр информации (1974–1977), министр иностранных дел (1983–1991) и заместитель премьер-министра Ирака (1979–2003). Один из ближайших соратников Хусейна, единственный христианин в правительстве. После вторжения американских войск был арестован, в октябре 2010 г. приговорён к смертной казни. Под давлением мировой общественности смертная казнь была заменена пожизненным заключением.

⁵ Люсин С. Г. Указ. соч. С. 41.

⁶ Хузистан — провинция на юго-западе Ирана, граничит с Ираком.

⁷ Нотин А. И., Милославский Г. В. Указ. соч. С. 85.

отдельным антииранским акциям, предпринятым за пределами Ирана. Споры возникали и относительно прав на использование для судоходства вод реки Шатт эль-Араб (в Иране именуется Арвандруд), по фарватеру которой проходит граница¹. Через год после Исламской революции в Иране иракское руководство в одностороннем порядке разорвало подписанное с Ираном в 1975 г. в Алжире соглашение, предусматривавшее совместное использование вод пограничной реки.

Помимо территориальных претензий с обеих сторон в развязывании войны свою роль сыграли бонапартистские амбиции иракского лидера, его стремление превентивно оградить Ирак от ожидавшегося им экспорта исламской революции и надежды на быструю победу над противником, пребывающим в состоянии революционного хаоса. В сентябре 1980 г. иракская армия вторглась на территорию Ирана, начав войну. На первом этапе боевых действий Ираку действительно удалось добиться успехов, но к лету 1981 г. Иран перехватил инициативу и перешёл в контрнаступление на некоторых участках фронта.

На протяжении войны иракское руководство использовало как исламскую риторику, так и исторические примеры противостояния персов и арабов. Так, одним из символов, взятых саддамовским режимом на вооружение, была победа при Кадисии². Также для того чтобы мотивировать иракскую армию, в которой большинство личного состава было шиитским, использовалась фигура халифа Али³. Одновременно в риторике официальных властей постоянно фигурировало понятие арабской нации. Со своей стороны Иран, призывая народ Ирака к свержению Хусейна, питал немалые надежды на «шиитский фактор». Однако они не оправдались, что дало возможность Хусейну в одном из

¹ Ближневосточные конфликты. Ирано-иракский конфликт // Ближний Восток. Информационный центр. URL: <http://www.middleeast.org.ua/conflicts/2.htm> (дата обращения: 15.09.2014).

² Битва при Кадисии (предположительно, 2 декабря 636 г. / 27 шавваля 15 г. х.) — решающее сражение между арабами и персами. Несмотря на серьёзные потери (до трети убитыми), арабы остались победителями. При этом крупнейшая в то время персидская армия была разбита, участь государства Сасанидов предрешена. В результате арабо-мусульманского завоевания произошла исламизация населения Ирана.

³ *Bengio O. Saddam's word: Political discourse in Iraq*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. P. 184–185.

«открытых писем» народу и армии Ирана гордо заявить, что, «если бы народ и армия Ирака не были довольны своим режимом, то положение его было бы не таким, как это почувствовали многие из вас на поле боя после трёх лет войны...»¹. Уровень дезертирства среди шиитов в армии был сопоставим с тем, что наблюдалось у суннитов, в курдских подразделениях это явление встречалось гораздо чаще. И хотя большинство офицерского состава по-прежнему составляли сунниты, некоторые шииты выдвигались на офицерские должности и, заняв их, стремились показать свою компетентность и преданность Ираку².

Вместе с тем, когда в 1982 г. позиции Ирака в войне ухудшились, оппозиционно настроенная часть иракских шиитов создала Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ). ВСИРИ объединял десятки организаций: «ад-Да`ва аль-Исламийа», «Исламское действие», «Исламское движение в Ираке» и др. Главой ВСИРИ был аятолла Мухаммад Бакир аль-Хаким. У ВСИРИ имелось боевое крыло, подконтрольное иранскому Корпусу стражей исламской революции (КСИР), так называемый «Корпус Бадр». Его штаб находился на территории Ирана, в г. Ахвазе. С помощью «Бадра» КСИР осуществлял диверсии и теракты на юге Ирака и в центральной части страны³. Главной целью вооруженной шиитской оппозиции было свержение режима Хусейна и установление исламского правления в Ираке. Однако проиранским группировкам не удалось заручиться поддержкой шиитских масс Ирака. Большинство просто опасалось репрессий, которые и без того практиковались властями против шиитов не только в военное, но и в мирное время: с 1970 по 1981 г. был казнен 41 шиитский религиозный деятель и 150 тыс. шиитов депортированы⁴. Но, помимо страха репрессий, пат-

¹ Расаиль куваа ва салям мин раис аль-каид аль-муғиб аркан садам хусейн иля шууб ва аль-хуккам иран. Багдад: Визарат ад-дифа, 1986. С. 8 (араб. яз.).

² *Tripp Ch.* A History of Iraq. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 246.

³ *Степанова Н. В.* Шиитская проблема в Ираке // Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / МГИМО(У) МИД России / Пред. редкол. А. В. Торкунов; отв. ред. А. Д. Воскресенский; сост., науч. ред. В. Я. Белокреницкий, М. А. Сапронова. М.: 2005. С. 144.

⁴ *Nazran, Yusri.* The Rise of Politicized Shi'ite Religiosity and the Territorial State in Iraq and Lebanon // *Middle East Journal*, 2010, Vol. 64, No. 4. P. 532. Автор, в свою очередь, ссылается на данные, приводимые в работе: *Fuller G. E., Francke R. R.* The Arab Shi'a: The Forgotten Muslims. New York: St. Martin's Press, 1999.

риотическую позицию иракских шиитов можно объяснить, и тем, что историческая память тесно связывала их с Ираком. И, напротив, на протяжении всей войны баасисты умело подогревали исторически сложившуюся неприязнь между персами и арабами.

VI

Ирано-иракское противостояние продлилось до 1988 г. По продолжительности, задействованным ресурсам и человеческим жертвам (более миллиона убитых с обеих сторон) этот конфликт стал одним из самых крупных. Но мирная жизнь иракцев продлилась недолго: 2 августа 1990 г. Ирак оккупировал Кувейт. Причиной нападения на Кувейт было стремление Хусейна овладеть огромными запасами кувейтской нефти и занять место регионального лидера в регионе Персидского залива. После безуспешных переговоров, целью которых было заставить Ирак отказаться от своих намерений, под эгидой США была создана международная коалиция, которая провела крупномасштабную военную операцию под кодовым названием «Буря в пустыне» (январь 1991 г.)¹.

За месяц боевых действий подразделения США и их союзников, которые были несравненно лучше оснащены, обучены и организованы, чем воинство Хусейна, разбили иракские войска в Кувейте и в южных пограничных районах Ирака. Основные военные, промышленные и инфраструктурные объекты Ирака были разрушены союзниками. В конце февраля режим был вынужден прекратить боевые действия и признать поражение.

2 марта 1991 г. в преимущественно шиитском по населению г. Басре началось восстание шиитов, одновременно на севере выступили курды. Толчком к восстанию послужили поражение в войне против коалиции, огромные человеческие жертвы, понесённые шиитами в войне с Ираном, а также разруха в экономике страны². Восставших поддержал Иран, переправивший вооружённые группы на юг Ирака. США также обещали помощь, но не оказали её, убоявшись усиления в Ираке ислам-

¹ Хамидов З. Межэтническая и межконфессиональная борьба в республике Ирак в конце XX в. // Ближний Восток и современность. Вып. 11. М.: ИИИиБВ, 2001. С. 303.

² Люсин С. Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни Ирака... С. 43.

ского фундаментализма. На подавление восстания была брошена иракская армия. В ходе военной операции особенно упорное сопротивление оказывали жители Неджефа и Кербелы. В этих городах из артиллерийских орудий были обстреляны шиитские гробницы и мечети. 16 марта восстание было подавлено, но в отдельных районах бои продолжились¹.

Чтобы умиротворить шиитов, после подавления восстания Саддам Хусейн назначил премьер-министром шиита Са`дуна Хаммади, но уже в сентябре тот был отправлен в отставку, его место занял другой лояльный режиму шиит — Мухаммад Хамза аз-Зубейри. Эти назначения не повлияли на положение шиитов, так как важнейшие решения принимались лично Хусейном². Стремясь вызвать симпатию шиитов, он стал заявлять о своем происхождении от имама Али. Он также выделял личные средства на развитие шиитских районов Ирака, посещал шиитские мечети. Лояльные режиму шиитские богословы поощрялись материально, фактически становясь государственными служащими.

В 1992 г. иракские власти начали осушение болот в междуречье Тигра и Евфрата, где проживали болотные арабы³, чтобы легче было контролировать южную часть страны. Примерно 100 тыс. болотных арабов пришлось покинуть свои дома. Против них проводились и силовые операции, разрушались целые деревни. Параллельно иракские власти продолжили политику, направленную на ослабление самостоятельности шиитского духовенства, фактически подчиняя его государству. При этом режим делал ставку на одних богословов и притеснял или ликвидировал других. Например, в 1992 г. в качестве духовного лидера шиитов властями был выдвинут аятолла Мухаммад Садык ас-Садр, двоюродный брат аятоллы Мухаммада Бакра ас-Садра, казнённого в 1980 г.

¹ Там же.

² Степанова Н.В. Шиитская проблема в Ираке...С. 151.

³ Болотные арабы — преимущественно мусульмане-шииты, когда-то жившие в заболоченных районах южной части долины рек Тигра и Евфрата в примитивных хижинах из тростника, занимаясь скотоводством. В наши дни большинство болотных арабов — а по данным начала 1990-х гг. их было около 250 тыс. — живут в других районах Ирака, болотистая местность почти вся осушена. См.: Народы Ирака // BBC Russian.com. 20.03.2003. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/special_report/bbcruddian/2002_07/newsid_2867000/2867705.stm#sunni (дата обращения: 03.08.2014).

Поначалу он не конфликтовал с властями, но по мере возрастания своей популярности стал позволять себе критиковать режим. В 1999 г. аятолла был убит, и есть веские основания считать, что за этим убийством стояли иракские власти¹.

VII

Подавление режимом Хусейна восстаний шиитов и курдов послужило предлогом для вмешательства в ситуацию США и их союзников. Уже в начале 1990-х гг. США, Великобритания и Франция при поддержке Генерального секретаря ООН объявили о создании над Ираком бесполётных зон. Одна из них, установленная в 1991 г., проходила по 36-й параллели и предназначалась для защиты курдов; вторая, об установлении которой было заявлено в следующем году, прошла южнее 32-й параллели, обезопасив шиитов от атак с воздуха. Но этим дело не ограничилось, США взяли решительный курс на ликвидацию иракского режима. Обоснованием для подготовки США к силовой акции против Багдада служили обвинения иракских властей в несоблюдении прав человека, жестокости по отношению к своему народу, в массовом уничтожении курдов в 1988 г., в нарушении международной законности и в угрозах безопасности своим соседям, а также в связях с организацией «Аль-Каида». Но главные обвинения по-прежнему сводились к якобы тщательно скрываемому багдадским режимом факту обладания химическим и биологическим оружием. В дополнение к этому США отнесли Ирак к числу «пороговых» государств, вплотную приблизившихся к созданию ядерного оружия массового поражения. Доводы международных экспертов, не подтверждавшие американские предположения, Вашингтоном полностью игнорировались, и в итоге это привело к военной операции в Ираке, начатой войсками США, Великобритании и Австралии 20 марта 2003 г.

Несмотря на то, что режим Хусейна был для шиитов ненавистным, они не вели боевых действий на стороне оккупантов. Американский исследователь Ицхак Накаш даёт этому следующее объяснение²:

¹ Степанова Н. В. Указ. соч. С. 154.

² Nakash Y. The Shi'ites and the Future of Iraq // Foreign Affairs, July / August 2003. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/58994/yitzhak-nakash/the-shiites-and-the-future-of-iraq> (access date: 16.10.2014).

«Решение США оставить шиитов на произвол судьбы в 1991 г. (неоказание помощи восставшим — *В.К.*) оставило глубокий след в сознании шиитов... В 2003 г. память о прошлом, усиление националистических и религиозных настроений подпитывали недоверие к вторгшимся в страну иностранцам-христианам. Желая крушения баасистского режима, шииты в то же время заботились и о своём имидже в арабском — преимущественно суннитском — мире».

Фактически же шииты заняли позицию, которая, независимо от того, основывалась ли она на страхе, на искреннем неприятии иностранного вмешательства в дела их родной страны или, скорее всего, на смеси того и другого, может быть квалифицирована как гражданская и национальная по преимуществу, а не как конфессиональная и сепаратистская.

Спустя десятилетие после свержения Хусейна политическая ситуация в Ираке остаётся сложной. Страну сотрясают теракты, сунниты-шиитские противоречия продолжают оставаться дестабилизирующим фактором, несмотря на то что, представители шиитской общины Ирака получили власть.

VIII

Подводя итоги, нужно отметить, что хотя Саддам Хусейн видел в шиитах вызов национальному государству и господству суннитов в Ираке, «шиитский фактор», даже когда он был целенаправленно использован Ираном в борьбе за влияние в регионе, не реализовал своего предположительно угрожающего потенциала. Причин тому было несколько. Репрессии по отношению к шиитам в Ираке заставили последних в большинстве своём отказаться от открытого противостояния режиму. Не менее, если не более, важно то, что модернизация Ирака, проводившаяся националистическим режимом, принесла свои плоды и в деле формирования иракской идентичности и гражданской лояльности. Иракские шииты, хотя и недовольные засильем суннитов во власти, в массе своей были настроены патриотично, чувствовали себя частью иракского народа и поэтому не откликнулись на антиправительственные призывы со стороны Ирана во время войны с ним Ирака. Следует также отметить, что большинство шиитов, живших в сельской местности, обладали в лучшем случае лишь начатками политического сознания и очень слабой мотивацией к коллективному действию, выходящему за пределы деревенских забот и нужд. В то же время лояль-

ность этого большого сегмента шиитского населения Ирака была укреплена применявшейся Хусейном политикой смягчения недовольства шиитов путём вливания крупных денежных средств в районы их компактного проживания.

Если вернуться к вопросам, поставленным во введении, ответ на первый из них с высокой степенью уверенности можно сформулировать следующим образом: несмотря на свою объективную включённость в транграничную по положению в пространстве этноконфессиональную общность, шииты Ирака не обладали действительно значимым потенциалом угрозы той модели национального государства, что формировалась в Ираке в годы правления Саддама Хусейна. Их «вызов» был скорее воображаемым, чем реальным; однако **представление власти** о недостаточной лояльности шиитов повлияло на политику режима таким образом, что фактически **способствовало появлению вызова**. В том же направлении действовали и другие, уже международные по своей природе факторы — политика послереволюционного Ирана и разгром вооружённых сил Ирака в ходе операции «Буря в пустыне». Фактически получился своеобразный резонанс трёхсторонних воздействий — со стороны режима, со стороны соседнего государства и со стороны антииракской коалиции. Именно это, внешнее по отношению к шиитам, политическое провоцирующее воздействие извне, а отнюдь не их принадлежность к транграничной этноконфессиональной общности, предопределило восстание 1991 года. Даже выступив против государства, шииты Ирака в большинстве своём не отвергали это государство в принципе, а главным образом хотели изменить свое положение в нём. Поэтому ответ и на второй вопрос — вопрос о том, реализовался ли потенциал именно трансграничного этноконфессионального вызова национальному государству в Ираке — тоже следует признать отрицательным.

ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ: ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ВЫЗОВЫ — РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Марина Балдано

Важной частью трансформаций постсоветского общества стал процесс, часто называемый «национально-культурным возрождением». Этот оценочно окрашенный эвфемизм подразумевал возможность открытого обсуждения того, что в отечественной традиции чаще всего называлось «национальным вопросом», всплеск общественного интереса к национальным историям, интенсификацию процессов конструирования национальных традиций, очень часто — перевод этнической проблемы из культурной плоскости в политическую. Иначе говоря, в 1990-х гг. бурно протекала очередная фаза процесса нациестроительства в масштабах всей России, особенно в её национальных регионах.

Не стала исключением и Бурятия. С конца 1980-х здесь тоже шли процессы «национально-культурного возрождения». Необходимость осмыслить итоги этнонационального развития в советскую эпоху, сформулировать цели на будущее стала для национальной бурятской элиты приоритетной задачей. Чередой шли собрания, конгрессы, создавались исследовательские и публицистические тексты, принимались резолюции и официальные документы, формировались партии и движения. Обсуждались проблемы родного языка, культуры, конструировались новые версии национальной истории. Д. Д. Амоголонова считает всю эту деятельность едва ли не исключительно культурной¹. Однако дис-

¹ См.: Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008.

куссии о сохранении, возрождении, развитии национальной культуры органично переходили в обсуждение вопросов государственности, характера власти. Говоря современным языком, формировался проект нациестроительства¹.

В Бурятии в его основе лежала прежде всего проблема суверенитета нации, причем чаще в этническом, чем гражданском её понимании. С нею неразрывно связан вопрос о статусе государственности Бурятии и/или о государственном статусе бурят. Это неизбежно и чрезвычайно остро ставило проблему определения основополагающих характеристик бурятского народа. Является ли он совершенно самостоятельной и уникальной общностью, сформировавшейся в процессе собственного исторического развития, или же буряты — интегральная часть трансграничной монгольской историко-культурной общности? И тогда эта общность подразумевается вечным неизменным телом.

Среди части приверженцев идеи «этнонации» были сильны представления о том, что она не должна ограничиваться рамками существующих государственных границ. Нация воспринималась как естественный, органичный и необходимый результат многовекового формирования и развития на гигантских просторах центра Азии феномена, который называют «монголоязычными народами», «монгольскими народами». Отсюда логично вытекала идея о необходимости административно-политического и даже **государственного** объединения этих народов. Она существует в разных версиях — от «Бурятии в границах 1937 года» до государственного единства **всей** монгольской историко-культурной общности. Такая постановка наделяла эту идею уже не местным, бурят-

¹ См.: *Строганова Е. А.* Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х – середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия). М.; Иркутск: Наталис, 2001; Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период) / Отв. ред. Т. Д. Скрынникова. Иркутск: Радиан, 2005; *Балдано М. Н.* Панмонголизм: идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент нациестроительства // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев. М.: Научно-образоват. форум по межд. отношениям, 2005. С. 228–244; *Елаев А. А.* Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000; *Хамутаев В. А.* Бурятское национальное движение. 1980–2000-е гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005; История Бурятии: в 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 335–348.

ским, и даже не только общемонгольским значением: она фактически предполагала изменение границ, что ставило под вопрос суверенитет и территориальную целостность России, Китая, Монголии.

Имеется здесь и более локальная проблема диаспоральных бурятских групп в Китае и Монголии. Образовались они в результате нескольких перекочевок бурятских родов и семей, вызванных социально-политическими катаклизмами первой трети XX в. в России. Их существование стало важной частью процесса национального самоопределения, интенсивным объектом дискуссий и проектов национального строительства. Особую важность присутствию бурят в этих странах придавало то обстоятельство, что их диаспоры формировались в окружении родственных по языку и культуре монголоязычных народов, но сумели не раствориться среди них за многие десятилетия совместной жизни и интенсивных взаимодействий. Перед приверженцами идеи единой монгольской нации это ставило трудноразрешимые концептуальные проблемы.

Буряты Монголии и Китая демонстрировали также возможности иных, чем в Бурятии, путей национального развития, могли рассматриваться в роли хранителей традиционных базовых этнокультурных ценностей, утраченных в метрополии. В проектах «национально-культурного возрождения» диаспоральные группы часто предстают носителями «идеальной» аутентичной национальной идентичности. В этом предписываемом им качестве они выступают своего рода эталонным прообразом того конечного идеологического и политического конструкта, в который должно вылиться «собрание нации».

При всей важности «проблемы соотечественников» для проекта «национально-культурного возрождения», интенсивности и эмоциональной насыщенности соответствующих дискуссий, внимание, уделявшееся в них бурятам Китая (так называемые шэнэхэнские буряты) и бурятам Монголии было различным. Ситуация шэнэхэнских бурят сталкивала два национализма — бурятский и панмонгольский. Буряты Монголии почти не привлекали внимания к себе в этом контексте, хотя их во много раз больше, их повседневные связи с Бурятией более интенсивные, а история — более драматичная. Скорее всего, различие в отношении к двум диаспоральным группам объясняется самой логикой формирования концепта «собрания соотечественников».

В целом, трансграничные факторы послужили важными опорными точками проектов национального строительства в постсоветской Буря-

тии. Проблема единства монгольского мира и возможности инструментального использования уникального опыта бурятских диаспор в этом мире стали интеллектуальным и идеологическим вызовом для теоретиков и практиков «национально-культурного возрождения», ресурсом культуротворчества для бурятской интеллигенции, а в масштабе всей республики и в аспекте её отношений с федеральным центром — потенциальным фактором политического риска.

Буряты или бурят-монголы: границы национального проекта

Обсуждение основополагающей проблемы характера бурятского народа началось в постсоветскую эпоху не на пустом месте. Дискуссии, культурные, идеологические и политические проекты конца XX — начала XXI в. опирались на мощную интеллектуальную и общественно-политическую традицию, сложившуюся на рубеже позднеимперской и раннесоветской эпох. Традиция эта была сформирована немногочисленной, но чрезвычайно энергичной и интеллектуально богатой прослойкой бурят, получивших европейское образование преимущественно в российском его варианте.

Одна из политических составляющих созданной ими традиции получила название *панмонголизма*. Для советских властей концепт панмонголизма стал основанием для репрессий в отношении идеологов и практиков начального этапа бурятского нацистроительства. Предпосылкой и стимулом к формированию концепта было представление о принадлежности бурят к единому монгольскому миру и вытекающей из этого необходимости укрепления его культурного, а в некоторых случаях и политического единства¹.

По мнению автора, монгольский мир — это объединяемое языковой и культурной близостью, значительной общностью исторической памяти пространство, в последние полтора века формировавшееся процессами нацистроительства в контексте трёх государств и потому рассечённое государственными границами. Результат — существование в Монголии, России и Китае нескольких самостоятельных народов с собственными культурами, языками, историей, судьбой и мифами. При этом сохраняется и воспроизводится ярко выраженное представление о культурном родстве, общих корнях и мифологии, как и реальное родство языков, культурных героев, идиом и норм.

¹ Подробнее см.: Балдано М. Н. Указ. соч. С. 228–244.

Суть политической доктрины панмонголизма была изложена Ц. Жамцарано следующим образом¹:

«Объединение Монголии с Внутренней Монголией, Бурятией, Калмыкией, с монголами Синьцзяна и Тувы позволит восстановить исторический регион проживания монголов и превратить новую страну в действительно самостоятельное, суверенное государство».

Такой подход к государственной интеграции монголоязычных народов в единое культурное пространство для сглаживания различий между их региональными группами, достижения этнической унификации отражал европейскую парадигму нации. Впрочем, объединительных проектов было несколько, о чём свидетельствует следующий отрывок из письма Э.-Д. Ринчино Д. Сампилону²:

«Старый Нацком³ полагал, что Маньчжурия и Восточная Монголия будут всецело находиться в сфере ведения Японии. Монголия южная, северная и западная с включением бурят образуют самостоя-

¹ Цит. по: *Чимитдоржиев Ш. Б.* Панмонгольское движение — это общемонгольское национальное движение // Монголоведные исследования: сб. науч. ст. Вып. 3 / Ред. кол.: Ш. Б. Чимитдоржиев, В. Ц. Ганжууров, Б. Р. Зориктуев и др. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 15–16. Цыбен Жамцарано (1881–1942) — бурятский, монгольский и советский учёный, общественно-политический деятель, один из создателей национальной государственности монголов. Член-корреспондент Академии наук СССР, доктор филологических наук.

² *Ринчино Э.-Д.* Документы, статьи, письма / Комитет по делам архивов при Совете Министров Республики Бурятия. Улан-Удэ: Ред.-изд. отдел Минпечати Республики Бурятия, 1994. С. 143; Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы / Сост. и науч. ред. Б. Б. Батуев. Улан-Удэ: Сибирь, 1994. С. 107. Элбек-Доржи Ринчино (1888–1938) — видный бурятский общественно-политический деятель, один из лидеров революционного и национального движения бурятского народа, находился у истоков создания национальной автономии бурят. Даша Сампилон (1891–1938) — один из лидеров и идеологов национального движения бурятского народа первой трети XX века, председатель Бурнацкома — Бурнардумы, идеолог единения монгольских народов.

³ После Февральской революции 1917 года в Бурят-Монголии были организованы общенациональные учреждения, первыми из которых стали национальные комитеты. Так, в Чите был создан Центральный Бурятский национальный комитет (Бурнацком), который позже называли старым Нацкомом.

тельное, нейтральное буферное государство. Причем буряты должны переселиться в Халху или передвинуться к границам Забайкалья с обменом земель. И если не удастся объединить Юг и Север Монголии, то образуются два государства, причем Юг будет находиться под протекторатом Японии... Монголы и другие народы Центральной Азии слишком примитивны и изъедены буддийским клерикализмом и мало годятся как активный материал для создания этого государства. Здесь мы, буряты, как наиболее культурная сравнительно нация сыграли бы и сыграем, по-видимому, большую роль».

Как видим, авторы проекта с легкостью подходили к таким сложнейшим вопросам, как переселение народов и создание государств. Для них важнее была сама идея, хотя она и актуализировалась в практических попытках конструирования общемонгольской этнополитической системы.

В 1990-х гг. на первый план вновь вышла идея разделённости монгольского мира, трансформировавшаяся иногда в концепт «разделённой нации» и необходимости её «собирания». При этом имели место наложение и в какой-то степени конфликт двух подходов: общемонгольского единства и единства бурятского. А одной из форм реализации этой идеи стало требование возвращения этнонима «бурят-монголы». Это была не просто академическая дискуссия¹:

«В последние годы, начиная с конца 1980-х..., перед соответствующими инстанциями властных структур ставился вопрос о возвращении республике прежнего наименования “Бурят-Монголия”. Однако до сих пор он положительно не решён. Требование бурятской общественности вернуть прежнее название народу и республике висит в воздухе. Поддержанное Советом Министров Бурятии предложение о восстановлении традиционного названия, к нашему стыду, было провалено депутатами Верховного Совета республики».

С требованием вернуть республике название, акцентировавшее родство бурят и монголов, органически было связано и требование признать бурят «репрессированным народом», что должно было послужить юридическим и морально-политическим обоснованием для изменения статуса государственности и расширения прав этнонации. Один из основателей и руководителей Бурят-Монгольской народной партии

¹ «Буряад Монгол» нэрье хэргээхэ. Вернуть название «Бурят-Монголия» / Сост. д-р ист. наук Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1998. С. 4.

и Движения национального единства «Нэгэдэл» В. А. Хамутаев так формулировал задачи на будущее в своем докладе «К центрально-азиатской интеграции и общемонгольскому возрождению через интересы народов Байкальской Азии» (Улан-Батор, 1993)¹:

«...Консолидация всех монгольских народов нужна для выживания, т. е. этнического самосохранения монгольской нации: бурят-монголов, халх-монголов, ойрат-монголов, дотор-монголов — всех нас. В одиночку, разьединённо, расплётно, даже в рамках наших государств нам сложно сохраниться как этносу, соответственно, не может быть и речи о возрождении... Нам нужно вновь начать мыслить категориями общемонгольскими, задачами консолидации всех монгольских народов... Мы все хотим, по большому счету, быть вместе, породить совместную жизнь...

Далее следует программа достижения этой цели: от «возвращения... к единому языку, письменности, культуре, образованию» — «к конфедеративному союзу», общемонгольскому парламенту, единой государственности, «сообществу, объединённому общими интересами мира и стабилизации в Центральной Азии».

Проект Хамутаева, составленный таким образом, что производил впечатление мечты, а не мобилизующего плана действий, не получил серьёзной поддержки ни в массах, ни в политической и интеллектуальной элите республики. И всё же нельзя отрицать, что по своей сути он был проектом политическим.

Шэнэхэнские буряты — «носители бурятской аутентичности»?

Шэнэхэнские буряты — локальная этнокультурная группа, сформированная бурятами — выходцами из России в области Барга Внутренней Монголии Китая², куда они бежали от потрясений гражданской

¹ *Хамутаев В. А.* Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. Ч. 1. Улан-Удэ, 2000. С. 53–59.

² Здесь и далее по: *Балдано М., Дятлов В.* Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору? // *Диаспоры*, 2008, № 1. С. 164–192; *Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: Мат-лы 1-й науч. экспедиции НГИ.* 2004 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005; *Бороноева Д. Ц.* Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (историко-культурно-

войны и катаклизмов социалистических преобразований в России. В 1921 г. решением местных властей им была выделена обширная территория в долине р. Шэнэхэн, где создавалась специальная административная единица — бурятский *хошун* (уезд), включавший четыре *сомона* (удела). Были назначены администраторы из числа переселенцев. Приток мигрантов продолжался до 1933 г., когда в хошуне насчитывалось уже свыше 700 семей — около 3 тыс. человек. С образованием Маньчжоу-Го миграция почти полностью прекратилась, связи с исторической родиной надолго оборвались. В качестве подданных «империи» шэнэхэнские буряты должны были нести общие для всех повинности, в школе в качестве обязательного предмета вводился японский язык, хошун был ликвидирован. Японские власти установили непомерные налоги и постоянно проводили реквизиции скота.

Приход советских войск в 1945 г. сопровождался репрессиями против тех, кого обвинили в сотрудничестве с японцами. Около 400 человек (до половины взрослого мужского населения) были принудительно депортированы в СССР и частью репрессированы. Большие человеческие жертвы и огромные материальные потери принесла гражданская война между гоминьданом и коммунистами (1946–1949). Численность группы заметно сократилась — до исходных 3 тыс., включая 700 живших по соседству эвенков.

Сейчас шэнэхэнские буряты проживают в трех сомонах Эвенкийского хошуна Хулунбуирского аймака. Их современная численность оценивается в пределах 6–7 тыс. человек. В годы «культурной революции» они пережили коллективизацию и массовые репрессии. С началом реформ Дэн Сяопина появилась возможность вернуться к привычным устоям жизни. Теперь это довольно зажиточная группа, основой экономики которой остаётся скотоводство. Для ведения хозяйства получены в 30-летнюю аренду большие участки земли, можно использовать наёмный труд. Функционируют три бурятских школы, восстановлены разрушенные во время «культурной революции» дацаны. Открылась граница с Россией, возобновились связи с «исторической родиной», куда решили вернуться более 300 человек.

логический анализ). Дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 1999; *Абида Ц., Болод З., Димчиг Б., Лхамсүрэн С.* Современный исторический очерк бурят Шэнэхэна (пер. со старомонгольского языка Е. Санжанова). Хайлар, 1985 // Локальные особенности... С. 23–38.

Напомним: начало группе положили беженцы. Однако беженство приняло традиционную форму откочёвки. Уход на новую территорию родовыми группами, со скотом автоматически вёл к воспроизводству традиционной социальной структуры, привычных властных и иных отношений, образа жизни и хозяйственного уклада. Маргинализации и социальной атомизации не произошло, напротив, отрыв от основного этнического массива стал стимулом к созданию, на базе принесённых с собой родовых отношений и структур, новой этнолокальной группы, объединённой самосознанием и развитой системой внутренних связей, взаимозависимостей и социального контроля.

Вплоть до «культурной революции» власти республиканского Китая, Маньчжоу-Го и КНР относились к шэнэхэнским бурятам именно как к группе. В большем или меньшем объёме им было дано право на внутреннее самоуправление, самостоятельное регулирование своей жизни и внутренних конфликтов. Их родовая верхушка получила санкцию на власть и интегрировалась в государственную структуру принимающего общества. Вместе с тем власти требовали исполнения внешних обязанностей — уплаты налогов, воинской службы, лояльности. Первые две обязанности не создавали непреодолимых проблем, а вот продемонстрировать лояльность в условиях частой смены и вражды главенствующих политических сил было непросто. Неверный выбор мог оказаться фатальным: служба Маньчжоу-Го обернулась массовыми депортациями в СССР и репрессиями; буряты, связавшие судьбу с гоминьданом, подверглись беспощадным репрессиям со стороны коммунистов; позднее связи или просто проявление симпатии к СССР могли привести к обвинению в шпионаже.

Все исследователи отмечают, что мигранты не встретили вражды или недоброжелательства со стороны старожильского населения. Это можно объяснить как близким родством и тесными историческими связями бурят и баргутов, так и отсутствием конфликта интересов. Выделенные переселенцам земли были «выморочными»: после одной из эпидемий на них около ста лет никто не хозяйствовал и потому не претендовал. К тому же натуральное хозяйство и традиционное скотоводство не требовали продвинутой интеграции, с соседями не было ни развитой экономической кооперации и обмена, ни конкуренции, соответственно не было необходимости в повседневном общении с ними. Это позволяло безболезненно решить такую тяжелую адаптационную проблему, как освоение языка принимающего общества: бурятский

язык до последнего времени мог обслуживать почти весь спектр языковых потребностей группы.

Однако для лидеров общины сразу стала актуальной проблема языка управления и взаимоотношений с региональными властями. Во времена Китайской республики официальным языком в провинции был маньчжурский, но бурятским переселенцам было разрешено вести делопроизводство, используя монгольскую письменность. При Маньчжоу-Го японский язык был обязательным в школе, владение им позволяло сделать карьеру в армии и даже получить высшее образование. Власти КНР относят шэнэхэнских бурят к монголам. Монгольский язык с графикой старомонгольского письма — официальный язык Внутренней Монголии, преподаётся в школах, используется на радио, в печати, в делопроизводстве, на нём издаётся художественная литература. Но это не ставит проблемы выбора между бурятским и монгольским языками. Все наблюдатели единодушно отмечают популярность китайского языка, ориентацию большинства школьников на его глубокое изучение. Всё чаще родители бурятских детей отдают их в китайские классы с первого года обучения.

Фактором сплочения шэнэхэнских бурят была ламаистская религия. Ещё не преодолев первых трудностей на новом месте, они принялись за строительство дацана. Отмечаются традиционные праздники и обряды, сохранилась национальная одежда. Всё это способствовало консолидации отдельных родовых групп в этнолокальную общину. В то же время, несмотря на этнокультурное, религиозное, языковое родство с соседними группами, смешанных браков с ними почти не было, тенденция к растворению в культурно близкой монголоязычной среде не проявилась. Судьбу группы определило уникальное сочетание её полной незаинтересованности в аккультурации (тем более — ассимиляции) в принимающем обществе с отсутствием внешнего давления последнего (до «культурной революции»). Это — ещё одна причина, по которой из конгломерата родовых групп и отдельных беженцев сформировалась единая группа, самодостаточная с точки зрения экономической специализации, культурно отъединённая от принимающего общества бурятским языком, системой родовых связей, обычаями, праздниками и традициями, и достаточно крупная для того, чтобы поддерживать структуру социальности — от внутренних браков до власти. Не получая импульсов к интеграции со стороны принимающего общества, община замкнулась в себе, законсервировав жизненно важную в этой ситуации систему

традиций. При этом одной из опор замкнутости стала память об «исторической родине» и осознание группы её «осколком». Но что понималось под «исторической родиной» — государство, местность, люди, отношения? Вряд ли они разделялись в сознании, хотя на первом месте в ответах респондентов стоит *тоонто нутаг* (малая родина), затем — родственники и, наконец, государство Россия¹. Как видим, не последнее место в этой иерархии представлений занимал оставшийся там основной родовой массив. И мечта о возвращении базировалась на стремлении воссоединиться с родственниками.

Как уже отмечалось, устойчивость общины подверглась серьезным потрясениям во время «культурной революции» в Китае. Закрытие школ, репрессии против образованной элиты, знающей китайский язык, аресты «советских шпионов», прифронтовой статус границы с СССР, коллективизация — все это расшатывало привычный уклад жизни. В том же направлении, хотя и по иным причинам, действовали на общину бурные модернизационные преобразования, начавшиеся с эпохой Дэн Сяопина. Экономические свободы и частная собственность, возможность вести собственное хозяйство в условиях рыночной экономики разрушают самоизоляцию, рождают новые возможности и соблазны. Ныне привычные детали быта шэнэхэнских бурят — мотоциклы, автомобили, телевизионные «тарелки». Ведение частного хозяйства диктует необходимость деловых операций, отлаженных деловых связей. Китайский язык и китайская культура становятся «предметами первой необходимости». Не зря все наблюдатели фиксируют бурный процесс формирования бурятско-китайского двуязычия. Теперь это путь к экономическому процветанию, современному образованию, городским профессиям, карьере. Шэнэхэнские буряты вступили в полосу жёсткой конкуренции за ресурсы, образование, рабочие места. Теперь они заняты не только в скотоводстве, но и в медицине, здравоохранении, образовании, сфере услуг. Неизбежно растёт их территориальная и социальная подвижность. Всё это размывает общинность и в перспективе формирует качественно иной, чем раньше, уровень интеграции в китайское общество.

В 1990-х гг. в Россию приехало около 300 шэнэхэнских бурят. Сейчас их около 400 (300 в Бурятии и 100 в Агинском округе). Мотивы

¹ См. об этом также: *Бороноева Д. Ц.* Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор // *Известия Томского политехнич. ун-та*, 2011. Т. 319, № 6. С. 186–190.

возвращения были разными: ностальгическими («родина предков»), экономическими (поиск новых возможностей), образовательными (в рамках существующих льготных программ). В любом случае, они **возвращались** в Бурятию, на родину предков, к соотечественникам-бурятам. Но и они столкнулись с типичными для мигрантов проблемами адаптации. Не произошло быстрого слияния с «материнским этносом». Мигранты нашли для себя специфические ниши в экономике, а в социальном плане в основном используют внутренние сети, связи и отношения. Они опираются на оставшийся в Китае основной массив группы, ставшим фактически «национальным очагом», в чём-то — новой «исторической родиной».

Трудности с получением российского гражданства осложнили экономическую интеграцию. Отсутствие гражданства препятствует приобретению и даже аренде пастбищных угодий. Зато важной экономической нишей стало удовлетворение постоянно растущего спроса на услуги носителей, хранителей и знатоков традиционной бурятской культуры, т. е. всего, что было частично или полностью утеряно российскими бурятами в процессе модернизации. Сложился широкий диапазон такого спроса — от высокой культуры до традиционной кухни. Важный ресурс шэнэхэнцев — использование опыта жизни в двух мирах, китайском и российском. В условиях интенсивного экономического обмена, массовой «народной торговли» их знание китайского, бурятского и русского языков, связи в обеих странах открывают неплохие рыночные возможности. Используя этот ресурс, многие шэнэхэнские буряты или сами занимаются торговлей, или обслуживают её в качестве переводчиков и посредников.

Чрезвычайно острой оказалась проблема аккультурации. Почти столетие раздельного существования не прошло даром. Несколько поколений российских бурят учились во всеобщей, обязательной и единой школе, базирующейся на русской культуре, европейской традиции и советской идеологии. Горожане в массе своей перешли на русский язык: без него невозможно полноценное социальное существование, не говоря уже о натурализации. Разная история породила и разный жизненный опыт. Сельские жители, люди, не мыслящие существования вне общинных связей и отношений, попали в общество городское, атомизированное, индивидуалистское, хотя и с сильными элементами родовых и клановых структур. Всё это затрудняет взаимное понимание, вхождение репатриантов в принимающее общество. И это при том, что речь идёт

о людях в большинстве своем довольно состоятельных, с высоким уровнем притязаний. Задачу адаптации, выработки её стратегий и повседневных практик им пришлось решать преимущественно своими силами, опираясь на собственные ресурсы. И, создав свои национально-культурные общества — землячества шэнэхэнских бурят в Республике Бурятия (в начале 1990-х гг.) и в Агинском округе (2000 г.), они опять-таки институционализировали себя как **особую группу**.

Буряты Монголии

Бурятское население Монголии формировалось в ходе откочевок отдельных семей и родов в поисках пастбищ через довольно символическую границу¹. А с начала XX в. последовало несколько «волн» беженства — вначале от земельной политики царских властей и мобилизаций Первой мировой войны, затем — от ужасов Гражданской войны и политики советской власти.

Оседали беженцы в основном в приграничных северо-восточных районах Внешней Монголии. Власти Монголии отнеслись к ним доброжелательно, поддержали создание собственных институций. Возникший в Урге в 1918 г. Бурятский комитет, в 1921 г. провёл Первый бурятский съезд и сформировал Бурятский хурал, признанный правительством в качестве представительного органа бурят. Для переселенцев были выделены специальные районы (откуда в случае необходимости перемещались халха-монголы), созданы административные единицы — бурятские хошуны, на три года они освобождались от налогов. Всего в 1923–1929 гг. получили монгольское гражданство 35 517 человек.

Власти МНР не скрывали, что буряты с их образованностью, знанием ремёсел, продвинутых технологий животноводства и земледелия

¹ Здесь и далее по: *Бороноева Д. Ц.* Буряты в Монголии и во Внутренней Монголии КНР: антропология переписи и идентичность // *Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике* / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 273–283; *Нанзатов Б. З.* Монгольские буряты: диаспора в ситуациях вызова // *Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность* / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Монг. ун-т науки и технологии / Отв. ред. Б. З. Нанзатов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 83–110; *Нацагдорж Б.* Причины миграции бурят в Монголию (на примере ацинских цонголов) // Там же. С. 132–146; *Ринчинова О. С.* Бурятская диаспора в Монголии: этапы формирования и развития // Дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2011.

представляют ценный человеческий материал для формирования современного общества и государства. Бурятские интеллектуалы и политики, направленные коммунистическим режимом России, составили на первых порах наиболее влиятельную группировку в руководстве Монголии. Хорошо образованные, прошедшие уникальную школу политической деятельности накануне и в годы революции и Гражданской войны, они стремились создать нацию-государство в европейском её понимании на всём обширном пространстве монгольского мира. Какое-то время их национализм не вступал в противоречие с идеями мировой революции большевиков, свою деятельность в Монголии они рассматривали как этап на пути реализации этой цели. В то же время они лоббировали интересы бурятских переселенцев, активно участвовали в их самоорганизации и обустройстве. К процессу миграции и укоренения бурят в Монголии вполне доброжелательно отнеслись и советские власти. Это не расходилось с их политикой, направленной на укрепление независимости Монголии, создания там жизнеспособных основ государственности. Но к началу 1930-х гг. ситуация резко изменилась. Власти СССР разочаровались в идеях мировой революции, в том числе и в планах объединения монгольских народов под своей эгидой. Буряты в составе политической элиты Монголии лишились политического доверия, бурятское население северо-восточных аймаков Монголии стало рассматриваться в категориях «белоземigrants», противников советской власти, контрреволюционеров. В политической элите Монголии, которую всегда раздирали групповые конфликты, включились в ожесточённую борьбу за власть представители молодежного, «худонского» крыла, халха по происхождению. Под флагом борьбы с «правыми» они стремились оттеснить ветеранов, в значительной своей части бурят. Борьба поколений и идеологий приобрела этнический характер. «Левые» сумели сокрушить своих бурятских соперников. Вместе с элитой попали под удар все буряты, которые как группа стали политическими врагами. От репрессий пострадала почти каждая семья. В некоторых бурятских районах было физически уничтожено до 90 % мужчин¹. Естественным результатом стало стремление скрыть происхождение, не носить бурятскую одежду, не употреблять бурятский язык в общественных местах. Кроме того, по мнению монгольского исследователя Р. Рэгзэндоржа, истребление большинства мужчин вызвало рост чис-

¹ Подробнее см.: Ринчинова О.С. Указ. соч. С. 78–90.

ла смешанных халха-бурятских браков, что резко ускорило ассимиляцию¹.

Дальнейшие судьбы бурят Монголии связаны с модернизацией в её социалистическом варианте. Шёл процесс становления монгольской нации на основе культуры и языка халха, что изначально определило положение тех, кто халха не был. Репрессии против бурят прекратились, они были признаны одним из пяти национальных меньшинств. Однако их национальные районы (а значит, и возможность самоуправления) были ликвидированы ещё в конце 1920-х гг. При юридическом равноправии, на практике халха обладали более высоким статусом и карьерными возможностями. Одной из стратегий преодоления фактического неравенства было стремление дать детям высшее образование. Этим объясняют высокую долю бурят в образованной элите страны.

Стремление скрыть бурятское происхождение было массовым на протяжении всей социалистической эпохи. Это отмечает, в частности, У. Булаг, проводивший полевые исследования в 1991–1992 гг. среди бурят столицы и северо-восточных аймаков². Такой практике не слишком мешала обязательная фиксация национальности в паспортах. Свободное владение монгольским языком было повсеместным, бурятский язык или терялся, или использовался только в семейном общении. Тем не менее, ассимиляции не произошло, и после Демократической революции растёт число тех, кто во время переписей населения объявляет себя бурятами. Если в 1989 г. таковых оказалось 35,4 тыс. человек (для сравнения: в 1956 — 24,6 тыс., в 1963 — 28,5 тыс., в 1969 — 29,8 тыс. и в 1979 — 29,8 тыс.), то в 2000 г. — 40,6 тыс., в 2010 — 48,5 тыс. человек. Некоторые эксперты считают, что реальное число может достигать до 100 тыс.³

Буряты — не просто статистическая категория. Бурятами являются многие крупнейшие бизнесмены, общественные деятели, среди них много публичных политических фигур — вплоть до основателей и ли-

¹ *Рэгзэндорж Р.* Монголын буриад ардын амьдралын зарим асуудал (Некоторые вопросы образа жизни бурятского народа Монголии). Улаанбаатар, 2003. С. 17.

² *Bulag, Uradin E.* Nationalism and Hybridity in Mongolia. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 35–36.

³ *Ринчинова О. С.* Указ. соч. С. 108–110.

деров политических партий, премьер-министров и президентов. Не особенно подчеркиваемое, но и не скрываемое, бурятское происхождение не помешало им обрести большой политический вес, побеждать на выборах в стране, где подавляющая часть избирателей — халха. В большинстве своём они позиционируют себя как монгольские (в гражданском смысле) политики и общественные деятели, но некоторые занимаются развитием бурятской общины, созданием сети бурятских общественных и культурных институций. Основаны и активно функционируют «Совет бурятского землячества», молодежная организация «Тонто», «Фонд по развитию бурятской культуры и традиций в Монголии» с региональными отделениями там, где компактно живут буряты, проводящий много мероприятий, организующий и финансирующий издание литературы. По его инициативе создана в 2008 г. Академия бурятоведения. В 1994 г. Фонд инициировал фестиваль «Алтаргана», ставший регулярным и влиятельным во всем бурятском мире¹.

Однако тенденция к общепурятской консолидации наталкивается на сохранение административно-родового принципа расселения, сложившегося еще в начале миграционного процесса. Отдельные родоплеменные группы чётко локализованы по отдельным аймакам². Наши полевые исследования 2007–2009 гг. подтверждают вывод польского ученого З. Шмыта³:

«Слабое сотрудничество между разными группами бурят в Монголии и гораздо большее значение родовых и территориальных контактов может указывать на незавершённость процесса этнической консолидации бурят в Монголии. Нельзя забывать, что изоляция отдельных бурятских групп, рассеяние в монгольской среде и годы репрессий не способствовали таким процессам. Родственные и территориально-

¹ Подробнее см.: Ринчинова О. С. Указ. соч. С. 112–120.

² Подробнее см.: Очир А., Сэржээ Ж. Хэнтий аймгийнхны овгийн товч лавлах, овог, угийн бичиг сэргээх зовломж (Краткий справочник хэнтэйских родов и родословных). Уланбаатар, 1993; Оюунтунгалаг А. Монгол улсын буриадууд (Буряты Монголии). Уланбаатар, 2004.

³ Шмыт З. Бурятская диаспора в Монголии. Вопрос идентичности // Диаспоры в современном мире: материалы международного круглого стола, Улан-Удэ, 15 окт. 2007 г., Хулун-Буйр, 13 дек. 2007 г. / Федерал. агентство по образованию, Бурят гос. ун-т, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН / Редкол.: Л. Л. Абаева, Д. Ц. Бороноева, С. Д. Дашиева. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. С. 75–90.

родовые связи составляют на сегодняшний день эффективную форму групповой организации, направленной на достижение определённых экономических, политических и социальных целей».

Недостаточно велика и объединяющая роль бурятского языка, он остаётся по преимуществу языком домашнего общения. Но, пожалуй, главное из возможных объяснений заторможенности консолидации монгольских бурят в единую общность заключается в том, что буряты всегда являлись активными участниками формирования гражданской нации в Монголии и приняли доминирование культуры и языка халха в этом процессе. А свои специфические интересы они отстаивают через систему территориально-родовых групп. Можно предположить, что и далее будут сосуществовать и взаимодействовать три нынешние стратегии интеграции в монгольскую нацию: через ассимиляцию с халха; через систему территориально-родовых групп; через формирование единого бурятского этнокультурного меньшинства. Возможно, наберёт силу и стратегия индивидуального участия в качестве монгола бурятского происхождения.

Бурятское «национально-культурное возрождение» и диаспоры

Сразу надо отметить, что «вопрос о возвращении на историческую родину желающих бурят Шэнэхэна» в самой Бурятии изначально рассматривался именно через призму «возрождения»¹. В итоговом документе I Общебурятского хурала (важнейшего для своего времени общественно-политического мероприятия, состоявшегося в 1992 г.) проблема шэнэхэнских бурят рассматривается в контексте задачи «реабилитации репрессированного бурятского народа». Предлагалось создать Фонд возвращения бурят-беженцев, определить размеры компенсации, содействовать возвращению и размещению и создать для этого специальную миграционную службу².

Мотивация такого внимания подробно обоснована Хамутаевым³:

¹ Нимаев Р. Д. Делегат от Конгресса бурятского народа. Выступление // Материалы II съезда народов Бурятии / Ред. колл.: В. М. Алексеева, М. А. Харитонов, А. Л. Ангархаев. Улан-Удэ: Буряд үнэн, 2001. С. 126.

² Там же.

³ Хамутаев В. А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. Ч. 1–2. Улан-Удэ, 2000. Ч. 1. С. 174.

«Осколки всех наций едут домой. Евреи через 2 тысячи лет возвращаются на историческую родину, немцы России через 200 лет возвращаются в Германию. Казахи Китая и Монголии едут на родину, на которой они никогда не жили. Правительство Назарбаева приняло программу возвращения казахов в генофонд нации, по которой предусмотрены меры по стимулированию возвращения на историческую родину, наделение земель реэмигрантов, обустройство их компактными деревнями со своим укладом жизни... Слабые нации, не сумевшие сгруппироваться внутри себя на собственных этнонациональных ценностях и интересах, растворяются в других. <...> И бурятскому народу необходимо планомерно и последовательно, учитывая богатый опыт других энергично развивающихся народов, работать над собственным возрождением, консолидацией, ростом».

Возвращение здесь рассматривается не как гуманитарная, а как политическая проблема — как часть задачи «собирания нации», её консолидации, сохранения и развития её «генофонда», короче, нациестроительства. Поэтому так важно, что шэнэхэнские буряты «ведут традиционное хозяйство, учатся, поют, танцуют, играют свадьбы... сохранили всё родное, бурятское: сознание, язык, игры, традиции, одежду, обряды, старомонгольскую письменность, “табан хушун” — традиционное животноводство и т. д. Необходимо выделение земли для индивидуального строительства и компактного — в одной местности — расселения шэнэхэнских репатриантов с целью сохранения сложившегося мироустройства...». Ибо это «отвечает интересам всего этноса». Отсюда — и негодование по поводу адаптации репатриантов и их детей¹:

«В Республику прибывают буряты из Китая, их дети, знающие только родной язык, вынуждены постигать чужую культуру, язык, мораль, манеру громко выражать эмоции, потому что их раскидывают по разным школам. С каждым днём они теряют всё свое родное, этническое, тысячелетиями выработанные национальные качества, манеры, поведение, всё больше превращаясь в шумных, визгливых советских манкуртов».

Всё это не означает, что тема шэнэхэнских бурят была монополизирована дискурсом нациестроительства. Этот сюжет потому и стал играть такую роль в политико-идеологической практике, что опирался

¹ Хамутаев В. А. Указ. соч. Ч. 1. С. 177; Ч. 2. С. 20, 24–25, 99.

на вполне искренний и бескорыстный общественный интерес. Массе людей было просто интересно, как жили и живут «наши» в чужой стране. На этот интерес охотно откликались СМИ. Вот характерная цитата из газетной публикации о шэнэхэнских бурятах¹:

«Их стороной прошла коллективизация, индустриализация и вторая мировая война. Не было для них ни первомайских демонстраций эпохи застоя, ни перестроечных карточек-талонов. А была жизнь, согласно многовековым бурятским традициям в тяжёлом ежедневном труде на благо своей семьи. Историческая память потомков бурятских иммигрантов не замусорена переменах последних десятилетий. Шэнэхэнские буряты, колонизировавшие в начале XX в. незанятые земли Внутренней Монголии, сумели приумножить спасённое от большевиков богатство и сохранить свою культуру в том виде, в каком она была более ста лет назад. Некоторые из них, преодолевая бюрократические препоны, начали возвращаться на землю предков».

Возможно, это чем-то напоминает огромный интерес к российской послереволюционной эмиграции вообще. В неё, как в «иное своё», вглядывались, чтобы понять себя, увидеть «овеществлённое несбывшееся» — «другую Россию», которой лишились из-за сделанного когда-то выбора.

Власти не смогли остаться в стороне от проблемы репатриантов, благо их интерес позволял демонстрировать готовность к диалогу с общественностью, внимание к её этническим запросам, не раздражая при этом федеральный центр и собственных противников «бурятского национализма». Это был хороший повод и для налаживания рабочих контактов с властями приграничных китайских провинций. Надо было только увести проблему из опасной этнополитической сферы в гуманитарную и культурную, что и было сделано в «Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия» (1997)²:

«Деятельность за пределами Бурятии:

— помощь и поддержка выходцам из Бурятии, проживающим в других регионах России, государствах СНГ и дальнем зарубежье;

¹ Номер один, 02.06.2004.

² Концепция государственной национальной политики Республики Бурятия. Одобрена Постановлением Правительства Республики Бурятия 29.09.1997. № 336 // Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001) / Авт. сост. Ю. Н. Пинигина. М.; Иркутск: Наталис, 2002. С. 90–102.

— заключение межправительственных договоров с Монголией и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР о культурном и экономическом сотрудничестве;

— поддержка общественных национально-культурных объединений бурятской диаспоры и выходцев из Республики Бурятия в различных регионах России, дальнем и ближнем зарубежье, в их деятельности по удовлетворению национально-культурных запросов, сохранению и развитию родного языка, национальных традиций, укреплению связей с Бурятией».

Первым репатриантам была оказана помощь в оформлении вида на жительство, трудоустройстве и получении временного жилья со стороны Всебурятской ассоциации развития культуры, руководства Бурятского государственного университета, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии и сельскохозяйственного лица, были выделены квоты для обучения их детей. Но республиканские власти не смогли сделать главного — оказать реальную помощь в получении российского гражданства. Не стала на первых порах Бурятия участвовать и в программе по возвращению соотечественников. Александр Елаев, тогда первый заместитель Председателя Комитета по межнациональным отношениям Администрации Президента Бурятии, отмечал¹:

«Переселяющиеся к нам соотечественники — это конкуренты наших людей. То есть здесь — тоже конфликт интересов. И мы должны учитывать, прежде всего, интересы граждан России. Кроме федеральных средств понадобятся республиканские средства на обустройство этих переселенцев. Это предоставление жилья, предоставление работы. А с этим могут быть проблемы, и люди окажутся в подвешенном состоянии».

В конце 2000-х идея реанимируется в духе обновлённой программы, где во главу угла ставятся задачи решения демографических проблем. Заместитель председателя правительства Бурятии А. Чепик отметил, что программа не распространялась на регионы с высоким уровнем безработицы, Бурятию в том числе. Но буряты из Китая и Монголии, готовые заняться скотоводством, освоить пустующие земли,

¹ Что мешает возвращению шэнэхэнских бурят на историческую родину? // Телерадиоккомпания «Ариг Ус», 01.03.2007. URL: <http://www.arigus-tv.ru/news/detail.php?ID=3468> (дата обращения: 27.02.2012).

не станут конкурентами на рынке труда, скорее, уменьшат безработицу за счёт создания новых рабочих мест для местного населения¹.

Бурятия включилась в Государственную программу, и в 2011–2012 гг. в её рамках планировалось привлечь около 500 шэнэхэнских бурят, готовых к переселению. Предполагалось создание с их участием фермерских скотоводческих хозяйств, гуртов. Республика должна была обеспечить землёй, жильём и трудоустройством, а федеральный центр взял бы на себя переезд и выдачу российских паспортов². Но земли, которые предполагалось выделить, не устроили шэнэхэнских бурят, так как находятся в преимущественно горных районах Бурятии. Да и такого количества желающих уехать в Россию не нашлось.

Тема «шэнэхэнских бурят» постепенно теряет свою идеологическую насыщенность и экзотическую привлекательность для общества. Окончилась «эпоха национально-культурного возрождения», у политиков и чиновников появилось много новых проблем и забот, угас общественный интерес. Идеологически мотивированную идею «собираания нации» постепенно оттесняет государственная прагматическая установка на привлечение соотечественников для решения сложных демографических и экономических проблем страны.

При этом объектом пристального внимания общества, материалом для «собираания нации» и потенциальным резервуаром рабочей силы были и остаются не все зарубежные буряты. Сложился разительный контраст между шэнэхэнцами и куда более крупной общиной бурят Монголии. Ни в 1990-е гг., ни сейчас они не привлекали внимания общественности и СМИ, разве что в дни фестиваля «Алтаргана». Возможные причины такого отношения — отсутствие экзотики и новизны, давняя традиция массовых контактов, высокий уровень информированности. Монгольские буряты пережили те же перипетии социалистического развития, что и российские. Их жизнь была знакома и понятна, не слишком

¹ Бурятии запрещают возвращать шэнэхэнских бурят в республику // Зауда онлайн — Новости Улан-Удэ, 06.09.2010. URL: <http://zauda.ru/content/view/2087/> (дата обращения: 25.06.2011).

² Цыренов А. Бурятии запрещают возвращать шэнэхэнских бурят в республику // Номер один, 02.09.2010; Махачкеев А. Шэнэхэнские буряты получили шанс на возвращение на историческую родину // Информполис, 31.03.2011; Хыртыгеева Е. Долгий путь домой. 500 шэнэхэнских бурят желают вернуться на историческую родину // Номер один, 12.05.2010.

отличалась от советских реалий. Как бы то ни было, буряты Монголии не присутствуют в качестве отдельной и значимой группы в концепциях «собираания нации». Правда, официально утверждённый проект по привлечению соотечественников рассчитан и на них, но его содержание показывает, что названы они для проформы. Причина — отсутствие желающих переселиться¹. При особом отношении к родовым местам исхода предков, поддержании родовых связей поверх границы, стремление ассоциировать себя с Россией в гражданском и политическом отношениях практически отсутствует. Поэтому идеологические конструкты 1990-х гг. не выделяли бурят из состава общества Монголии в качестве группы, требующей особого отношения и особой политики, а концепт «собираания разделённой нации» обходит их стороной. Идея «возвращения» монгольских бурят явно нереалистична, другие же варианты «собираания» — от выстраивания особых отношений диаспоры с исторической родиной до ирредентизма — предполагают непримиримый конфликт между идеями общепобурятской и общемонгольской общности.

* * *

Этноареальная трансграничность, как и прежде, влияет на процесс нациестроительства в Бурятии. Не решён окончательно вопрос о природе бурятской нации — является ли она уникальным самостоятельным субъектом исторического развития, или же частью более крупной общности, монгольской, которая только и может претендовать на статус нации. Не могут игнорироваться формирование российской гражданской нации, состоявшийся проект нации-государства в Монголии, активное вовлечение в модернизационные процессы монголов КНР. Государственные границы предопределили различные варианты нациестроительства на монгольском историко-культурном пространстве.

В этом контексте высвечивается уникальность трансграничных миграций бурят в пределах монгольского мира. Опыт их почти вековой жизни в независимой Монголии, как и их шэнэхэнская «одиссея» свидетельствуют о том, что однотипность социально-экономического уклада, глубокое родство языков и культуры, представление об общности истории и судьбы не обязательно ведут к ассимиляции. Глубокая адаптация к принимающему обществу не воспрепятствовала внутренней

¹ Цыбикдоржиев Д. Буряты КНР и Монголии как возможные участники программы возвращения соотечественников // Власть, 2009, № 3. С. 85–87.

консолидации этих групп, формированию особых граней идентичности, принятию диаспоральной модели устройства жизни.

Мировой опыт показывает: диаспоры могут стать важным фактором развития как отправляющего, так и принимающего обществ — **инфраструктурой** обменов информацией, культурными ценностями, экономическими ресурсами, идеальными посредниками, передатчиками и переводчиками. Могут они становиться и материалом и средой для выстраивания идеологием («собрание нации», «разделённый народ»), а те — служить средством этнической консолидации. Однако в мировой истории есть примеры и иного рода, когда манипулирование диаспорами делало их «яблоком раздора» между странами и народами.

В отличие от первой попытки осуществить «панмонголистский» проект, в ходе второй были предприняты усилия для того, чтобы задействовать на потребу ему диаспоральный ресурс. Однако, как и в начале XX в., идея единства не нашла достаточного количества активных сторонников ни в Бурятии, ни в Монголии. А отсутствие реального интереса к ней у политической и интеллектуальной элиты Монголии, укрепление государственности России, рост мощи Китая показали иллюзорность объединительного проекта. Тем не менее, мечта о политическом объединении монгольской общности живёт и при понимании её неосуществимости в современных условиях. И то, что она оказалась востребованной через целую эпоху забвения, заставляет относиться к ней серьёзно.

ТРАНСПОРТИРОВКА УГЛЕВОДОРОДНЫХ РЕСУРСОВ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА: ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Юрий Александров

Все без исключения национальные государства подвергаются воздействиям со стороны окружающего мира и воздействуют на него. В первом случае они могут сталкиваться с вызовами, приходящим извне, во втором — создавать вызовы, направленные вовне. Здесь речь пойдет о группе прикаспийских государств. Это Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан, а также Узбекистан, хотя у него нет прямого выхода к Каспию, и Иран, нефтяной экспорт которого идёт через Персидский залив, но который вступил в спор с остальными государствами региона за способ раздела территории Каспия вместе с его природными богатствами, включая углеводородные. Помимо общего позиционного фактора в группу их объединяет то обстоятельство, что для всех них имеют значение трансграничные вызовы, присущие любому из вариантов экспортной транспортировки нефти и газа из Каспийского региона (далее — КР). Разбору этих вариантов, их возможных выгод для одних государств, невыгод — для других и посвящена настоящая статья.

Ситуация накануне распада СССР

Проблема трансграничных вызовов, связанных с движением через государственные границы углеводородного сырья из КР, возникла после распада СССР. До того была лишь техническая задача распределения нефти и газа по различным каналам общесоюзной системы поставок энергоносителей для внутреннего потребления и на вывоз. К тому

же тогда главное стратегическое — экспортное — значение имели нефть и газ Западной Сибири (табл. 1).

Таблица 1.

**Добыча нефти и газа: основные производители,
1991 год и год пиковой добычи**

<i>Страны</i>	<i>Нефть, млн т:</i>		<i>Газ, млрд м³:</i>	
	<i>1991</i>	<i>пик</i>	<i>1991</i>	<i>пик</i>
Казахстан	26.6	26,6 (1991)	7,9	7,9 (1991)
Россия	462.0	569 (1988)	643,0	643 (1991)
Азербайджан	11.7	13,8 (1987)	8,6	14,4 (1985)
Туркменистан	5.4	6,0 (1985)	84,3	89,9 (1989)
Узбекистан	2.8	2,8 (1991)	41,9	41,9 (1991)

Составлено по: Страны-члены СНГ. Стат. ежегодник / Стат. комитет СНГ. М.: Фин. инжиниринг, 1992. С. 96, 214, 334, 415, 453.

РСФСР добывала нефти в десять, а газа в четыре с половиной раза больше, чем все остальные республики. Правда, Туркменистан выделялся высокими показателями добычи газа, что впоследствии повлияло на выбор им своего пути, а для Казахстана предусматривалась перспектива освоения крупного нефтяного месторождения Тенгиз. Транспортировка углеводородов за пределы КР и Центральной Азии (ЦА) осуществлялась по следующим маршрутам. С 1968 г. для прокачки природного газа из Туркмении и Узбекистана начал использоваться трубопровод Средняя Азия — Центр, в конечном счёте достигший протяжённости в 820 км, мощностью до 50 млрд м³ газа в год и с потенциалом доведения его, путем реконструкции, до 90 млрд куб. м¹. В 1971 г. для поставок нефти с Мангышлака был проложен трубопровод Узень — Атырау (тогда Гурьев) — Самара (Куйбышев) как часть нефтепровода «Дружба» протяженностью 1380 км и потенциальной пропускной способностью до 30 млн т². Для азербайджанской нефти единственным экспортным каналом мог стать нефтепровод Баку — Новороссийск,

¹ О нём см.: Назаров Б. Газопровод «Средняя Азия — Центр»: энергия со-зидания // ЦентрАзия, 11.09.2007. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1189499220> (дата обращения: 02.07.2014).

² Нефтепровод Атырау-Самара // КазМунайГаз. National Company. URL: http://www.kmg.kz/manufacturing/oil/atyrau_samara (дата обращения: 04.08.2014).

введённый в эксплуатацию в 1983 г. (1330 км, проектная пропускная способность — 7 млн т нефти в год). Но в советское время он использовался в противоположном направлении — для поставок западносибирской нефти на нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) Азербайджана.

Ситуация после СССР: экспортные маршруты каспийских углеводородов и их значение

После 1991 г. все государства КР — наследники СССР приступили к активной доразведке, освоению и увеличению добычи углеводородного сырья, сделав эту стратегию основой восстановления и развития экономики. И сразу же между ними возникло соперничество за контроль над реальными и будущими экспортными потоками нефти и газа.

У России и Ирана — прямой доступ к открытым морям, у остальных государств КР его нет, их экспортные маршруты могут проходить только транзитом через территории соседних стран с не обязательно совпадающими экономическими и политическими устремлениями. Далеко не безразличны к направлениям и способам нефтегазового экспорта из региона и крупнейшие мировые потребители энергоносителей, они же — самые влиятельные игроки мировой политики: США, ЕС, Китай. Наконец, и им, и странам-экспортёрам приходилось учитывать позицию российского руководства, определяемую и геоэкономическими соображениями, и внешнеполитическими, и идеологическими.

Правда, с самого начала оказался исключённым вариант геополитики, предполагающий если не прямую аннексию, то те или иные виды прямого контроля над чужой территорией. (Были отдельные случаи бряцания оружием в территориальном споре на Каспии между Ираном и Азербайджаном, но не более того¹). Главных причин тому две. Первая: взаимно уравнивавшийся экономический и политический интерес к КР России, США с ЕС и Китая. Вторая: табу на любые агрессивные поползновения из-за участия в разведке, организации добычи

¹ По контракту с Азербайджаном международный консорциум во главе с ВР должен разрабатывать группу месторождений «Араз – Алов – Шарг» в спорной акватории с Ираном. Но в июле 2011 г. Иран с помощью военных катеров вынудил нефтяников покинуть спорную территорию. См.: Странам каспийского региона предстоит разобраться с рядом геополитических вопросов // Хроника. Азербайджан. Мировые новости, 22.10.2012. URL: <http://xronika.az/azerbaijan/23626-stranam-kaspiyskogo-regiona-predstoit-razobratsya-s-ryadom-geopolotichesskih-voprosov.htm> (дата обращения: 05.08.2014).

и экспортной транспортировки крупнейших мировых компаний. Как следствие, практическая геополитика в регионе стала определяться геоэкономикой. Первостепенную значимость получил не политический / военный контроль над территориями, а гарантированный доступ к углеводородным ресурсам путём приобретения прав на их разработку. Равно как и возможность оказывать влияние на выбор маршрутов их экспорта, выгодных тем или иным государствам либо их альянсам. А в случае России в центр усилий было поставлено обретение контроля над транзитом нефти и газа из региона, чтобы таким путём получить значительные экономические и политические дивиденды.

На фоне этой общей картины вырисовывается сложный рисунок отношений между самими государствами региона по поводу организации экспорта нефти и газа за его пределы. Отношений, таящих в себе трансграничные вызовы для каждого — в виде решений и действий, результаты которых могут угрожать национальной безопасности какой-либо страны или группы стран региона. Либо, наоборот, несущих в себе заряд конструктивных реакций, позитивных межгосударственных взаимодействий.

Вообще говоря, особо опасны ситуации, когда предметом спора становится раздел естественно ограниченных, но жизненно важных хозяйственных ресурсов. В КР и ЦА это дефицитные водные ресурсы, режим использования которых может монопольно контролироваться отдельными государствами¹. В этом и подобном ему случаях ситуация «вызов — ответ» фактически сводится к альтернативе «конфликт — компромисс — конфликт — война». Напротив, нефть и газ, будучи в точно не определяемой перспективе конечными природными ресурсами, в настоящее время и в надёжно прогнозируемом будущем не являются на мировом рынке дефицитным товаром. Однако устойчивая тенденция к росту спроса на энергоносители по мере расширения мировой экономики делает их товарами высоко конкурентными. Что подстегивает не только мировые цены на них, но и борьбу за контроль над их потоками и источниками.

¹ Об этом см.: *Борисова Е., Панарин С.* Противоречия безопасности на примере водно-энергетических проблем Центральной Азии // *Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур* (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / Отв. ред. Сергей Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 268–279.

Всё это стимулирует государства с экспортным потенциалом углеводородов искать наиболее перспективные рынки сбыта и диверсифицировать пути экспорта — т. е. своего рода гарантий от грозящего ущемлением суверенитета превращения в «сырьевые придатки» крупных потребителей энергоносителей. Но полная реализация экспортного потенциала государств-производителей требует решения ряда сложных проблем, от технических и экономических до геополитических. И многое определяется позиционными особенностями стран КР.

Как уже отмечалось, все они, кроме Узбекистана, имеют прямой выход к Каспию: Россия на северо-западе и западе, Азербайджан на западе, Казахстан на севере, северо-востоке и востоке, Туркменистан на востоке, Иран на юге. Но из-за замкнутости Каспия решающее значение для экспорта имеют сухопутные маршруты. Тут в наиболее выгодном положении находится Россия. У неё прямой выход к открытым морям на юге, западе, севере и востоке, и она может служить транзитной территорией для тех стран Каспийского региона, которые заинтересованы в ориентации части своих экспортных потоков на Восточную, Центральную и Западную Европу и на Чёрное море. Либо, — что сейчас почти не наблюдается и вообще проблематично — на российских потребителей. В свою очередь, в России рассматривается вопрос об экспорте её нефти в Китай через действующую казахстанско-китайскую трубопроводную систему Атасу — Алашанькоу. В принципе не исключён выход российской нефти (как и стран ЦА) и на побережье Персидского залива по замещению через иранские порты на Каспии. Или переброска нефти, которую рано или поздно начнут добывать в больших, чем сейчас, количествах «Лукойл» и «Роснефть» на Каспии, к Средиземному морю по трубопроводу Баку — Тбилиси — Джейхан.

Азербайджан, имея выход к Каспию, на суше зажат между Россией, Арменией, Ираном и Грузией. Казахстан занимает более удобное географическое положение, чем другие государства ЦА: выходит к северо-восточному и восточному побережьям Каспия и разделяет протяжённые сухопутные границы с Россией на северо-западе, севере и северо-востоке, с Китаем — на востоке. Через него проходят возможные сухопутные маршруты в Россию и Китай из Туркменистана и Узбекистана. У Туркменистана есть выход к Каспию, но на суше он «обложен» Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Афганистаном и Ираном. Сложнее всего положение Узбекистана: от Каспия он отделён Казахстаном и Туркменистаном, на востоке не имеет выхода к границам Китая.

Каспийская нефть и трансграничные вызовы

За 1991–2011 гг. Россия почти восстановила наивысшие показатели добычи советских времен по нефти, а по газу даже превысила их. Другие участники «Каспийского пула» добились разных результатов в добыче (табл. 2).

Таблица 2.

Россия и Центральная Азия: запасы и добыча углеводородных ресурсов в 2011 г.

Страны	Нефть, млн т:		Газ, млрд м ³ :	
	запасы	добыча	запасы	добыча
Россия*	...	512,0	...	671,0
Азербайджан	950	45,6	1359	16,4
Казахстан	2 907	80,1	3 000	39,5
Туркменистан**	81	9,5 (2005 г.)	8 400	63,0
Узбекистан***	70	3,6	1745	60,1

* Официальные российские источники не приводят данные о запасах нефти и газа. Оценочно на долю России приходится 13–15% мировых текущих запасов нефти и газового конденсата, разведанные извлекаемые запасы нефти оцениваются в 25,2 млрд т. Мировые разведанные запасы газа составляют 150,2 трлн м³, доля Туркмении — 1,9%, России — 32,1% (235,6 м³ по оценке на 2007 г.¹).

** В 2005 г.

*** В 2010 г.

Составлено по: Россия в современном мире. 2012. М.: Росстат, 2012. С. 18–19, 165, 167; Содружество независимых государств в 2011 г. Статистический сборник / Межгос. стат. комитет СНГ. М., 2012. С. 35, 37.

Азербайджан и особенно Казахстан сделали решительный рывок по нефти. Но пока ещё не по природному газу: рост его добычи в Казахстане достигнут исключительно за счет попутного нефтяного газа. Несколько улучшил свои показатели Узбекистан, а главный экспортёр газа — Туркменистан, наоборот, заметно их снизил, хотя и остался самым крупным производителем после России. Как следствие, за первые полтора десятилетия на передний план в регионе вышло строительство

¹ Старинская Г. Не та классификация. Чиновники вновь вернулись к идее пересчёта запасов //РБК daily, 17.11.2010. № 210 (2015). URL: rbcdaily.ru/industry/562949979181458 (дата обращения: 06.03.2014).

экспортных нефтепроводов со своими интригами трансграничных взаимодействий, тогда как узлы противоречий вокруг проектов экспортных газопроводов начали завязываться позже. Поэтому целесообразно рассмотреть проблематику нефтяных и газовых проектов по отдельности, а потом составить общую картину с показом позиций заинтересованных сторон.

Главными действующими лицами в организации трансграничных перемещений каспийской нефти стали Казахстан и Азербайджан, быстро создавшие значительный экспортный потенциал и хорошие предпосылки для его наращивания. В 2012 г. экспорт нефти из Казахстана (как и в случае Азербайджана — вместе с газовым конденсатом) составил 68,1 млн т¹. В том же году Азербайджан прокачал по нескольким направлениям 36,5 млн т добытой им нефти².

В структуре маршрутов нефтяного экспорта чётко обозначились главные их направления — на запад и юго-запад, к Балтийскому, Чёрному и Средиземному морям³. Это упомянутый выше восточный отрезок транснационального нефтепровода «Дружба», система международного Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) для казахстан-

¹ Экспорт нефти и газоконденсата из Казахстана в 2012 г. снизился на 2,1% — до 68,1 млн тонн // OilCapital.ru, 13.02.2013 г. URL: <http://www.oilcapital.ru/export/196886.html> (дата обращения: 02.07.2014).

² Экспорт нефти из Азербайджана сократился в 2012 г. на 6,4% // Нефетранспортная территория, 01.02.2013. URL: <http://www.nefttrans.ru/news/eksport-nefti-iz-azerbaydzhana-sokratilsya-na-6-4-v-2012-godu.html> (дата обращения: 06.07.2014).

³ Вариант транспортировки каспийской нефти через Иран к Персидскому заливу практически пока не рассматривается. Помимо специфики нынешнего положения иранского государства в мировом сообществе, серьёзным препятствием этому оказалось резко отрицательное отношение иранского руководства к предложениям остальных государств региона о принципах раздела акватории Каспийского моря. Поэтому нефтепровод Нека (Каспий) — Джаск (Персидский залив) протяженностью 1515 км и мощностью 1,5 млн. баррелей нефти в сутки в настоящее время находится на стадии исследовательских и проектных работ. См.: Исследовательские работы в рамках проекта по строительству трубопровода Нека — Джаск выполнены на 50% // Iran.ru. Российское Информационное Агентство, 06.11.2008. URL: http://www.iran.ru/news/economics/54483/Issledovatel'skie_raboty_v_ramkah_proekta_postroitel'stvu_truboprovoda_Neka_Dzha (дата обращения: 05.08.2014).

ской нефти и нефтепроводы Баку — Тбилиси — Джейхан (Турция) и Баку — Супса (Грузия) — для азербайджанской.

Казахстан проявляет устойчивый интерес к трубопроводу «Дружба», по которому его нефть через участок Атырау — Самара уходит в трёх направлениях: черноморском, балтийском и к западной границы РФ. При этом все большее значение приобретает балтийское направление, где на российском побережье в районе Приморска и Усть-Луги появились новые экспортные терминалы — Балтийская трубопроводная система (БТС)-1 и БТС-2 с общей пропускной способностью до 150 млн т в год. Для всего потока казахстанской нефти через Самару установлен объём не менее 15 млн т в год на период до 2020 г. Возможно увеличение мощности нефтепровода Атырау — Самара до 25 млн т нефти в год против нынешних 17 млн. В частности, «Транснефть» готова увеличить транзит казахстанской нефти по этому нефтепроводу до 20 млн т при условии получения гарантий на дополнительные объёмы прокачки. Взаимодействие сторон на данном направлении носит вполне конструктивный характер.

То же можно сказать и о нефтепроводе КТК, проложенном от месторождений Тенгиз и Карачаганак в Казахстане к российскому терминалу Южная Озереевка близ Новороссийска. И это для казахстанской нефти не единственный маршрут к Черному морю. Она может также транспортироваться по трубопроводу Махачкала — Новороссийск, соединённому с системой Баку — Новороссийск. Но КТК — международный проект более высокого уровня. Его протяженность — 1510 км, пропускная способность первой очереди — 28,2 млн т в год. Среди десяти акционеров консорциума Российской Федерации принадлежит 24% акций, Республике Казахстан несколько больше 20%, среди миноритарных участников находятся также «Лукойл» и «Роснефть»¹. Мощность системы должна поэтапно увеличиться до 67 млн т. Но для этого требуется разрешить противоречия российской стороны с иностранными членами консорциума относительно окупаемости проекта при предлагаемых ими тарифах, слишком низких с точки зрения российской государственной компании «Транснефть».

В более сложном положении, чем Казахстан, оказался Азербайджан. Выход к Персидскому заливу для него заблокирован, у него только

¹ Каспийский трубопроводный консорциум. Акционеры. URL: <http://www.cpc.ru/RU/about/Pages/shareholders.aspx> (дата обращения: 05.08.2014).

одна возможность экспорта в обход России — через вышедшую из СНГ Грузию. Задача была решена строительством двух трубопроводов. Первый — это введенный в строй в 1999 г. британской компанией British Petroleum (BP) нефтепровод Баку — Тбилиси — Супса к грузинскому побережью Чёрного моря, протяженностью 837 км и пропускной способностью до семи млн т. Второй — главный стратегический проект, нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД) к турецкому побережью Средиземного моря: 1768 км, из них 443 по территории Азербайджана, 249 — по Грузии и 1076 км — по Турции, проектная мощность — 50 млн т нефти в год.

Своим появлением БТД в первую очередь обязан настойчивости администрации США, стремящейся обеспечить экспортные потоки каспийских углеводородов в обход России. Вашингтоном были предприняты большие усилия по формированию международного консорциума и даны гарантии безопасности трубопровода. Акционеры БТД таковы: BP — 30,1% акций, она же оператор, Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) — 25%, Unocal (США) — 8,9%, Statoil (Норвегия) — 8,7%, ТРАО (Турция) — 6,5%, ENI (Италия) и Total (Франция) — по 5%, Itochu (Япония) — 3,4%, ConocoPhillips (США) и Inpex (Япония) — по 2,5%, Hess Corporation (США) — 2,4%¹.

Сложная проблема для БТД — нефть. Медленнее, чем ожидалось, идет освоение главного её источника — блока месторождений Азери — Чираг — Гюнешли. Свою роль в этом играют споры Азербайджана с Туркменистаном и Ираном о делимитации некоторых месторождений на Каспии. В первом случае речь идет о принадлежности месторождений Кяпаз (туркменское название Сердар), Азери и Чираг (Осман и Омар). Кяпаз находится на разграничительной линии между Азербайджаном и Туркменистаном, его запасы оцениваются в 50 млн т. На месторождения Чираг, Азери и Гюнешли приходится основной объём добываемой Азербайджаном нефти. Иран претендует на месторождения Араз, Алов и Шарг, и, как уже отмечено, в этом районе даже произошел вооружённый инцидент.

Иран выступает и против нефтепровода и газопровода из Казахстана в Азербайджан по дну Каспия, упирая на опасность проекта для эко-

¹ Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан. Артерия энергетической безопасности // Azerbaijanli.org, 05.08.2014. URL: <http://www.azerbaycanli.org/?page=192&lang=rus> (дата обращения: 05.08.2014).

логии региона и подчёркивая согласие по этому вопросу с Россией¹. Как отмечалось выше, он не согласен с многосторонним разделом Каспия и настаивает на сохранении договора, субъектами которого выступали только он и СССР².

Каспийское море — замкнутая экологическая система, природоохранные соображения здесь действительно важны. Уже сейчас интенсивные танкерные перевозки казахстанской нефти для транспортировки её по БДТ создают угрозу загрязнения моря. Но главная забота Ирана и России — не экологическая, а геополитическая — воспрепятствовать строительству межгосударственного Транскаспийского газопровода в обход российской территории (см. далее).

Достаточных средств помешать строительству БТД у России не нашлось. Не оправдались и надежды, что БТД не достигнет даже минимальной загрузки. Тем более что руководство Азербайджана при поддержке других участников проекта и политических кругов Запада стало добиваться подключения к нефтяному экспорту из КР через БТД Казахстана. А у того — хорошие возможности для манёвра и торга даже с оглядкой на российское руководство, видящее в БТД главного конкурента в борьбе за нефть КР. В 2008 г. Азербайджан и Казахстан заключили соглашение о Казахстанской Каспийской системе транспортировки (ККСТ). Нефтепровод от месторождения Ескене до порта Курык с нефтеналивным терминалом, собирающий также нефть Тенгиза, — её первое звено. Второе — танкерная транспортировка нефти по Каспию до Баку. Третье — прокачка по БТД к Средиземному морю. Первоначальная пропускная способность ККСТ — 20 млн т нефти в год. Предполагается строительство в обеих странах танкеров, терминалов и соединительных трубопроводов³. Решено вдвое увеличить объём транспортировки нефтеналивных грузов через Грузию: с 10 до 20 млн т,

¹ Кольчугин Н. Каспийское море: Россия и Иран обречены на союзные отношения // Iran.ru., 16.05.2012. URL: http://www.iran.ru/news/analytcs/80544/Kaspiyskoe_more_Rossiya_i_Iran_obrecheny_na_soyuznye_otnosheniya (дата обращения: 05.08.2014).

² Там же.

³ Азербайджан и Казахстан 14 ноября подпишут соглашение по Казахстанской каспийской системе транспортировки нефти // Нефть России, 13.08.2008. См. также: Nomad. Кочевник, 05.08.2014. URL: <http://www.nomad.su/?a=4-200811140109> (дата обращения: 05.08.2014).

что предполагает модернизацию терминалов в Поти, Батуми, Кулеви, увеличение танкерного флота и транспортировки по железной дороге¹.

Вместе с тем Казахстану приходится считаться с угрозой нехватки доступных для него мощностей в БТД по мере роста добычи нефти в Азербайджане. На этот случай Казахстану в качестве резервного варианта предлагается транспортировка по маршруту Баку — Супса. Но у этого нефтепровода ограниченная пропускная способность, и при его использовании Казахстан попадёт в зависимости от тарифов азербайджанской стороны. Приходится ему принимать во внимание и возможность увеличения поставок по БТД туркменской нефти. Начатые в 2010 г., в 2012 они составили уже 3,1 млн. т². Поэтому Казахстан рассматривает и другие варианты вывода нефти на внешние рынки через Баку. Тот же нефтепровод Баку — Супса привлекателен для него тем, что позволяет доставлять нефть по Черному морю до Констанцы, где в 2009 г. заработал нефтяной терминал порта Мидия, принадлежащий компании The Rompetrol Group NV (TRG) — румынскому активу «КазМунайГаз»³. С февраля 2008 г. «КазМунайГаз» владеет и Батумским нефтяным терминалом, куда нефть поступает по железной дороге. Правда, Азербайджан предпочитает, чтобы казахстанская нефть отгружалась в грузинском порту Кулеви⁴, так что на маршрутах из Баку к Средиземному и Чёрному морям существуют определённые условия для конкуренции между Азербайджаном и Казахстаном.

Россия включилась в борьбу за каспийскую нефть на нескольких направлениях. *Первое* из них — это обеспечение максимальной прокачки через её территорию казахстанской нефти по выгодным тарифам.

¹ *Коньрова А.* Реализация проекта «Казахстанская каспийская система транспортировки» откладывается на более поздний срок // *Zakon.kz*, 15.06.2010. URL: <http://www.zakon.kz/kazakhstan/175394/realizacija-projekta-kazakhstanska-ja.htm> (дата обращения: 11.03.2014).

² Экспорт нефти из Азербайджана. URL: [nefttrans.Ru>news/01.02.2013](http://nefttrans.Ru/news/01.02.2013) (дата обращения: 01.02.2013).

³ *Шакирова Г.* Астана протянет трубу до Румынии // ИА портал Республика. URL: comment-respublika.info/comment/showtopic/1861 (дата обращения: 11.03.2014).

⁴ КазТрансОйл увеличит перевалку нефти через Батуми // Капитал. Центр деловой информации. URL: capital.kz/economic/15070/.../html (дата обращения: 11.03.2014).

Второе — претензии на значительную часть нефти КТК для предложенного Россией проекта Трансбалканского нефтепровода: с их удовлетворением увязывалось согласие России на почти трёхкратное увеличение пропускной способности КТК. Планировалось провести нефтепровод в обход проливов от Бургаса на Чёрном море до Александруполиса на берегу Эгейского моря. Но в 2010 г. проект пришлось похоронить из-за отказа Болгарии в нём участвовать. Помехой российскому плану оказались сомнения в его целесообразности в Казахстане и турецкий проект трубопровода Самсун (Чёрное море) — Джейхан (Средиземное море)¹.

России до недавнего времени приходилось считаться также с претензиями на часть каспийской нефти Украины и Белоруссии. Имеется в виду проект президента Кучмы превратить Украину в транзитный путь для казахстанской нефти в Европу. Для этого в 2001 г. был введён в строй нефтепровод от Одессы до Брод — пункта соединения с нефтепроводом «Дружба», с последующим продлением до Плоцка (Польша) и далее в Гданьск, а оттуда в Белоруссию. Очень скоро выяснилось, однако, что для этого трубопровода нет нефти, а потому интерес к нему европейских соседей упал, и он стал использоваться в реверсном режиме для поставок нефти российских компаний на Одесский НПЗ. Но периодически делались попытки реанимировать проект, в значительной мере стимулировавшиеся тем, что по мере роста добычи Казахстан начинает проявлять признаки интереса к транзиту до 6 млн т своей нефти через территорию Украины в Восточную Европу по южной ветке нефтепровода «Дружба»².

¹ Болгария отказалась от проекта нефтепровода Бургас-Александруполис // РИА Новости, 11.06.2010. URL: <http://ria.ru/economy/20100611/245147039.html> (дата обращения: 12.10.2014).

² Гавриш О., Гриб Н. Казахстан пойдет транзитом // Коммерсантъ-Украина, 01.09.2010. № 144. URL: <http://www.ugmk.info/digest/kazakhstan-pojdet-tranzitom/1.html> (дата обращения: 06.07.2014). Стратегии Казахстана отвечает и разработка представителями России, Белоруссии и Казахстана соглашения об унификации норм и стандартов для нефти и нефтепродуктов и порядке функционирования их общего рынка в рамках подписанного 20 мая 2014 г. в Астане Договора о создании Евроазиатского экономического союза. См.: Договор, статья 84. URL: <http://www.economy.gov.ru/wsp/wcm/connect/cnomylb4/depnsng/agreement-eurasian-economicunion> (дата обращения: 07.08.2014).

Третье направление активности России просматривается в интересе к труботранспортным мощностям в КР «Лукойла». На территории Казахстана компания ведет работу на месторождениях Тенгиз, Карачаганак, Кумколь, Алибекмола, Кожасай, Северные Бузачи, Каракудук и Арман. Основные объёмы добываемой там нефти идут по КТК в Новороссийск. Также нефть поставляется через Актау в Махачкалу и далее на тот же Новороссийск, а также по трубопроводу Атырау — Самара в Россию. Стремясь расширить свои позиции в КР, «Лукойл» начал предварительные переговоры с азербайджанской стороной о допуске к трубе БТД. Но это только один из вариантов, рассматриваемых компанией. Другие варианты — это нефтепровод Баку — Новороссийск, КТК и перевозки нефти танкерами на Волгоградский НПЗ компании. Вариант БТД резервируется на то время, когда будут введены в эксплуатацию все месторождения компании на Каспии. При этом «Лукойл», по некоторым сведениям, не только ведёт переговоры об использовании трубопровода, но и хочет приобрести долю в проекте, чтобы снизить для себя тарифы на прокачку¹.

Как видим, ситуация вокруг каспийской нефти, идущей через Россию в Европу и к Чёрному морю и через «перевалочный пункт» в Грузии тоже к Чёрному и к Средиземному, в основном не выходит за пределы слабо напряжённых геоэкономических отношений. В первом случае имеется в виду главным образом торговля государств-экспортёров и транзитёров вокруг тарифов на прокачку нефти. Во втором — стремление экспортёров обеспечить себе гарантированный доступ к важнейшим зарубежным труботранспортным системам и по возможности переключать на свои нефтепроводы экспортные потоки соседних государств. Здесь главный узел напряжения — Баку. Ибо от него берут начало нефтепроводы к Средиземному и Чёрному морям, в него поступает по Каспию предназначенная для этих нефтепроводов нефть Казахстана.

Положение может обостриться только в том случае, если Азербайджан и Казахстан решатся, вопреки протестам России и Ирана, на строительство подводного нефтепровода Актау — Баку. Но это маловероятно, учитывая очень осмотрительную внешнюю политику Казахстана. Тем более, что широкие возможности диверсификации экспорта

¹ Старинская Г., Кашеварова А. Альтернативные пути «ЛУКОЙЛ»а // РБК daily, 06.10.2010. URL: <http://rbcdaily.ru/industry/562949978982624> (дата обращения: 06.07.2014).

по направлениям позволяют ему занимать выжидательную позицию. К этому же подталкивают заинтересованные стороны всеобщие опасения за экологию Каспийского моря в связи с возрастанием интенсивности транскаспийской транспортировки нефти.

Что касается внешней политики, то, судя по всему, наметилась разрядка напряжённости в отношениях России и Грузии, так что прямая угроза безопасности международных нефтепроводов каспийской нефти на грузинской территории, возникшая во время военного конфликта в 2008 г., вряд ли повторится в прогнозируемой перспективе. Узел межгосударственных противоречий, чреватых трансграничными конфликтами в регионе, — это юг Каспия, где не поделили несколько месторождений углеводородов Азербайджан, Туркменистан и Иран. Впрочем, и здесь можно надеяться на вроде бы наметившееся смягчение позиции Ирана в отношениях с международным сообществом.

Газ на экспорт или Шкура неубитого медведя

Проблема транспортировки природного газа за пределы КР и ЦА выглядит более противоречивой и напряжённой, чем проблема нефтяного экспорта. Объясняется это следующим.

В советское время Туркменистан и Узбекистан поставляли газ в союзный фонд и в 1990-е гг. обходились в основном традиционными маршрутами экспорта на фоне снизившейся добычи. Туркменский экспорт до 1995 г. шёл на север, в Россию и на Украину, но в 1995 и 2010 гг. были открыты экспортные газопроводы в Иран, соответственно Корпедже — Курт — Куи и Довлетбад — Серахс — Хангиран, которыми и определялись границы выхода центральноазиатского газа на рынки «дальнего зарубежья». Около 90% экспорта Узбекистана приходилось на Россию и, транзитом, на Украину, остальное уходило в Таджикистан и на юг Казахстана. Транспортировка осуществлялась по старым союзным газопроводам «Средняя Азия — Центр» и «Бухара — Урал». Первый из них, протяженностью 820 км, имеет значительный транзитный ресурс — до 50 млрд м³ в год, но полностью он не использовался. В 2006 г. на экспорт через Россию по этому газопроводу было прокачано семь млрд м³ казахстанского газа и транзитом через Казахстан 39 млрд м³ газа туркменского и 9 млрд — узбекского¹. Но в 2013 г. Узбекистан

¹ Актюбинская область со всех сторон // Нефть и газ Казахстана, 01.12.2009. URL: <http://www.aktobe.su/archives> (дата обращения: 01.12.2009).

снизил объёмы поставок в Россию до 7,5 млрд м³, а Туркменистан вообще свои обязательства недовыполнял регулярно. Так, ни разу не было выполнено в полном объёме соглашение с Газпромом о ежегодных поставках до 2028 г. 30 млрд м³ и были прекращены поставки газа Украине¹.

Казахстан в несколько раз увеличил добычу газа, но его собственный, без учёта транзита, экспорт сравнительно невелик — 8,8 млрд м³ в 2012 г. До второй половины 2000-х гг. республика практически не экспортировала газ, газ Карачаганак перерабатывался в Оренбурге. И поскольку это практически целиком попутный газ нефтяных месторождений, газотранспортная система республики почти не развивалась до начала активных отношений с Китаем.

Ещё один, пока миноритарный, экспортер газа из региона — это Азербайджан. В 2012 г. при общем объеме добычи газа в 27,9 млрд м³, включая 17,2 млрд м³ газа товарного, государственная нефтегазовая компания Азербайджана экспортировала в Россию, Грузию и Иран всего около семи млрд. Некоторый объем газа поставляется также консорциумом «Шахдениз» в Турцию по трубопроводу Баку — Тбилиси — Эрзурум. Это первый крупный постсоветский объект такого рода в Азербайджане, запущен он в 2007 г., потенциальная мощность — 20 млрд м³ газа с месторождения Шахдениз (Шах Дениз / Шах-Дениз), протяжённость — 970 км (442 км по Азербайджану, 248 — по Грузии и 280 — по Турции). Участники проекта: британская BP (25,5%), норвежская Statoil (25,5%), российско-итальянская LUKAgip (10%), французская Total (10%), азербайджанская SOCAR (10%), иранская NICO (10%), турецкая ТРАО (9%)²

Когда в КР активизировалась разработка месторождений с большим потенциалом товарного газа, государства-производители начали всё сильнее озабочиваться выгодными для себя условиями его экспорта. А крупные внешние потребители газа, они же — влиятельные игроки на поле глобальной геополитики, вступили в соперничество за контроль над его транспортными потоками в традиционном европейском направ-

¹ Экспортные маршруты для центральноазиатского газа // Деловой Казахстан, 04.04.2013. URL: dknews.kz/ekhportnyie-marshruty-dlya-centralnoaziatskogo-gaza.htm (дата обращения: 06.07.2014).

² Южнокавказский газопровод // Википедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Южнокавказский_газопровод (дата обращения: 11.03.2014).

лении. В особенно острые противоречия вошли планы Запада (ЕС и США) и России — на фоне не вполне совпадающих интересов государств самого региона. Столкнулись следующие проекты.

Международный: проект «Транскаспийского газопровода», впоследствии трансформировавшийся в проект «Набукко» для туркменского, узбекского, казахстанского и азербайджанского газа с подводным трубопроводом из Казахстана через Каспий до Баку и далее на юг Европы.

Российские: 1) проект реконструкции действующего трубопровода «Средняя Азия — Центр», который, правда, сейчас получил конкурента в виде газопроводов для туркменского и казахстанского газа в Китай через Казахстан; 2) строительство «Прикаспийского газопровода» для центральноазиатского газа с выходом по восточному берегу Каспия в Россию; 3) начатый реализовываться 7 декабря 2012 и просуществовавший до 1 декабря 2014 года проект газопровода «Южный поток» для газа из России и ЦА (до 63 млрд м³ в год) по дну Чёрного моря из Краснодарского края в Болгарию и оттуда двумя ветками в Грецию, Сербию, Словению, Хорватию, Венгрию, Австрию. То есть в тот же регион, в который предполагалось поступление газа по проекту «Набукко».

Работа над «Транскаспийским газопроводом» началась ещё в 1996 г. по инициативе США, стремившихся создать систему экспортной транспортировки нефти и газа в обход России и Ирана¹. Был создан консорциум, в который вошли компании General Electric, Bechtel National и Shell. Завершить строительство газопровода, по которому ежегодно планировалось экспортировать 16 млрд м³ газа в Турцию и 14 млрд на европейские рынки, предполагалось в 2002 г. Но в 2000 г. работа была прекращена из-за разногласий между участниками консорциума. Новой попыткой вдохнуть в проект жизнь стали начатые в 2002 г. газовыми компаниями Австрии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Турции переговоры о строительстве газопровода «Набукко» («Nabucco»), поддержанные ЕС и государствами — членами группы ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия). Предполагалось, что по новой магистрали в страны Евросоюза будет поступать природный газ КР и ЦА, что его

¹ Здесь и далее на основе подробного очерка о каспийских международных газовых проектах: *Смирнов С.* Три каспийские трубы // *Эксперт Казахстан*, 30.09–07.10.2007, № 36 (138). URL: <http://expertonline.kz/a6028/> (дата обращения: 06.07.2014).

западная часть пройдёт от границы Грузии через Турцию, Болгарию, Румынию и Венгрию в Австрию и Германию и что возможно подключение к нему идущей из Ирака и стран Персидского залива южной ветви газовых маршрутов. Проектная мощность газопровода намечалась на уровне 26–32 млрд м³ в год, завершение работ ожидалось в 2012 г. Участниками строительства с равными долями акций по 16,67% вызвались быть австрийская компания OMV, венгерская MOL, болгарская Bulgargaz, румынская Transgaz, турецкая Botas и германская RWE. Позже последняя вышла из проекта, её сменила французская GDF Suez SA¹. В обсуждении проекта в разное время и с разной степенью заинтересованности участвовали Азербайджан, Туркменистан и Казахстан, но последние две страны не подписали декларацию о присоединении к нему.

Вполне понятно, что российские проекты и международный оказались взаимоисключающими. Проект «Прикаспийского газопровода» в случае его реализации делает Россию если не монопольным, то крупнейшим транзитёром газа ЦА в европейском направлении — с очевидными геополитическими дивидендами. В «Набукко», напротив, может воплотиться замысел ЕС и США исключить такую монополию — тоже с понятными выигрышами.

На какое-то время возникла тупиковая ситуация. Россия и Иран выступили категорически против предусмотренной «Набукко» прокладки подводного газопровода между казахстанским портом Актау и азербайджанским Баку — как и уже упоминавшегося нефтепровода. Казахстан ещё не стал крупным экспортёром газа, но потенциально способен превратиться в транзитёра газа всего КР, притом в нескольких направлениях: через Россию в Центральную, Восточную и Западную Европу, на юг Европы, минуя Россию (например, по нефтепроводу Баку — Супса или «Набукко») и в Китай. Его руководство для начала заняло уклончивую позицию в отношении участия в «Набукко». Так же поступил Туркменистан, взявший на себя большие обязательства перед Россией, Украиной и Китаем при неясной перспективе скорого увеличения газодобычи. Азербайджан только ещё готовил значительное приращение добычи газа для экспортных целей и пока удовлетворялся газопроводом Баку — Тбилиси — Эрзерум.

¹ Проект Nabucco прирос новым участником // Природный газ для Вас. 29.05.2013. URL: mingas.ru/2013/05/proekt-nabucco-priros-novym-uchastnikom. (дата обращения: 21.03.2014).

На время ход событий ускорился после того, как России удалось добиться международного согласования проекта «Южной поток». От «Набукко» отвернулись некоторые из его потенциальных участников и экспортёров каспийского газа. Это Туркменистан и Азербайджан; международный консорциум компаний во главе с ВР, осваивающий азербайджанское газовое месторождение Шах-Дениз-2 и сделавший выбор в пользу турецкого Трансадриатического газопровода (до 10 млрд м³ газа в год в Европу через Грецию и Италию); германская RWE¹. Но вызванный политическими обстоятельствами отказ России от проекта «Южный поток» во время визита Путина в Анкару 1 декабря 2014 г. может вдохнуть новые силы в сторонников «Набукко». Правда, никуда не делись конкурирующие проекты. Да и Россия не захотела совсем закрыть тему альтернативного проекта. Путин там же заявил о готовности не только расширить «Голубой поток» и протянуть ещё одну трубу в саму Турцию, но и создать на её границе с Грецией распределительный газовый хаб для потребителей в Южной Европе². Так что интрига вокруг каспийского газа сохраняется.

Экспансия Китая и новые вызовы

При рассмотрении комплекса межгосударственных отношений по поводу экспорта нефти и газа из КР на рынки Европы и России уже упоминалось ещё одно направление — китайское. Было решено рассмотреть его не как один из элементов общей геополитической картины в регионе и вокруг него, а как фактор существенного изменения всей расстановки сил.

Экспансия Китая приобрела вид цельной стратегии в первое десятилетие нового века. С определённой условностью её можно разделить на два этапа. Первый — внедрение китайских госкомпаний в освоение и добычу нефтегазовых ресурсов, второй — участие в строительстве

¹ Из «Набукко» вышел газ // Газета.Ру, 26.11.2013. URL: www.gazeta.ru/business/2013/26/11/5394521 (дата обращения: 06.07.2014); Президент Азербайджана И. Алиев: Азербайджан не будет финансировать «Набукко» // ИА REGNUM, 28.11.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/1677395.html> (дата обращения: 06.06.2014).

² Путин: Россия построит еще одну трубопроводную систему и газовый хаб // ПРАЙМ, 01.12.2014.: URL: <http://1prime.ru/INDUSTRY/20141201/797054126.html> (дата обращения: 02.12.2014).

экспортных трубопроводов в Китай, наполнение которых в значительной мере должно обеспечиваться нефтью из месторождений, осваиваемых китайскими компаниями.

Деятельность Китая в первую очередь развернулась в Казахстане — не просто в одном из двух основных нефтедобывающих государств региона, а в государстве, имеющем с Китаем общую границу. К тому же Казахстан проводит активный курс на диверсификацию иностранного участия в своей экономике и внешней торговле и учитывает внешнеэкономическую политику стран-соседей по КР. Азербайджан уже вступил в энергичное взаимодействие с рядом крупнейших иностранных нефтегазовых компаний и при поддержке США и ЕС взял направление на рынки юга Европы. Туркменистан продолжал держаться осторожного курса на сотрудничество с зарубежным капиталом, зато он единственная страна в регионе с прямым выходом своего газа в Иран.

Китай пришёл в Казахстан после подписания в 1997 г. межправительственного соглашения о сотрудничестве в области нефти и газа. На его основе было заключено генеральное соглашение между Министерством энергетики и минеральных ресурсов Республики Казахстан (РК) и государственной Китайской национальной нефтяной компанией о проектах разработки месторождений и строительства нефтепровода из Казахстана в Китай. Китайские компании, как правило, работают в сотрудничестве с «КазМунайГазом». По сообщению пресс-службы министерства нефти и газа РК, доля китайских компаний в общей нефтедобыче достигла в 2013 г. 24%. Ожидается, что она будет снижаться по мере развития месторождения Кашаган¹. В мае 2006 г. был пущен нефтепровод Атасу (Карагандинская область) — Алашанькоу (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) протяжностью около тысячи км — первый отрезок нефтепровода Казахстан — Китай проектной мощностью до 20 млн т нефти в год. В конце 2007 г. началась прокладка трассы Кенкияк — Кумколь (761 км). Она соединит нефтепроводы Кенкияк — Атырау и Кумколь — Атасу и обеспечит поставку в главный трубопровод нефти из Актюбинской и Западно-Казахстанской областей. Важнейшим же достижением стало строительство газопровода Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай пропускной спо-

¹ Доля китайских компаний в нефтедобыче в Казахстане составляет 24% // NUR.kz. Казахстанский портал. URL: <http://news.nur.kz/292230.html> (дата обращения: 07.08.2014).

собностью 40 млрд м³ газа в год. Туркменистану открылась возможность экспорта газа в восточном направлении, а Узбекистану — выхода из изоляции, обрекавшей его на привязку к идущим в Россию бывшим советским трубопроводам. Трасса начинается от Хоргоса на китайско-казахстанской границе, а в районе Шымкента делится на две ветви, одна из них идёт через Узбекистан в Туркменистан, вторая — вдоль нефтепровода Атасу — Алашанькоу к месторождению Бейнеу на западе Казахстана. Строительство газопровода Бейнеу — Шымкент для транспортировки газа с месторождений Западного Казахстана на юг республики позволяет избавиться от поставок туда узбекского газа.

Позже президент Назарбаев обсудил в Пекине проект параллельного газопровода из Казахстана в Китай мощностью 10 млрд м³ в год¹. По данным специалиста казахстанского Агентства по исследованию рентабельности инвестиций М. Абулгазина, в 2012 г. экспорт газа из Центральной Азии в Китай достиг 25 млрд м³, а в перспективе ожидается рост до 60 млрд, поскольку в регионе идёт интенсивное освоение газовых месторождений и строительство трубопроводов в восточном направлении. Так, Казахстан дополняет систему строительством собственного газопровода в Китай для подключения к нему каспийских месторождений, Узбекистан же планирует в 2014 г. завершить третью очередь своего участка общего газопровода².

В итоге оказалось, что Казахстан, первым вступив в разносторонние связи по поводу нефти и газа с Китаем, вскоре стал транзитной территорией и связующим с ним звеном для Туркменистана и Узбекистана. Регион преодолел, таким образом, сложившуюся с советских времен ориентацию нефтегазовых потоков только на Россию, после распада СССР лишь отчасти смягчённую добавлением черноморского и средиземноморского направления экспорта. Укрепились благоприятные предпосылки для мирного и взаимовыгодного экономического и политического сотрудничества государств КР. Они тем более важны

¹ Смирнов С. Три каспийские трубы: Астана запустит казахстанско-китайский трубопровод в октябре // TOTAL KZ, 03.03.2014. URL: http://www.total.kz/economics/2014/03/03/astana_zapustit_kazakhstansko_kit (дата обращения: 27.03.2014).

² Экспортные маршруты для центральноазиатского газа // Деловой Казахстан, 04.04.2013. URL: dknews.kz/eksportnye-marshruty-dlya-centralnoaziatskogo-gaza.htm (дата обращения: 04.04. 2013).

в свете того, что неуспех проекта «Набукко» не оставил Туркменистану и Узбекистану иного выхода на Запад, кроме подключения к российским и азербайджанским экспортным проектам, тогда как высокие политические риски пока блокируют планы выведения газопроводов в южном направлении — через Иран и Афганистан в Пакистан в Индию.

* * *

Пока не вполне ясно, что может противопоставить ЕС действующим российским газопроводным системам, а также инициативам Турции. В особенности с учётом того, что юго-запад Европы подвергается активной экспансии со стороны газовых экспортеров Северной Африки, а набирающая темп «сланцевая революция» и интерес к альтернативным энергоносителям вообще могут привести к снижению спроса ряда стран на природный газ.

Но и положение России как участницы геоэкономических игр вокруг КР неоднозначно. Страны региона отнюдь не стремятся предлагать нашей стране участие в крупных проектах по освоению их углеводородных ресурсов. Со своей стороны, российское руководство поставило задачу освоения новых месторождений в самой России для наращивания национальных запасов и при этом проводит консервативную политику в отношении иностранного капитала. В то же время, Россия пока не реализует масштабных проектов в КР и ЦА, не ведёт активной разработки нефтегазовых ресурсов на своем Каспийском побережье и шельфе и в рамках совместных шельфовых проектов с Казахстаном. У российского правительства и «Лукойла» есть доли в КТК, а тот участвует в некоторых казахстанских и азербайджанских нефтегазовых проектах. «Роснефть» проявляет интерес к идее российского нефтяного экспорта в Китай по казахстанско-китайской нефтепроводной системе. Вместе с тем, провозгласив стратегию «международной энергетической безопасности», Россия на фоне осложняющейся собственной ресурсной перспективы готова предложить государствам КР широкий выбор направлений для транзита их углеводородов.

В целом, российская экономическая политика в КР и ЦА лишена агрессивности. У России сейчас не видно достаточных возможностей и ресурсов, чтобы претендовать на особую роль и особые интересы в этом регионе, тем более что его государства активно вступают в новые отношения с другими странами. Поэтому Россия демонстрирует главный экономический интерес в этом регионе так, чтобы перетягивать на

свой транзит экспортные потоки нефти и газа из него, одновременно используя в возможные пределах территорию стран РК и ЦА для выхода на новые рынки сбыта.

Правда, в самое последнее время обстоятельства стали меняться. Как отметил политолог Центра Карнеги Дмитрий Тренин, очередной экономический кризис показал, что Россия располагает определёнными, пусть ограниченными, возможностями для содействия экономической стабилизации тех или иных стран СНГ. Можно добавить успех в виде создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) России, Белоруссии и Казахстана. Похоже, это способствовало усилению веры руководства страны в перспективность региональной экономической организации с центром в России, её использования в качестве инструмента «собирания сил» и подготовки к полноценной интеграции в мировое хозяйство¹. Эту идею выразил президент Путин на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. По его мнению, «XXI век обещает стать веком больших изменений, эпохой формирования крупных геополитических материков, финансово-экономических, культурных, цивилизационных, военно-политических». В этой связи Путин подчеркнул²:

«Наш абсолютный приоритет — это тесная интеграция с соседями. <...> Евразийский союз — это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция — это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферией для Европы или для Азии.

Проблемные рамки статьи не позволяют дать оценку перспективности такого проекта в целом. Но стоит обратить внимание на то, что стремление государств КР и ЦА с большими запасами нефти и газа диверсифицировать связи с окружающим миром ограничивает привлекательность для них приоритетных экономических отношений с Россией. Как, впрочем, и возможность экономической экспансии и политического давления с её стороны в этом регионе. Вместе с тем развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества России с государствами КР

¹ Тренин Д. Россия в СНГ: поле интересов, а не сфера влияния // Pro et Contra, 2009, № 5–6. С. 93.

² См. официальный сайт Кремля: <http://news.kremlin.ru/audio/933/video/1594>>19.09.2013.

и ЦА вполне предсказуемо — даже при том, что сейчас его масштабы довольно ограничены¹. Но нельзя исключить и другое: идеологизация проекта Евразийского союза может учитываться руководителями стран бывшего Союза. В том числе и при выборе таких путей экспортной транспортировки принадлежащих этим странам углеводородов, которые будут представляться не несущими вызова их экономическим и политическим интересам, а, наоборот, способствующими их защите и укреплению.

¹ Например, в 2011 г. на государства СНГ приходилось всего 15% общего объема внешнеторгового оборота Азербайджана и 25% Казахстана, а для России этот показатель не превышал 15%. См.: Содружество независимых государств в 2011 г. Стат. ежегодник / Межгос. стат. комитет СНГ. М., 2012. С. 97.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Нина Цветкова

Транснациональные корпорации (ТНК) можно определить как систему предприятий, включающих родительскую компанию и её зарубежные филиалы. Ведущую роль среди ТНК играют крупнейшие компании с многомиллиардными оборотами, активы же таких транснациональных банков, как «Дж. П. Морган Чейз» и «БНП-Париба» превышают два трлн долл.¹

В условиях глобализации мощь ТНК возросла. Они генерируют международное движение предпринимательского капитала — прямых иностранных инвестиций (ПИИ)², и отношение балансовой стоимости ПИИ во всех странах мира к мировому ВВП убедительно свидетельствует о возрастании роли ТНК в мировой экономике. В 1982 г. это отношение составляло 5,3%, в 1990 — 8,5%, а в 2012 г. — уже 32%³. Тогда

¹ The World's Biggest Public Companies 2014. Global Leading 2000 Companies // Forbes. URL: http://www.forbes.com/global2000/#page:3_sort:0_direction:asc_search:_filter:All%20industries_filter:All%20countries_filter:All%20states (access date: 18.07.2014).

² Под ПИИ понимается владение резидентами одной страны активами в других странах. В платежном балансе к прямым инвестициям обычно относится приобретение 10% и более уставного капитала фирмы, однако имеют значение не только проценты, но и так называемый долгосрочный интерес (lasting interest) инвестора к деятельности компании с его участием.

³ World Investment Report, 2007. New York; Geneva: UN, 2007. P. XVI; World Investment Report, 2013. New York; Geneva: UN, 2013. P. 24.

же продажи зарубежных филиалов ТНК в 1,2 раза превышали мировой экспорт. Зарубежные продажи филиалов американских ТНК вчетверо выше экспорта США. Поставки филиалов ТНК в одних странах их филиалам в других и/или родительской компании — это треть мирового экспорта, ещё 10% дают поставки по контрактным формам сотрудничества (без участия ТНК в капитале)¹.

Усиление мощи ТНК в мировой экономике поставило вопрос о соотношении роли их и государств, целей первых и интересов вторых. Его можно сформулировать и так: представляют ли транснациональные корпорации (ТНК) угрозу для национального государства? Поиску сбалансированного ответа на этот вопрос и посвящена данная статья.

Две точки зрения

Ещё в 1960-х гг. американский экономист Чарльз Киндлбергер писал²:

«Национальное государство (nation-state) утрачивает свою силу как экономическая единица, и не осознают этого только генерал де Голль и экономические незнайки по обе стороны Атлантики».

В середине 1990-х К. Омаи определял «традиционные национальные государства» как «неестественные, даже невозможные с точки зрения бизнеса единицы в глобальной экономике»³. В 2010 г. авторы опубликованного в Бразилии и во Франции «Словаря глобализации» констатировали, что «традиционные формы контроля государства над экономикой» не в состоянии направлять и подчинять себе деятельность ТНК. Из-за транснационализации капитала и образования региональных блоков «стал относительным сам классический концепт границы». В мире свободного движения товаров, капитала и людей

¹ См. подробнее: Цветкова Н. Н. ТНК в странах Востока: ПИИ и глобальные производственные сети // Восточная аналитика. Ежегодник 2012 г. М.: ИВ РАН, 2012.

² Kindleberger Ch. American Business Abroad: Six Lectures on Direct Investment. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1969. P. 182.

³ Ohmae K. The End of Nation-State. New York: Free Press. 1995. P. 1, 20. Цит. по: Международные экономические отношения. Под ред. Б. М. Смитиенко. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 498.

преобладает идея их проницаемости, даже исчезновения¹. Мария Селина Боден де Мораиш из Государственного университета Рио-де-Жанейро и Джанкарло Корси из Исследовательского университета Модены и Реджио-Эмилии пришли к выводу, что «государство больше не способно эффективно отвечать на ряд вызовов» — даже тех, что затрагивают его безопасность, финансы, правосудие и идентичность². Член Бельгийской королевской академии Бруно Кольман и доцент Женевского университета Бенуа д'Удекем пишут об отношениях государства и ТНК с тревогой, выраженной сильнее, чем у авторов из крупных стран³:

«Не исключено, что крупнейшие компании будут доминировать над государством, поскольку будут более сильными и могущественными, выработают свое право и будут навязывать свои нормы... Нации, существенно ограниченные в [своих возможностях] границами XX в., могут стать «текучими» — к выгоде географических или рыночных полюсов притяжения, которые и будут осуществлять синтез языков и культур. <...> По воле капиталов, концентрирующихся то там, то здесь, мир будет неустанно обновляться — словно огромный калейдоскоп, постоянно сменяющий фигуры».

Есть и такая точка зрения: сейчас «наряду с “первым миром” — миром государств возникает “второй мир” — мир умножающихся сетей, происходит усиление этих сетей мирового киберпространства, гражданского общества, мира виртуального»⁴. Каждая ТНК тоже представляют собой не что иное, как сеть филиалов, центр которой — родительская компания. По сетевому принципу организуют ТНК и свои глобальные производственные системы, в которые входят не только их филиалы, но и формально независимые субподрядчики — компании, связанные с ними неакционерными формами организации международ-

¹ Dictionnaire de la globalisation. Droit. Science politique. Sciences sociales. Sous la direction de André-Jean Arnaud. Paris: LGDJ Lextenso éditions, 2010. P. 199, 227.

² Ibid. P. 207.

³ Colmant B., d'Udekem B. 2011–2013: les prochaines conflagrations économiques. Bruxelles: De Boeck & Larcier, 2011. P. 21–22. URL: <http://editionslarcier.larciergroup.com/resource/extra/9782804445546/ANDEFECO-web.pdf> (access date: 11.07.2014).

⁴ Dictionnaire de la globalisation... P. 272–273.

ного производства. Другими словами, немалая часть сетей, опутывающих весь мир, — это сети самих ТНК и сети, так или иначе связанные с ТНК, и такая организация дает ТНК возможность обходить решения национальных государств.

Как видим, нет недостатка в утверждениях, что при наличии столь мощных субъектов мировой экономики, как ТНК, национальное государство становится ненужным и отомрёт. Правда, эти утверждения очень уж напоминают тезис об отмирании государства при коммунизме. Но есть и другая точка зрения на национальное государство: оно не отмирает, а, скорее, приспосабливается, модифицируется. Или, как, пишет французский социолог Андре-Жан Арно¹:

«...Несмотря на все связанные с ним проблемы...[национальное государство] остаётся обязательной точкой отсчета. Если государство иногда сменяют, вытесняют, даже заменяют другие инстанции, принимающие решения, оно, тем не менее, остаётся укреплением, продолжает быть жандармом и во многих случаях учится быть стратегом».

О чём говорят цифры

Для доказательства силы ТНК очень часто приводят следующие цифры: из ста крупнейших субъектов мировой экономики 51 субъект — это ТНК и 49 — государства. Ими оперировал еще Киндлбергер, они кочуют из публикации в публикацию. В «Словаре глобализации» также утверждается, что среди ста ведущих субъектов мировой экономики более половины составляют ТНК, менее половины — государства². Насколько обосновано это утверждение? Поскольку ВВП и обороты ТНК каждый год меняются, проверять его надо данными по ВВП государств, обороту ТНК и операционному доходу транснациональных банков (ТНБ) за какой-то определённый год. По этим данным мною совместно с магистрантами Института стран Азии и Африки при МГУ Э. Амировым и Д. Сулейменовым был составлен список ста ведущих субъектов мировой экономики на 2011 г. (далее — Список, при отсылках к нему см. Приложение).

¹ Ibid. P. 208.

² Dictionnaire de la globalisation... P. 199.

Таблица 1.

Сто ведущих субъектов мировой экономики в 2011 г.

<i>Ранги субъектов в мировой экономике</i>	<i>Страны</i>	<i>ТНК</i>	<i>Нижний уровень дохода (млрд долл.)</i>	<i>Всего</i>
С первого по 25	24	1	485	25
С 26 по 50	17	8	236	25
С 51 по 75	12	13	148	25
С 76 по 100	3	22	115	25
Всего	56	44		100

Составлено по: World Development Report 2012. Washington, D.C.: IBRD, 2011. P. 378–381; Fortune 500 // Fortune, 10.02.2013. URL: <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2012.html> (access date: 11.07.2014).

В Списке оказалось 44 ТНК и 56 «индивидуальных» государств (Североамериканская зона свободной торговли с совокупным ВВП стран-членов в 18 трлн долл. и Евросоюз с 16 трлн указаны в Списке, но не включены в общий счёт). Первые 24 позиции заняли ведущие развитые страны и крупнейшие развивающиеся, большинство из них входят в «двадцатку». Это США, Китай, Япония, Германия, Франция, Бразилия, Великобритания, Италия, Россия, Индия (места с первого по десятое по величине ВВП); Канада, Испания, Австралия, Мексика, Республика Корея, Индонезия, Нидерланды, Турция, Швейцария, Саудовская Аравия (11–20); Швеция, Польша, Бельгия, Норвегия (21–24). Всего — 15 развитых стран и 9 развивающихся и переходных (табл. 1).

Крупнейшая ТНК списка, «Ройял Датч Шелл», с оборотом в 485 млрд долл. заняла лишь 25-е место. С другой стороны, обороты её и американских ТНК «Эксон Мобил» (26-е место) и «Вулмарт» (27-е) были выше ВВП таких стран «двадцатки», как Аргентина (446 млрд долл.), ЮАР (408 млрд), Австрии (418,5 млрд) и Сингапура (239,7). Разница возрастёт на порядок, если взять для сравнения страны с низким уровнем подушевого ВВП и небольшой численностью населения. Так, ВВП Непала — всего 18,9 млрд долл., Республики Конго — 14,8 млрд, Камбоджи — 12,9. Для сравнения: по данным журнала «Форчун», оборот последней из 500 крупнейших ТНК был равен 22 млрд¹.

¹ Global 500 2014 // Fortune. URL: <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2012.html> (access date: 21.07.2014).

В число 50 крупнейших субъектов мировой экономики попали 36 государств из 56 (почти 2/3), но только 14 ТНК из 44 (менее 1/3), т. е. большинство ТНК Списка (30 из 44) располагаются во второй его половине. Получается, что крупнейшими акторами мировой экономики в 2011 г. были всё-таки государства. А ВВП самого большого по размерам экономики государства, США, равнявшийся 15 трлн долл., превышал оборот крупнейшей ТНК в 32 раза.

Такие разные ТНК

ТНК как транснациональных акторов противопоставляют национальному государству, но это противопоставление не всегда оправдано хотя бы потому, что из 44 ТНК вошедших в Список как минимум 30% были компаниями с участием государства. Причём в их число совершенно неожиданно для непосвящённого читателя входили и такие столпы транснационального бизнеса как «Дженерал моторс» и «Фольксваген». Вряд ли компании с участием государства будут этому же государству «противостоять». Другое дело, что государство бывает «своё» и «чужое», и во втором случае перерастание конфликта интересов в настоящее противостояние более вероятно, чем в первом.

Классический образ крупной западной ТНК — спрут с телом-небоскребом и опутавшими весь земной шар щупальцами-филиалами (такой портрет ТНК появился в 1970-х гг. на обложке журнала «Ньюсуик»). «Спруты» могли и могут оказывать давление на правительства небольших стран, причём не только принимающих, вмешиваться в их внутренние дела, диктовать им свои условия, сворачивать или закрывать своё производство, тем самым вызывая или обостряя безработицу. Но западными по происхождению являются отнюдь не все ТНК и ТНБ, включённые в табл. 1. Из 44 ТНК девять или 1/5 часть были из развивающихся и переходных стран (табл. 2): по одной — из Бразилии, Мексики и Венесуэлы, три — из КНР, одна — из Республики Кореи, одна — с Тайваня и ещё одна — из России. Правда, все они, кроме южнокорейской и тайваньской ТНК, были компаниями с участием государства.

В первой сотне субъектов мирового хозяйства преобладали нефтегазовые корпорации: 30% от общего числа. В этой отрасли представительство ТНК из развивающихся и переходных стран ещё выше, чем в общем числе ТНК-лидеров: шесть из 13, почти половина. Две компании были из КНР, три — из латиноамериканских стран. Входил в эту группу и «Газпром», стоящий в Списке на 68-м месте — сразу после Украины, чей ВВП лишь

Таблица 2.

**ТНК из списка ведущих субъектов мировой экономики:
распределение по отраслям и типам стран**

<i>ТНК</i>	<i>Всего</i>	<i>Из развивающихся и переходных стран</i>
Всего	44	9
В т. ч. с участием государства в капитале	13	7
Нефтегазовые	13	6
Банки и финансовые корпорации	6	-
Автомобильные корпорации	5	-
В электронной промышленности	5	2
В электро- газоснабжении	4	1

Составлено по: World Development Report 2012... P. 378–381; Global 500 // Fortune, 10.02.2013. URL: <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2012.html> (access date: 11.07.2014).

не намного больше объёма его продаж. Заметное место в Списке занимали также банки и финансовые корпорации, автомобильные ТНК, ТНК электронной промышленности. Но и здесь среди крупнейших корпораций две, притом частные, были из Азии. Это гиганты электронной промышленности: известная во всем мире южнокорейская «Самсунг» и менее известная собственным брендом, но осуществляющая сборку айфонов и айпадов «Эппла» тайваньская «Хон Хай» («Фоксконн»).

Обороты китайских государственных нефтяных компаний «Синопек» и «Чайна Нэшнл петролеум» — 375 и 352 млрд долл. В Списке они занимали 32-е и 34-е место — выше Дании с её 36-м местом по величине ВВП и Финляндии — с 41-м. Оборот «Самсунг электроникс» в 2011 г. составил 149 млрд долл., что выше ВВП Венгрии. И это лишь одна из компаний *чеболя* «Самсунг». В 2011 г. в число двух тысяч глобальных компаний по версии «Форбс» входили ещё семь компаний из этой торгово-промышленной группы, в том числе две крупные страховые, одна строительная и вторая по величине судостроительная компания мира «Самсунг Хеви индастриз». Суммарный оборот восьми компаний группы составил 219 млрд долл., что больше ВВП Пакистана (211 млрд). Между тем, в рейтинг «Форбса» не попали парк развлечений, гостиничный концерн и другие предприятия и компании «Самсунга»!¹

¹ The World's Biggest Public Companies 2011 // Forbes, 05.06.2012/ URL: http://www.forbes.com/lists/2012/18/global2000_2011.html (access date: 11.07.2014);

Получается, что наряду с традиционно представляющейся ситуацией, когда мощная западная ТНК «давит» на небольшую банановую республику, возглавляемую — что главное! — коррумпированным диктатором, сегодня вполне возможна иная картина: крупная государственная или частная корпорация из страны Востока «вторгается» в экономику относительно небольшой по численности населения западноевропейской страны. Вообще же говоря, сопоставление государств и ТНК по ВВП и обороту — вещь достаточно абстрактная и не очень-то помогает в понимании конкретных ситуаций, складывающихся в отношениях первых со вторыми.

Говоря о столкновении интересов ТНК и государства, надо сразу же обращать внимание на базовые характеристики сторон. Из корпораций я рассматриваю только крупнейшие, обладающие достаточной мощностью для того, чтобы бросать вызов государству. Что касается государственных контрагентов ТНК, то непременно следует учитывать, идёт ли речь о «своём» государстве (стране происхождения), или о «чужом» (принимающей стране). А во втором случае важно, к какому типу принадлежит интересующее нас государство — *слабое* ли оно, *сильное* или *набирающее силу*, т. е. переходное от первого типа ко второму.

Существует много разных типологий государств и критериев их классификации. Весьма интересна совокупность классификаций, предложенная Барри Бузаном и Оле Вёвером: великие державы и малые страны; бывшие колонии и бывшие метрополии; государства, чья история насчитывает тысячелетия и государства «молодые»; наконец, пост-современные, современные и до-современные государства. Но, пожалуй, наиболее важным в контексте статьи представляется следующее положение из работы Б. Бузана и О. Вёвера¹:

«Вопрос заключается не в силе... но в степени социально-политической сплоченности между гражданским обществом и государственными институтами. В реальном смысле — это степень государственной состоятельности (stateness), то, что Джексон называет эмпирическим суверенитетом, которым обладает государство. На этой шкале можно разместить

Цветкова Н.Н. Транснациональные корпорации и транснациональные банки из стран Востока // Восток (Oriens), 2012, № 5. С. 93.

¹ Buzan B., Waever O. The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. P. 20, 22, 25. URL: [twirpx.com>File/310345.Pdf](http://twirpx.com/File/310345.Pdf) (access date: 20.07.2014).

все государства. Те из них, что окажутся на ней ближе к государствам сильным, отличаются большей внутренней сплоченностью, и угрозы для них исходят в основном из-за пределов их границ. Более слабые государства, размещённые на той же шкале, — это те, что испытывают недостаток эмпирического суверенитета; в некотором смысле у них и меньше притязаний на государственную состоятельность».

Как видим, дихотомия «сильное государство — слабое государство» во многом условная. Конечно, преимущественно к «сильным» относятся крупные и экономически мощные государства со значительным ВВП, к «слабым» — государства небольшие по размерам ВВП и/или площади / населению. Однако на самом деле, как я постараюсь показать далее, водораздел проходит не столько по объёму ВВП и тем более не по числу жителей. В силу различных причин крупная страна может вести себя как слабое государство, соответствуя известной поэтической характеристике «ты и могучая, ты и бессильная». И наоборот, есть немало случаев, когда государство, не являющееся крупным ни по площади / населению, ни по ВВП, способно тем или иным способом изменить к своей выгоде условия взаимодействия с мощными внешнеэкономическими акторами.

Хороший пример здесь даёт Венесуэла во времена президентства Уго Чавеса. Эта страна, по площади занимающая 32-е место в мире, по населению — 45-е (по данным ЦРУ на июль 2011 г. — 27,6 млн человек)¹, а по ВВП — 38-ю позицию в Списке (317 млрд долл. в 2011 г., что меньше оборота «Эксон Мобил», равнявшегося в том же году 453 млрд), в лучшем случае может быть ранжирована как находящаяся на границе между небольшими и средними по основным параметрам странами. Тем не менее, при Чавесе (и даже ранее) она проводила достаточно самостоятельную политику по отношению к иностранному капиталу, и в этом ей не так-то просто было помешать. Иностранные компании работали в Венесуэле на основе контрактов с государственной нефтяной корпорацией «Петролеос де Венесуэла» (89-е место в Списке, оборот 125 млрд долл. = 40% ВВП Венесуэлы). В 2007 г. Чавес пересмотрел условия этих контрактов, и некоторые американские нефтяные ТНК, не согласившись с новыми условиями, ушли из страны. Но их

¹ См.: Площади территорий стран мира. Население стран мира // Всемирная география. URL: <http://worldgeo.ru/lists?id=2&page=1>; <http://worldgeo.ru/lists/?id=3&page=1> (дата обращения: 14.07.2014).

место заняла «Чайна Нэшнл Петролеум» (34-е место в списке, оборот 352 млрд долл.), заключившая с правительством Венесуэлы многомиллиардный контракт¹. Экономическая политика Чавеса дала толчок инфляции и образованию товарного дефицита на потребительском рынке; но, если при её оценке ограничиться областью взаимоотношений принимающего государства с ТНК, её нельзя не признать успешной.

Самостоятельное значение могут иметь и другие факторы, под влиянием которых могут заметно различаться результаты столкновения с ТНК государств одного типа. Такие, как господствующее представление о цене человеческой жизни, отношение самих ТНК к принимающей стране как культурно близкой или далёкой, степень коррумпированности органов, надзирающих за ТНК.

В зависимости от силы / отрасли / места происхождения / типа собственности (государственная или частная) ТНК, с одной стороны, принадлежности государства к одному из трёх выделенных выше типов, с другой, возможны различные конфигурации взаимодействий ТНК и государств. Ниже мы рассмотрим их наиболее показательные варианты. Но перед этим отметим три важных момента. Во-первых, крупная ТНК вполне может пользоваться полной поддержкой «своего» государства, выступать с ним единым фронтом. Во-вторых, говоря о столкновении ТНК и государства, следует различать государство в его качестве носителя и защитника национальных интересов и государство как совокупность институций, заполняемых и управляемых бюрократической верхушкой, интересы которой далеко не всегда совпадают с национальными. ТНК не так уж сложно бывает найти союзников в бюрократии «своей» страны, ещё легче — в правящей элите развивающихся стран, тем более с теми колоссальными выгодами, которые она может предложить им как открыто, так и скрыто. В-третьих, хотя глобализация — процесс планетарных масштабов, филиалы ТНК и ПИИ размещены в мировом экономическом пространстве крайне неравномерно. В 2008 г. на 10 стран приходилось 58% всей балансовой стоимости ПИИ в мире, на 40 стран, включая 10 стран Востока, — около 90%².

¹ CNPC in Venezuela // CNPC. Venezuela. URL: <http://chinaoil.cnpc.com.cn/en/cnpcworldwide/venezuela/> (access date: 19.07.2014). См. также официальный сайт «Петролеос де Венесуэла»: <http://pdvsa.com> (access date: 30.10.2013).

² Подсчитано по: World Investment Report 2009. New York; Geneva: UN, 2009. P. 253–257.

По сути, для многих стран проблемой было не ограничение ТНК, а их привлечение. Ибо ТНК неохотно идут в слаборазвитую страну, если та не обладает особыми преимуществами типа дефицитных на мировом рынке ресурсов¹.

ТНК и «своё» государство

Государство страны происхождения, как правило, оказывает помощь своим корпорациям в их зарубежной деятельности. Яркий пример — США. Их экономическая модель всегда характеризуется как либеральная, основанная на свободе предпринимательства. Государству в ней отводится меньшая роль, чем, например, в западноевропейской континентальной модели. Однако в своей внешнеэкономической деятельности американские фирмы пользуются государственной поддержкой. В 1969 г. для страхования прямых зарубежных инвестиций американских инвесторов в развивающихся странах была даже учреждена специальная корпорация Overseas Private Investment Corporation (ОПИК). В 1970-х гг. она подверглась критике в Конгрессе США за то, что объектами страхования были в основном крупнейшие американские корпорации. Сейчас ОПИК декларирует свою поддержку малому бизнесу, инвестиционным фондам, любым инвесторам из США. В 2011 г. она осуществила страхование инвестиций в 4 тыс. проектах на сумму в 200 млрд долл. в 150 странах².

Помощь «своим» корпорациям включает также изучение государственными структурами экономической конъюнктуры в зарубежных странах и прямую поддержку корпораций внешнеполитическим ведомством. Государство в ведущих развитых странах следует (разумеется, с учётом особенностей моделей отдельных стран) концепции нео-

¹ Пример такого непривлекательного для инвесторов «слабого» государства — Непал. Балансовая стоимость в нём ПИИ, в основном индийских, в 2012 г. составила всего 440 млн долл. что мало даже для такой небольшой страны. Для сравнения: в том же году балансовая стоимость ПИИ в крошечном Сингапуре достигла 682 млрд долл. См.: World Investment Report 2013 (WIR13_webtab03). URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2013_en.pdf (access date: 01.10.2013).

² OPIC Supports Projects in Energy, Agriculture, Financial Services and Other Sectors in More Than 160 Countries // OPIC in action, 06.03.2013. URL: <http://www.opic.gov/opic-action/overview> (access date: 11.07.2014).

классического синтеза: при благоприятной экономической конъюнктуре превалирует либеральный подход, в период кризиса используются кейнсианские рецепты.

Вспомним: «Что хорошо для “Дженерал моторс” — хорошо для США». «Дженерал моторс» — образцовая ТНК, символ экономической мощи США, во время кризиса 2007–2009 гг. оказалась на грани краха, и государство приняло меры, чтобы предотвратить её банкротство. В 2009 г. 60% акций компании перешло к правительству США, 17% — к Объединенному профсоюзу автомобильных рабочих США, и по 12% — к правительству Канады и канадской провинции Онтарио. Фактически компания была национализирована. Но это не означало, что США взяли курс на развитие госсектора — то была временная мера по спасению компании. К декабрю 2012 г. значительная часть акций была продана частным инвесторам, так что доля государства уменьшилась до 19%¹. Крупномасштабная помощь была оказана государством и одному из крупнейших в США и в мире «Ситибанку». Общий объём списания активов в США и происходящих из США составил, по оценкам МВФ, 2,8 трлн долл., активов других развитых стран — еще 1,3 трлн долл.² Все это делалось во избежание краха банков и компаний, подобного тому, что предшествовал Великой депрессии.

Американская модель взаимоотношений компаний с государством, распространяющаяся и на другие страны, по выражению ливанского профессора Жоржа Корма напоминает «постоянный инцест между миром большого бизнеса и миром политики»³. Что, конечно, не исключает конфликтов ТНК со «своим» государством. Обычно они происходят из-за уклонения ТНК от уплаты налогов в стране происхождения. Социальное государство в развитых странах испытывает всё большие трудности в условиях глобализации. По мнению авторов «Словаря глобализации», оно больше не способно эффективно обеспечивать высокий уровень занятости, защиту окружающей среды, исправное функционирование систем здравоохранения и образова-

¹ World Investment Report 2009... P. 24; General Motors // Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: [http:// en.wikipedia.org/wiki/General_Motors](http://en.wikipedia.org/wiki/General_Motors) (access date: 24.10.2012).

² World Investment Report 2009... P. 24.

³ Corm G. Le nouveau gouvernement du monde: idéologies, structures, contre-pouvoirs. Paris: La Découverte, 2010. P. 127.

ния¹. Высокие прибыли декларируются ТНК в оффшорах, в результате снижается налоговая база в стране происхождения. Правда, это могут делать и физические лица с высокими доходами (назовем это «синдромом Депардьё»). Жан-Мишель Катрпуэн в книге «Глобальный кризис: средний класс приканчивают, не так ли?»² заявляет, что в условиях глобализации, выгодной в первую очередь вовлечённым в её процессы элитам, «государственная администрация утрачивает то, что придавало ей силу, — понятия служения государству и общественного блага». Система социальной защиты населения оказывается под угрозой краха, как следствие, появляется лозунг: «Долой национальное государство!»³

Другой аспект столкновения ТНК с интересами государства как выразителя национальных интересов, конкретно, интересов рабочих и служащих — это перемещение материало- и трудоёмких производств, загрязняющих окружающую среду, в страны с дешёвой рабочей силой и менее жесткими экологическими стандартами. ТНК таким путём снижают издержки, тогда как работники предприятий, закрывающихся в развитых странах, становятся безработными. Существуют программы профессиональной переподготовки, но на индивидуальном уровне смена профессии нередко оказывается весьма болезненным процессом. В последние годы в связи с аутсорсингом услуг сферы информационно-коммуникационных технологий экспорт рабочих мест затронул не только рабочих, но и служащих. Неслучайно общественное мнение в развитых странах — а оно играет немалую роль, ибо от него зависят результаты выборов, — выступает против перемещения производства в страны «с более низкими социальными стандартами», рассматривая его как одну из причин роста безработицы и стагнации заработной платы — как своего рода «социальный демпинг»⁴.

¹ Dictionnaire de la globalisation... P. 207–208.

² Аллюзия на название известного фильма Сидни Поллока «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?»

³ *Quatrepoint J.-M.* La crise globale. On achève bien les classes moyennes et on n'en finit pas d'enrichir les élites. Paris.: Mille et une nuits, 2008. P. 163.

⁴ *Sapir J.* Le retour du protectionnisme et la fureur de ses ennemis // Le Monde diplomatique, mars 2009.

Конфликт ТНК с «сильным» принимающим государством (на примере двух экологических катастроф)

Западная ТНК и развитое государство Запада: катастрофа в Мексиканском заливе: Действующие лица: США и британская нефтяная ТНК British Petroleum, сокращённо BP. США — не только главный экспортер прямых инвестиций, но и крупнейшая принимающая страна. В 2012 г. они занимали первое место по балансовой стоимости ПИИ: 3,9 трлн долл. или почти 20% всех мировых инвестиций (на втором был Гонконг — 1,4 трлн, на третьем — Великобритания с 1,3 трлн)¹. У BP — 31-е место в Списке, её оборот — 387 млрд долл., она имеет крупные инвестиции в США, в 1998 г. ею была куплена за 48 млрд долл. американская компания Амосо, а затем и компания Arco².

В США BP ведёт добычу нефти на шельфе в Мексиканском заливе. В 2010 г. на участке «Глубоководный горизонт», на скважине Макондо, произошла авария, погибли 11 человек. Загрязнение было колоссальным: катастрофу назвали третьей в истории по масштабам катастрофой, вызванной разливом нефти³. Пострадали жители побережья, рыболовство, туризм, опасались даже за судьбу Гольфстрима. BP стала объектом судебных исков. Она пошла на сделку с американским правосудием: признала себя виновной в гибели 11 человек и халатности (manslaughter, negligent conduct, misdemeanours) и уплатила

¹ World Investment Report 2014. Tables (WIR14_Tab03). URL: <http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (access date: 19.07.2014).

² См.: History of BP // BP. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/our-history.html>; History of Amoco // BP. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/our-history/history-of-amoco.html>; History of Arco // BP. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/our-history/history-of-arco-ampm.html> (access date: 19.07.2014).

³ Первое место занимает экологическая катастрофа 1910–1911 гг. в США, в Лейквью (Калифорния), второе место — катастрофа, вызванная тем, что Ирак, уходя из Кувейта, разлил в 1991 г. нефть в Персидском заливе, третье — катастрофа с участием BP в Мексиканском заливе. См.: List of oil spills // Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_oil_spills (access date: 19.07.2014).

штраф в 4,5 млрд долл.¹ Всего же ей пришлось выплатить около 42 млрд долл. штрафов и компенсаций². По данным самой компании, на 2013 г. сумма выплат и затрат составила около 28,5 млрд. долл.³ Случись катастрофа в Гвинейском заливе, она обернулась бы для ВР значительно меньшими потерями...

В США бренд ВР стали называть «токсичным», компании было запрещено участвовать в тендерах по размещению заказов на государственные закупки. ВР была вынуждена продать часть своих активов и по рыночной капитализации стала отставать от основных конкурентов — «Ройял Датч Шелл» и «Экссон Мобил». Но высокие цены на нефть и энергичная политика топ-менеджмента позволили ей удержаться на плаву. Отчасти помогло и то, что ВР обвинила в причастности к катастрофе в Мексиканском заливе своего субподрядчика американскую компанию «Хэллибертон»: та поставила для скважины цемент ненадлежащего качества, а затем скрывала улики (однако «Хэллибертон» так и не была привлечена к ответственности)⁴.

Западная ТНК и развивающаяся страна Азии: катастрофа в Бхопале. В ночь со 2 на 3 декабря 1984 г. на заводе по производству пестицидов компании Union Carbide India Limited (UCIL), 51% акционерного капитала которой принадлежало американской ТНК Union Carbide, 49% — индийским государственным банкам и частным акционерам, произошла утечка ядовитого газа. По оценкам, газовое облако содержало фосген и пары соляной кислоты, его воздействию подверглись около 500 тыс. человек. Завод окружали трущобы, утечка случи-

¹ BP hopes \$4.5bn fine will draw line under Deepwater Horizon disaster // The Guardian, 15.11.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/business/2012/nov/15/bp-fine-draw-line-deepwater>; BP 'close to agreeing Deepwater deal with US Department of Justice'// ibid. URL: <http://www.theguardian.com/business/2012/nov/15/bp-deepwater-horizon-horizon-plea-agreement> (access date: 24.03.2013).

² *Pratley N.* A BP recovery? Up to a point, Bob Dudley // The Guardian, 02.11.2010. URL: <http://www.guardian.co.uk/business/2010/nov/02/viewpoint-bp> (access date: 24.03.2013).

³ Gulf of Mexico restoration // BP Global. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/gulf-of-mexico-restoration.html> (access date: 19.07.2014).

⁴ BP accuses Halliburton over Gulf of Mexico oil spill // The Guardian, 06.12.2011. URL: <http://www.guardian.co.uk/environment/2011/dec/06/bp-halliburton-gulf-of-mexico-oil-spill> (access date: 10.11.2012).

лась ночью, поэтому точное число пострадавших установить невозможно. По одним оценкам, погибли 3 787 человек, немедленно — 2 259, инвалидами стали 3 900 человек, 40 тыс. признаны временно и частично нетрудоспособными. По другим оценкам, сразу погибли 8 тыс. и столько же позднее¹.

Завод был пущен в 1969 г., его размещение в Бхопале можно, выражаясь языком французских социологов, охарактеризовать как яркий пример «экологического демпинга»²: требования по защите окружающей среды в Индии были значительно менее строгими, чем в США. В производстве пестицида севина (карбарила) использовался фосген. В США на заводах Union Carbide применялись надежные системы безопасности, на индийском заводе компания отнеслась к ним халатно: в ночь катастрофы они в целях экономии вообще были отключены. Не было и плана мероприятий на случай катастрофы³.

Всего с претензиями обратились около одного миллиона человек, получили помощь 574 тыс., остальным отказали. «Впечатляют» размеры выплат: 1172 долл. — по случаю смерти близкого, 473 долл. — за увечье (по другим данным, 2 058 и 830 долл. соответственно). Общая сумма компенсаций частным лицам составила 292 млн долл., индийскому государству Union Carbide заплатила при внесудебном урегулировании исков к ней ещё 470 млн. Таким образом, общие расходы компании в связи с катастрофой составили около 700 млн долл.⁴ Напомню: у ВР выплаты штрафов и компенсаций достигли 14 млрд долл., а общие затраты — 42 млрд долл. т. е. были в 60 раз больше, чем у Union Carbide — при том, что в первом случае компенсацию получили в пять раз меньше пострадавших: к марту 2012 г. около 100 тыс. рыбаков, владельцев гостиниц и местных жителей подали на ВР иски на общую

¹ См.: *Eckermann I.* The Bhopal Saga (short version). URL: http://www.lakare-formiljon.org/images/stories/document/2009/bhopal_gas_tragedy_march_2008.pdf (access date: 18.07.2014).

² *Sapir J.* Le retour du protectionnisme...

³ *Eckermann I.* Op. cit.

⁴ What happened // The Bhopal Medical Appeal. URL : <http://www.bhopal.org/what-happened/> (access.date: 24.03.2013); Bhopal Disaster // Wikipedia. The Free Encyclopedia.URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Bhopal_disaster (access date: 30.10.2012); Bhopal disaster // Greenpeace USA. URL: <http://www.greenpeace.org/usa/en/campaigns/to-xics/justice-for-bhopal/> (access date: 18.07.2014).

сумму в 7,8 млрд долл., в среднем по 78 тыс. долл.¹ Даже с учетом обесценения доллара за 1984–2010 гг. выплаты ТНК жертвам двух экологическую катастроф различаются на порядок.

Правда, деловая репутация компании — виновницы катастрофы в Бхопале, ставшей нарицательным примером экологических катастроф по вине ТНК, пострадала, пожалуй, сильнее, чем у ВР. В 1970-х гг. Union Carbide входила в первую сотню компаний из списка «Форчун», а к 2000 г. вообще прекратила самостоятельное существование: её купила одна из крупнейших химических ТНК, американская Dow Chemical (известная тем, что производила напалм, широко применявшийся американцами во время войны во Вьетнаме)².

Индия — вторая по численности населения страна мира, ядерная держава, показывающая в последние два десятилетия высокие темпы экономического роста, безусловно, является сильным государством. Индия всегда проводила активную государственную экономическую политику, в том числе и по отношению к иностранному капиталу. Так, в 1970-х гг. в стране был принят закон об инвалютном регулировании, по которому иностранные инвесторы могли участвовать только в смешанных компаниях, а доля их участия в капитале была ограничена³. Эти ограничения действовали во время бхопальской катастрофы, просуществовав до начала 1990-х гг., когда Индия начала осуществлять политику либерализации. В 1970-х гг. работал и так называемый Комитет Хати, подготовивший доклад о злоупотреблениях в Индии иностранных фармацевтических компаний⁴. В итоге их деятельность была огра-

¹ Сообщение радиостанции «Немецкая волна» от 3 марта 2013 г. См: <http://www.dw-world.de.03.03.2012> (access date: 10.04.2012).

² Union Carbide Corporation. History // Union Carbide. URL: <http://www.unioncarbide.com/history> (access date: 19.07.2014); Profile: Dow Chemical. Dow Chemical was a participant or observer in the following events: 1960–1973: Agent Orange Used in Vietnam. URL: http://www.historycommons.org/entity.jsp?entity=dow_chemical (access date: 19.07.2014).

³ См. подробнее: *Цветкова Н.Н.* Международные монополии и социальная эволюция в развивающихся странах Азии. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. С. 30–31.

⁴ См. напр.: Task Force to Explore Options other than Price Control for Achieving the Objective of Making Available Life-saving Drugs at Reasonable Prices. September 20, 2005. Submitted to the Department of Chemicals & Petrochemicals,

ничена, и результаты налицо: сегодня Индия занимает важное место на мировом рынке лекарств, её фармацевтические компании хорошо известны, в том числе и в России, своими марками «Ранбакси» (антибиотик цифран) и «Доктор Редди».

Пример Индии свидетельствует: одно и то же государство в разных сферах и/или в разное время может уступать ТНК, а может проявлять настойчивость в противодействии иностранным компаниям, особенно когда речь идёт о защите интересов крупного национального бизнеса. Также надо учитывать кардинальные различия в положении негосударственных контрагентов ТНК. В Бхопале то были неграмотные и полуграмотные бедняки, они не могли сами отстоять свои интересы в суде. В США и граждане, и юридические лица вполне способны добиться возмещения материальных убытков через суд и широко прибегают к этой возможности. Мы имеем здесь убедительное подтверждение того, о чём говорилось выше: результаты взаимодействия ТНК с двумя «сильными» государствами — и даже с одним и тем же сильным государством, но в разных сферах и ситуациях, — могут существенно различаться в зависимости от того, насколько сильны другие субъекты, участвующие в этом взаимодействии, будь то судебная система, институты гражданского общества или «свои» ТНК.

ТНК и усиливающееся государство

По мере улучшения экономической конъюнктуры, особенно когда оно касается рынка ведущих экспортных товаров страны, государство нередко переходит к более активной экономической политике, в том числе и в отношении иностранного капитала, и добивается пересмотра контрактов, ранее заключённых с ТНК. Пересмотр соглашений с ТНК по мере изменения конъюнктуры на мировом рынке и усиления переговорной позиции государства (*bargaining position*) — явление весьма распространённое. Так, ещё в 1970-е гг. в условиях роста цен на нефть Индонезия, хотя её правительство следовала политике по привлечению иностранных инвестиций и сотрудничества с Западом в целом, добилась пересмотра в свою пользу соглашения о разделе продукции (СРП) с ТНК¹.

Government of India. URL: <http://pharmaceuticals.gov.in/mshT2810/FTY3.pdf> (access date: 19.07.2014).

¹ См.: Цветкова Н.Н. Указ. соч. С. 25–26.

Добиваться такого результата может как государство крупное, с большим населением, крупной экономикой, значительным весом на международной арене, так и государство, и по численности населения и по размерам экономики, и по влиятельности занимающее куда более скромные позиции. Примерами таких усиливающихся государств разного масштаба служат Россия и Монголия.

Россия. Здесь показательная история с проектом «Сахалин-2». В 1994 г. было заключено СРП между Правительством РФ и компанией-оператором «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.» Она была зарегистрирована на Бермудских островах, а её основными акционерами являлись «Ройял Датч Шелл» — 55% акций, «Мицуи» — 25%, «Мицубиси» — 20%. СРП вступило в силу в 1996 г. А в апреле 2007 г. «Газпром» и акционеры компании «Сахалин Энерджи» подписали Соглашение о купле-продаже, в соответствии с которым «Газпром» приобрел 50% плюс одну акцию «Сахалин Энерджи»¹. Пересмотру СРП предшествовала кампания в российской прессе, были выявлены многочисленные экологические нарушения компании-оператора. Но главная причина заключалась в другом. В 1994 г. приток ПИИ в Россию был минимальным, цены на нефть на мировом рынке были крайне низкими, упав к 1998 г. вообще до восьми долларов за баррель. Страна находилась в столь трудном экономическом положении, что приходилось соглашаться на привлечение иностранного капитала на любых условиях. Спустя десять лет, ситуация кардинально изменилась. Цены на нефть росли — сто долларов за баррель к началу 2008 года. Россия вступила в период экономического роста, изменились приоритеты её экономической политики, усилилась позиции при ведении переговоров.

Монголия. В последние годы идут разговоры о том, что Монголия может стать «вторым Кувейтом». Объясняется это настоящим бумом в её горнодобывающей промышленности. В страну устремились китайские, американские, японские, австралийские компании; и хотя в одних случаях они сотрудничают, в других — вступают в конкурентную борьбу², что создаёт неплохие условия манёвра для правительства Монго-

¹ «Сахалин-2» // Газпром. URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/deposits/sakhalin2/> (дата обращения: 11.04.2013).

² Западные ТНК нередко вступают в партнёрские отношения с государственными компаниями Китая, обладающего в Монголии сильными экономическими позициями. См.: Родионов В. А. Концептуальные представления о на-

лии. В феврале 2013 г. оно поставило вопрос о пересмотре доли участия монгольского государства в проекте по добыче меди на месторождении Оюу Толгой, реализуемом с участием компании *Turquoise Hill Resources* — «дочки» англо-австралийской ТНК «Рио Тинто». Первоначально доля Монголии была определена в 34%, теперь она требует контрольного пакета акций (50% плюс одна акция). И, поскольку доходы от добычи сырья делятся после вычета издержек, следовательно, их увеличение автоматически уменьшает поступления государству, правительство Монголии стало возражать против повышения общих издержек по проекту, которые сначала оценивались компанией-оператором в 14,6 млрд долл., а затем были подняты ею до 24,4 млрд.¹ Хотя Монголия небольшая страна, а «Рио-Тинто» — крупная ТНК (оборот в 2012 г. — 51 млрд долл., 435-е место в рейтинге «Форбс»²), корпорация, заинтересованная в разработке богатого месторождения, вполне может пойти на уступки «слабому», но усиливающему свои позиции государству

Проекту придаётся столь большое значение, поскольку ожидается, что добыча меди и золота в Оюу Толгой будет обеспечивать 30% ВВП Монголии. Точка в конфликте ещё не поставлена. В 2013 г. из-за отсутствия согласия по проекту дочерняя компания «Рио Тинто» *Turquoise Hill Resources* уволила 2 тыс. рабочих и отложила работы по расширению добычи на сумму в 5 млрд долл. В мае 2014 г. она сократила ещё 300 рабочих, мотивируя это необходимостью снижения издержек и особенностями производственного цикла³. В июне 2014 г. правительство

циональной безопасности в Монголии в контексте отношений с Россией // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации (Материалы международной конференции: Москва, 15–16 октября 2012 г.). Науч. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшинский. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 97–101.

¹ Kohn M. and Humber Yu. President Says Mongolia Should Get More Control of Mine // Bloomberg News, 05.02. 2013. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2013-02-04/mongolia-should-have-more-control-of-rio-mine-president-says.html> (access date: 11.04.2013).

² The World's Biggest Public Companies 2013. Global Leading 2000 Companies // Forbes. URL: http://www.forbes.com/lists/2013/18/global2000_2013.html (access date: 10.05.2013).

³ Jamasmie C. Rio Tinto to axe hundreds of jobs at Oyu Tolgoi mine // Mining.com, 28.05.2014. URL: <http://www.mining.com/rio-tinto-to-axe-hundreds-of-jobs-at-oyu-tolgoi-mine-49410/> (access date: 20.07.2014).

страны обвинило «дочку» Рио Тинто в недоплате налогов на 130 млн долл. и в затягивании сроков выхода добычи на проектную мощность. По состоянию на июль 2014 г. переговоры между Монголией и Рио Тинто по Оюу Толгой не закончились¹.

ТНК и «слабое» государство

И при этом варианте взаимодействия изучение конкретного случая может дать не те результаты, что ожидалось. Выбирая в качестве примера Республику Конго, я, помимо возможности использовать личные наблюдения, сделанные во время моего пребывания в этой стране в 1986 г., руководствовалась ещё одним соображением. Хотелось взять пример отчасти нетипичный, когда заинтересованная в разработке нефтяных ресурсов французская ТНК «Эльф Акитен» не отказывается от сотрудничества со страной, провозгласившей социалистическую ориентацию, что априорно предполагает менее «удобные» условия деятельности, чем в африканских странах, такой ориентации не следовавших.

Конго со столицей в Браззавиле — государство с небольшой численностью населения: около 4 млн чел. в 2010 г.² С 1968 по 1991 г. оно называлось страной социалистической ориентации, Народной Республикой Конго. Правила в ней одна партия, Конголезская партия труда. В первую очередь социориентация выражалась в военно-техническом сотрудничестве с СССР: в поставках вооружения и наличии военных советников. Президент Дени Сассу-Нгессо — выходец из немногочисленной народности мбоши — нуждался в этом сотрудничестве во внутривластном плане: многочисленная народность баконго, населяющая центр страны, где находится Браззавиль, была отстранена от власти³. Во внешнеполитическом плане военное сотрудничество

¹ Mongolia says Rio Tinto owes \$130 million in Oyu Tolgoi unpaid taxes // Mining.com, 23.06.2014. URL: <http://www.mining.com/mongolia-says-rio-tinto-owns-130-million-in-oyu-tolgoi-unpaid-taxes-85373> (access date: 19.07.2014); Mongolia blames Rio Tinto for delays at Oyu Tolgoi // Mining.com, 09.07.2014. URL: <http://www.mining.com/mongolia-blames-rio-tinto-for-delays-at-oyu-tolgoi-55541/> (access date: 19.07.2014).

² World Development Report 2012. Washington, D. C.: World Bank, 2011. P. 392.

³ Республика Конго (Браззавиль) // Страны Африки: Политико-экономический справочник. М.: Политиздат, 1969. С. 138; Мбоши // Современная энциклопедия. 2000. URL : [http:// dic.academic.ru](http://dic.academic.ru). (дата обращения: 19.07.2014);

с СССР позволяло режиму чувствовать себя уверенной в отношениях с соседним Заиром, где у власти находился авторитарный и воинственный президент Мобуту. По классификации Бузана и Вёвера, страну можно отнести к числу государств, являющихся недавними конструкциями, созданными в результате деколонизации, иногда с весьма непрочными корнями¹ (власть, опирающаяся не на этническое большинство населения).

Стержнем экономики, основным источником валютных поступлений для страны была добыча нефти, которая осуществлялась французской компанией «Эльф» и итальянской компанией «Аджип». В 1986 г., будучи в Конго, африканист Б. В. Егоров в присутствии автора назвал ситуацию в этой стране «социалистической ориентацией в кармане у французов». Нефтедобывающая промышленность обеспечивала в 1984 г. 70% доходов государственного бюджета². Впрочем, до основной массы населения, жившей в деревне и занимавшейся полунатуральным сельским хозяйством, нефтяные доходы не доходили (если не считать родной деревни президента). В банковской системе доминировали филиалы французских банков, причём это доминирование получало и визуальное выражение: в середине 1980-х гг. их офисные здания, а также здания отелей французских гостиничных сетей «Новотель» и «Меридиан» господствовали в городском пейзаже на фоне малоэтажных городских построек Браззавиля.

В 1990 г. Конго отказалась от однопартийной системы. После проведения демократических выборов президентом избрали П. Лиссубу, баконго по происхождению, Сассу-Нгессо уехал во Францию. Вскоре обнаружились скрытые стороны сотрудничества ТНК и «государства социалистической ориентации»: его руководство получало «откаты» от «Эльф-Акитен», а французский банк БНП помогал отмывать коррупционные доходы³. В 1997 г. бывший президент возвращается в Конго, на-

Denis Sassou Nguesso // Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL : http://en.wikipedia.org/wiki/Denis_Sassou_Nguesso_Biography (access date: 20.07.2014).

¹ Buzan B., Waever O. The Structure of International Security... P. 26.

² Горная энциклопедия. URL: <http://www.mining-enc.ru/k/kongo> (дата обращения: 22.07.2014).

³ См.: Articles de Thierry Brugvin publiés par Mondialisation.ca. URL: <http://www.mondialisation.ca/index.php?www.mondialisation.ca/index.php?context=va&aid=10761>; Le message de Sassou est clair: si voulez la paix, laissez... // Congo-

чинается гражданская война. У лидера каждой из воюющих группировок — своя «милиция»: «кобры» у Сассу-Нгессо, «зулусы» — у Лиссубы, «ниндзя» — у Колеле. В Браззавиле — стрельба, жертвы, разрушения. В октябре 1997 г. на стороне Сассу-Нгессо вмешиваются ангольские войска. Происходит резня в области Пул в центре страны, в бассейне реки Конго, в районе Баконго в Браззавиле¹. 25 октября 1997 г. Сассу-Нгессо провозглашает себя президентом, в 2002 г. он избирается на этот пост, в 2009 г. — переизбран.

На сайтах конголезской оппозиции есть информация о том, что у Сассу-Нгессо и его семьи 18 квартир и особняков во Франции и 112 счетов². В 2008 г. «Транспэрэнси интернэшнл» и общественная ассоциация «Шерпа» подали иск по выяснению источников движимого и недвижимого имущества во Франции на сумму в 160 млн евро глав африканских государств: Сассу-Нгессо, О. Бонго (Габон) и Т. Обанго (Экваториальная Гвинея). Иск не приняли, отказ был обжалован, и в 2010 г. судебное дело было продолжено³.

Ни социалистическая ориентация, ни отказ от неё не повлияли существенным образом на экономику Конго и уровень жизни населения. В 2008 г. на нефть приходилось 92% экспорта, 85% доходов государства, 65% ВВП. За счёт роста цен на нефть ВНД на душу населения повысился за 1993–2010 гг. с 920 до 2 310 долл. (на 51%), а по паритету покупательной способности — с 2 430 до 3 280 долл. (на 34,9%). Но распределение доходов крайне неравномерное: в 2006 г., уже при высоких ценах на нефть, 59,2% населения жило на сумму менее 1,25 долл. в день. Ожидаемая продолжительность жизни — 54 года для мужчин, 57 лет для женщин. Если в 1991 г. начальным образованием было охва-

sphere. URL: <http://congo-sphere.over-blog.com/article-31925615.html> (access date: 10.04.2012).

¹ Конго // Энциклопедия Кольера. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/548/КОНГО (дата обращения: 19.07.2014).

² См.: Facts and stats about Congo, Republic of the // NationMaster. URL: <http://www.nationmaster.com/country/congo>; Congo // Stamperija.eu. URL: <http://www.stamperija.eu/congo> (access date: 02.04.2012).

³ Biens Mal Acquis : La Cour de Cassation casse l'arrêt rendu par la chambre de l'instruction de la cour d'appel // SHERPA, 09.11.2010. URL : <http://www.asso-sherpa.org/biens-mal-acquis-la-cour-de-cassation-casse-larret-rendu-par-la-chambre-de-linstruction-de-la-cour-dappel/#.U830pZqGj4g> (access date: 22.10.2013).

чено 79% детей школьного возраста, то в 2005 г. — только 44%¹. В 2010 г. в нефтедобывающей стране 63% населения не имели электричества!²

Использование компанией «Эльф» коррупции становится предметом скандальных публикаций в прессе с 1994 г., против неё возбуждается дело в суде. «Эльф» систематически платила «откаты», и не только Сассу-Нгессо. Когда у власти был П. Лиссуба, в обмен на уменьшение налоговой задолженности компании конголезскому государству с 1 млрд до 350 млн франков, «Эльф» открыла счет, на который перевела часть списанной задолженности; доступ к нему получило руководство Конго³. «Взаимопомощь» между ТНК и руководителями государства позволила первой получать прибыли, вторым — присваивать государственные средства. Чёрная касса для «субсидий» политическим деятелям у «Эльфа» была и во Франции⁴.

В 2000 г. «Эльф-Акитен» была поглощена французской компанией «Тоталь» (52-й номер в Списке), которая и является сегодня основной компанией по добыче нефти в Конго. Общая стоимость её акций (рыночная капитализация) в 2012 г. достигала 115 млрд долл.⁵, оборот годом ранее составил 232 млрд. Для сравнения: ВВП Конго (Браззавиль) в том же году равнялся 15 млрд.⁶

* * *

Транснациональные корпорации — могущественные субъекты мировой экономики, обладающие сетью филиалов и зависящие от контрактов предприятий по всему миру, — конечно же, могут влиять на

¹ Africa South of the Sahara 1983–84, London: Europa Publications Ltd., 1983. P. 313–321; World Development Report 2010. Washington, D.C.: IBRD, 2009. P. 378–381; World Development Report 2012... P. 378–381, 384, 392–396, 402; World Bank Atlas 1994, Washington, D.C.: IBRD, 1994. P. 8–9, 18–19.

² Business solutions to meet local needs. Access to energy and Green chemistry. URL: IPIECA_BASD_bd__Sabina_Ratti_eni.pdf (access date: 02.07.2014).

³ Libération, 21.07.1998; Articles de Thierry Brugvin...; Le message de Sassou est clair...

⁴ Articles de Thierry Brugvin...; Le message de Sassou est clair... См. также: *Le Floch-Prigent L.* Affaire Elf, Affaire d'Etat. P.: Cherche midi, 2001.

⁵ The World's Biggest Public Companies 2013...

⁶ Ibid.; World Development Report 2012... P. 378.

экономику принимающих стран и обходить меры по государственному регулированию экономики, используя оффшоры. Тем не менее, если в 1970-х гг., когда появилась картинка с изображением корпорации, оплетающей своими щупальцами весь земной шар, образ этот казался исчерпывающим и вечным одновременно, сегодня при взгляде на мировую экономическую систему мы видим нечто иное. Мы видим не одну, а много картинок, они постоянно меняются, как в калейдоскопе — на смену одним мировым центрам «выскакивают» другие, и характеристики каждого такого центра уже не сводимы к однозначному образу хищного спрута.

В каких-то вопросах сфера компетенций государств сужается, но в целом роль государства, скорее, не сокращается, а модифицируется. Рычаги давления, и немалые, у государств, в том числе не считающихся на мировой арене тяжеловесами, остаются. Анализ каждого конкретного случая взаимодействия ТНК и государства показывает ситуацию, как правило, во многом отличную от той, что можно было бы ожидать, руководствуясь абстрактными рассуждениями о победном марше глобализации и сдаче национальным государством своих позиций. Многие ТНК пользуются поддержкой «своего» государства. Корпорации некоторых стран, государственные и не только, из развитых стран и не только, могут выступать и выступают — как, например, делают китайские компании в Африке — проводниками политики своего государства. В то же время принимающие государства, даже «слабые», могут при наличии политической воли жёстко регламентировать деятельность ТНК. Другое дело, что нередко принимающее государство проявляет разную степень настойчивости, когда речь идёт о защите интересов национального крупного бизнеса и когда в ней нуждаются низшие слои населения. В каком-то смысле государство приносит их в жертву экономическому развитию — но это его собственный выбор.

Наконец, ТНК могут использовать в своих интересах коррупцию и дополнительно её стимулировать, но... только там, где для этого есть почва. Сила коррупции больше зависит от государства, чем от ТНК, точнее, от персонифицирующей его бюрократии. Вообще в коррупции ярко проявляется двойственность природы государства. То, что является угрозой для него как носителя национальных интересов (сокращение налоговой базы для системы социальной защиты), может совсем не являться таковой для госбюрократии, озабоченной своими узкокорыстными интересами и использующей те же оффшоры, что и ТНК. Иначе

говоря, вторая ипостась государства может нести угрозу первой, и здесь опять-таки самое большее, что могут сделать ТНК — это воздерживаться от использования коррупционных каналов для получения выгодных сделок. В этой связи стоит отметить, что в настоящее время многие ТНК принимают антикоррупционные кодексы, где подробно регламентируются стоимость преподносимых сувениров, затраты на организацию приёмов и командировки.

Так что же несут ТНК национальному государству — благо, угрозу или чреватый благом либо угрозой трансграничный вызов? Представляется, что всего правильнее говорить о вызове, на который национальному государству следует находить адекватные ответы. Памятуя при этом, что привлечение иностранных инвестиций относится к разряду игр с ненулевым результатом: если выигрывает один, то другой необязательно проигрывает: выиграть могут оба партнера, и оба же могут проиграть.

Приложение

**Сто ведущих субъектов мировой экономики: государства (по ВВП)
и ТНК (по обороту или операционному доходу)***

<i>Государство / компания</i>	<i>Страна происхождения компаний</i>	<i>Млрд долл.</i>	<i>Место в рейтинге:</i>		
			<i>общем</i>	<i>стран</i>	<i>компаний</i>
НАФТА		17 985,0	1а	1а	
Евросоюз		16 000,0	16	16	
США		15 094,0	1	1	
КНР		7 318,5	2	2	
Япония		5 867,2	3	3	
Германия		3 570,6	4	4	
Франция		2 773,0	5	5	
Бразилия		2 476,2	6	6	
Великобритания		2 431,6	7	7	
Италия		2 194,8	8	8	
Россия		1 857,8	9	9	
Индия		1 848,0	10	10	
Канада		1 736,1	11	11	
Испания		1 490,8	12	12	
Австралия		1 371,8	13	13	
Мексика		1 155,3	14	14	

Приложение

Государство / компания	Страна происхождения компании	Млрд долл.	Место в рейтинге:		
			общем	стран	компаний
Южная Корея		1 116,2	15	15	
Индонезия		846,8	16	16	
Нидерланды		836,3	17	17	
Турция		773,1	18	18	
Швейцария		635,7	19	19	
Саудовская Аравия		576,8	20	20	
Швеция		538,1	21	21	
Польша		514,5	22	22	
Бельгия		511,5	23	23	
Норвегия		485,8	24	24	
Royal Dutch Shell	Нидерланды, Великобритания	484,5	25		1
Exxon Mobil	США	452,9	26		2
Wal-Mart	США	447, 0	27		3
Аргентина		446,0	28	25	
Австрия		418,5	29	26	
ЮАР		408,2	30	37	
BP	Великобритания	386,5	31		4
Sinopec	КНР	375,2	32		5
ОАЭ		360,2	33	28	
China National Petroleum	КНР	352,3	34		6
Таиланд		345,6	35	29	
Дания		332,7	36	30	
Колумбия		331,7	37	31	
Венесуэла		316,5	38	32	
Греция		298,7	39	33	
Малайзия		278,7	40	34	
Финляндия		266,1	41	35	
State Grid	КНР	259,1	42		7

Приложение

Государство / компания	Страна происхождения компании	Млрд долл.	Место в рейтинге:		
			общем	стран	компаний
Чили		248,6	43	36	
Chevron	США	245,6	44		8
Гонконг, САР КНР		243,7	45	37	
Израиль		242,9	46	38	
Сингапур		239,7	47	39	
Португалия		237,5	48	49	
Conoco Philips	США	237,3	49		9
Нигерия		235,9	50	41	
Toyota	Япония	235,4	51		10
Total	Франция	231,6	52		11
Египет		229,5	53	42	
Филиппины		224,8	54	43	
Volkswagen	Германия	221,5	55		12
Ирландия		217,3	56	44	
Чехия		215,2	57	45	
Пакистан		211,1	58	46	
Japan Post Holdings	Япония	211,0	59		13
Алжир		188,7	60	47	
Казахстан		186,2	61	48	
Glencore International	Швейцария	186,15	62		14
Румыния		179,8	63	49	
Перу		176,7	64	50	
Кувейт		176,6	65	51	
Катар		173,0	66	52	
Украина		165,3	67	53	
Газпром	Россия	157,8	68		15
E.ON	Германия	157,1	69		16
ENI	Италия	153,7	70		17
ING Group	Нидерланды	150,6	71		18
General Motors	США	150,3	72		19
Samsung	Республика Корея	148,9	73		20
Daimler	Германия	148,1	74		21

Приложение

Государство / компания	Страна происхождения компании	Млрд долл.	Место в рейтинге:		
			общем	стран	компаний
General Electric	США	147,6	75		22
Petrobras	Бразилия	145,9	76		23
Berkshire Hathaway	США	143,7	77		24
AXA	Франция	142,7	78		25
Венгрия		140, 0	79	54	
Ford	США	136,3	80		26
Allianz	Германия	134,2	81		27
Nippon Telegraph & Telephone	Япония	133,1	82		28
BNP	Франция	127,5	83		29
Hewlett-Packard	США	127,3	84		30
AT&T	США	126,7	85		31
GDF Suez	Франция	126,1	86		32
Pemex	Мексика	125,3	87		33
Valero Energy	США	125,1	88		34
Petroleos de Venezuela	Венесуэла	124,8	89		35
Вьетнам		124,0	90	55	
McKesson	США	122,7	91		36
Hitachi	Япония	122,4	92		37
Carrefour	Франция	121,7	93		38
Statoil	Норвегия	119,6	94		39
JX Holdings	Япония	119,3	95		40
Nissan Motors	Япония	119,2	96		41
Hon Hai	Тайвань	117,5	97		42
Santander	Испания	117,4	98		43
EXOR	Италия	117,3	99		44
Ирак		115,4	100	58	

*Подготовлено в рамках проекта научно-исследовательского семинара в Институте стран Азии и Африки при МГУ совместно с магистрантами Д. Сулейменовым и Э. Амировым.

Составлено по: World Development Report 2012. Washington, D.C.: IBRD, 2011, p. 378–381; Global 500 2012 // Fortune. URL: <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2012.html> (access date: 10.02.2013).

ВОЗДЕЙСТВИЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ¹

Эбрахим Анушех

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — один из важнейших феноменов, определивших «лицо» XXI века. Они представляют собой множество изобретений и технических решений, способствующих общению людей, созданию, распространению и хранению информации. Мало того, что ИКТ оказывают существенное влияние на глобальную экономику, они стали ещё и мощным инструментом воздействия на политическую жизнь. Они маргинализируют нации-государства, ослабляют государственный суверенитет, дают новые рычаги в руки центробежных (ориентированных на глобальную политику) сил, движений и конкретных активистов². С помощью этих новых технологий масс-медиа различные страны более тесно общаются и узнают друг друга. Жители развивающихся стран сравнивают свою жизнь с жизнью за рубежом, и это сравнение рождает у них новые желания, побуждает выдвигать новые требования к своим правительствам. Иногда такие запросы удовлетворяются, но чаще встречают со стороны властей жёсткую реакцию.

¹ Статья подготовлена автором на основе доклада, сделанного им на Международной научной конференции «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления и концепции (Москва, 15–16 октября 2012 г.).

² *Садуги, Морадали*. Информационная технология и государственный суверенитет. Тегеран: Министерство иностранных дел, 1380 [2001]. С. 31 (на персидском языке).

ИКТ активно участвуют в процессах дестабилизации и демократизации по всему миру. То же самое можно сказать и про арабские государства, занимающие большую часть пространства, определяемого как Ближний Восток и Северная Африка — Middle East and North Africa или MENA¹. Политические и гражданские свободы в этих странах ограничены, политическая жизнь носит очень закрытый характер. Однако воздействие ИКТ на общественное мнение в арабских странах изменило в конечном счете их политические структуры.

Информационно-коммуникационные технологии

Современные ИКТ — это множество персональных компьютеров, телефонов, центров обработки данных, рабочих станций, роботов, спутников, сетей кабельного телевидения и т. п., на которых установлено необходимое программное обеспечение. ИКТ содержит два технологических элемента: коммуникационный (телефон, телевидение, спутники, широкополосный оптический кабель) и информационный (компьютеры, программы). Начиная с 1970-х годов установилась связь между этими элементами, с годами она всё больше укрепляется². Соответственно, ИКТ можно считать и набором технически сложных устройств, и процессом, интегрирующим электронику, обработку данных и удалённый доступ к информации³.

ИКТ оказывают ощутимое воздействие на все аспекты личной, общественной, политической, экономической и культурной жизни. Наиболее важными результатами такого их воздействия являются следующие процессы.

¹ Не существует общепризнанного списка стран, охватываемых этой аббревиатурой. Согласно Всемирному банку, чей список чаще всего используется в международной статистике, в регион входят Алжир, Бахрейн, Джибути, Египет, Израиль, Иордания, Иран, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Ливия, Мальта, Марокко, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, Тунис, Западный берег и сектор Газа (см.: Middle East and North Africa // World Bank. External Countries. URL: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/MENAEXT/0,,menuPK:247619~pagePK:146748~piPK:146812~theSitePK:256299,00.html> (access date: 03.05.2014).

² Садуги, Морадали. Указ. соч. С. 54.

³ Сардарниа, Халилолах. Политические последствия информационно-коммуникационных технологий // Политико-экономическая информация, 1386 [2007]. Т. 22, № 5–6. С. 104 (на персидском языке).

Создание и распространение политической информации. Речь идёт прежде всего о партиях: новые СМИ позволяют им информировать публику о своей позиции, программе и действиях. Аналогичным образом используют ИКТ правительства, министерства и ведомства, другие политические институты. Новые медиа — важные каналы распространения знаний, образцов политических действий, а также обратной связи между гражданами и властями¹. По данным Пиппы Норрис, в 1993 г. в Интернете размещалось 20 газет, в 1996 — 100, а в 2000 — 6 600 только тех, что индексируются Yahoo. В том же каталоге Yahoo было 2 500 журналов, 8 500 радиостанций и 538 телеканалов². К апрелю 2014 года эти показатели ещё выросли: 9 075 газет, 3 128 журналов, 8 842 радиостанций и 7 384 телеканалов³.

Спутниковое телевидение и Интернет обладают высоким образовательным потенциалом: они информируют граждан о партиях и организациях, политических событиях, гражданских правах и обязательствах правительства перед народом. Они также способны повышать политическую сознательность — благодаря электронным собраниям и онлайн-дискуссиям. Наблюдая политические дебаты по спутниковому телевидению и по интернету, люди начинают лучше представлять себе актуальные проблемы⁴. По мнению Норрис, ИКТ способствуют формированию гражданского общества следующим образом⁵.

1. Благодаря ИКТ политические активисты могут делать достоянием общественности факты коррупции, дискриминации, репрессий, провальной политики правительства — и так создавать новые вызовы для власти.

2. ИКТ помогают индивидам, маргинальным группам и меньшинствам, молодёжи, женщинам политически организовываться и мобилизоваться.

¹ Op. cit. P. 110.

² Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. P. 5.

³ Yahoo! Directory News and media. URL: https://dir.yahoo.com/news_and_media/; onlinenewspapers.com. URL: <http://www.onlinenewspapers.com/index.htm> (access date: 04.04.2014).

⁴ Сардарниа, Халилолах. Ук. соч. С. 112.

⁵ Norris P. Op. cit. Ch. 11.

3. Интернет также способствует развитию демократических ценностей политического участия, свободы слова, справедливости, толерантности и т. д.

В целом, в эпоху информационных технологий общественная сфера фундаментальным образом ожила. Обмен информацией, диалог и другие формы взаимодействия граждан в виртуальных сообществах развились настолько, что можно говорить о своего рода электронной демократии в Интернете¹.

ИКТ подрывают легитимность государства. В ходе коммуникационной революции, произошедшей в последней четверти XX в., была создана сеть трансграничного обмена информацией. Ячейками новой сети стали гражданские объединения и институты, международные неправительственные организации, социальные и политические движения, активисты и определённые группы в составе государств и правительств. Эти ячейки связываются друг с другом посредством новостей и другой информации, распространяемой по сети. В результате даже вопросы государственной политики формулируются на языке электронных медиа, а их решение переносится в Интернет. Это не может не бросить вызова авторитету национального государства². Вероятно, можно даже говорить о том, что центр принятия решений сместился с государственного уровня на общественный, к множеству национальных и транснациональных политических, социальных и культурных групп. Так или иначе, кажется достаточно убедительным мнение, что новые СМИ — самая большая угроза для диктаторов и самый страшный их кошмар. Как пишет Петер Фердинанд³:

«Новости о происходящем в мире передаются народам, находящимся под властью авторитарных режимов, и эти новости противостоят искажённой информационной картине, которую транслируют правительства. Так новости извне подрывают доверие к таким режимам и готовность им подчиняться, а также способствуют протестным

¹ Ibid. В то же время Норрис считает, что Интернет расширяет пропасть между теми, кто уже проявляет гражданскую активность, и теми, кто от неё далек.

² Кастельс М. Информационная эра: экономика, общество и культура. Пер. на персид. яз. Ахмада Алигольяна. Тегеран: Тахр-э Тахр-э Но, 1380 [2001]. С. 551.

³ Цит. по: Сардарниа, Халлиолах. Указ. соч. С. 106.

движениям. Информация о нарушениях прав человека и других репрессиях всё чаще распространяется по миру через Интернет, что помогает мобилизовать политические силы как внутри страны, так и извне».

ИКТ бросают вызов национальной безопасности. Воздействие ИКТ на национальную безопасность имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Что касается первых, то СМИ могут поднимать уровень доверия народа к его лидерам, усиливать этническую солидарность, пропагандировать национальные ценности и тем самым укреплять безопасность национального государства. С другой стороны, они могут усиливать тревожность среди граждан, сеять недоверие к правительству, оспаривать главные ценности государства, предавать огласке документы с грифом «совершенно секретно» и т. д.¹

ИКТ в арабских государствах до 2011 г.

Процесс трансформации масс-медиа в арабских странах идёт уже более трех десятилетий, его основные особенности, по оценкам, представленным в «Мировом медиа-журнале» (Global Media Journal), таковы².

1. До эры ИКТ СМИ в арабском мире использовались местными властями и духовенством как инструмент пропаганды национализма и исламизма. Власть имущие выступали против плюрализма в медийной сфере — под предлогом, что он усилит раскол в обществе, спровоцирует конфликты или даже полномасштабную войну в регионе. Плю-

¹ *Эйдипур, Макан.* Масс-медиа и государственная безопасность. Тегеран: Исламский свободный университет, 1387 [2008]. С. 32 (на персидском языке).

² В этом журнале опубликовано немало исследований ИКТ в арабском мире, например: *Webb E.* Holding Back The Flood: Regimes of Censorship in the Middle East & North Africa in Comparative Perspective // Global Media Journal German Edition, 2012, Vol. 2, No. 1. URL: http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-25469/GMJ3_EdWebb_final.pdf; *Anas, Omar.* The Changing Profile of Media in the Arab States // Global Media Journal Arabian Edition Fall / Spring 2012–2013, Vol. 2, Nos. 1–2. P. 28–46. URL: http://www.gmj-custom_files/volume2_issue1_issue2/articles_in_english/volume2-issue1-issue2-article-28-46.pdf; *Coullson D. C.* Dynamics of Social Media, Politics and Public Policy in the Arab World // Global Media Journal American Edition, 2013, Vol. 12, No. 22. URL: <http://journals.textual.info/index.php/gmj-american/article/view/28/20> (access date: 06.04.2014).

рализму приписывали и такие «грехи», как введение людей в заблуждение, создание фобий, угрозы безопасности, зависимость от предвзятых мнений, уязвимость к атакам экстремистов и алармистов на привычное видение мира. За исключением нескольких случайных и немедленно заблокированных государством попыток представить публике точку зрения, отличную от официальной, СМИ арабского мира избегают независимого освещения «чувствительных» вопросов внутренней и внешней политики.

2. Из-за безграмотности и малограмотности значительная часть арабского населения из всех СМИ предпочитает радио и телевидение, остающиеся эффективным инструментом навязывания и укрепления социальных норм, идентичностей и культурных практик — под бдительным оком правительства.

3. В 1980-е годы началось бурное развитие спутникового телевидения, программы которого создавались без участия государственной власти. По спутниковым сетям транслируются самые разные мнения, идеи и позиции, укрепляющие идентичность различных общественных групп. Там гораздо больше свободы слова по сравнению с национальным телевидением, нет «ритуальных» новостных программ, рапортующих об успехах государства, минимум прямой рекламы. Наконец, информация подаётся в яркой визуальной «упаковке» и относительно объективно.

4. Транснациональные сети спутникового телевидения обладают немалым потенциалом для изменения социальной жизни арабских государств. Они способствуют лучшему пониманию межрегиональных проблем и конфликтов, предоставляют широкой аудитории относительно непредвзятую точку зрения на происходящее в стране и мире, а также знакомят арабов с ценностями, традициями и религиями других регионов планеты и так развивают в людях толерантность и миролюбие. Более того, недостатки национальных СМИ заставили многих влиятельных людей, а также интеллектуалов, переключиться на иновещание. Монополия государственных СМИ уходит в прошлое.

Добавим, что в последние десятилетия скорость и масштабы распространения ИКТ в арабском мире стали почти такими же, как в других регионах. Заговорили даже об «информационной революции» в странах Северной Африки и Ближнего Востока¹. В самом деле, факсы,

¹ См., например, личную страницу Али Мухаммеда Абтахи. URL: www.webnevsheteha.com/weblog/?m=10&=1383/page=2 (access date: 05.04.2014).

телефоны, телевидение, радио, интернет, спутниковые сети пользуются всё большей популярностью, информация о событиях в каждой арабской стране доходит по компьютерным системам до самых удалённых уголков планеты в кратчайший срок, и местные службы безопасности не в силах предотвратить утечку за пределы государственных границ данных о политических репрессиях и других злоупотреблениях¹.

Интернет. В арабском мире различные подходы к интернет-политике (табл. 1–2). На одном полюсе — Ирак времён Саддама Хусейна, который официально не был подключен к Сети, и где личное пользование модемами было под запретом. На другом — ОАЭ, где с 1995 г. доступ к Интернету был самым дешёвым в регионе, хотя и при жёсткой цензуре. В этой стране и бизнес, и госструктуры, и университеты поддерживают Интернет. В итоге уже к 2000 г. более ¼ жителей ОАЭ получали новости и развлекательный контент из всемирной Сети — наивысший тогда показатель среди арабских стран.

Таблица 1.

**Численность пользователей Интернета
в некоторых арабских странах (2001–2012 гг., тыс. человек)**

<i>Страна</i>	<i>2001</i>	<i>2003</i>	<i>2007</i>	<i>2009</i>	<i>2012</i>
Египет	560	2,700	8,620	20,136	36,881
Саудовская Аравия	570	1,500	6,200	9,774	14,329
Сирия	32	220	3,470	4,469	5,475
Кувейт	165	567	900	971	2,095
Катар	75	126	351	564	1,719

Источник: http://wikipediamaze.com/wiki/List_of_countries_by_number_of_Internet_users; [www. Umsl.Edu](http://www.Umsl.Edu); Central Intelligence Agency (US). The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2153rank.html> (access date: 07.04.2014).

Таблицы 1 и 2 нуждаются в комментариях. Безусловным лидером интернетизации сейчас является Катар. Эта страна также разработала самую современную телекоммуникационную сеть. И это единственное государство Персидского залива, на официальном уровне воздерживающееся от цензуры информации и от контроля за контентом. Впрочем,

¹ *Дорости, Ахмад.* Глобализация и арабский Средний Восток // Месбах, 1380 [2001], № 37, Farvardin. С.130 (на персидском языке).

Таблица 2.

**Доля интернет-пользователей в населении арабских стран,
2000 и 2012 г.**

<i>Страна</i>	<i>2000</i>		<i>2012</i>	
	<i>МСИ</i>	<i>МТС</i>	<i>МСИ</i>	<i>МТС</i>
Катар	5,2	4,86	86,20	88,10
Бахрейн	5,91	6,15	77,00	88,00
ОАЭ	26,06	23,63	70,90	85,00
Кувейт	6,68	6,73	74,20	79,18
Ливан	8,62	7,95	52,00	61,25
Оман	3,45	3,52	68,80	60,00
Марокко	0,34	0,69	51,00	55,00
Саудовская Аравия	0,90	2,21	49,00	54,00
Египет	0,66	0,64	35,60	44,07
Тунис	1,05	2,75	39,10	41,44
Иордания	2,52	2,62	38,10	41,00
Сирия	0,18	0,18	22,50	24,30
Йемен	0,08	0,08	14,90	17,45
Алжир	0,17	0,49	14,00	15,23
Ливия	0,19	0,19	17,00	14,00*
Ирак	0,01	-	7,10	7,10

*В 2011 г.

МСИ — по данным Мировой статистики Интернета (Internet World Statistics), МТС — по данным Международного телекоммуникационного союза (International Telecommunication Union). Страны ранжированы по данным МТС за 2012 г.

Составлено и рассчитано по: Internet Users, Population and Facebook Statistics for Africa Q2. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats1.htm>; Middle East Internet Users, Population and Facebook Statistics. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats5.htm>; Percentage of Individuals using the Internet 2000–2012 // International Telecommunications Union (Geneva), June 2013; URL: http://www.itu.int/ITU-D/Statistics/Documents/statistics/2013/Individuals_Internet_2000-2012.xls (access date: 05.01.2014).

Скайп в ОАЭ разблокировали только недавно, Пэлток¹ остается заблокированным, и компания Internet Qatar (подразделение Ooredoo, бывшей Qatar Telecom) использует фильтры, закрывающие доступ к сай-

¹ Paltalk — бесплатная программа, позволяющая проводить тематические конференции и создавать собственные чат-комнаты с возможностью управления ими.

там, «содержание которых считается несовместимым с политическими и моральными ценностями Катара»¹.

Необходимость быстро преодолеть изначальную отсталость заставила Оман сделать реформу телекоммуникационной сферы приоритетным направлением развития. Генеральная организация телекоммуникаций Омана разработала план «догоняющего роста», по которому и государственный, и частный сектор должны были получать доступ к информации всегда и везде, а ряды Интернет-пользователей — вырасти в десятки раз. Поначалу особых успехов Оман не достиг: на октябрь 2006 года доступ к Интернету имело всего 3,7% населения², но к 2012 г. этот показатель подскочил до 69%.

Саудовская Аравия — самое богатое арабское государство. Но поскольку правящий дом опасается падения нравов и подрывной деятельности политических эмигрантов, Интернет здесь развит относительно слабо, даже в 2012 г. страна отставала от Омана и Катара по уровню охвата им населения. Правда, государственные, научные и медицинские организации в полной мере пользуются преимуществами скоростного интернета, обеспечиваемого спутниковым соединением с американскими серверами³.

Тунис — первая арабская и первая африканская страна, подключившаяся к Интернету (в 1991 г.). Сейчас Тунис остается на втором месте в Африке по количеству наземных линий связи, распространённости мобильных телефонов и персональных компьютеров среди населения. Тунисское агентство по развитию Интернета было создано в 1996 г., в 2001 г. оно инициировало первые законодательные акты относительно телекоммуникаций. После серии крупных реформ сфера ИКТ оказалась полностью либерализованной — и те же реформы способствовали при-

¹ About State of Qatar. Communications // Stenden University Qatar. URL: <http://www.stenden.com/en/locations/qatar/aboutstateofqatar/Pages/Communications.aspx> (access date: 25.04.2014).

² Подсчитано по: Internet Filtering in Oman in 2006–2007 // Open Net Initiative. URL: <https://opennet.net/studies/oman2007>; Oman Population // Trading Economics. URL: <http://www.tradingeconomics.com/oman/population> (access date: 26.04.2014).

³ Ашина, Хесам аль-дин. Интернет и политическая стабильность Исламской республики Иран // СМИ и политическая стабильность. Тегеран: Институт стратегических исследований, 1380 [2001]. С. 209 (на персидском языке).

току в неё частных инвестиций. В 2003 г. частный оператор начал использовать высокоскоростные линии и голосовую связь по IP-протоколу. За 12 лет Тунису удалось увеличить долю имеющего доступ к ИКТ населения на 4 000 %¹.

Наконец, даже беглого взгляда на Таблицу 2 достаточно, чтобы заметить группу арабских государств, сильно отставших от лидеров по развитию ИКТ. Это Алжир, Ирак, Йемен, Ливия и Сирия. Даже в 2012 г. не более четверти их населения пользовалось Интернетом. Причиной этого была политика государства, в случае Йемена усугублявшаяся экономической отсталостью.

Спутниковые сети. Едва распространившись в 1960-е гг., телевидение стало в арабском мире скучным рупором правительств. Что-то начало меняться лишь после войны 1991 года в Заливе. Освещение этого конфликта телеканалом CNN привлекло внимание арабской публики и создало потребность в актуальных объективных новостях². Тогда впереди оказался Египет, реализовавший несколько проектов регионального спутникового телевидения (NILESAT и третье поколение ARABSAT). Сейчас же арабский мир столкнулся с настоящим бумом спутникового телевидения. Его смотрят от 20 до 30% населения. Появление частных каналов дало журналистам больше свободы в создании и представлении программ.

Первым гигантом частного спутникового телевидения стал Ближневосточный широковещательный новостной центр (Middle East Broadcasting News Centre). Его штаб-квартира размещалась в Дубаи, владел им шейх Вали Ибрагим, вещал он с 1991 г. из Лондона по десяти телеканалам. В 1996 г. начал работу канал «Аль-Джазира», созданный в Катаре при поддержке местного эмира. «Аль-Джазира» предложил аудитории актуальные новости в сочетании с острыми дискуссионными программами. В итоге он стал площадкой для общеарабского диалога. По всему миру его смотрят около 50 млн человек, по популярности он конкурирует с BBC. Его работу не ограничивает политическая цензура, давление которой ощущает большинство арабских СМИ. В пере-

¹ Нурази Неджад, Марьям. Понятие индикатора в современных информационно-коммуникационных технологиях // Политико-экономическая информация. 1387 [2007], вып. 22, № 9–10, Хордад–Тир. С. 266 (на персидском языке).

² Бенсахель, Нора. Будущее безопасности на Среднем Востоке. Тегеран: Институт стратегических исследований, 1380 [2001]. С.198–200 (на персидском языке).

дачах Аль-Джазиры приверженцы светских ценностей спорят с исламистами, феминистки — с традиционалистами, арабы — с израильтянами. Канал представляет различные точки зрения на политику властей стран Персидского залива, позволяет себе затрагивать такие болезненные вопросы, как отношения Сирии и Ливана или работа египетской судебной системы. Напряжённые дискуссии и яркие документальные программы, наряду с репортажами из «горячих точек», привели к высокой «частоте мутаций» среди аудитории канала¹.

В качестве альтернативы Аль-Джазире группа саудовских инвесторов в 2003 г. основала канал Аль-Арабийя. Среди частных телеканалов достойны ещё упоминания ANN (Arab News Network) и ливанские каналы NTV и Future TV².

Телефония. За последнее десятилетие сфера телефонии в арабских странах претерпела серьёзные изменения. Количество стационарных телефонов остаётся на прежнем уровне или даже сокращается, тогда как мобильная связь демонстрирует бурный рост (см. таблицы 3 и 4).

Мобильная телефония радикально увеличила возможности доступа к быстрой, неограниченной по времени коммуникации. В 2002 г. даже наиболее технологически продвинутые страны Персидского залива могли похвастаться стационарными телефонами у 1/7–1/3 населения. Десять лет спустя даже в отсталом Йемене или находящейся под властью авторитарного режима Сирии каждый второй житель пользовался мобильным телефоном.

Короткие сообщения (SMS). Это очень дешёвое и доступное средство мобильной связи, обладающее множеством функций, особенно привлекает молодёжь и политических активистов, так как позволяет изменять и ускорять ход повседневной жизни. Этот тезис можно проиллюстрировать двумя примерами. В марте 2005 г. ливанцы активно использовали SMS и электронную почту для организации массовых демонстраций с требованиями убрать из страны сирийские войска и отправить в отставку просирийское правительство. Наиболее запомнившийся митинг прошёл в Бейруте 14 марта. На него пришли сотни тысяч человек — не меньше, чем на прошедшую днем раньше просирийскую демонстрацию сельских шиитов, которых активисты «Хезболлы» собирали традиционным способом — агитацией по громкоговорителям,

¹ Ibid. P. 200.

² Дорости, Ахмад. Глобализация и арабский Средний Восток... С. 200.

Таблица 3.

Изменения в численности стационарных телефонов в арабских государствах, на 100 человек, 2002–2012 гг.

<i>Страна</i>	<i>2002</i>	<i>2004</i>	<i>2006</i>	<i>2008</i>	<i>2010</i>	<i>2012</i>
Бахрейн	23,95	23,35	20,42	19,75	18,22	22,72
ОАЭ	33,92	32,46	26,86	23,48	17,53	21,47
Сирия	12,33	15,04	17,25	17,86	18,90	20,23
Катар	28,03	26,50	23,60	19,56	15,43	19,23
Ливан	19,31	16,35	16,70	17,92	19,30	18,66
Саудовская Аравия	15,66	15,50	15,57	15,55	15,28	16,97
Кувейт	23,53	22,63	21,39	19,24	17,36	15,69
Ливия	13,48	14,52	15,99	15,66	20,33	13,33
Египет	11,41	13,41	14,81	15,70	12,32	10,60
Иордания	13,76	12,53	11,31	8,78	7,52	6,20
Тунис	11,78	12,10	12,48	11,92	12,13	10,17
Марокко	3,85	4,38	4,17	9,66	11,85	10,08
Оман	9,86	9,85	10,56	11,61	10,13	9,19
Алжир	5,99	7,43	8,23	8,59	7,89	8,32
Ирак	4,47	3,88	4,45	3,68	5,56	5,71
Йемен	0,83	0,82	0,79	0,73	0,90	0,59

Составлено по: Fixed-telephone subscriptions // ICT Statistics. URL: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/statistics/2013/Fixed_tel_2000-2012.xls (access date: 27.04.2014).

установленным на машинах. Месяц спустя, под давлением общественности и резолюции ООН, войска Сирии оставили ливанскую территорию, где они находились 29 лет¹.

Второй пример — Ирак. Из-за высокого уровня насилия в стране большинство ресторанов, кафе и кино закрылись. Излюбленным источником развлечений для иракцев стали SMS и рингтоны. По SMS распространяются шутки и комментарии по поводу террористов-смертников, внутренних конфликтов, цен на бензин, Хусейна и Буша и т. д. Некоторые граждане используют мобильные телефоны для выражения

¹ Cf. *Hong C.* New political tool: text messaging // *USA Today*, 30.06.2005. URL: http://www.usatoday.com/tech/news/2005-06-30-politics-text-tool_x.htm?csp=3; *Whitaker B.* 500,000 mass for Hisbullah in Beirut. Shia poor throw their weight behind status quo // *The Guardian*, 9 March 2005. URL: <http://www.theguardian.com/world/2005/mar/09/syria.brianwhitaker> (access date: 30.04.2014).

Таблица 4.

**Изменения в численности мобильных телефонных номеров,
на 100 человек, 2002–2012 гг.**

<i>Страна</i>	<i>2002</i>	<i>2004</i>	<i>2006</i>	<i>2008</i>	<i>2010</i>	<i>2012</i>
Саудовская Аравия	22,95	38,49	77,64	136,54	189,14	187,40
Бахрейн	53,10	79,19	95,42	129,10	125,21	161,17
Оман	20,06	32,72	71,16	124,13	164,34	159,25
Кувейт	59,91	80,79	48,79	55,51	133,01	156,90
Ливия	1,31	9,08	69,07	125,56	180,45	155,77
ОАЭ	75,31	100,67	113,20	137,64	129,43	149,64
Иордания	24,87	31,89	80,00	89,89	102,56	128,17
Катар	43,25	68,07	95,06	105,18	124,96	126,86
Марокко	21,15	31,27	52,66	73,71	101,07	119,97
Египет	6,58	10,83	24,66	54,69	90,50	119,92
Тунис	5,89	37,55	72,23	82,78	104,54	118,08
Ирак	0,08	2,15	33,30	59,56	75,14	81,63
Ливан	22,05	22,95	27,12	34,09	65,97	80,81
Алжир	0,11	2,50	9,83	29,22	45,78	65,35
Сирия	2,35	13,27	24,86	34,68	54,32	59,30
Йемен	2,62	7,53	14,41	29,70	48,70	58,38

Составлено по: Mobile-cellular subscriptions // ICT Statistics. URL: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/statistics/2013/Mobile_cellular_2000-2012.xls (access date: 27.04.2014).

своей политической позиции: например, ставят рингтон с мелодией «Ирак, моя страна» (досадамовский гимн республики). Из-за популярности SMS политические партии выбрали их в качестве агитационного средства во время парламентских выборов 2005 года¹.

ИКТ во время «арабской весны»

Некоторые элементы гражданского общества существуют в арабском мире много столетий, но с точки зрения классической политологии, лишены адекватных им форм политической жизни². Состояние

¹ *Hossam el-Hamalawy*. SMS culture in Iraq // The Arabist, 22.08.2006. URL: [http://arabist/net/archives/2006/08/22/sms-culture-in-Iraq\(22/8/2006\)](http://arabist/net/archives/2006/08/22/sms-culture-in-Iraq(22/8/2006)) (access date: 30.04.2014).

² См.: *Norton A. R. (ed.)*. Civil Society in the Middle East. 2 vols. Leiden and New York: Brill, 1995, 1996.

политических свобод в арабском мире обычно оценивают со смесью неопределённости, неуверенности и пессимизма. Правящие элиты в большинстве своём понимают, что следует обеспечить участие граждан в политической жизни, чтобы те хотя бы «выпустили пар», но на уровне конкретных действий получается симулякр политики. Правительства некоторых арабских стран закрыли своим оппонентам доступ к власти даже на законодательном уровне. Так, шейх Катара (страна считается одной из наиболее демократичных в регионе!) недавно принял новую конституцию, запрещающую создание и деятельность политических партий¹. Катар — не исключение: до начала «весны» в арабском мире почти не было независимых партий. Те, что назывались этим словом, представляли собой своеобразные клубы сторонников режима, где лояльные силы могли упражняться в выражении восторга по поводу существующей системы. В странах, где были оппозиционные партии, они не играли никакой роли или роль лишь минимально значимую².

В настоящее время жители арабского Востока проявляют недюжинную гражданскую активность, хотя пока это и не привело к созданию стабильных и при этом истинно демократических режимов. Недавние конфликты продемонстрировали некоторую зрелость гражданского общества арабских стран, однако с точки зрения политики оно ещё остаётся на зачаточном уровне³.

Именно растущее влияние новых ИКТ, прежде всего социальных сетей придало новый импульс гражданскому обществу в арабских государствах. В итоге эта волна поднялась и обрушилась на политические режимы во время «арабской весны». ИКТ и социальные сети продемонстрировали свою силу уже с первой вспышки протестов в Тунисе. Роль спутниковых каналов и социальных сетей в этой революции очевидна. Транслируя образы массовых протестов, которые их участники фотографировали на свои мобильные телефоны и с помощью тех же телефонов

¹ Ги, Эрмех. Перевернутая пропаганда // Хамшахри-э дипломатик, 1385 [2006], № 5 (на персидском языке).

² Эмамджомезаде, Сейед Джавад. Средневосточный план Америки // Исследования Среднего Востока. Тегеран: Изд-во ун-та Имама Садека, 1388 [2009]. С. 69 (на персидском языке).

³ Фихри, Давуд. СМИ и развитие политической культуры на Ближнем Востоке // Ежеквартальный журнал политической науки, 1379 [2001], вып. 2, № 8. С. 55 (на персидском языке).

широко рассылали, частные каналы поддерживали в людях необходимые для продолжения борьбы эмоции — сочувствие к жертвам, возмущение, гнев и, в результате, желание участвовать в протестных действиях.

Что же касается социальных сетей, то они едва ли не первыми нарушили монополию правительства на СМИ. Кроме того, в условиях массовых беспорядков именно посредством сетей людям рассказывали, как защищаться в уличных стычках, как сопротивляться полиции, обходить блокпосты и т. п. Тунисцы, первыми получившие личный опыт городских бунтов в условиях XXI в., охотно делились им с гражданами соседних государств. Они советовали египтянам протестовать в тёмное время суток, посылать тексты и картинки по социальным сетям за рубеж, чтобы страны Запада надавили на правительство, мыть лицо кока-колой, снижающей эффект слезоточивого газа, и т. д.¹

Всё же, несмотря на бесспорность вышеизложенных фактов, эффективность воздействия новых масс-медиа на последние политические события в арабском мире остаётся предметом дискуссий. В одном заслуживающем доверия исследовании демонстрируется, что социальные сети не столько разжигали революции, сколько служили информационным мостом, переправлявшим информацию о протестах на Запад². Рассчитав количество переходов по ссылкам, учёные выяснили, что самые известные события «арабской весны» (например, 25 января в Египте или 14 февраля в Бахрейне) в соседних странах и особенно на Западе вызывали гораздо больше резонанса, чем в эпицентрах волнений. На сами страны, охваченные этими волнениями, приходилось от 0 до 14 % переходов, на остальные государства региона — от 8 до 37 % и от 55 до 88 % — на страны, далёкие от Ближнего Востока³. В том же исследовании отмечается, что власти научились пользоваться ИКТ в своих целях: чтобы сбивать градус напряжённости, порочить и вводить в заблуждение своих оппонентов, выявлять самых

¹ Eltanawy, Nahed and Wiest J. B. Social Media in Egyptian Revolution: Reconsidering Resource Mobilization Theory // International Journal of Communication, 2011, Vol. 5. URL: <http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/1242/597> (access date: 02.05.2014).

² Aday S., Farrell H., Lynch M., Sides J. and Freelon D. Blogs and Bullets II: New Media and Conflict After the Arab Spring / United States Institute of Peace. Washington, D.C., 2012. URL: http://www.dimed.gouv.fr/sites/dimed.gouv.fr/files/usip_-_new_media_and_conflict_after_the_arab_spring_-_2012.pdf (access date: 02.05.2014).

³ Ibid. P. 13.

опасных активистов¹. Так или иначе, сам тот факт, что рост социальных сетей в странах MENA хронологически совпал с периодом политических пертурбаций, свидетельствует о влиятельности этих сетей.

Группа исследователей из Института управления Дубаи представила подробный отчет, согласно которому общее количество пользователей сети «Фейсбук» в арабском мире на 5 апреля 2011 г. составило 27 711 503 человека — всего за три месяца оно выросло на шесть с лишним миллионов². Наиболее высокие темпы роста приходились в каждой стране как раз на период волнений. Например, в Бахрейне за такой период, длившийся с 14 февраля по 5 апреля 2011 г., число пользователей Фейсбука увеличилось в 2,5 раза быстрее, чем в те же месяцы прошлого, «мирного» года; в Тунисе — почти в два раза быстрее, в Йемене — в 2,2 раза быстрее. В Египте темп ещё интенсивней: с 25 января по 5 апреля количество египетских аккаунтов в популярной социальной сети выросло на 29% (в тот же период 2010 года наблюдался рост всего на 12%)³.

Египетский случай требует дополнительных пояснений. Это единственное арабское государство, которое уже семь или восемь лет входит в первую тридцатку стран с максимальным количеством пользователей Фейсбука. К концу 2010 г. их число выросло до 4 634 300 человек, и только за январь-апрель 2011 г. прибавилось ещё 1 951 690 новых пользователей⁴. А за весь революционный год число египетских аккаунтов в Фейсбуке удвоилось, достигнув на 31 декабря отметки в 9 393 700⁵. Это 11,4 %

¹ Ibid. P. 8–9. В пользу этой точки зрения говорит фильм, транслировавшийся в июле 2011 г. по Аль-Джазира. См.: How Bahrain's 'Facebook Uprising' Allowed Authorities to Target Protesters // The Huffington Post, 04.05.2014. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/2011/08/04/al-jazeera-documentary-to_n_918188.htm (access date: 04.05.2014)

² Dubai School of Government. [Murtada, Rasha and Fadi, Salem] Civil Movements: The Impact of Facebook and Tweeter // Arab Social Media Report, May 2001, Vol. 1, No. 2. P. 9. URL: http://www.dsg.ae/en/Publication/Pdf_En/DSG_Arab_Social_Media_Report_No_2.pdf (access date: 03.05.2014).

³ Ibid. P. 5.

⁴ Ibid. P. 11, Fig. 15.

⁵ Facebook usage statistics by country Dec. 2008 — Dec. 2011 // Nick Burgher personal thoughts on the evolution of media and advertising, 04.01.2012. URL: <http://www.nickburcher.com/2012/01/facebook-usage-statistics-by-country.html> (access date: 04.05.2014).

всего населения страны¹. Рост на 102,7 % в год поставил Египет на четвёртое место в мировой тридцатке лидеров по темпам роста². Это говорит о высокой эффективности социальной сети в бунтующей стране. В хаотические дни восстания против режима Мубарака Фейсбук стал наиболее адекватным средством коммуникации и получения информации.

Что касается Твиттера, то на конец марта 2011 г. его популярность в арабском мире исчислялась в 6 567 280 аккаунтов. Число активно пишущих пользователей было куда меньше — 1 150 292 человека, зато в первый квартал 2011 г. они написали 227 50 000 твитов (252 тыс. в день!). «Наиболее популярными хэштегами в арабском мире тогда были #egypt (1,4 млн упоминаний в твитах), #jan25 (1,2 млн), #libya (990 тыс.), #bahrain (640 тыс.), и #protest (620 тыс.)»³. В Египте популярность Твиттера резко подскочила в день свержения Мубарака: тогда видеоклипы, ссылками на которые делились в социальных сетях, просмотрели 5,5 млн человек.

Взлет популярности Твиттера в арабском мире в целом связывают опять-таки с революционными потрясениями в Тунисе, Ливии, Египте, Йемене, Бахрейне и Сирии. По данным компании «Семиокаст» (Semio-cast)⁴, в октябре 2011 г. число арабоязычных твитов доходило до двух миллионов в день, тогда как годом ранее составляло всего 99 тыс. В итоге, на октябрь 2011 г. арабский язык занял в Твиттере восьмое место по частоте использования. А к июню 2012 г. он стал уже шестым (2,8 % всех публичных твитов в мире)⁵.

¹ По данным ООН меньше: 8 253 700 аккаунтов. См.: Egypt // United Nations Statistical Pocketbook. URL: <http://unstats.un.org/unsd/pocketbook/PDF/2013/Egypt.pdf> (access date: 04.05.2014).

² Facebook usage statistics by country...

³ Dubai School of Government... P. 16.

⁴ Arabic highest growth on Twitter // Semio-cast, 24.11.2011. URL: http://semio-cast.com/en/publications/2011_11_24_Arabic_highest_growth_on_Twitter (access date: 04.05.2014).

⁵ Twitter reaches half a billion accounts // Semio-cast, 30.06.2012. URL: http://semio-cast.com/en/publications/2012_07_30_Twitter_reaches_half_a_billion_accounts_140m_in_the_US (access date: 04.05.2014).

* * *

Не вызывает сомнения, что ИКТ в целом и социальные сети в частности оказали существенное воздействие на арабский мир. Правительства арабских стран постоянно пытались укрепить свою власть за счет контроля над СМИ — но попытки эти не всегда увенчивались успехом: граждане в итоге обращались к иностранным источникам информации, что ещё больше раздражало власть.

Помимо важной роли, которую ИКТ играют в создании культурного ландшафта и в структурировании идентичностей в арабском мире, следует снова подчеркнуть силу их воздействия на политическое пространство. Информирова граждан, они побуждают их более серьёзно относиться к своим политическим свободам, к нарушениям прав человека — в общем, ко всем вопросам, от которых страдает легитимность правящих режимов.

Наряду с внутренними проблемами, десятилетиями копившими «топливо» для пожара «арабской весны», ИКТ и социальные сети сыграли важную — двойную — роль. Они не только стали искрой, зажегшей пламя политической мобилизации граждан, но и помогли протестам завоевать поддержку извне.

Первод с английского Артёма Космарского

ИСЛАМСКИЙ ВЫЗОВ ИДЕЕ НАЦИИ? НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сергей Абашин

Вопрос о кризисе национальной государственности на рубеже XX–XXI вв. имеет множество аспектов, охватывает множество процессов в различных сферах — политической, экономической, культурной и идеологической, в каждой из которых наблюдается и своя содержательная специфика, и своя динамика, и свои последствия. При этом именно совокупность всех этих процессов вызывает кумулятивный эффект, который можно было бы назвать «кризисом», тогда как в каждой отдельной сфере состояние дел может выглядеть необязательно критическим. Взаимодействие между разными сферами представляет, как мне думается, самую важную и в то же время самую сложную задачу для понимания того, каким образом те или иные конкретные события и проекты вдруг в какой-то момент начинают (или не начинают) играть дестабилизирующую роль по отношению к национальной государственности в целом.

Характер турбулентности, испытываемой национальной государственностью в каждом конкретном случае, зависит от истории и нынешнего состояния региона, страны, группы стран. Если рассматривать мировую систему в целом, то мы увидим различные зоны. В одних из них национальные барьеры быстро разрушаются или, во всяком случае, такое разрушение стоит на политической повестке дня и активно обсуждается. В других же можно наблюдать, наоборот, укрепление национальной государственности, сам этот принцип не только не подвергается сомнению, но прилагаются огромные усилия, чтобы его утвердить

и закрепить в различных символах и институтах. Представляется, что эти, на первой взгляд, противоположные тенденции взаимосвязаны и наиболее интригующей целью было бы увидеть, каким образом взаимосвязь осуществляется, как дестабилизирующие факторы вызывают реакцию, направленную на укрепление того, что может дестабилизироваться, и как эта реакция в свою очередь приводит на новом витке к созданию новых предпосылок дестабилизации.

От этих вводных замечаний я перейду непосредственно к теме статьи, которая будет посвящена взаимодействию идеи нации и ислама в современной Центральной Азии (далее — ЦА).

I

Национальная государственность в ЦА появилась относительно недавно. Ещё в 20-е гг. XX в. здесь сосуществовало множество иных локальных идентичностей, определявших статус человека: религиозных, региональных, племенных, сословных. Принцип национальной государственности был привнесён сюда из России имперской, потом советской, и из Османской империи, затем Турции, под влиянием Европы, переживавшей тогда этап собственного национального переформирования¹. Созданные в 1920-е гг. в ЦА союзные республики, строго говоря, не были полноценными государствами, так как являлись частями одной политической общности — СССР. Но при этом они обладали всеми атрибутами государственности в её национальной форме, т. е. имели в качестве этнической основы непрременную «титულную нацию», причём образ / профиль каждой такой нации был определён в те же 1920-е гг.

Полноценную самостоятельность центральноазиатские государства обрели в 1991 г., после чего политика по формированию и укреплению нации ещё больше усилилась². Этот процесс необходимо рассматривать

¹ Подробнее см.: *Абашин С.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007; *Roy O.* The New Central Asia: The Creation of Nations. London: I. B. Tauris, 2000; *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, Los Angeles, London: Univ. of California Press, 1998; *Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. New York: Palgrave Macmillan, 2003.

² Подробнее см.: *Abashin S.* Nation-construction in post-Soviet Central Asia // M. Bassin, C. Kelly (eds.). Soviet and Post-Soviet Identities / Cambridge: Cam-

не как телеологически предопределённый и сам собой развёртывающийся, а как сумму эффектов разнообразных, зачастую хаотических событий и действий. Эффекты сцепляются, структурируются, усиливают друг друга, транслируются в другие сферы, формируют память о тех или иных событиях и их объяснение. Ссылка на нацию оказалась удобной как язык международного права, как способ перевода и сравнения, как язык общения с другими странами, международными организациями, туристами, западными экспертами и политиками, для которых нация является понятной формой объяснения. Ссылка на нацию дала возможность говорить о прошлом, об историческом наследии, «золотом веке», аутентичной культуре и преемственности, помогала воспитывать примордиальные чувства у населения новых государств, сглаживать опасные противоречия внутри общества¹. Ссылка на нацию остаётся инструментом модернизационной мобилизации, построения и пропаганды планов счастливого будущего. В каждом из этих полей национальный нарратив конструируется по-своему, предстаёт в особых ракурсах, выполняет специфические, нередко весьма конкретные задачи. Но все они соединяются, когда речь идёт о легитимации авторитарных или склонных к авторитаризму режимов в ЦА, которые и сами считают, что действуют от имени и во благо нации, и других стараются убедить в том же.

Понимание, что национализм определяется конкретными контекстами, позволяет увидеть различные траектории национализмов в государствах ЦА. При всех схожих чертах, существовавших на протяжении веков или возникших вследствие унификаторской политике союзного Центра, при наличии многочисленных линий взаимодействия и взаимовлияния, копирования и соревнования, национальные идеологии

bridge Univ. Press, 2012. P. 150–168; *Adams L.* The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan. Durham and London: Duke Univ. Press, 2010; *Bohr A.* The Central Asian States as Nationalising Regimes // G. Smith, V. Law, A. Wilson, A. Bohr, E. Allworth (eds.). Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 139–164.

¹ См.: *Bregel Yu.* Notes on the Study of Central Asia // Papers on Inner Asia, № 28. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1996; *Laruelle M.* The Return of the Aryan Myth: Tajikistan in the Search of the Secularized National Ideology // Nationalities Papers, 2007, Vol. 35, No. 1. P. 51–70; *Shnirelman V.* Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia // Nationalities Papers, 2009, Vol. 37, No. 5. P. 557–587.

и практики строительства государств региона заметно отличаются друг от друга. Наличие тех или иных ресурсов и способность лидеров и групп элиты их использовать определяют, как формулируются национальные интересы, внешнеполитические ориентиры, риторические предпочтения, выбираются примеры и образцы, которым стремятся подражать. В результате мы видим, что центральноазиатские нации и национализмы — разные, по-разному устроены изнутри, по-разному видят своё прошлое и будущее.

Наличие одной национально-государственной рамки не означает отсутствия конкуренции разных проектов её наполнения. Существует не один доминирующий национализм, а разные его версии, находящиеся в отношениях постоянной дискуссии и конкуренции между собой. Кроме того, рядом с политической и интеллектуальной элитой, которая сама не едина, в странах ЦА много разных социальных общностей, имеющих собственные интересы и стратегии. Иногда эти интересы вписываются в национальные проекты и усиливают их, иногда нет — и тогда возникают эффекты, альтернативные национализму. К их числу можно отнести, например, формирование влиятельных региональных групп элит во всех странах региона¹. В Таджикистане соперничество между ними привело в 1990-е гг. к настоящей гражданской войне, в Кыргызстане периодические революции тоже имеют в своей основе конфликт региональных идентичностей. Отдельно нужно говорить о масштабной миграции из стран ЦА в другие государства на заработки и на постоянное проживание. Мало того, что мигранты выпадают на длительные сроки из-под действия националистической пропаганды — они ещё создают там, куда едут, новые социальные сети, идентичности, практики, образуют сложные транснациональные сообщества, в которых роль культуры, истории и языков переосмысливается заново.

Обозревая эти, альтернативные или дополнительные, эффекты, которые в постсоветский период постепенно усиливались, распространялись и сцеплялись в новые проекты и тенденции, можно сделать вывод: национализм в качестве доминирующей официальной риторики не в состоянии привести к единому знаменателю многочисленные частные и групповые интересы и стратегии.

¹ См.: *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006; *Schatz E.* Modern Clan Politics: The Power of “Blood” in Kazakhstan and Beyond. Seattle: Washington Univ. Press, 2004.

II

Особый и неоднозначный характер имеет взаимодействие в ЦА национализма и ислама, что обусловлено не только общим противоречием между партикуляризмом и универсализмом, которые по-разному интерпретируются в этих идеологиях, но ещё и особенностями истории региона.

Ислам в прошлом, ещё до создания национальных государств, был если не единственной, то основной силой в ЦА, с помощью которой получало свою легитимность любое политическое или протополитическое объединение¹. Мусульманская идентичность, соответственно, была той транскультурной рамкой, которая позволяла создавать социальные коалиции из многоплеменных и многоязыковых обществ. Советская власть рассматривала любую религию, ислам в том числе, в качестве реакционной идеологии, поэтому вместе со строительством советских наций вела ожесточённую борьбу с религиозностью², противопоставляя друг другу эти две идентичности. Политика модернизации и эмансипации, которая интенсивно проводилась в жизнь, не смогла уничтожить религиозность и религиозные практики полностью. Но она их серьёзно трансформировала; что-то было сведено на уровень повседневных привычек, что-то превращено в элемент секулярной культуры, что-то сохранило религиозную форму, но было подчинено национальному нарративу «исконной традиции»³.

После 1991 г. национальные государства, освободившись от советской идеологии, стали прилагать ещё больше усилий по национализации ислама, рассматривая последний и как дополнительный культурный ресурс, и как новый источник укрепления своей легитимности. Отсылки к религии вошли в публичные речи местных политиков, религиозные атрибуты появились в официальном пространстве, были при-

¹ См.: *Бабаджанов Б.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио — Ташкент: Центр исламских регион. исслед. Токийского ун-та, Ин-т востоковедения АН РУз., 2010.

² См.: *Keller Sh.* To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941. London: Praeger, 2001.

³ См.: *Халид А.* Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2010; *Ro'i Y.* Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev. London: Hurst & Company, 2000.

знаны основные мусульманские праздники, многие мусульманские деятели прошлого вошли в пантеон прославляемых культурных героев, большими тиражами стала издаваться религиозная литература, были отреставрированы или построены заново многочисленные культовые сооружения и памятники. При этом одним из главных условий признания стала возможность вписать религиозные символы и практики в национальные рамки: для этого герои, памятники, практики и тексты должны были как-то быть связаны с историей ЦА и указывать на определённую территориальную или этническую принадлежность. Всё, что не может быть вписано в такие рамки, объявляется «чуждым» и даже «опасным», несмотря на свой мусульманский характер. Правительства центральноазиатских государств попытались также сохранить эффективный институциональный контроль над религиозной деятельностью, для чего использовали ещё советские институты — духовные управления и комитеты по делам религии¹.

Однако, несмотря на усилия по национализации, ислам сохранил свой транскультурный потенциал. Даже в советское время иногда тайно, иногда полулегально существовали низовые, порой конкурировавшие между собой сети, которые объединяли верующих различной национальной принадлежности². Активисты этих сетей формировали свою собственную интеллектуальную и политическую повестку; в ней подвергался критике существующий порядок и выдвигалось требование религиозной унификации местных практик как условия преодоления моральных и социальных изъянов. Возвращение ислама в публичную жизнь на рубеже 1980–1990-х гг. сделало этих активистов участниками политической борьбы за власть, при этом неизбежно воз-

¹ *Пейруз С.* Управление религиозным фактором в Центральной Азии: продолжение советской концептуальной схемы и псевдовозрождение // *Расы и народы*. Вып. 32 / Отв. ред. С. Абашин, В. Бушков. М.: Наука, 2006. С. 9–32.

² О разных политических и богословских течениях в советском среднеазиатском исламе см.: *Бабаджанов Б., Муминов А. К., фон Кюгельген А.* Диспуты мусульманских религиозных авторитетов Центральной Азии в XX веке. Алматы: Дайк-пресс, 2007; *Бабаджанов Б.* Ислам в Узбекистане: от репрессий к борьбе идентичностей // *Россия — Средняя Азия*. Т. 2. Политика и ислам в XX — начале XXI в. / Гл. ред. А. Кокошин. М.: URSS, 2011. С. 191–213; *Du-doignon S.* From revival to mutation: the religious personnel of Islam in Tajikistan, from de-Stalinization to independence (1955–91) // *Central Asian Survey*, 2011, Vol. 30, No. 1. P. 53–80.

никала конфронтация между идеей нации и призывами к исламскому возрождению. Идея нации и национальная государственность оказались монополизированы узкой группой правящей элиты советского происхождения, политическая оппозиция проиграла ей на этом поле и вынуждена была противопоставить идее нации идею религиозной солидарности и религиозное морализаторство.

Вдобавок оппозиция через объявление себя религиозной партией получала доступ к финансовым и организационным ресурсам международных и региональных исламистских сетей, которые сформировались к тому времени на Среднем и Ближнем Востоке. Через это международное влияние в ЦА пришли также представления об исламском государстве как особой, отличной от национальной, политической форме, которая активно обсуждалась разными политическими силами. Попытки утвердить эту форму на практике, предпринимавшиеся в ряде соседних стран, таких как Иран, Пакистан и Афганистан, теперь стали важным опытом для осмысления и образцом для подражания.

III

Далее я приведу, не претендуя на всесторонний анализ, три примера исламского вызова идее нации в современной ЦА и покажу три разных варианта развёртывания конфликтов, производных от этого вызова.

Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Члены партии относят её рождение к 1973 г., когда прежний её лидер Саид (Сайид) Абдулло Нури организовал первую тайную религиозную группу. Однако отсчёт лучше вести от 1990 г., когда возникла Исламская партия возрождения, пытавшаяся объединить все мусульманские общины СССР. В действительности в разных регионах и республиках возникли фактически самостоятельные ячейки; имея статус отделений, они действовали, исходя из своих собственных целей и обстоятельств. Таджикская ячейка была одной из наиболее активных и успешных, на рубеже 1991–1992 гг. она обрела статус партии и включилась в политическую борьбу. В коалиции с другими, националистическими и демократическими, партиями ПИВТ в середине 1992 г. добилась политических успехов. Спустя несколько месяцев политическая борьба переросла в гражданскую войну, где верх взяли бывшие коммунисты. ПИВТ стала центральной силой Объединённой таджикской оппозиции, вступившей в борьбу с правящим режимом, многие её руководители бежали за границу, кто в Иран, кто на Ближний Восток, а ключевые по-

зиции заняли полевые командиры, не слишком заботившиеся об идеологии. Противостояние длилось с 1992 по 1997 г., было сугубо внутритаджикским и линии разделения часто пролегли не по отношению к исламу, а по региональной принадлежности. Однако ПИВТ пыталась мобилизовать сторонников отсылками к исламу, подчёркивать свои универсалистские и традиционные для региона ценности, привлекать в свои ряды людей разных национальностей. Одновременно лидеры партии вынуждены были обратиться за помощью к исламистским силам за пределами страны. Это был прежде всего Афганистан, где сначала их поддерживал Северный альянс, а потом наладилось сотрудничество с Талибаном. У партии был, таким образом, двойственный статус: её цели и интересы были связаны только с Таджикистаном, но она вступила в более широкие трансграничные сети¹.

Заключение мира в 1997 г. резко изменило ситуацию. Оппозиция сумела добиться весьма выгодного для себя соглашения, получив 30% мест в высших эшелонах власти Таджикистана. Кроме того, ПИВТ обрела легальный статус и могла бороться на выборах. Бывшая исламская оппозиция, заняв важные посты и установив контроль над некоторыми сферами экономики, значительно усилила национальную ориентацию. Были прерваны связи с военизированными арабскими и афганскими группировками, партия перестала поддерживать тесные контакты с узбекскими и российскими исламистскими движениями. Новый лидер ПИВТ Мухиддин Кабири выбрал новую политическую линию сочетания умеренного ислама со светской государственностью, полностью переориентировав интересы партии на таджикское политическое поле².

Исламское движение Узбекистана (ИДУ). Это движение тоже поднялось на волне локальных конфликтов, рождавших неустойчивые политические объединения или протопартии с религиозной окраской. Наиболее известной такой протопартией была наманганская группа «Адолат» («Справедливость»), имевшая в своей программе много черт позднесоветского антикоммунизма. В начале 1990-х годов лидеры и сторонники «Адолат» и аналогичных групп были подвергнуты

¹ Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle. Lanham: Rowman & Littlefield, 2005. P. 208–256.

² См. программные документы и заявления партии, URL.: <http://www.nahzat.tj/russian> (дата обращения: 22.05.2014).

репрессиям, многие пропали без вести, бежали или ушли в подполье. Бегство автоматически включило членов узбекской оппозиции в транснациональные исламистские сети. Часть бежавших оказалась в военных лагерях и медресе в Афганистане и Пакистане, другие присоединилась к Объединённой таджикской оппозиции и воевали на её стороне.

После примирения в Таджикистане выходцы из Узбекистана заявили о себе как об отдельной узбекской исламской партии, назвав её Исламским движением Узбекистана¹. Кульминацией нового этапа стала серия террористических и военных акций в 1999 и 2000 гг. Тогда же появились заявления руководителей Исламского движения Узбекистана, в которых говорилось, что новая партия ставит своей целью свержение правящего, «тиранического», по их мнению, режима в Узбекистане и создание исламского государства. Но кроме этого, о программе ИДУ невозможно сказать ничего внятного. Нет никакой достоверной информации о том, как они представляли себе экономическое и политическое устройство Узбекистана, за исключением того, что это будет «исламское государство»¹. Похоже, внутри движения существовали разные течения, по-разному видевшие будущее региона. Но противоречия между ними, если и были, не имели принципиального значения, и в целом ИДУ, скорее всего, ориентировалось на опыт и относительный успех ПИВТ.

Первоначально, видимо, существовали планы объединить силы узбекской оппозиции с оппозиционными силами соседних стран, включая уйгурское сопротивление в Китае, в единую организацию². Однако в 2001 г. режим Талибана в Афганистане был свергнут, что повлекло за собой и изменение конфигурации тех сетей, в которые вписывалось ИДУ. Базы движения переместились на юг Афганистана и в приграничные районы Пакистана (Вазиристан), где было объявлено о создании внегосударственного исламского государства. Отряды стали пополняться новобранцами самой разной этнической принадлежности. Военная ак-

¹ Frank A, Mamatov J. (eds.). *Uzbek Islamic Debates: Texts, Translations, and Commentary* / Springfield: Dunwoody Press, 2006. P. 381–440; Бабаджанов Б. Экстремистские и террористические группы: можно ли «очистить» ислам насилием? // Россия — Средняя Азия. Т. 2. Политика и ислам в XX — начале XXI в... С. 257–283; Naumkin V. Op. cit.. P. 66–118.

² Naumkin V. Op. cit. P. 108.

тивность в самой ЦА значительно снизилась, в то же время организация оказалась втянутой в конфликты на Среднем Востоке¹.

Хизб ут-Тахрир ал-ислами (ХТ), или Исламская партия освобождения. Эта трансграничная религиозно-политическая партия не привязана к конкретной стране, действует везде, где есть мусульмане. Образована в 1952 г. членами палестинского отделения другой известной религиозной партии «Братья-мусульмане». Трансграничность заявлена главной программной установкой ХТ, ставящей своей конечной целью воссоздание всемирного халифата, не признающего национальных границ. Во второй половине 1990-х и начале 2000-х гг. центральноазиатское отделение ХТ развило бурную деятельность в регионе, особенно в Ферганской долине. Члены партии распространяли листовки и брошюры своих арабских теоретиков с переводами на русский, узбекский, таджикский и киргизский языки, комментировали события в регионе и в мире, критиковали местные режимы² и пользовались Интернетом (у партии есть свой сайт): проводили диспуты, привлекали новых сторонников.

Хизб ут-Тахрир имеет целый ряд других отличий от ПИВТ и ИДУ. Она выступает против вооружённого взятия власти. В догматической сфере тахрировцы предлагают не очень жёсткий вариант ислама, что во многом импонирует достаточно модернизированному, но сохраняющему исламское самосознание обществу. Они в гораздо меньшей степени озабочены реформированием местных обрядов и обычаев. В сфере политики и экономики программа ХТ отличается сверхэгалитаризмом и критикой «капиталистических» реформ, что также совпадает с ещё не забытыми с советских времён представлениями о справедливости и с ощущением неправильности происходящих изменений. На ближневосточный источник идеологии ХТ указывают также её программный антисемитизм и антиамериканизм.

Исходя из цели воссоздать всемирный халифат, ХТ откровенно критикует принцип национальности, называет его идеей колонизаторов, специально внедрённой в исламский мир, дабы разрушить мусульманскую солидарность. Говоря о ЦА, последователи этого оппозиционного

¹ См. программные заявления и сведения о нынешней деятельности ИДУ, URL: <http://furqon.com> (дата обращения: 22.07.2014).

² См.: Frank A, Matatov J. Op. cit. P. 239–316; Бабаджанов Б. Экстремистские и террористические группы... С. 283–297; Naumkin V. Op. cit. P. 127–194.

направления указывают, в частности, на искусственный характер государств и границ в регионе, созданных большевиками опять-таки с целью покончить с мусульманской общностью¹.

Интересно, что против ХТ ополчились не только местные националистически настроенные власти, но и исламские группы и партии. Например, можно сослаться на выступления на эту тему таджикского политика Акбара Тураджонзода (Каххарова). Биография последнего показывает очень сложную траекторию религиозного деятеля, участвующего в политике. Когда-то он был главой советского мусульманского управления (казията) в Таджикистане, в начале 1990-х вступил в конфликт с правящим режимом, перешёл в оппозицию, потом уехал из страны и присоединился к Объединённой таджикской оппозиции. В 1997 г., после заключения мира он получил светскую должность вице-премьера и депутата, а затем снова оказался в непростых отношениях с официальной властью из-за своей религиозной позиции.

Будучи противником режима, Тураджонзода, тем не менее, отстаивает основы существующей государственности. Он недвусмысленно обвинил сторонников ХТ в отсутствии у них национального чувства²:

«Как указывается в учредительных документах и агитационной литературе “Хизб ут-Тахрир”, стратегической целью организации является создание единого всемирного халифата. У него должна быть не федеральная, а унитарная структура, так как якобы “шариат не допускает существования более одного исламского государства”. На практике реализация этой концепции означает уничтожение национальных государств. Поскольку идея национальной государственности и национальной независимости является доминирующей идеей современности, путь к тахирскому халифату будет долгим и кровавым. Для Таджикистана это особенно важно, так как таджикскому народу лишь через тысячу лет удалось восстановить свою национальную независимость, и сегодня строительство национального государства является главным стабилизирующим фактором в республике. Идейные установки “Хизб ут-Тахрир” противоречат не только Корану и Сунне, но

¹ Frank A, Mamatov J. Op. cit. P. 250.

² Ходжи Акбар Тураджонзода. «Ислам», противоречащий Корану // Независимая газета — Религии, 04.08.2004. См. также: Epkenhans T. Defining normative Islam: some remarks on contemporary Islamic thought in Tajikistan — Hoji Akbar Turajonzoda's Sharia and society // Central Asian Survey, 2011, Vol. 30, No. 1. P. 81; Frank A, Mamatov J. Op. cit. P. 96.

и учению ханафитского мазхаба (традиционной исламской школы), которому следует население Таджикистана. Теологическая школа имама Абуханифы славится своей высокой рациональностью, толерантностью, уважением к свободе личности и национальным особенностям других народов. Внедрение радикальных идей “Хизб ут-Тахрир” в ханафитскую среду угрожает единству нашего общества, создаёт предпосылки для нового кризиса и нестабильности».

IV

Взаимосвязь между нацией и исламом в современной Центральной Азии носит противоречивый, двойственный характер. С одной стороны, они находятся в явной оппозиции друг к другу, которая проистекает как из универсалистских, наднациональных претензий мировой религии, так и из истории секулярно-национального строительства в регионе и особенностей политического противостояния между разными элитами. С другой стороны, происходит постоянное взаимодействие и взаимовлияние нации и ислама, желание национализировать религию встречается со стремлением усилить, оставаясь в национальных рамках, религиозность общества, в результате чего возникают совместные, вполне симбиотические проекты.

Эти две тенденции сосуществуют и периодически сменяют друг друга. Ислам способствует созданию трансграничных сетей и осуществлению солидарных действий, причём в политическом поле исламская идентичность и риторика наиболее быстро мобилизуются у той части оппозиции, которая лишена легальных возможностей бороться за власть. Эта оппозиция неизбежно обращается сегодня за поддержкой к международным исламским организациям и охотно использует вне-национальный, универсально-религиозный язык объяснений, который хорошо подходит для выработки программ солидарности, а также — к имеющимся на Среднем и Ближнем Востоке образцам строительства исламских политических форм. Некоторые оппозиционные движения приходят в результате к радикальной критике самого национального государства и предлагают совершенно новые политические формы наподобие наднационального халифата¹. Правящие же центральноазиатские

¹ См. программные документы XT, URL: <http://english.hizbuttahrir.org/index.php/about-us>; URL: <http://www.halifat.org/content/blogsection/4/37/> (дата обращения: 21.07.2014)

элиты, в основу своей легитимности положившие идею национальной государственности, начинают испытывать трудности, поскольку трансграничные сети выпадают из-под их контроля и поскольку морализаторский (антиэлитный, антикоррупционный) религиозный язык слабо подчиняется принципу национальной исключительности.

Вместе с тем мы видим, что идеологии оппозиционных исламистских партий обычно имеют двусмысленный характер. В зависимости от обстоятельств, партии эти прагматически используют и национальные, и вненациональные идеи. Оппозиция легко обращается к трансграничным сетям, финансам, активно эксплуатирует их, но она так же легко выходит из сетей, если оказывается, что национальное государство предоставляет ей свой отдельный ресурс. Исламисты тоже — то входят в трансграничные сети (иногда вынужденно и/или корыстно) и с оружием в руках борются за исламские ценности вне зависимости от национальных границ, то выходят из этих сетей и даже начинают активно защищать свою национальную специфику и автономию. Это позволяет говорить о том, что вызов, который несёт ислам идее нации, не является абсолютным и однонаправленным. Точно так же гибель национальной государственности и замена её на исламскую государственность в результате действий именно исламистских оппозиционных сил не является предопределённой. Скорее можно говорить о том, что под воздействием трансграничных сетей и идей происходит неоднозначный процесс реконфигурации политического и идеологического поля, а он в свою очередь вызывает дестабилизацию многих институтов и принципов и в целом повышает непредсказуемость событий и политических разворотов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашин Сергей Николаевич, именной профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге (профессура British Petroleum), г. Санкт-Петербург. E-mail: s-abashin@mail.ru

Александров Юрий Георгиевич, главный научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва. E-mail: georga@yandex.ru

Анушех, Эбрахим, преподаватель факультета юридических и политических наук Рафсанджанского филиала Свободного исламского университета (Islamic Azad University), г. Рафсанджан, Иран. E-mail: a_anooshin@yahoo.com

Балдано Марина Намжиловна, заведующая Отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ. E-mail: histmar@mail.ru

Бочкарёва Ирина Борисовна, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: portygina@mail.ru

Габер Евгения Васильевна, доцент кафедры международных отношений Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, г. Одесса, Украина. E-mail: janegaber@gmail.com

Галиймаа Нямаа, профессор Института социальных и гуманитарных исследований Монгольского государственного университета науки и технологии, г. Улан-Батор, Монголия. E-mail: ngaliimaa@yahoo.com

Дмитриев Сергей Викторович, старший научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва. E-mail: ehidna-family@yandex.com

Дятлов Виктор Иннокентьевич, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Кириченко Владимир Павлович, младший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва. E-mail: black-whit@yandex.ru

Лоруссо, Марилиза, доцент Высшего института гуманитарных наук Туниса (Institut Supérieur des Sciences Humaines de Tunis), Университет Эль Манар, г. Тунис, Тунис. E-mail: marilisa.lorusso@gmail.com

Панарин Сергей Алексеевич, руководитель Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва. E-mail: sergranar@mail.ru

Перси, Уго, профессор кафедры иностранных языков. литератур и коммуникативных исследований Университета Бергамо, г. Бергамо, Италия. E-mail: ugo.persi@unibg.it

Попов Фёдор Аркадьевич, научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва. E-mail: fpopov@yandex.ru

Савин Игорь Сергеевич, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва. E-mail: savigsa@inbox.ru

Ташлыкова Марина Борисовна, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: taschlykoff@mail.ru

Цветкова Нина Николаевна, ведущий научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва. E-mail: vladtsvetkov@mail.ru

Научное издание

Трансграничные вызовы национальному государству

Автор проекта, науч. и литератур. ред. Сергей Панарин

Компьютерный макет *Н. Пашиковской*

Подписано в печать 15.04.2015.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 23. Уч.-изд. л. 25.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».

191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Отпечатано с диапозитивов в типографии «Ренومه».

192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40